

Уткур Хашимов

**СВЕТ НЕ БЕЗ
ТЕНИ**

РОМАН

Авторизованный перевод с узбекского
Валески Турбиной

ТАШКЕНТ
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1983

Уз Хашимов, Уткур.
X — 29 Свет не без тени: Роман/Авториз. пер. с узб.
В. Турбиной.— Изд. лит. и искусства, 1983.— 312 с.

Уткур Хашимов — лауреат премии Ленинского комсомола, автор ряда сборников рассказов и повестей на родном и русском языках.

Роман «Свет не без тени» — первое крупное произведение писателя. Действие его происходит в наши дни в Узбекистане. Центральный герой произведения, молодой журналист Шерзад, попадает в больницу. Свободное время дает ему возможность задуматься о смысле жизни, по-новому взглянуть на окружающих его людей и на свое дело. Писатель показывает разные слои нашего общества — партийных и научных работников, врачей, актеров, журналистов и колхозников. Морально-этические проблемы находятся в центре внимания автора.

4702570200—43
X ————— 110 — 83
M352 (04) — 83

Уз 2

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1983 г.
(оформление)

...Любопытны дела земные. Человек самое разумное на земле существо, однако и он порой не знает, как ему поступить в самых, казалось бы, пустяковых обстоятельствах, что предпринять, как найти выход из той или иной жизненной ситуации. И вот человек огорчается, все принимает близко к сердцу и не думает совсем о том, к каким неожиданным грустным последствиям приводит это порой.

С тех самых пор, как Шерзад попал в больницу, мысль эта все чаще и чаще приходила ему на ум. Вот и теперь, сидя на больничной койке с прогнувшейся скрипучей сеткой, он снова подумал об этом и горько про себя усмехнулся. Да, поздновато приходит иногда к нам прозрение... Шерзад глубоко вздохнул. И по-настоящему начинаешь ценить какие-то вещи, сожалея о прошедшем, лишь после того, как поймешь, что они безвозвратно потеряны.

Поднявшись с кровати, ответившей на его осторожное движение сердитым скрипом, он сделал четыре шага по направлению к двери, ведущей в коридор: каждый раз он мысленно отсчитывал эти шаги, словно от этого что-то зависело. Потом, раздумав выходить из палаты, он отсчитал еще четыре шага и очутился возле окна. Седьмая палата, в которой он лежал, была двухместной — две кровати головами к окну, возле каждой — тумбочка. Здесь все было белое, как в любой больнице, и стены, и окна, и дверь, и тумбочка, и занавеси на окне. Лишь на подоконнике бросались в глаза желтоватые круги от чайников, их было много, этих кругов: почему-то только сюда ставили их больные.

Шерзад отодвинул штору и посмотрел во двор. Пого-

да, под стать настроению, не баловала. Во дворе было пусто. Снег растаял давно, но настоящая весна все еще медлила. Возвышаясь маленькими холмиками, все еще неубранными лежали желтоватые опилки, предохраняя многолетние кусты цветов от непредвиденных холодов, которые еще могли случиться. Мокрая, слежавшаяся прошлогодняя листва, сплошь засыпавшая цветник, пожухла, стала светло-коричневой. Казалось, земля, вдоволь напившаяся зимой воды и ставшая от этого черной-пречерной, тяжело вздыхала в какой-то сонной дремоте. Только редкая молодая зелень на краю невзрыхленной грядки предвещала близость долгожданных теплых дней. И, словно предчувствуя весну, урючина, растущая прямо у окна, весело раскачивала на ветру свои ветки, легкими прикосновениями постукивая в стекло, у которого стоял Шерзад. Губы его невольно тронула довольная улыбка.

В коридоре вдруг кто-то тяжело закашлял. И Шерзад, оторвав взгляд от окна, тотчас представил себе и больничный коридор, посредине которого у столика дежурной сестры стояла раскладушка, и маленького, согнувшегося в три погибели старичка на ней — глаза его были закрыты, лицо отливало нездоровой желтизной. Старичка привезли вчера поздно вечером, но так как в палатах все было забито до отказа, его пока положили там, в коридоре. Шерзад перевел взгляд на аккурат-но заправленную кровать: соседа его выписали нынче утром — и почему бы не перевести сюда этого деда из коридора. Наверное, так они и сделают, но только почему медлят, вот вопрос. Кому, интересно, приготовили они это место рядом с ним. Да почему и он сам, Шерзад, человек вроде бы ничем не примечательный, удостоился такой чести, попал в двухместную эту палату, тогда как все больные в основном лежали по шесть и даже восемь человек в одной комнате? Он и не помнил совсем, как он попал сюда. Потом уж, позже, ему рассказали об этом. Нет, он, конечно, помнил весь тот день, помнил до мельчайших подробностей все, что случилось тогда. До того момента, как потерял сознание.

Пришла беда — отворяй ворота... Так, кажется, говорят. Весь тот день подтвердил истинность этой мудрости. Утром Шерзад купил на остановке рядом с домом свежий номер толстого журнала и нетерпеливо отыскал раздел критики: уже давно должна, по его расчетам, появиться рецензия на его последнюю повесть. Вот, наконец-то!.. Предчувствие на сей раз не обмануло,

рецензия действительно была. Глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, он заставил себя сосредоточиться и внимательно прочитал две страницы набранного петитом материала. Прочитал — и не поверил своим глазам. Он всегда трезво относился к критике, уверенный, что она, прямая и честная, поможет найти правильное решение, что она всегда, если объективна, то «во благо». И у него было много друзей, которые не раз и не два своими дельными советами и беспристрастными оценками заставляли взглянуть его самого как бы со стороны на то, что он писал. Здесь, как он сразу понял, дело было в другом. Были, конечно, и здесь сказаны какие-то слова, точные и тонкие, оценивающие его повесть. Но они буквально терялись в многословном потоке не очень тактичных намеков, незаслуженной иронии по отношению к его писательскому призванию. Ставилось под сомнение дело всей его жизни: то, что он теперь уже не мог не писать, для него было яснее ясного.

Он хорошо знал автора. Вот это-то его окончательно вывело из равновесия. Совсем недавно они вместе учились в университете — тот был на год старше. И считался талантливым. Это признавали все. И Шерзад тоже. Его критические работы, первые опыты в этом обнадеживали. После университета они дружески встречались. В одну из таких встреч и попросил Шерзад прочитать его повесть, которую только что закончил и мучился в неведении: получилась или нет. Тот оказался первым судьей. И по существу единственным. Через неделю Шерзад получил свою повесть обратно и услышал немало лестных слов о ней: бесспорно, мол, удалась, новое слово, неожиданный поворот сюжета, интересные характеры, сочный язык... Когда повесть вышла отдельной книжкой, хоть и небольшой, первый, кому она была послана в благодарность за то чтение, за ту оценку, был этот автор. И вот теперь... эта статья. Накануне того дня Шерзад дежурил по номеру. И, приехав наутро в редакцию с отчаянной головной болью после чтения статьи в толстом журнале, тотчас узнал, что его срочно требует заместитель главного. Значит, и тут ЧП, не иначе, подумалось ему. Иначе зачем так рано? Не в обычаях это главного — по текущим делам вызывать с утра. Так оно и оказалось. И в своем кабинете, и позже, на редакционной летучке, зам здорово пропесочил его за невнимательность и верхоглядство: прошла ошибка. И грубая. Злополучный завод, о котором шла речь в большой редакционной статье, выполнил план на сто

тридцать процентов. Читая гранки, Шерзад не заметил исчезновения нуля, и получилось 13!.. Влепили выговор. Но не о том думал Шерзад на той лстучке. Он уже не слышал, о чем говорили остальные, продолжая обсуждать очередной номер газеты. Как расценить топ появившейся в журнале статьи? Что это — человеческая подлость? И тут же постарался уверить себя в обратном. Нет, Махмуд — порядочный человек, произошло какое-то недоразумение. Может быть, в тот, первый раз повесть была прочитана бегло, и Махмуд не заметил его промахов, а теперь надо было написать о ней всерьез, без скидок на хорошие отношения, он понял, что она «не тянет»... Вот, может быть, почему так получилось. Собрание окончилось, как всегда выходили из кабинета редактора шумно, на ходу обмениваясь впечатлениями, шуточно подбадривая Шерзада, чтобы он не принимал близко к сердцу случившееся — с кем не бывает... Но он словно ничего не видел и не слышал. Придя в отдел, присел к своему столу, обхватив голову руками до хруста в суставах, и так какое-то время, не отрываясь взглядом от лежавшей на столе груды гранок, замер в безразличном оцепенении. Наверное, так нельзя, думал он, не надо принимать так близко к сердцу все случившееся, они правы, его друзья и коллеги. И с ними такое случалось, и они это пережили, и не один, наверное, раз. Поняв, что проку от него сегодня будет немного, Шерзад решил пойти на улицу, побродить немного, это было испытанное средство и всегда помогало снять напряжение. Шел бездумно, не зная, сколько прошло времени с тех пор, как ушел из редакции. Он никогда не пил прежде один, такого не случалось. Но тогда ему захотелось изменить своему правилу, тем более что его занесло куда-то на окраину города, где он никогда прежде не бывал, и, словно по шучьему велению, он очутился перед входом в кафе, каких в столице появилось немало после землетрясения, — стекло и металл, словно аквариум. Посетителей в этот час было немного, он выбрал столик в самом углу, и было такое впечатление, что прохожие, идущие мимо, устремлялись к нему, и лишь тонкая прозрачная стена отделяла его от них и заставляла проходить мимо. Но это было обманчивое впечатление, никто не обращал внимание на людей, сидящих в кафе, в том числе и на Шерзада. После двухсот граммов коньяка ему стало казаться, что он совсем один. Еще подумал, что невозможно всегда быть умным, что порой даже очень хорошо немножко поглу-

петь — в этом ему помогли еще двести граммов, которые он выпил, ничем не закусывая. Он не помнил, как ушел из кафе, как добрался домой. Всплыло лишь воспоминание о зеленом огоньке такси, которое он увидел рядом со своим подъездом. И все.

Ночью он внезапно проснулся, как от толчка. Первая мысль его была: «Неужели снова трясет?» Но тут же внезапно ощутил сильное сердцебиение. Колело в груди. В горле стоял непроходящий комок, затруднял дыхание, не давал проглотить воду. Стакан в руке дрожал, вода плескалась в нем, и это было невыносимо видеть, и невозможно было унять эту дрожь, ощущавшуюся теперь уже во всем теле. Предчувствие страха овладело им. Так случалось с ним раньше, он знал, что это нервы, так, по крайней мере, говорили врачи. Но никогда раньше он не чувствовал такого упадка сил. И стоило на миг прикрыть глаза, как он летел в пропасть. Вот почему он старался их не закрывать, но веки не выдерживали напряжения и смежались сами собой. Тогда он попытался встать с тахты. Первый раз не получилось, и он бессильно откинулся спиной на подушки, весь покрывшись холодным потом. Протянул руку и включил на ощупь свет. Это придало силы. Едва различая в темной передней вешалку, по стенке добрался к ней, нашел пальто и, кое-как набросив на плечи, проковылял к входной двери. Спуститься с четвертого этажа на первый, где был телефон-автомат, он был не в силах. Все соседи незнакомые, он жил здесь всего несколько недель, дом был новый и заселен недавно. Ближе всех была квартира справа. Едва переступая ногами, Шерзад добрался до двери и нажал кнопку звонка. Долго не открывали, за дверью слышался осторожный шорох, потом старческий голос спросил, кто это. В ответ Шерзад жадно ловил ртом воздух и не мог произнести ни слова. Наконец там все же решили открыть. В узенькую щелку — больше не позволяла цепочка — взглянули испуганные глаза пожилой женщины. Шерзад, сделав какой-то неопределенный жест рукой, не в силах стоять, привалился спиной к стене. Вид его, наверное, сильно испугал женщину, она тотчас откинула цепочку и заметалась по маленькой передней. «Господи, господи, — вспоминал потом ее слова Шерзад. — Да как же так, сейчас, сейчас вызову неотложку!» Больше он ничего не слышал. Собрав последним усилием воли оставшиеся силы, Шерзад кое-как добрался до своей двери. Единственное, о чем подумал: «Только бы она не захлопнулась!..»

С тех пор прошло уже четыре дня. Четыре дня он в этой больнице. Первые три дня ему не разрешали вставать. И вот только вчера вечером он самостоятельно ходил ужинать вместе со всеми ходячими больными. Здесь свои правила. Все одинаково одеты, в голубые пижамы и халаты из толстой бумазеи. Все ели одинаковую еду, ложились и вставали в одно и то же время. Шерзад впервые попал в больницу. И не мог сначала привыкнуть к этим порядкам. Но постепенно вошел в ритм этой жизни и этой необходимой монотонности — делал то, что делали другие. Утром, едва открыв глаза, уже чувствовал у себя под мышкой градусник, видел на тумбочке возле кровати лекарства, положенные сюда, пока он спал, медсестрой. Проглатывал маленькую, словно зернышко проса, розовую таблетку, из мензурки выпивал какую-то горькую жидкость. Это до завтрака, «до еды». Были еще лекарства, которые надо принимать после. И он послушно принимал «после». Кончался завтрак, и все больные, которым разрешалось ходить, выстраивались у двери с табличкой «Процедурная». Встал в очередь и Шерзад. Больные, стоя в очереди, заранее закатывали рукава пижамы, чтобы не сердилась за медлительность милويدная молодая медсестра по имени Шаира, у которой были пушистые ресницы и веселые озорные глаза. С лица ее почти никогда не сходила улыбка, поэтому больные «любили» колотиться у Шаиры — даже уколы она делала весело, а ведь это, как понял Шерзад, в больнице дело немаловажное.

Врача, который вел палату, где лежал Шерзад, звали Доктор-апа. Так обращались к ней все — и больные и сестры. Никто не звал ее по имени-отчеству. У нее были седые волосы, однако взгляд живой, движения энергичные. Каждый день, придя в палату, она спрашивала Шерзада о том, как он ел, как спал. И даже что видел минувшей ночью во сне. Шерзад, отвечая на вопросы, смотрел в ее глаза, и к чувству благодарности, которое он испытывал к ней, примешивалось ощущение собственной беспомощности, граничащее со стыдом: словно он в неоплатном долгу за это внимание, за то, что вот он, такой молодой — и такой беспомощный перед своей неожиданной болезнью, а она, человек преклонного возраста, вроде бы имеющая право и поболеть и плохо себя почувствовать, полна сил, бодр и еще вселяет эту бодрость в него, возвращает к жизни.

После обеда тишина. Два часа, хочешь не хочешь, лежи, отдыхай. Даже читать не разрешают. После пяти

вечера время посещений. Приходят почти ко всем, и такое впечатление, что все они здесь просто умирают с голоду, — столько после этих набегов родных и знакомых остается в палатах еды, фруктов. Два громадных холодильника на этаже не в состоянии вместить эту заботу ближних. Вот и теперь постепенно пустеет коридор, скоро ужин, начало седьмого. И он вспоминает об этом вовсе не потому, что проголодался: Доктор-апа почти каждый день напоминает ему о режиме питания.

Из коридора снова слышится надрывный кашель. Второй приступ длится дольше, без перерыва, не отпуская. Даже здесь, в палате, Шерзад слышит, как он мучителен для старика, как он буквально задыхается. И вновь перед глазами встает желтое, словно пергамент, лицо, маленькая беспомощная фигурка старика. И снова не отпускает мысль, почему свободное место в его палате до сих пор не занято. Почему старика держат в шумном коридоре, где нет покоя от посетителей и разговоров медперсонала. Шерзадом овладевает раздражение, которое он и не пытается погасить.

За эти четыре дня, что он провел в больнице, он постиг одну истину. Хотя больничные правила и порядки были для всех одинаковы, однако случалось, что для некоторых вновь поступивших выбирали местечко лучше, потише, в палате, где народу было мало, два, три человека. Но что больше всего удивляло и заставляло просто негодовать Шерзада, что некоторые врачи неодинаково относились к больным в соответствии с их положением. Как же так, думал Шерзад, разве болезнь не уравнивает людей во всех отношениях? Разве вот этот старик в коридоре страдает больше или меньше оттого, что он в жизни, там, за воротами больницы, занимал или не занимал какой-то пост? И разве страдание не делает их всех здесь абсолютно равными перед милосердием эскулапов, давших клятву Гиппократа перед вступлением на этот трудный, но такой благородный и священный путь?.. Шерзаду порою за эти дни не раз становилось не по себе от мысли, что он занимает здесь чье-то место, кто страдает больше, чья болезнь серьезнее его. Ему казалось, что на него смотрят с завистью некоторые больные, а иные и просто с неприязнью.

Кашель старика вернул его к этим размышлениям, напомнил, что место все еще свободно. Резким движением Шерзад толкнул дверь и вышел в коридор. Еще не стемнело, но было сумеречно, как перед дождем, поэтому уже горел свет, блестел чистотой пол, покры-

тый светлым линолеумом. Старик, сотрясаясь от кашля, сидел, свесив ноги в тапочках с раскладушки. На глазах его выступили слезы, морщинистое лицо покраснело от напряжения. Внезапно кашель прекратился. Он задышал часто и хрипло, широко открывая рот, словно рыба, выброшенная на берег. В изголовье раскладушки стоял стул, на нем чайник с отбитым носиком и стакан. Больше ничего. Не поднимаясь с места, старик изловчился, трясущими руками налил в стакан холодного чая и, захлебываясь, стал пить. Шерзад повернулся и решительно пошел в начало коридора, где у самого выхода на лестничную площадку был кабинет заведующего отделением. Он знал, что в эту дверь редко входят больные, не чаще врачи, только в самые необходимые моменты да на совещания. За те дни, что он находился здесь, ему пришлось увидеть заведующего всего один раз, да и то мельком. На мгновение Шерзад перед самой дверью заколебался было, потому что не знал ни имени, ни отчества его. Но только на мгновение, потом решительно открыл дверь. И тут же подумал, что, наверное, заведующий уже ушел, время позднее. Но нет. Он ошибся. Хозяин кабинета был здесь и сидел на белом зачехленном диване, расслабившись, откинув голову назад. В этой позе шея его показалась Шерзаду длинной и жилистой, а распахнутый халат открывал острые колени его ног, закинутых одна на другую. Возникшую почему-то заранее в Шерзаде неприязнь к этому человеку упрочили очки в тонкой золотой оправе: они делали непомерно большими глаза, которые так и сверлили насквозь.

Шерзад остановился на пороге в нерешительности. Заведующий повернул голову.

— В чем дело? — спросил он резким фальцетом.

Подавляя неприязнь, Шерзад старался ответить как можно спокойнее:

— В седьмой палате освободилось место.

Заведующий отвернулся, равнодушно кивнул головой:

— Знаю.

— Старик в коридоре второй день ждет места...

Заведующий вновь повернул голову в его сторону. Внимательно посмотрел на непрошеного посетителя поверх очков. Однако, не меняя позы и интонации, произнес с тем же равнодушием:

— Знаю.

Шерзад уловил скрытый смысл его более лако-

ничного ответа: мол, не суй нос не в свои дела. Но его не смутил тон ответа, наоборот, ощутив вдруг уверенность в правоте своего визита сюда, он довольно резко спросил:

— И что же теперь?

— Теперь?

Заведующий не спеша снял одну ногу с другой, запахнул халат и не спеша поднялся.

— Через полчаса будет ужин. После ужина вы, молодой человек, пойдете отдыхать.— Сквозь очки он пристально поглядел на Шерзада, и на лице его проскользнуло подобие улыбки.— Договорились?

В тоне этого вопроса Шерзаду послышался и намек, и снисходительность врача к больному. Поэтому на какое-то мгновение Шерзад даже растерялся.

— Не могу понять,— голос его задрожал,— в палате пусто место, а старый больной человек должен лежать в коридоре...

Заведующий снова растянул губы в той же улыбке снисхождения.

— Не беспокойтесь. Это место долго пустовать не будет.— Не спеша он подошел к Шерзаду и пристально стал разглядывать его сквозь очки. Потом процедил как бы нехотя: — Может быть, вы освободите для него свое место?..

Шерзад понял наконец, что этот человек просто потешается над ним, над его горячностью и непосредственностью, с какой он ходатайствовал за незнакомого старика, и в нем с новой силой вспыхнуло желание добиться справедливости, чего бы это ему ни стоило. С детства он был упрям, страдал из-за этого не раз, но упрямство это не раз и помогало ему в жизни побороть при рожденную застенчивость, преодолеть нерешительность там, где это было необходимо.

— Хорошо, освобожу! — отчеканивая каждое слово он посмотрел прямо в глаза заведующему отделению.— Но учтите, в коридоре я лежать не буду! Я устроюсь вот на этом диване!..

С этими словами Шерзад плюхнулся на то самое место, где только что сидел невозмутимый человек.

Заведующий пожал в недоумении своими тщедушными узкими плечами и внезапно рассмеялся, да так, что чуть не упали с носа его очки в тонкой оправе. Он успел на лету подхватить их и положил в нагрудный карман

халата. Добродушно похохатывая, он потрепал Шерзада по плечу.

— А вы, оказывается, прелюбопытный человек! — сквозь смех произнес он. Но в тоне его Шерзад уловил искренность. — Это наша забота, дружище... Больных-то все-таки мы лечим, а не вы... Вот и позвольте нам думать о своих делах самим! Лечить...

— Знаю, — приглушенным от волнения голосом перебил его Шерзад. — Лечите тело, а дух убиваете...

— Не понял... — брови заведующего сошлись на переносице.

— Чего не понимаете? — Шерзад решительно махнул рукой. — Разве человек, который лежит в коридоре больницы два дня, не задумывается, несмотря на мучающий его недуг, почему его не переводят в палату? Разве в душе его не рождается обида от мысли, что он, оказывается, не достоин этого места? Ведь старик видел, как выписывался мой сосед...

На мгновение заведующий, словно смутившись, отвел глаза в сторону. Но тут же на лице его снова засияла дежурная улыбка.

— Дорогой, не следует это принимать близко к сердцу, поверьте мне, — словно оправдываясь, говорил он. — Вы ведь здесь тоже не просто так. Вы тоже лечитесь. И не надо заниматься этими проблемами, подумайте лучше о своем здоровье. Об остальном позаботимся мы. Хорошо?

Внезапно пропало желание спорить, что-то доказывать. И, ничего не сказав в ответ, Шерзад повернулся к двери. Выйдя в коридор, он не мог не взглянуть в сторону старика. Теперь тот уже не кашлял, — наверное, прошел приступ, так мучивший его. Он лежал тихо и без движения, и со стороны можно было подумать, что он спит. Однако Шерзад почувствовал, что старик не спит. В душе его стало пусто и тягостно от мысли, что он ничем не помог этому старому человеку. Стараясь не шуметь, заглушая собственные шаги, Шерзад пошел в палату и, как только закрыл за собой дверь, бросился ничком на кровать. Сетка противно ухнула. И в тот же момент сердце его забилось гулко и учащенно. «Наверное, это и есть тахикардия, — с горечью подумалось ему и вспомнились слова, не раз слышанные от врача. В мгновение силы покинули его, на лбу выступил холодный пот, и он, с трудом перевернувшись на спину, вытянулся. — Почему же так получается?» — спрашивал он себя и, уставившись в окно остановившимся взглядом, прислушивался к своему сердцу.

За окном не переставали чирикать воробьи, обеспокоенные приближением ночи, а багряные ветки молодой урючины раскачивались все сильнее.

2

Шерзад задремал и не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он вернулся в палату. Он проснулся от звука открываемой двери, быстро поднялся и сел на кровати. В палату вошел заведующий. Пуговицы его халата были расстегнуты, как и в его кабинете, узел цветастого яркого галстука на тонкой шее ослаблен, скуластое лицо раскраснелось: видимо, он спешил. «Наконец-то решил перевести деда сюда», — с удовлетворением подумал Шерзад, не сводя глаз с галстука на тонкой шее. Заведующий остановился на пороге палаты и, повернувшись лицом к коридору, произнес:

— Сайфи Сакиевич, пожалуйста, входите!

Он произнес эти слова с таким радушием, с таким искренним чувством радости, словно хозяин, приглашающий в дом дорогого гостя.

В палату вошел мужчина в новом фланелевом халате. В руках он держал полиэтиленовый мешочек. «Ему можно дать немногим больше пятидесяти, — подумал оторопевший Шерзад. — Нет, пожалуй, побольше, — решил он мгновение спустя, когда человек снял с головы плюшевую зеленую тубетейку. — Печень, наверное, больная, лицо опухшее, и под глазами темные круги...» Сострадание заглушило возникшее на мгновение чувство неприязни к этому человеку: он нуждается в лечении, может быть, более серьезном, чем старик в коридоре... С этими мыслями Шерзад поднялся с кровати и поздоровался.

Сайфи Сакиевич лишь на секунду задумался, словно решая, отвечать ему на приветствие или нет, но потом, все же решив, нахмурия брови, произнес: «Здрасьте!»

«Ну и ну! — Шерзад улыбнулся. — Высокомерия, дядя, в тебе хоть отбавляй! Наверное, не зря для тебя целый день это место держали!» Вслух же он ничего не сказал.

Заведующий отделением показал Сайфи Сакиевичу, где он может располагаться.

— Вот ваше место. Белье на постели новое...

Сайфи Сакиевич, поднял одну бровь, вопросительно посмотрел на Шерзада. Казалось, не очень-то он был рад соседству этого молодого парня.

— Это наша «люксовая» палата, — с улыбкой сказал

заведующий отделением. А ваш сосед,— он кивнул головой в сторону Шерзада,— хороший парень... Между прочим, не храпит,— пошутил он.

Новый сосед никак не отреагировал на эту шутку, а в словах заведующего Шерзад уловил скрытый смысл: «Не в моих-де руках, иначе духа бы его тут не было и я предоставил бы эту палату в безраздельное ваше пользование».

— Доктор,— улыбнулся Шерзад,— вы, наверное, неправильно информированы, предупредите Сайфи Сакиевича, что я не только храплю, но еще брежу по ночам!..

Новый сосед явно не ожидал от скромного на вид юноши подобной наглости и со скрытым негодованием сверкнул глазами на заведующего.

Тот в ответ пожал плечами. Потом, подойдя к двери, щелкнул выключателем. В палате стало светло.

— Ну, хорошего вам отдыха, друзья! — примирительно пожелал он, остановившись на пороге комнаты. И обратившись к Шерзаду, добавил: — Кстати, старика мы перевели в палату...

Он еще немного, как бы в нерешительности, постоял и вышел в коридор, закрыв за собою дверь.

«Ну и прекрасно!» — удовлетворенно подумал Шерзад и тотчас после ухода заведующего снова лег. Сцепив пальцы, он заложил руки под голову и стал из-под опущенных век наблюдать за своим соседом. Тот возился еще очень долго, пока не развязал свой мешочек, привезенный из дома. Шерзада неприятно удивили его толстые мясистые пальцы, хваткие, словно щупальца, мелко подрагивающие. Пальцы эти почему-то не слушались хозяина: немало усилий приложил он, чтобы развязать наконец спутавшийся узелок. Справившись с этим, Сайфи Сакиевич, принялся вытаскивать все, что привез с собой в больницу: чайник, пиалу, разрисованную цветками хлопку, завернутую в газету деревянную ложку, банку меда, зубную щетку, мыльницу и еще много всякой мелочи. Одни вещи он аккуратно разложил в тумбочке, другие — на подоконнике. Шерзаду были видны насупленные брови соседа, его пожелтевшее лицо, нервные движения рук, и он снова пожалел его: ведь в конце концов не он же виноват, что кто-то лежал в коридоре, а в палате пустовало место. И, стараясь придать голосу теплоту и сердечность, он спросил Сайфи Сакиевича:

— Чай пить будете?

Тот из-под хмурых бровей бросил взгляд на Шерзада и молча кивнул.

Шерзад достал из тумбочки никелированный чайник, заварку в жестяной коробочке и только было направился к двери, как Сайфи Сакиевич движением руки остановил его.

— Какой у вас чай? — хриплым голосом спросил он.

— Черный. А что?

— Подождите, — он открыл свою тумбочку и, захватив всей пятерней из пакетика большую щепотку чая, бросил ее в свой чайник. — Я пью только зеленый, девяносто пятый, — и с этими словами протянул Шерзаду свой чайник.

Идя по коридору, Шерзад не увидел на привычном месте раскладушку и порадовался за старика.

Время ужина еще не подошло и в столовой никого не было. Только в углу у окна сидели дежурная по этажу нянечка и медсестра Шаира. Они пили чай, на столе у них в тарелке лежало печенье. Закинув ногу на ногу, расстегнув халат, Шаира вольготно, непринужденно прислонилась к спинке стула, и под блестящей кофточкой, свободно облегающей ее стройную фигуру, вырисовывалась высокая грудь. Шерзад, войдя в столовую, почувствовал неловкость. «Выходит, Шаира сегодня дежурит», — подумал он.

Шерзад уже заметил, что дней, когда Шаира не дежурила, было мало. Она работала в разные смены и на разных этажах, то в приемном покое, то в процедурных. Вот и сегодня, выходит, она снова работает.

У Шерзада была странная застенчивость: он стеснялся смотреть на людей, когда они ели. И теперь, стараясь проскользнуть незамеченным, он быстро прошел к стоящему в углу титану. Держа по чайнику в каждой руке, он поставил под кран сначала один, потом другой, наполнил их кипятком и от смущения не знал, как поступить: руки у него были заняты, а кипяток лился в подставленный под кран тазик, пар обжигал. Наверное, со стороны на эту картину нельзя было смотреть без юмора. Вот и Шаира не выдержала и громко засмеялась. Подбежав, она быстро завернула кран, а Шерзад поставил свои чайники на стол, закрыл их крышками. Шаире и это показалось забавным, и она продолжала весело смеяться, кокетливо сощутив свои красивые глаза.

— Ох, и влетело бы вам от мужа, будь вы женщиной, — пошутила она, плотнее прикрывая крышку на чайнике с цветами хлопка.

Шерзад невольно взглянул ей в глаза.

— Если бы я был женщиной, — отшутился он, — я бы не вышел замуж.

— Почему же? — глаза Шаиры снова заискрились веселыми огоньками.

— Мужья в основном попадают на плохие...

— Так уж все и плохие?

— Не знаю, наверное, — Шерзад улыбнулся. — Во всяком случае, многие жены считают своих мужей самыми невнимательными, самыми бессердечными и самыми плохими среди всех мужчин. Многие думают, что если бы судьба свела их с другим мужчиной, а не с ее теперешним мужем, она была бы намного счастливее...

— Вы рассуждаете так, словно все на свете вам известно! — Шаира нахмурила брови. — Откуда вам знать, что у нас на сердце?..

«Я должен это знать, я обязан», — подумал Шерзад, поднимая одновременно оба чайника. Дойдя до двери, обернулся рассмеявшись.

— Что может быть проще? Представил себя на мгновение женщиной и узнал обо всем.

В глазах Шаиры блеснул лукавый огонек.

— Почему же вас не навещает, в таком случае, ваша жена, коли вы такой знаток женской души?

«Была бы, уж обязательно проведала бы, — улыбнувшись, подумал Шерзад. — Однако какая наблюдательность, все видит, все знает». А вслух пошутил:

— Значит, и я, как все, плохой муж! — Шерзад многозначительно взглянул на Шаиру и вышел в коридор.

В палате, оказывается, сосед уже все приготовил для трапезы. Постелил газету на тумбочку, разломил патыр¹, тонкими ломтиками нарезал казы².

— Садитесь, — пригласил он не глядя.

Шерзеду показалось: пока его не было в палате, сосед несколько смягчился, во всяком случае, голос его звучал уже не так высокомерно, он вроде бы немного поостыл.

— Спасибо! — искренне ответил Шерзад. — Но ведь мы сейчас пойдем на ужин...

— Э, друг, — брезгливо сморщился Сайфи Сакиевич, взмахнул пухленькими пальцами, — разве в больнице еда?

¹ П а т ы р — тонкая лепешка из пресного теста, замешенная на сметане.

² К а з ы — колбаса из сырой конины, к столу подается отваренной

Шерзада слегка покоробило от этого брезгливого высказывания, но он сдержался, ничего не сказав в ответ, отошел к окну. Чтобы не глядеть, как его сосед с жадностью уничтожает домашние припасы, Шерзад с нарочитым вниманием стал всматриваться в темноту двора. Вечер давно наступил, ветки урючины, освещенные светом от палатного окна, казались черными-пречерными. По дорожкам двигались едва различимые тени — гуляли больные, которым разрешили выходить на улицу. Сюда, в палату, доносились их приглушенные голоса. Внезапно в тишину вечера ворвалась, словно шквал, джазовая музыка. «Господи, и здесь покоя нет», — с раздражением подумал Шерзад. И тут же в полосе света увидел двоих — высокого юношу и едва дошедшую ему до плеча девушку. Оба в больничных халатах. У парня в руках магнитофон. Не обращая ни на кого внимания, они остановились у окна, где стоял Шерзад, девушка прислонилась к стволу урючины. Свободной рукой парень притягивал ее к себе все ближе и ближе, а она, не оказывая сопротивления, очутилась в конце концов в его объятиях.

«И это называется любовь, — с горечью подумал Шерзад. — Ни стеснения, ни гордости, может, и познакомились-то только вчера. А сегодня, пожалуйста, уже целуются... Завтра же, выписавшись из больницы, навсегда забудут друг о друге».

Давно уже не давала Шерзаду покоя мысль написать о том, как неверно истолковывают некоторые смысл свободной любви, принося ближним страдания и муки, растапывая порой святое, неповторимое чувство. Что напишет он? Будет это роман, повесть, а может быть, рассказ вот о таких, как эти двое. О том, как попусту растрачивается молодость, обесцениваются чувства. А потом приходит горькое запоздалое раскаяние — и уже ничего невозможно поправить, изменить. И очень бы хотелось Шерзаду, чтобы то, что напишет он обо всем этом (его не волновала пока проблема формы, будет ли это роман, повесть, он не знал, — волновало лишь само существо этого наболевшего), помогло, предостерегло, направило бы, может быть, на верный путь тех, кто в сомнении, кто в смятении и нерешительности. Как бы хотелось помочь и этой вот девчужке, живущей, может быть, в неведение, почитающей за доблесть и лихость скорый больничный роман на виду у всех, а ведь истинная любовь не нуждается в свидетелях. Но что она знает об этом? Нет, не понять ему, Шерзаду, и таких,

как вот этот, с магнитофоном. Стесняется наверняка грызть семечки в автобусе или трамвае, а вот целоваться при всем честном народе да обниматься — ни-почем...

Шерзад круто отвернулся от окна и, не глядя на все еще жующего Сайфи Сакиевича, пошел к своей кровати. Прошло довольно много времени, а он все лежал, предаваясь своим нерадостным мыслям. Теперь до его уха доносилась печальная мелодия — неутомимый магнитофон был начинен музыкой на все вкусы. Это была песня на индийском языке. Шерзад не любил, правда, индийских фильмов, все их сюжеты были однообразны до утомительности, но всегда с удовольствием слушал песни из этих фильмов. Вот и теперь он в который раз подивился гармоничному сочетанию лирической мелодии и поразительной проникновенности, с которой певец — это был, кажется, Мухаммад Рафик — исполнял эту песню. Грустно, под стать мыслям Шерзада, называлась она — «Друг предал меня...». Каждый раз, слыша эту мелодию, Шерзад почему-то представлял себя летящим высоко в небе. И чудилась бесконечность этого небесного пространства, и неизвестна цель полета, но всегда сердце охватывало какое-то непонятное волнение, предчувствие чего-то необыкновенного и неизведанного. Он лежал, боясь спугнуть это в который раз охватившее его состояние, не шевелясь, с крепко закрытыми глазами. И почувствовал вдруг, что нервы успокоились, а сердце бьется ровно и ритмично, как бывало до болезни. Он забыл и о тех двоих под урючиной, и о своем соседе, дожевывающем свой домашний ужин, и погрузился то ли в сон, то ли в плывущую вдали мелодию.

3

Проснулся Шерзад оттого, что кто-то легко тряс его за плечо. У изголовья, низко склонившись к нему, стояла Шаира. Он сразу заметил, как красиво она причесана, с какой старательностью положена модная зеленая тень на веки, придавшая ее глазам еще большую живость и выразительность.

— Вставайте, вставайте, сегодня делает обход профессор Рауф Абдуллаевич! — сказала Шаира, выпрямившись сразу же, как только Шерзад открыл глаза. — Не забудьте постели аккуратно заправить, и на тумбочках не должно быть ничего лишнего... — Голос Шаиры был сухо официален, ни намека на вчерашнюю игривость и кокетство.

Шерзад понял, что слова, произнесенные только что сестрой, в равной степени относятся как к нему самому, так и к его соседу.

Шаира подошла к двери и еще раз окинула взглядом палату.

— Да, и уберите, пожалуйста, все с подоконника...

Шерзад, как только закрылась дверь, вскочил с кровати, хотя Доктор-апа предостерегала от резких движений, и с удовольствием ощутил, что вечернее настроение успокоенности не проходило. Он сделал несколько приседаний и прыжков, размялся, как до болезни. На дворе было уже утро. В окне голубело небо, чистое и безоблачное.

Встал и его сосед. Порывшись в тумбочке, он достал электробритву, сел на кровати, выпятив голый живот, и не спеша открыл футляр.

— Как вы спали?— весело спросил его Шерзад.

Сайфи Сакиевич мельком взглянул на Шерзада и глухим спросонья голосом выдавил из себя:

— Неплохо.

Когда же Шерзад, умывшись, вернулся в палату, Сайфи Сакиевич уже покончил с бритьем, и в палате стоял приторный запах одеколona «Шипр».

— С добрым утром!— Шерзад поглядел прямо в глаза своему соседу.

— С добрым утром!— ответил тот.

«Правильно говорили мудрецы,— подумал Шерзад, вешая полотенце на спинку кровати,— что первое впечатление надолго остается в памяти, однако не всегда оно верное. Вчера этот человек, очевидно, бог знает что подумал обо мне, я же решил, что он надменный и напыщенный индюк. К счастью, мы оба ошиблись...»

— Может быть, вам принести молока?— спросил Шерзад.— Каждое утро у ворот продают хорошее молоко.

Сайфи Сакиевич с перекинутым через руку полотенцем направился было к двери, но, услышав вопрос Шерзада, остановился.

— Нет, спасибо, я не пью молоко.

Накинув на плечи халат, Шерзад вышел в вестибюль больницы, насквозь пронизанный весенним солнцем. Открыв высокую стеклянную дверь, ведущую в больничный парк, Шерзад в изумлении остановился на ступеньках лестницы. Такое бывает только в начале весны. Вчерашнего ненастья словно не бывало. Вместо прони-

зывающего ветра в воздухе разлилось безмятежное спокойствие. Казалось, вся природа, в радостном ожидании обновления, в предчувствии расцвета, пришла в движение, задавшись единственной целью — сбросить с себя чары затянувшегося зимнего сна. Небо слепило глаза первозданной чистотой и прозрачностью. Почки на деревьях вот-вот готовы были открыться, брызнуть зеленью листвы, удивить новоявленной красотой. Дыхание весны ощущалось безошибочно, слух улавливал нежные ее мелодии: радостно щебетали птицы, теплый ветерок играл ветками деревьев, словно на дутаре; и где-то, то ли под заплесневелым, засыпанным прошлогодними листьями пнем, то ли на краю арыка, по которому еще не зажурчал весенний поток, несмело подавала голос жаба. И ее неблагозвучный голос вливался в общий хор предвестников поры обновления природы. В такое вот время душа человека испытывает необыкновенную легкость, хочется обрести крылья и улететь в дали далекие, слиться и с этим бездонным небом, и с теплой волной нагретого воздуха, идущего от земли.

И Шерзад ощутил эту легкость во всем теле, как только переступил порог больницы. Он шел по чистой асфальтированной дорожке парка, по обеим сторонам которой застыли в строю тополя. И уже не казались мрачными ему ни старое больничное здание с белыми занавесками на окнах, ни однообразные халаты больных, которые так же, как и он, радовались весеннему дню и солнцу.

Это состояние радостного возбуждения не покидало Шерзада и тогда, когда пришлось возвратиться в палату — близилось время процедур и завтрака. Сайфи Сакиевич опять лежал в постели с лицом мрачным и недвольным, держа в руках банку с вареньем.

— Что случилось? — в тревоге спросил Шерзад. Он все еще мысленно был там, в больничном парке. — Вам стало хуже? — Он подошел к кровати своего соседа.

— Нет, — вздохнул Сайфи Сакиевич. — Ничего. Оказывается, профессор начинает обход с нашей палаты... Сейчас. Так сказала мне сестра.

— А не после завтрака, как всегда?

— Откуда же я знаю? — Сайфи Сакиевич пожал плечами. — Профессора, говорят, вызывают куда-то по срочному делу, доктор говорит.

Не успел Шерзад прилечь, как отворилась дверь и вошла Доктор-апа, как всегда подтянутая, бодрая, бе-

лый колпак на голове не без кокетства прикрывал ее седые волосы, собранные сзади в пучок. Следом за ней — крупный мужчина в халате. «Так вот он какой, профессор», — подумал Шерзад, не сводя с него глаз.

Редкие волосы его уже кое-где тронула седина, смуглое лицо было спокойно, взгляд больших сосредоточенных глаз, казалось, проникал прямо в душу. Руки профессора были засунуты в карманы халата, а из правого нагрудного выглядывала черно-золотистая резиновая трубочка фонендоскопа.

«Мне, пожалуй, неплохо было бы выйти, пока будут смотреть Сайфи Сакиевича». — Запоздало подумал Шерзад, поглядывая на кровать своего соседа. Тот лежал на спине, пристально рассматривая профессора, и в его глазах появилось вдруг такое безнадежное отчаяние, что Шерзад снова, в который уже раз, невольно пожалел его. На ум пришло неуместное сравнение: овца, которую должны зарезать на свадьбу, смотрит в глаза мяснику именно так... Ей-богу, и смех и грех с этим Сайфи Сакиевичем!.. Глупая и вовсе не смешная мысль, тотчас одернул он себя, однако не смог сдержать улыбки.

Профессор не спеша подошел к постели Шерзада, и тот машинально подвинул ноги ближе к стенке, освобождая место на ее краю, чтобы можно было присесть. Как только профессор опустился на свободный краешек, Доктор-апа протянула ему историю болезни.

— Самандаров, — тихо сказала она. — Стенокардия. У нас — с двадцать шестого февраля. Доставлен неотложкой. Два раза делали кардиограмму. Вот, пожалуйста. — Доктор-апа, взявшись за кончик розовой ленты, приклеенной к истории болезни, потянула ее. — Патологии не наблюдается...

Профессор стал сосредоточенно разглядывать криющую линию на ленте.

«Вот сейчас, как только посмотрит, — с неудовольствием предчувствовал Шерзад, наблюдавший за каждым движением профессора, — так и начнет расспрашивать о том и о сем что беспокоит, да чем в детстве болел, давно ли жалуюсь на сердце, курю ли, пью ли...»

Неожиданно профессор оторвал взгляд от истории болезни и чему-то улыбнулся, очевидно каким-то своим мыслям. Улыбка эта собрала у него на носу смешные морщинки, и глаза при этом вспыхнули теплым приветливым светом. Его улыбка была настолько притягательной, что нельзя было не улыбнуться в ответ.

— Оказывается, товарищ Самандаров, вы неплохо знакомы с психологией врача! — сказал профессор, все еще храня на лице следы улыбки.

Шерзад оторопел. «Интересно, каким образом он прочитал мои мысли? Не иначе гипнотизер!» — решил он. И невольно тотчас отвел глаза в сторону.

Удивился еще больше, когда профессор, взяв в свои мягкие ладони руку Шерзада и нащупывая пульс, произнес:

— Мне понравилась ваша повесть «Операция». Вы совершенно справедливо подметили в ней, что во время операции для хирурга не существует ничего вокруг и даже самый близкий человек для него становится чужим. Если ему не удастся отрешиться от всех прочих эмоций, то возникает непозволительное чувство раздвоенности. А в медицине это подобно поражению... Вот так-то!

«Значит, читал! — обрадовался Шерзад. — Надо же, и времени не пожалел!» — удивился он. Много разных мнений высказывалось об этой повести, и теперь ему очень интересно было услышать мнение человека, имеющего к медицине непосредственное отношение.

— Целиком согласен и с еще одной вашей мыслью, — продолжая машинально считать удары пульса, говорил профессор. — У нас, в медицине, нужно быть очень ответственным и внимательным в вопросах подготовки кадров врачей. Может быть, я придерживаюсь максималистской точки зрения, но, думаю, тут иначе нельзя: плохой врач мало чем отличается от банального убийцы. Правда и то, что, к сожалению, число неумелых врачей не убывает...

— Неумелых хватает в любой отрасли хозяйства, — с улыбкой заметил Шерзад.

— Медицина — это та область, где их не должно быть вовсе! — профессор нахмурил брови. — Если бы что-то зависело от меня, то всех, кто хочет стать врачом, я бы отправил работать в больницу на самую что ни на есть черную работу: пускай увидят все собственными глазами да потрогают своими руками. А то, смотришь, много такого недоучку и неженку в дрожь бросает при виде крови!

— Да, вы совершенно правы, доктор, — вдруг подал голос молчавший до сих пор Сайфи Сакиевич. — Возьмите любой институт, попадешь разве в него просто так? Да никогда! Только по знакомству! — сетка кровати застонала под его грузным телом. — А раз так, какой, я спрашиваю, может быть результат?

Профессор серьезно поглядел на него и обернулся к Шерзаду.

— Ну-ка, садитесь, молодой человек, послушаем ваше сердце! — В его глазах вновь вспыхнул теплый огонек. — Говорят, сердце писателя нежное, ранимое. Сейчас проверим! А может быть, критика уже немножко закалила его? А?

Шерзад улыбнулся, в нерешительности пожал плечами. Он знал, конечно, что специалисты точных наук нынче доки в литературе, искусстве, но не предполагал, что совершенно неожиданно услышит такое мнение о том, что написал. И когда к его лопатке прикоснулось холодное колечко фонендоскопа, почему-то вдруг ощутил радостное облегчение. Любопытно, но его теперь совершенно не мучило собственное бессилие, которым он страдал, когда его каждый день выслушивала Доктор-апа. Мягкие, уверенные пальцы профессора словно вселили в него уверенность. В немалой степени этому способствовало дружеское расположение, которое буквально с первых минут возникло между ним и этим человеком. И вдруг он понял, что профессор не зря начал разговор с ним о его повести, именно это и помогло возникновению взаимной расположенности друг к другу. «Ну и профессор, ну и психолог!» — не уставал восхищаться Шерзад.

— Успокойтесь! — тотчас же сказал тот, словно читал и на сей раз мысли Шерзада. — И не волнуйтесь! Дышите глубже!

И Шерзад старательно дышал до тех пор, пока профессор не вынул из ушей трубочек фонендоскопа.

— Одевайтесь! — профессор взглянул на Шерзада одобрительно. — Болезнь ваша — следствие всевозможных душевных хлопот, если можно так выразиться... Следствие чрезмерных эмоциональных перегрузок. Вы женаты?

Шерзад покачал головой.

— Ну, тогда можете считать, что ваши дела в полном порядке! Вот после женитьбы хлопот прибавится! А вам до той поры еще многое надо сделать! Поэтому постарайтесь — ну, как бы это сказать — быть немного равнодушнее, что ли... Сможете? Договорились?

Шерзад кивнул головой, хотя прекрасно понимал, что это невыполнимо и что характер свой ему не изменить.

— Постараюсь, Рауф Абдуллаевич! Непременно! — заверил он однако.

— Заболевание в вашем возрасте — самая несправедливая вещь на земле. Вот так-то! — профессор дружески толкнул Шерзада в плечо. — Вы должны поправиться. Непременно.

Он вернул Доктору-апа историю болезни Шерзада и, поднимаясь, взял в руки другую, его соседа. И как только профессор присел теперь уже на край кровати Сайфи Сакиевича, лицо того снова приняло страдальческое выражение.

— Меня недуг мучает вот уже скоро восемь лет, — печальным голосом начал он. — Печень опухает, почки болят, спасения нет никакого. А работать приходится много. И с разными людьми. Лечиться совсем времени нет...

— Не обращайтесь внимания! — профессор успокоил Сайфи Сакиевича. — Универмаг ваш никуда не денется, поработает и без директора! Будьте уверены! — весело засмеялся он.

«Ах, вот в чем дело! — подумал Шерзад. — Значит, он работает в универмаге!» — надевая пижаму, еще раз внимательно взглянул на своего соседа. Потом спросил у Доктора-апа разрешение выйти в коридор. Она согласно кивнула. Шерзад поднялся с кровати, стараясь не потревожить сварливые пружины, и вышел.

4

Шерзад плохо переносил уколы. Вот и теперь, подходя к двери процедурной, он почувствовал, что заранее нервничает. И тут же постарался себя успокоить. «Прежде всего, не надо болеть, — думал он. — А раз свалился — терпи!». Сел напротив Шаиры, закатал рукав рубашки и поставил согнутый локоть на столик, где кипели в автоклаве иголки и шприцы. Посмотрел на все это, и снова закружилась голова.

— Не глядите на меня так, — сказала вдруг Шаира, не отрывая взгляда от шприца. Лицо ее залилось краской, длинные ресницы, подведенные тушью, задрожали.

— Почему? — машинально спросил Шерзад.

— Мешаете!

Шерзад отвернулся к окну. И сегодня день был, как вчера, теплый и ясный. Светило солнце, по дорожкам прогуливались больные. Наконец Шаира выдернула иглу и протерла место укола ваткой.

Спасибо! — Шерзад поднялся.

— Вы не обиделись?— смущенно спросила Шаира, бросая шприц в блестящую коробку стерилизатора и мельком взглянув на него. Сейчас она была мало повожа на ту Шаиру, которую привыкли видеть больные,— ироничную и решительную: что-то детское и незащищенное промелькнуло в ее облике — и это так удивило Шерзада, что ему захотелось погладить ее по голове. Но тут же мысленно он сдержал себя и как можно более сухо спросил:

— С какой стати мне на вас обижаться?

— Не знаю сама... Наверное, потому что я сказала «не смотрите»! Ну, да ладно, не обиделись — и хорошо! Идите и полежите минут пятнадцать!— голос ее обрел прежнюю уверенность.— После глюкозы надо обязательно полежать.

Шерзад вернулся в палату. Сайфи Сакиевич рылся, что-то ища в своей тумбочке, а около окна стояла женщина в голубой водолазке, набросив на плечи белый халат. Из большой коричневой сумки она достала сначала патыр, потом зеленую кастрюлю, яблоки, гранаты, какие-то свертки и все разложила на окне. Шерзад поздоровался. Женщина повернулась и приветливо кивнула. Она была в годах, но по лицу ее Шерзад решил, что в молодости она несомненно была красавицей. Следы былой привлекательности и теперь проступали — выразительные большие глаза, тонкий нос, приятный овал лица...

— Знакомьтесь,— сказал Сайфи Сакиевич.— Моя супруга. А это Шерзад, дорогая. Вот живем в одной палате и благословляем бога.

Шерзад еще раз почтительно кивнул женщине и сел на кровать.

— Это прекрасно! — женщина почему-то рассмеялась.

Но смех не красил ее. ярко блеснули полоски золотых зубов, и Шерзаду показалось, что изо рта у нее вырвалось пламя, придав ей хищный и вульгарный вид. «Господи, да здесь целый ювелирный магазин», подумал Шерзад, не обративший сначала внимания на массивные золотые серьги и многочисленные кольца, унизавшие пальцы рук посетительницы. Мало того, все это невообразимое богатство завершала нитка жемчуга в несколько рядов под воротником голубой водолазки.

«Прямо с золотого прииска, что ли, явилась?! с неприязнью подумал Шерзад. И наверное, очень сожалеет, что у нее только тридцать два зуба!»

— Будь он неладен! — костерила тем временем кто-то женщина, как выяснилось позже — охранника. — Представляешь? — говорит она, глядя на мужа. — Пришлось отдать ему рубль, мелочи у меня не оказалось! И он взял, не моргнув глазом, бессовестный! Да еще говорит: «Не пущу, если вечером придешь!» Какова наглость? А?

Она снова запустила руку на дно сумки, энергично пошарила там и вытащила еще два свертка.

— Вот, — протянула она их Сайфи Сакиевичу. — Держи! Неудобно ведь подарить одной, а другой нет...

Шерзад мельком увидел, что из газетного свертка выглядывает кончик атласной ткани. И тотчас невольно отвел взгляд.

— Это, — тем временем тархтела женщина, — в мелкую полоску. А это — в желтых тонах. Сам распредели, кому что. Знаешь ведь, без этого сейчас никуда!..

«Ничего себе! — с раздражением подумал Шерзад. — Кажется, начинается задабривание по принципу: не подмажешь — не поедешь!»

Сайфи Сакиевич, наверное, почувствовал настроение своего соседа и тотчас оборвал жену на полуслове.

— Сколько раз я тебе говорил, не будь мелочной!.. — На мгновение задержал взгляд на жене, застегивающей сумку, и перевел разговор на другое, нахмурив брови: — Что сделал Сираджин с машиной? Пристроил ремонтировать?

— Отвез, отвез! — она подняла пустую сумку и повесила ее на руку. — Черт бы ее побрал, эту машину! Ломается через день! — Она обернулась к Шерзаду и как ни в чем не бывало снова одарила его своей золотой улыбкой: — Ну, до свидания! Выздоровливайте поскорее!..

Сайфи Сакиевич тяжело поднялся с кровати, чтобы проводить свою чересчур разговорчивую жену. И, как только они вышли, в палате стало непривычно тихо. Шерзад тотчас ощутил, что сердце стало биться чаще. Он закрыл глаза и повернулся к стене лицом.

«Послезавтра Восемь марта, — с грустью подумал он. — Такой праздник, а я здесь, в больнице...» — Тут же настроение омрачилось еще больше недавним воспоминанием: — Вот люди... Надо же, так искусно пользоваться даже праздниками в своих целях и выгодах. Эта вот... жена соседа хотя бы. Живет с уверенностью, что все продается и покупается... А откуда такое у нее? Не иначе как от мужа, Сайфи Сакиевича, который, наверное, годами внушал ей эту заповедь...»

И снова перед его мысленным взором возникла женщина. Вся в золоте. И тот старик в коридоре. И целый день пустующее в его палате место. С чего бы это?.. Нет, видно, то первое впечатление от соседа не обмануло его, как он ни старался уверить себя в обратном. В его жилах и в жилах Сайфи Сакиевича течет разная кровь. В этом он уже вполне убедился.

Мысли прервал вернувшийся Сайфи Сакиевич. Он был чем-то возбужден, его лицо, редко оживляющееся; сейчас сияло улыбкой, и это было видеть непривычно. Он направился прямо к Шерзаду и присел на краешек кровати.

— Шерзаджан! А вы, оказывается, хитрец!

Шерзад повернулся к нему в недоумении.

— Почему скрываете, что вы писатель? — с обидой в голосе спросил Сайфи Сакиевич.

— А какое, простите, это имеет значение? Что изменится, если вы будете знать, что я писатель? — холодно посмотрел Шерзад.

Сайфи Сакиевич, словно не заметив этой холодности, мечтательно улыбнулся.

— Вы и не представляете, как для нас, простых смертных, приятно поговорить с настоящим писателем! Я уже не говорю о знакомстве, это просто большая честь, для меня, например... А как прежде я любил книги, если бы вы только знали, Шерзаджан! Бывало, почи напролет мог не отрываться от какого-нибудь интересного романа! Да... но все это в прошлом, — с сожалением констатировал он. — Теперь не очень-то считаешь, даже если и желание есть, дела, дела, куда от них денешься?..

— И что же вы читали, если не секрет? — спросил Шерзад. — Тогда, когда было время?

— О, многих читал, многих. А любил, знаете ли, Навон. Он не просто поэт. Он философ, и какой еще! Читаешь его и начинаешь постигать смысл жизни. Да... Теперь уже так не пишут... Мудро, мудро, ничего не скажешь. Ну вот это, например, помните?

Зачем себя томить и утруждать,

Зачем себе чрезмерного желать.

Что предназначено, то с нами будет.

Ни меньше и ни больше нам не взять.

Сайфи Сакиевич облегченно перевел дух. Он еще раз многозначительно посмотрел на Шерзада и с явным

удовольствием повторил: «Что предназначено, то с нами будет...»

— Каково? Аж сердце замирает от таких слов! Каков старик Навои! Мудр, проникателен...

— Да,— иронически, без улыбки заметил Шерзад,— Навои-то, конечно, мудр, слов нет, но это стихи не менее мудрого Омара Хайяма. Его вы, очевидно, тоже читали?

— А как же, как же,— нимало не смутившись, засмеялся Сайфи Сакиевич,— и его, старого греховодника, читал и люблю... Тоже был избранник бога, ничего не скажешь! Все писатели — его избранники,— добавил он примирительно.— Ко всем я отношусь с почтением. Как же, люди ученые, а я люблю ученых, хотя, честно признаюсь, сам кончил институт с грехом пополам.

— Какой институт вы кончили? — поинтересовался, скрывая улыбку, Шерзад.

— Конечно, торговый, какой же еще? — Сайфи Сакиевич равнодушно махнул рукой.— Да какая там была у нас учеба... В общем-то кончил! Мы с уважением к науке, братишка, хотя сами учились, признаюсь, кое-как, с пятого на десятое... Вот сын мой — другое дело, недавно закончил аспирантуру, скоро станет кандидатом. С детства увлекается историей. И я ему все время одно твердил и твержу: прошлое и настоящее неразделимы. Чем лучше будешь знать историю своего народа и государства, тем больше научишься ценить настоящее.

«Что ж, вполне серьезная философия»,— подумал Шерзад, внимательно слушая и не перебивая.

— В мои годы,— ободренный этим вниманием продолжал Сайфи Сакиевич,— некоторые мои знакомые начинают хвастаться прошлым. Глупо кажется это мне. Забывать его не следует, конечно, но хвастаться... Зачем? Немало сделано, но пусть это оценят наши потомки... Прошлое — путь в настоящее, так я думаю. Вот, например, недавно был я на концерте эстрадного оркестра «Ялла», знаете, конечно, о таком? И любите, наверное, музыку?

Шерзад молча кивнул, думая, куда на сей раз клонит Сайфи Сакиевич.

— Так вот, сидя там, в зале, и наслаждаясь прекрасными мелодиями, я опять подумал о связи прошлого и настоящего. Как превосходно звучали наши старинные песни на современный лад! И еще я подумал, что без богатых музыкальных традиций в прошлом невозможна была бы и современная музыка. С каким интересом, знаете, зал слушал эту старину!

«Да, интеллектуальный товар лицом,—думал про себя Шерзад.— Тонкая бестия этот директор! И классиков-то он любит, и музыку знает, и историю читит!..»

И, как бы отвечая в который раз мыслям Шерзада, Сайфи Сакиевич самодовольно улыбнулся.

— Не все же нам за прилавком стоять, и мы не лыком шиты, дорогой. В нашем деле все главное, вот в чем дело! Мы обязаны знать и изучать разносторонние вкусы нашего покупателя. А как же иначе?

«А, вот и добрались наконец-то до сути: значит, ты ходишь на концерты для того, чтобы изучить вкусы покупателя? Понятно! Тоже интересно!» — думал Шерзад, по-прежнему внимательно слушая своего соседа.

Сайфи Сакиевич, очевидно устав от такого длительного разговора, поднялся наконец с кровати Шерзада и пошел к своей. Но, не дойдя, обернулся и, приветливо улыбнувшись, сказал:

— Вот как приятно, что судьба свела нас здесь с вами! Дай-то бог поскорее отсюда выбраться! Недалеко от Чиланзара есть место, Мевазар называется... Будете в тех краях — милости просим! Спросите дом Сайфитдина-ака, каждый покажет, от мала до велика всяк знает его. Правда,—засмутился вдруг Сайфи Сакиевич,—немного с участком перестарались: по площади настоящий театр Навои!..

«Если на Мевазаре, значит, соседи. Этого еще не хватало,—с досадой подумал, вставая с кровати, Шерзад, изучающе глядя на соседа.— Может быть, надо учиться жить для себя?.. Как он?..»

— Ну-ка, братишка, садитесь ближе, побалуемся домашними мантами¹.

И Сайфи Сакиевич поднял крышку зеленой кастрюли, которую его жена поставила на тумбочку. По палате разлился ароматный запах перца и приправ.

Перед глазами Шерзада мгновенно, как по волшебству, возникла женщина. Она месила тесто в золотом чане, руки ее, унизанные кольцами, погружались в жидкое месиво. И как только он представил себе эту картину, у него мгновенно пропал аппетит.

— Спасибо, большое спасибо,—поблагодарил он,—я не люблю мучную еду!..

С этими словами Шерзад вышел в коридор и решил пойти поужинать.

¹ М а н т ы — паровые пельмени.

Рождение нового человека воспринимается людьми как явление обычное, закономерное. Смерть же всегда ассоциируется с чем-то противоестественным, насильственным. На самом же деле — смерть явление такое же обыкновенное. Шерзад понял это сегодня.

Ужин подходил к концу, когда он вошел в столовую. Многие больные уже поели и ушли к себе. На столах выснились горы грязной посуды. За столиком у окна, там, где пила по вечерам чай Шаира, сидели три женщины, да четвертый, их сосед, брал еду в окошечке рядом. Больше никого. Шерзад сразу узнал его. Это был тот самый старик, которого три дня назад перевели из коридора в палату. С тех пор Шерзад не видел его ни разу, вот только теперь узнал еще издали.

— Как чувствуете себя, ата¹? — Шерзад подошел поближе.

— Слава богу, сынок! Хорошо! Вот доктора уже разрешили ходить, — сказал он бодро.

На голове его была новая чустская тубетейка. «И лицо утратило недавнюю желтизну, — отметил про себя Шерзад. То ли оттого, что он подстриг аккуратно бороду, то ли почувствовал прилив сил, только оно стало румяным и смотрел он как-то весело. Шерзад быискренне рад выздоровлению старика.

— И кашель вас не мучает больше?

— Слава богу, сынок! — Старик взял тарелку, поданную в окошко поваром, и довольно посмотрел на Шерзада. — Чувствую себя получше. Идемте вместе поужинаем, — пригласил он.

— С удовольствием, — отозвался Шерзад. — Вот только возьму поесть...

Приветливая повариха тетя Маша протянула ему полную тарелку рисовой молочной каши с изюмом.

— Вот, для тебя приберегла, молодец, — задушевно сказала старушка.

— Спасибо, тетя Маша! Не откажусь, если вы дадите мне и двойную порцию масла, если можно...

— Ешь, ешь на здоровье, молодой организм и еды требует много! Что там масло, я для тебя и дочь родную не пожалею!

— Нет дочери, потому так и говорите, — озорным го-

¹ Ата — отец, уважительное обращение к пожилому человеку.

лосом сказал Шерзад и пошел к столу, где сидел старик.

Не успел он протянуть руку за хлебом, как вдруг на пол со звоном упала ложка. В тот же миг Шерзад увидел, что старик стал бледнее полотна, глаза его закрылись, а голова тяжело откинулась назад: он стал медленно падать со стула. Мгновенно вскочив, Шерзад успел схватить его за плечи. С головы старика упала тибетейка, а женщины, увидя это, пронзительно закричали все разом.

Прибежала Шаира со шприцем в руках, за ней следом заведующий отделением. Шерзад видел, как взволнована Шаира, как дрожат ее руки, набирающие в шприц какую-то желтую жидкость для укола.

— Отойдите, пожалуйста, все отойдите, — тихо говорила Шаира, делая укол в руку старика.

Заведующий считал пульс и вдруг, быстро взглянув на Шаиру, готовившуюся делать второй укол, покачал головой.

— Не надо. Есть у него какие-нибудь родственники? Сообщите им...

Все произошло так мгновенно, что Шерзад не успел опомниться. Несколько минут назад они вместе собирались ужинать... Теперь старик был неподвижен, с запрокинутой на спинку стула головой, взгляд остановился, и казалось, он что-то пристально рассматривает на потолке. На полу, рядом с ним, лежала его новая чустская тибетейка.

— Уходите же, я прошу вас, — подталкивая совершенно растерявшегося Шерзада, прошептала Шаира.

В глазах ее стояли слезы, и было удивительно, что она, давно уже работающая здесь, не раз видевшая смерть, не может хладнокровно перенести кончину старого человека. Кто он был ей? По существу никто. Очередной больной, каких она повидала сотни. И кто он Шерзаду? Тоже никто. Однако и Шаира, и он не могли сдержаться слез. Стесняясь неизвестно кого, Шерзад поспешно вытер глаза рукавом больничного халата и, уступая просьбам Шаиры, нехотя отправился в палату. Старик стоял перед ним словно живой. Что видел он на свете? Руки его, на которые Шерзад обратил внимание еще тогда, когда того только что привезли, были натружены и, видно, немало на своем веку повидали всякой работы. Наверное, не знал отдыха всю свою жизнь и трудился с тех пор, как помнил себя. Кем он был, те-

перь уже не имеет значения. Наверное, имел семью, детей, внуков. Где они сейчас, будут ли переживать, что не стало его? Или им все равно? Был — и нет. В голове это не укладывалось — смерть. Человек рождается, умирает, у него свои радости, свои заботы и волнения. В этих заботах проходит жизнь. Как она, эта жизнь, по существу, коротка. И всегда, всю свою жизнь, человек спешит. Торопит события. Спешка эта сегодня потрясает мир. Человек думает — на нем этот мир держится. Но вот он в какой-то миг уходит. Уходит навсегда. Мир же продолжает свою жизнь без него, а ведь на нем все держалось... Именно на нем, на том, который ушел...

Шерзад медленно брел по коридору и думал обо всем этом с грустью. И вдруг все существо его прониклось глубоким спокойствием. Так всегда было, так есть и так будет. В этом великая мудрость мира. И поистине глубокий смысл скрыт в пословице: если ты не рад своему существованию, посети кладбище...

6

«Удивительно все устроено в природе, — подумал Шерзад, стоя у стеклянной двери вестибюля. — Бесчинствует в такой праздник! Сколькo помню, обязательно на Восьмое марта или снег или дождь».

Вот и сегодня с самого раннего утра пошел дождь. И небо совсем не обещало перемен. Однако это был не осенний изнуряющий душу дождь, когда не знаешь, где спрятаться от него, — достанет всюду своей промозглостью и сыростью. С неба падали легкие капли, несущие с собой дыхание весны и тепла.

Шерзад с любопытством рассматривал двор, прислонившись плечом к открытой двери. Дождь все шел и шел, не переставая. Из проржавевшей водосточной трубы рядом с лестницей, у которой были выщерблены ступеньки, лил мутный поток и, оставляя на асфальтированной дорожке извилистый желтый след, стекал в арык, сливаясь там с бурным потоком. На его берегах уже кое-где зеленела первая трава. Ветки тополей, растущих вдоль аллен, размеренно покачивались, словно опьянев от жизнерадостной музыки весеннего дождя. Терпкий запах земли, воспрянувшей наконец от зимней спячки, неуловимо носился во влажном воздухе.

По дорожке, ведущей к соседнему корпусу, пробежала женщина, натянув на голову белый халат. Шлепанье ее туфель на толстой платформе в одно мгновение сли-

лось с ровным убаюкивающим шумом дождя. Секунду поколебавшись, Шерзад, поплотнее запахнув свой больничный халат, решительно сбегал с лестницы. И сразу почувствовал, как на голову ему упали капли дождя.

Стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы не замочить полы халата, он оглянулся и увидел, что почти у каждого больничного окна кто-то есть: непогода загнала всех в здание и теперь больные нетерпеливо поглядывали во двор, дожидаясь конца дождя, чтобы можно было снова выйти в парк. Шерзад ловил на себе любопытные взгляды, провожающие его да самых ворот больницы. «Вот, подумают, сумасшедший, в такой ливень понесло неизвестно куда.— Шерзад ускорил шаг.— Скорее бы уже за ворота!»

Плечи у халата промокли насквозь и противно прилипали к телу. Через проходную он вышел на улицу. Она была пустынна, ни единого пешехода, будто вымерло все. Однако поток машин не ослабевал, больница помещалась на одной из центральных улиц города, поэтому транспорта в любое время дня здесь было предостаточно. Для машин и дождь не помеха, они, разбрызгивая лужи, с шумом проносились мимо, обдавая тротуар высоким веером воды.

Шерзад, держась ближе к больничному забору, перепрыгивая через лужи, приближался к базарчику, который был уже рядом. Наверное, частный сектор проявил оперативность, потому что возник он, как рассказывали Шерзаду в больнице, как только здесь появилось это учреждение. Уже позже построили над торговым рядом навес, как бы окончательно узаконив права этого базарчика. Ходячие больные охотно покупали тут по утрам кислое молоко, сметану, фрукты,— словом, все, что придется по душе. То ли потому, что теперь было далеко за полдень, то ли дождь явился причиной, но торговый ряд пустовал: лишь старичок с редкой бородкой, постоянно торговавший яблоками, да чуть поодаль от него пожилая женщина в черном платке и бархатном жилете с пучками молодой редиски в корзинке ждали покупателей. Подойдя поближе, Шерзад увидел за рядом, почти на уровне прилавка, еще одну женщину. Она сидела на низеньком стульчике, потому-то ее не было заметно. У ее ног стояло большое алюминиевое блюдо, наполненное водой, а в нем крохотные букетики первых весенних фиалок. За ними-то и пришел Шерзад,— не зря, выходит, мок под дождем.

Присев на корточки, он с удовольствием начал пере-

бирать хрупкие букетики. С тонких, словно волосок, нежных черенков фиалок стекала вода. Выбрав, Шерзад поднес цветы к лицу и вдохнул их тонкий, едва уловимый аромат. И сразу же почувствовал, как от этого запаха что-то заволновалось в груди, закружилась голова. «Э-э-э, да ты, старик, совсем того... распустился тут, в больнице!» — подумал про себя Шерзад. И тут же постарался взять себя в руки, поднялся, расплатился с женщиной и пошел обратно. Всю дорогу он вдыхал этот волнующий запах весны и распускающихся трав, запах родной реки Тиниксай, протекавшей на окраине его кишлака, где он родился и рос. Запах этот напоминал давно прошедшее детство, чистые, ровные и спокойные дни, он невольно улыбнулся. И уже не чувствовал дождя, который все лил и лил и совершенно промочил все волосы, халат и ботинки. Весь мокрый, но очень счастливый вошел он в коридор больницы. Тщательно вытерев ноги, чтобы не наследить, заглянул в процедурную, где сегодня дежурила Шаира. Но комната была пуста, на столе у окна, покрытом белой клеенкой, в стерилизаторе кипела вода, а из-под плотно закрытой крышки выбивался пар, от которого совершенно запотела половина окна. Пройдя на цыпочках через комнату, Шерзад положил на стол, подальше от кипящей воды, букетик фиалок и быстро вышел, стараясь никому не попасться на глаза, будто школьник, совершивший недостойный поступок.

Половина дела была сделана. Теперь осталось поздравить Доктора-апа.

«Что я ей скажу? С Шаирой получилось очень удачно. Очень! Так что же говорят в таких случаях? — думал Шерзад, останавливаясь около ординаторской.— Ну, скажу просто: вот, мол, принес вам фиалки...»

Шерзад колебался мгновение, потом решительно открыл дверь, остановился на пороге. Доктор-апа не одна. Она сидела на диване у стены. Рядом с ней в белом халате стоял молодой светловолосый человек. «Врач, наверное, или посетитель...» — подумал Шерзад. А посередине комнаты, одетый в ярко-синий костюмчик, сидел прямо на ковре малыш, необычайно похожий на светловолосого человека. Открывшаяся дверь привлекла его внимание, и он с трудом стал подниматься на ножки. Ему это в конце-концов удалось, чем он был очень доволен. Поднявшись, он засеменил к двери, но, пройдя несколько шагов, снова сел. Доктор-апа внимательно

следила алышом и, когда он сел, громко рассмеялась Шерзад улыбнулся и этому симпатичному парню, и его малышу, и доктору, которая, увидя Шерзада, поднялась с дивана. Смущаясь, он протянул ей фиалки.

Вдохнув их аромат, Доктор-апа взволнованно поглядела на Шерзада.

Спасибо,— тихо сказала она.— Я очень люблю фиалки!..

Растроганный Шерзад не знал, что ответить на эту благодарность, стесняясь все более, оттого что казался себе неловким и неуклюжим пятясь, добрался наконец до выхода.

Едва очутился он в коридоре, как услышал радостный возглас:

— Писателям — пламенный привет!

— Абдувахид, ты! Как здорово, что пришел!

И Шерзад бросился навстречу другу, который в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, стоял у дверей вестибюля: его заботило отсутствие халата. Шерзад крепко обнял и приподнял Абдувахиду, как пушинку. На секунду Абдувахид повис в воздухе, беспомощно болтая ногами. Глаза его сузились от смеха, губы растянулись в улыбку

— Пусти, глупый, поясницу мне сломаешь, что я тогда делать буду? — молил он сдавленным голосом в железных объятиях Шерзада. Ну скажи на милость, какой же ты после этого больной? Кто в это поверит, рассказывай сказки!

Рассмеявшись от души, Шерзад наконец отпустил его

Честное слово, ты совершенно не похож на больного! с этими словами Абдувахид отошел на шаг и окинул серьезным взглядом с головы до ног своего друга. Каким образом ты очутился-то здесь? Расскажи, сделай милость!

Честно говоря и сам удивляюсь,— рассмеялся Шерзад. Привезли без моего ведома и уложили тут.

Они так были увлечены друг другом, что Шерзад только сейчас заметил, что вестибюль полон людей: был час посещения. А они так раскричались, обрадовавшись встрече, что ничего не замечали вокруг. Спохватившись, Шерзад приложил палец к губам и провел друга к укромной скамейке в углу вестибюля. По дороге тот продолжал допытываться:

— Почему не сообщил сразу? И это друг называется! Я с ног сбился, тебя разыскивая! А ты... столько дней прошло, кого ни спрошу, никто ничего не знает!...

Его миндалевидные глаза теперь смотрели серьезно, голос звучал твердо.

Шерзад покаянно глядел на его мокрый плащ, который был широк в плечах, на острый подбородок с едва заметной бородкой, на нервно нахмуренные брови и терзался угрызениями совести. «Ну, скотина, ну, нахал! Человек переживает от души, разыскивает тебя, а ты тут и, не болея-то по-настоящему, не можешь подойти и набрать номер редакции! — корил он себя последними словами.— И ведь главное, он твой друг, настоящий друг, за что же ты так?..» Шерзад и себе-то не мог дать точный ответ, почему он так поступил, Абдувахиду же — тем более. И чтобы не касаться уже этой темы, спросил друга:

— На мотоцикле приехал?

Это было прошлогоднее приобретение Абдувахиды. Мотоцикл «Ява», давнишняя мечта. Им, когда было нужно, пользовался и Шерзад.

Абдувахид рассмеялся в ответ:

— Какое это теперь имеет значение? Поправишься, что ли, быстрее, если будешь знать, на чем я к тебе приехал? Или покататься хочешь?

— Ты же видишь, я здоров как бык! — развел руками Шерзад. — Расскажи лучше, что нового у нас в редакции?

— Все по-старому, старик! — Абдувахид, откинув полу плаща, достал из кармана брюк сигареты, выбил щелчком одну и хотел было уже зажечь спичку, как внезапно спохватился. — Забыл совсем, что здесь больница! — и положил сигарету обратно в пачку.

Немного помолчали, потом Абдувахид сообщил новость:

— Да, ты знаешь, раза три или четыре тебя спрашивал редактор!

Шерзад не удивился, шеф время от времени поручал ему серьезные дела.

— Не говорил зачем?

— Да вроде жалоба пришла. Говорят, письмо — готовый фельетон.

— Нет! Фельетоны я писать не буду. Передай, пожалуйста, редактору, — резко ответил Шерзад. — Пусть по-

ручит это дело другому, не я же один, в конце-то концов...

Он и в самом деле никогда не писал фельетонов. Не его это был жанр. Вот рассказ, очерк — это всегда с радостью!..

— Между прочим, жалоба та пришла из твоего родного кишлака,— в задумчивости проговорил Абдувахид.

— Ну и что же, что из моего, это дела не меняет! Нисколько! Если уж на то пошло, то я никак не могу закончить свою статью о театре... Все времени нет, а проблемы эти меня интересуют несравненно больше, чем склочные дела... Да мы с тобой об этом говорили не раз, о театре, ты знаешь...

Что же, старик, тебе видней! — сказал Абдувахид, собираясь уже уходить. — Меня тут предупреждали, чтобы я с тобой не очень-то о делах разговаривал... Говорят, тебе еще вредно об этом думать. Вот мама моя хочет прийти к тебе завтра. Она спрашивает, что тебе принести?

— Пусть тебя приведет за руку! Посидим, поговорим! — Шерзад посмотрел ему в глаза и ткнул шутя кулаком в плечо.

— Медведь, вот ты кто! И шутки твои медвежьи! — сморщив лицо, Абдувахид потер свое плечо. — А еще больной называется!

Они взглянули друг на друга и внезапно расхохотались весело и беззаботно, как умели хохотать только во времена своего студенчества.

Абдувахид шел по дорожке к воротам, а Шерзад вспоминал, как они впервые познакомились на первом курсе, когда ездили в хлопководческий колхоз в самом начале учебного года. Вспоминал дружные чаепития дома у Абдувахида, который всю свою жизнь прожил здесь, в Ташкенте. Вспомнил мать друга, которая не звала его, друга сына, никогда иначе как «сын мой». А когда оба кончили институт и стали работать вместе, в одной редакции, Шерзад вспомнил, как радовалась этому мать Абдувахида, — пожалуй, больше, чем сами друзья

7

Он спал. Ему снился странный сон. Будто идет он по дороге, и на землю спускаются сумерки. Что за время дня — неизвестно: то ли после заката солнца, то ли пе-

ред рассветом Помнит одно: были сумерки. По обеим сторонам дороги густой кустарник. И возникло такое ощущение, словно когда-то он уже проходил по этим местам, но все никак не мог вспомнить когда. Вдруг впереди, в самой чаще, появился Абдувахид. Раздетый, в одних спортивных трусах и майке, на голове тибетейка, совершенно такая же, как у того старика, который недавно умер. Абдувахид никогда не носил тибетейку. И когда же это он успел постричься наголо? Шерзад позвал друга, но голос почему-то пропал. Подумал было побежать за Абдувахидом, да ноги стали ватными и не слушаются. В тот же миг Абдувахид превратился вдруг в старика. Обернулся на Шерзада, остановился и, хватаясь за куст, стал наклоняться в сторону. Глаза закатились, голова запрокинулась. Слетела на землю тибетейка...

«Это же сон, сон! — уговаривал себя Шерзад, проснувшись и пытаюсь стряхнуть с себя оцепенение.— Что за чертовщина, разве человек должен испытывать страх перед сновидениями?»

Теперь он окончательно пришел в себя и понял, что лежит в палате, что все это сейчас пройдет, но тем не менее не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Оказывается, нет ничего страшнее, чем проснувшись в здравом уме и твердой памяти, почувствовать себя словно парализованным.

Наконец, несколько раз глубоко вздохнув, Шерзад смог повернуться на бок. Он облегченно вытер выступивший на лбу холодный пот и, не поднимаясь с кровати, протянул руку к тумбочке, где стоял чайник с остывшей водой, попил прямо из носика. Наконец мир обрел реальность. Шерзад внимательно огляделся. В палате стоял полумрак, через застекленную верхушку двери из коридора просачивался свет. Значит, уже наступил вечер. Или ночь. Блестела никелированная спинка кровати, за окном шумел ветер. Сайфи Сакневич, натянув до подбородка одеяло в белом пододеяльнике, спал с открытым ртом.

«Что со мной? — в который раз спрашивал себя Шерзад.— Кажется, это состояние называется торможением, так по крайней мере говорил профессор Рауф Абдуллаевич в одно из своих посещений». Объяснялось это, как сказал профессор, перенапряжением нервной системы. Когда человек спит, она отключается. После пробуждения ее клетки вновь начинают усиленно работать. Иногда реакция торможения длится по времени

несколько дольше. Тогда-то человек чувствует себя абсолютно беспомощным, не может управлять своими движениями. «Не думайте об этом слишком часто, все наладится», — пообещал тогда Рауф Абдуллаевич.

«Легко сказать — не думайте. Для чего же тогда человеку голова, если ему и думать не надо в такие вот критические минуты жизни. — Шерзад, скрипя кроватью, перевернулся на спину. — Да можно ли вообще жить, хоть миг не думая ни о чем?..»

Бывает, просыпаешься вдруг, когда видишь приятный сон, а потом, как ни старайся, продолжение уже никогда не увидишь. Наоборот, дурной, страшный сон, который пытаешься отогнать, возвращается, словно бумеранг. Вот и теперь, словно возвращение страшного сна... На тумбочке Сайфи Сакиевича Шерзад увидел зеленую тюбетейку, и в голове его снова засела мысль о той, чувстской, покойного старика...

Он закрыл глаза, вновь перед ним возник старик. Не зря Шаира прогоняла тогда Шерзада из столовой, где все это случилось. Не зря. Будто знала, как тяжело все это обернется для него... «Надо заснуть, надо заснуть! Что же это я не попросил снотворного на ночь! Интересно, кто сегодня дежурит? Да кто бы ни был, теперь уже поздно беспокоить...»

Шерзад посмотрел в окно. Там шумел ветер, но небо было ясное, в окно заглядывал круглый диск луны, ветки урючины с набухшими почками без устали раскачивались под ветром. Все так же безмятежно спал на своей постели Сайфи Сакиевич. Шерзад ни разу не видел его без тюбетейки. Сейчас он разглядел, что гладко выбритая голова соседа как бы двухцветная: надлобие красноватое, макушка же, которая постоянно была под тюбетейкой, — белая и круглая. «На капусту похожа!» улыбнулся Шерзад. — Та тоже, если лежит на земле, становится такой же белой, но именно та часть, которая соприкасается с землей». От этой мысли Шерзаду стало весело. «Неплохая деталь, пригодится когда-нибудь, надо запомнить...»

Сайфи Сакиевич во сне причмокивал толстыми губами и время от времени что-то бормотал. «А сын очень похож на батюшку», не сводя глаз с соседа, подумал Шерзад. С его сыном он познакомился несколько часов назад.

Перед сном Шерзад вышел подышать свежим воздухом. Вернувшись в палату, увидел сидящего на своей постели парня. В наброшенном поверх костюма халате,

в модном цветастом галстуке, повязанном широким узлом, закинув ногу за ногу в черных лакированных ботинках, он, как заметил Шерзад, не испытывал никаких неудобств оттого, что устроился на чужой кровати. Его плащ был небрежно брошен рядом.

Сайфи Сакневич лежал, повернувшись лицом к этому парню. И едва Шерзад вошел, представил ему сына. — Вот и мулла¹ Сираджин к нам пожаловал! Прошу любить и жаловать!

Сираджин мгновенно поднялся с постели, улыбнулся, сжал руку Шерзада своими крепкими ладонями.

— Очень приятно! Читал вашу книгу!..

Шерзад не стал спрашивать, какую именно, хотел поблагодарить за внимание, он Сираджин опередил его своим вопросом:

— Как чувствуете себя?

Он был похож на отца, очевидно, копия его в юности. Такие же толстые губы, круглое лицо, рано поредевшие волосы — все это отцовское. Только глаза другие. Голубовато-серые, они глядели лукаво-веселой улыбкой, и вместе с тем в них чувствовалась какая-то настороженность.

— Спасибо! — без особой приязни ответил Шерзад.

— Не скучаете с моим стариком? — кивнув в сторону отца, панибратски спросил Сираджин. — Советую потолковать с ним на досуге, убедитесь: старик многое повидал в своей жизни и даст вам немало ценных советов касательно бытия...

Сираджин засмеялся, и его хохот неприятно подействовал на Шерзада. Он терпеть не мог, когда молодые, вроде вот этого, называли пожилых людей так пренебрежительно. Пусть даже Шерзад не питал особой симпатии к своему соседу по палате, но ведь тот был человеком в возрасте, а стало быть, обращения подобного он не заслужил, тем более от родного сына. Но, как говорится, не лезь со своим уставом в чужой монастырь... Чтобы как-то поддержать разговор, спросил Сираджина:

— Вы, кажется, историк, ваш отец говорил?..

— Да, совершенно верно. Вот недавно аспирантуру закончил. Теперь жду, когда мою диссертацию обсудят на кафедре, — посерьезнев, ответил Сираджин. Потом,

¹ Мулла — грамотный, образованный человек. Употребляется также при почтительном обращении в сочетании с именами собственными.

посмотрев на отца, добавил:— Хотел сегодня встретиться с домлой¹. Он просил, чтобы я к нему приехал.

— Поезжай сынок, поезжай! — Сайфи Сакиевич поднялся, кряхтя, с кровати.— Да передай ему привет от меня.

— Передам! Наверное, домла сам скоро навестит вас, вчера договорились с ним, я привезу его.

— Пусть не беспокоится, я не обижусь, если и не приедет, занятой он человек, своих дел не переделать.

— Как получится, может, и соберется, тогда заедем! Ну, я пошел! До свидания! — Сираждин крепко стиснул руку Шерзада, кивнул на прощание отцу и вышел, широко распахнув дверь. Наверное, туфли его были подбиты металлическими подковками — из коридора еще долго доносилось цоканье его шагов.

«Да, очень похож на отца,— взглянув в который раз на Сайфи Сакиевича, подумал Шерзад.— Видно, парень не промах!»

Он повернулся к стене. «Надо спать, надо спать»,— уговаривал он себя настойчиво. Наверное, нет большего мучения для человека, чем бессонница. Раньше он не понимал, как это можно не уснуть, когда хочется спать. Не понимал и людей, жаловавшихся на бессонницу. Прежде он по ночам просиживал за письменным столом — самое спокойное время. Бывало, когда хорошо работалось, исписывал страниц по двадцать, а потом сваливался как подкошенный. И мгновенно засыпал, едва голова прикасалась к подушке. Рано утром поднимался как ни в чем не бывало и шел на работу.

Когда же к нему пришла бессонница? Да, он хорошо помнит: вскоре после поездки на Памир. По возвращении он стал спать очень плохо. Интересной была та поездка. Однако Шерзад не сделал, что собирался: он ездил в Бадахшан, чтобы собрать материал для давно задуманного романа. Романа, однако, не получилось. Пока. Хотя труда вложено немало. Получилась повесть. И на совершенно иную тему...

Вспоминая об этом теперь, три года спустя, он снова почувствовал ставший уже привычным в последнее время шум в голове. Зажмурив глаза, стал прислушиваться к тому, что делается за окном. Настойчиво стучалась в окно урючина, и в конце концов Шерзада стал потихоньку одолевать спасительный сон. Именно в это бла-

¹ Домла — учитель. Почтительное обращение к человеку в знак уважения.

женное мгновение ему почудилось вдруг, что скрипнула дверь.

Шерзад не открывал глаза, боясь, что если он сделает это, сон пропадет. Однако на лицо его упала полоска света, дверь в самом деле открылась. Шерзад приподнял голову. У его постели стояла Шаира. Халат у нее был распахнут, в вырезе воротника виднелась нежная отделка розовой комбинации, волосы, всегда аккуратно уложенные днем, теперь свободно падали на плечи.

«Значит, сегодня дежурит она!» — почему-то обрадовался Шерзад. Она предостерегающе приложила указательный палец к губам, прикрыла за собой дверь. Шерзад приподнялся в постели, опираясь на подушку. Бесшумно ступая в мягких, домашних туфлях, Шаира села на стул возле кровати. Нежный запах ее духов донесся до него.

Почему не спите? шепотом спросила она.

Не знаю, так же тихо ответил Шерзад. Не идет сон.

— Раз не спите, не поможете ли мне? — таинственно сказала Шаира.

— Хорошо! не задавая лишних вопросов, согласился Шерзад.

Как только они вышли в пустынный коридор, где гулко раздавались их шаги, и закрыли за собой дверь, Шаира, прислонившись спиной к стене, рассмеялась, не в силах сдержаться.

— Над чем это вы так смеетесь, Шаира?

Станный вы, ей-богу! — трогая кончиком пальцев свои ресницы, сказала Шаира. — Ну хоть бы поинтересовались, какая помощь мне нужна.

«Дурачком она меня, что ли, считает! подумал Шерзад. Вытащила из постели посреди ночи. А действительно зачем?»

И, как бы отвечая на его немой вопрос, Шаира пояснила:

Надо наполнить кислородные подушки, могут понадобиться. Пойдемте, а то одной страшно!..

— Пожалуйста, — сухо сказал Шерзад. Я готов. Шаира, кажется, поняла, что рассердила его, и, чтобы смягчить ситуацию, улыбнулась.

Вот и прекрасно! Пошли!

В коридоре было светло, блестел пол, покрытый линолеумом, из палат доносились неясные звуки: чьи-то стоны, кто-то кашлял.

Они прошли в вестибюль и свернули налево в полу-

темный коридорчик Там располагались подсобные помещения больницы. Шаира быстро шла впереди. Шерзад — за ней, глядя, как мелькают перед ним ее стройные ноги. Наконец они очутились у маленькой низкой дверцы в конце коридора. Шерзад перевел дыхание. Шаира отперла дверь и вошла в темноту. Шерзад ждал, когда она включит свет, чтобы идти следом, однако она не спешила или не могла сразу найти выключатель. Наконец раздался ее шепот:

— Входите же, что вы стоите?.

Шерзад вошел и тотчас остановился на пороге крохотной, полутемной комнатки, неясный свет уличного фонаря осветил Шаиру.

— Я была очень рада. — сказала она вдруг.

— Чему?..

— Фиалкам, чему же еще?! — последние слова она произнесла с неприятным жеманством. Он никогда не слышал прежде подобных интонаций в ее голосе. — Знаете, мне ведь никто никогда не дарил фиалок... Цветы конечно, дарили, а вот фиалки...

Она замолчала. В наступившей тишине Шерзад слышал неровное дыхание. Его сердце отчего-то тоже заколотилось, и он шагнул к ней. И в тот же миг трепетные руки Шаиры обвинили его шею, а горячие ее губы прильнули к его губам. Распущенные волосы щекотали лицо. Казалось, он опьянел от их запаха, такого неизвестного и нежного.

— Вы бесчувственный! — упрекнула его Шаира. — Ничего-то вы не понимаете!..

Шерзад оторопел. Она была так близко, тело ее было так податливо и ласково, что на мгновение он потерял дар речи и стоял словно оглушенный.

— Почему-то последние дни я все время думаю о вас... Все время!.. Неотступно!.. — голос Шаиры дрожал.

«А ты, ты?» — лихорадочно думал Шерзад. — Ну, признайся, ничего подобного ты не испытываешь... Тогда зачем все это?»

— Шаирахон, я... — несмело начал он. И, решительно вдруг отстранившись, тихо сказал — Шаирахон, ваш муж...

Шаира изумленно уставилась на него.

— Нет у меня никакого мужа! — в глазах ее сверкнуло негодование. И вправду говорят: от любви до ненависти — шаг. — Он умер, умер, понимаете вы это?!

Ему стало еще более неловко в этой глупой ситуации. Зачем-то про мужа брякнул ни с того ни с сего!..

— Поверьте, Шаирахон, я ведь вас очень уважаю. — он

неловко протянул руку, чтобы погладить ее по голове, как большую обиженную девочку.

Но Шаира не дала дотронуться до себя, резко отвела его ладонь и, отвернувшись к стене, стала собирать в пучок волосы.

Глаза его привыкли к темноте, и он почувствовал, что Шаира беззвучно плачет. Теперь он понял, что ее кокетство, ее улыбки — это лишь способ защиты от одиночества, которое испытывает молодая красивая женщина. И в душе его возникло необоримое желание сделать сейчас, немедленно что-то хорошее, приятное ей. Он снова подошел ближе и осторожно взял ее руку.

— Вы обиделись, Шаирахон?

Она выдернула руку, будто обожглась.

— Уходите, немедленно уходите! — приказала она. — Я не нуждаюсь в вашей жалости! Приберегите ее для кого-нибудь другого!..

Казалось, она ненавидит и его, и себя, и весь белый свет, — столько в ее словах ощутил Шерзад ненависти и злобы. Он увидел вдруг, как подурнело и постарело ее лицо, казавшееся всегда таким привлекательным и юным.

Он отступил к двери и остановился. Перед его взором возник образ другой женщины. Шерзад думал, что забыл о ней; вспомнив, страшно удивился, что именно в такой момент он вспомнил Фариду. Так звали ее. «Ох, и запутанные наши дела земные!..» — глубоко вздохнул Шерзад.

Неподвижно сидела Шаира на краешке кушетки, и Шерзад подивился в который раз, как женщина может демонстрировать свое абсолютное равнодушие: в какое-то мгновение ее взгляд задержался на нем, но он не прочитал в ее глазах ничего, будто его вовсе здесь не существовало.

Он понял, что она успокоилась, и, поколебавшись, молча вышел.

8

Утром Сиражди́н вывел черную «Волгу» из гаража на специальную цементную площадку и стал мыть, поливая из шланга, один конец которого был присоединен к колонке. Вчера он солгал отцу, сказав, что поедет к домле. Знал: что касается домлы — свято, отец никогда не откажет, будет согласен на все.

Вместо обещанной поездки к домле он прожигал

жизнь в ресторане «Бахор» и вернулся домой далеко за полночь. Сиражди́ну нравилось бывать в нем, старом и непривлекательном, однако спокойном, в отличие от ресторанов в центре города, современных и очень людных. В «Бахоре» же никогда не было особенно шумно, встречали знакомые официантки, не лишённые приятности. Но прежде чем поехать туда, он остановил машину против исторического музея. Там он и ждал Зухру. Правда, она не дала твердого обещания, что придет. Но он долго прохаживался около машины, всё ещё надеясь. Конечно, он не сказал ей, что они пойдут в ресторан: обещал интересную экскурсию в спецхран музея, где можно было увидеть интересные находки недавней археологической экспедиции. Но, как видно, ее и это не привлекло. Он битый час проторчал там зря. Наверное, и накануне, когда он встретил ее около театра после репетиции, чтобы побыстрее отвязаться от него, сказала, что должна подумать; сможет ли пойти на следующий день в музей. Значит, и это была лишь отговорка. Зухра, видно, обманула его. «Подумаешь, строит из себя бог знает что, воображает небось себя великой актрисой! — злился Сиражди́н, в волнении колеся вокруг машины. — Строит из себя недотрогу!..»

Самолюбие его было задето, он и вчера негодовал и теперь, моя машину. Бока машины были сплошь залепаны грязью, она с трудом отмывалась даже под сильным напором воды, стекавшей по бетонной площадке грязными струями в арык по обеим сторонам.

Сиражди́н — единственный сын, баловень, жил с родителями. И хотя у самого теперь уже двое детей, не было необходимости жить отдельным домом, несмотря на то, что его собственный дом стоял здесь же, на участке отца. С тех пор как он помнит себя, ему ни в чем не было отказа. Едва научившись ходить, он уже катался на трехколесном велосипеде. Незаметно его сменил двухколесный какой-то заграничной марки. Кончив семь классов, он пересел на мопед, грохот которого не давал покоя соседям ни днем ни ночью. Отец обещал после успешного окончания школы ключи от машины и обещание свое сдержал: в день получения аттестата зрелости во дворе уже стоял новенький красный «Москвич».

В доме часто бывали шумные застолья, много гостей, которые нередко шутили, обращаясь к Сайфи Сакиевичу. «Ноги мулле Сиражди́ну даны не для того, чтобы ходить, а для того, чтобы нажимать на педали!»

Отец отшучивался, смеялся: чего, мол, не сделаешь ради единственного чада!

И действительно, делал все.

Сираджин никогда не стремился учиться хорошо нул кое-как. С трудом давалась ему химия, он не в состоянии был запомнить ни одной формулы прохождения реакции. В седьмом классе выходила годовая двойка. Отец же был в полном неведении, но как-то слу чайно заглянул в дневник сына. Ждали небывалого скан дала, но ничего подобного не произошло. Сайфи Саки евич не повысил голоса, а спокойно спросил, какой раз мер обуви носит химик.

Станный вопрос был задан директором универсама собственному сыну, который, естественно, на него ответить не смог. Но сразу почувствовал, что за этим скрывается какой-то спасительный выход. И еще пусть учитель заглянет в магазин, когда ему будет удоб но, добавил отец. Эту просьбу должен был передать Си- раджин своему учителю химии.

Сираджин промучился тогда всю ночь. Как он сможет сказать такое серьезному, сердитому человеку, как скажет, что отец приглашает его — и куда? — в мага зин!.. Что подумают ребята, если узнают об этом стран- ном предложении!..

На следующий день, помнится, химии по расписанию не было. А Сираджин все перемены простаивал около учительской, не решаясь заглянуть в нее. Лишь после шестого урока он догнал учителя на лестнице и подо- шел. Голос его предательски дрожал, во рту пересохло. Но просьба была передана. Он думал, что немедленно будет спущен с лестницы, ждал чего угодно, только не того, что произошло. Учитель не рассердился, а спокойно спросил, в какое время и час это удобнее сделать. И Сираджин, осмелев, сказал, что когда угодно. Отец ждет и будет рад. Это он прибавил уже от себя, насчет радости...

С того дня он перестал получать двойки. Правда, пятерок тоже не получал, но это уже не имело значе- ния. И на вопрос отца, как теперь идут дела с химией, ответил, что все в порядке и химик к нему совершенно не придирается. И не будет, пообещал отец, — наоборот, будет ува- жать!

Сираджин был в неведении относительно того, стал ли его уважать преподаватель больше, но было совер- шенно очевидно, что он, Сираджин, перестал его ува- жать после этого случая вовсе. По отдельным репликам сына, довольно пренебрежительным и развязным, отец вскоре понял это и попытался внушить ему, что учитель

достоин всяческого почтения, что он еще ребенок, который многое не понимает, что вот когда вырастет, то поймет...

Сираждин вырос и начал понимать.

После окончания школы забот прибавилось. И у отца, и у сына. У отца, потому что он очень хотел, чтобы его единственный сын непременно учился в вузе. А чадо всячески сопротивлялось. У него начисто отсутствовало такое желание. Он, конечно, пошел отцу на уступки: согласился на институт физкультуры. То ли потому, что был от природы подвижен и непоседлив, то ли в силу того, что на школьных соревнованиях по легкой атлетике не раз занимал призовые места и преподаватель физкультуры шутил по этому поводу, говоря, что у него ноги работают лучше головы. Отец несколько растерялся, услышав от сына, что тот собирается поступать в физкультурный. Теперь ведь, по его представлениям, экзамены сдают не дети, а родители, у него же в этом физкультурном ни одного знакомого. Мать подняла страшный крик: как же, единственный сын — если не поступит, ему грозит армия... Кончилось тем, что Сайфи Сакиевич, взяв сына за руку, словно малого ребенка, привел его на исторический факультет. Впрочем, к истории Сираждин не питал особой страсти, как и к химии. Были, конечно, в исторической науке пикантные моменты, которые его весьма интересовали еще в школе. Например, скольких любовников имела царица Екатерина, когда и при каких обстоятельствах Тимур женился на Биби-ханум... Ну, и еще многое другое в том же духе. Естественно, этого было мало, чтобы выдержать вступительные экзамены. Поэтому он был совершенно уверен, что не поступит, эта мысль была ему даже приятна, так как сулила желанную свободу. Его, в отличие от родителей, не пугала мысль о службе в армии. Напротив, он хотел, чтобы его скорее призвали, как многих однокашников и сверстников. Но, увы, подобным надеждам не суждено было исполниться: он был принят в институт — чьи-то бережные руки и на сей раз позаботились о нем.

Студентов с собственной машиной в институте было наперечет. Поэтому очень скоро Сираждин стал как бы местной знаменитостью. Его знали все студенты и все преподаватели, но особое внимание к нему проявлял заведующий кафедрой общей истории, которого на факультете все называли просто домла. Очень скоро Сираждин узнал, что именно домла — друг детства его отца —

принял в нем такое горячее участие, помог поступить в институт даже без достаточного количества проходных баллов, которые требовались при зачислении на этот факультет. Теперь домла, возобновив с отцом на годы прерванные отношения, часто бывал у них в доме. Стал, что называется, своим человеком. А Сираждина называл не иначе как сыном. Нельзя сказать, что все это было очень приятно Сираждину. Да кроме всего прочего — за все нужно было платить сторицей. И он вынужден был платить — по существу стал личным шофером домлы. Он возил его везде и всюду — на заседания, на рынок, к брату и сестре, которые жили на самой окраине города, у черта на куличках. Возил учителя даже в баню. Но однажды взбунтовался: швырнул ключи от машины на стол, чуть ли не в лицо отцу, заявив, что ему осточертело все это: пусть-ка дорогой домла найдет другого извозчика, а он студент, а не личный его шофер. Отец, спокойно выслушав Сираждина, дождался, когда иссякнет ораторский пыл сына. И когда тот после такого непривычно длинного монолога наконец-то замолчал, Сайфи Сакиевич сказал, что ему лет пять, а то и более придется безропотно выполнять шоферские обязанности. Пока, конечно. Коли не можешь прилично учиться, так будь хоть прилежным шофером, ничего не случится, мол, коли повозишь да ублажишь такого уважаемого человека, как домла. Ведь он еще пригодится в жизни, нельзя забывать об этом...

И Сираждин понял, что придется смириться. Что у отца относительно домлы есть какие-то свои, дальние планы, о которых пока он молчит.

У Сираждина тоже были свои планы, правда несколько отличные от отцовских. И он тоже пока держал их в тайне от всех. До поры до времени.

Еще на первом курсе он заприметил девушку. Звали ее Эльмира. И он совершенно не давал ей прохода. Это была самая красивая девушка не только у них в группе, но и на всем факультете. Тонкие, словно нарисованные брови, живые, выразительные глаза. Весь ее облик, вся фигура, манеры были настолько привлекательны, что не было у них, пожалуй, парня, который не пытался бы за ней ухаживать. Но она словно никого не замечала вокруг. Не обращала она поначалу внимания и на Сираждина. Полнейшее безразличие девушки больно задевало его самолюбие — он не привык, чтобы ему в чем-то отказывали. Но оказалось, не так-то просто было сломить ее равнодушное отношение. За всю свою жизнь Сираждин не проявлял никогда такой настойчивости. В ход

шли любые средства. Цветы. Их он дарил просто так, без всяких к тому поводов. А сердце какой женщины не дрогнет при проявлении столь любезных знаков внимания. Приглашение на все премьеры, куда мало кто был в состоянии достать билет. Подарки, скромные, но изящные. И конечно, весьма дефицитные, такие, как помада, тени, духи, да все притом заграничное.

Так он медленно шел к намеченной цели и был уверен, что добьется своего. Чем Эльмира была не жена для него? Именно такая ему была нужна.

В начале второго курса Сираждин поделился наконец своей тайной с родителями, но ожидаемого эффекта новость не произвела, особенно на отца. Скорее напротив: он был озадачен таким оборотом дела, ибо перспектива породниться с работником трамвайного депо, а именно там служил много лет отец Эльмиры, совершенно не радовала его. У матери, как выяснилось, тоже сложился собственный идеал невестки, и Эльмире было до него, к сожалению, далеко. Поэтому в день, когда состоялся разговор о предстоящей женитьбе, она как человек менее выдержанный, чем отец, грозилась, что проклянет сына, если вопреки ее согласию он решится на этот шаг. Однако Сираждин проявил не свойственную ему настойчивость, и вопрос был решен. Свадьбу сыграли пышную. В два приема. Одну для родственников и именитых гостей. Другую — для курса. Казалось, счастье, завоеванное таким трудом, должно было быть прочным и долгим. Однако ничего подобного не случилось. Для Сираждина, баловня судьбы и родителей, невеста, а потом и жена стала очередной игрушкой, позабавившись с которой он начал так же быстро к ней остывать, как к любой другой, дорогой, но порядком уже надоевшей вещи. И не скрывал этого своего охлаждения. Только удивлялся иногда, что даже прелести молодой жены, ее глаза, губы, волосы, от которых он, казалось, был сначала без ума, теперь его совершенно перестали волновать. Эльмира же превратилась в обыкновенную, как тысячи других женщин, проходящих мимо, на которых даже и взгляд его не задерживался. Порою он чувствовал себя несколько обделенным, обиженным, потому что встречались женщины куда более привлекательные, чем собственная жена. При желании, думал он, любая из них была бы счастлива выйти за него, но вот надо же, он попался на крючок именно к ней, Эльмире. По прошествии времени он стал думать только так: это она, коварная, искусно расставила сети и ее

мнимое равнодушие к нему было наверняка лукавым притворством.

Жизнь между тем не стояла на месте, доставляя Сираждину порою и огорчения. Эльмира бросила институт, родив через год после свадьбы мальчика. Прошел еще год, и в семье Сираждина появилась девочка, вылитая копия отца. Но дети не радовали молодого папашу, у него были свои заботы, существовавшие отдельно от забот его семьи. Они с женой были далеки друг от друга так же, как в самом начале их жизни под одной крышей. Нельзя сказать, что жизнь эта шла Эльмире на пользу. Она заметно (в ее-то годы!) постарела и подурнела. Не было прежней живости движений, пропало обаяние юности, хотя по существу она была очень молода и привлекательна: равнодушие Сираждина к ней и детям сделало ее такой. Раздумывая нередко о последствиях своего замужества, Эльмира приходила к выводу, что Сираждин проявляет несравненно больше внимания к машине, чем к собственным детям. Вообще машина была предметом его постоянной нежной заботы и любви. Этому в немалой степени способствовал и отец: перед окончанием института он позаботился, чтобы красный «Москвич», изрядно потрудившийся перед этим пять лет, сменился новенькой черной «Волгой» ГАЗ-24. Получив диплом, Сираждин поступил в очную аспирантуру. Об этом уже позаботился добрый домла, который стал его научным руководителем. Когда-то, в былые времена, Сираждин недоумевал, что поступил в институт. Теперь же его несколько не удивило, когда из нескольких, более сильных претендентов выбрали именно его: в аспирантуре было всего одно место. Не зря говорят; «Наукой заниматься — все равно что иголкой колодец копать». Теперь он часто повторял самому себе, когда становилось совсем уж невмоготу: не умеешь орудовать этой самой иголкой, вози своего шефа — цель оправдывает средства... Отец понимал толк в таких делах, и, когда время от времени Сираждин пытался бунтовать и отказывался возить домлу, родитель каждый раз напоминал о разнице оклада преподавателя истории средней школы и кандидата наук вуза. Довод этот действовал безотказно, и какое-то время Сираждин занимался науками, просиживая за книгами в архивах в поисках материалов для будущей диссертации.

Прошло два года, а конца и края этой немилой сердцу работе все еще не было видно. Домла особенно и не торопил, хотя посильную помощь время от времени и

оказывал, тем более что в ту пору это было совсем нетрудно: он еще заведовал кафедрой. Так Сираждин благодаря заботам домлы еще до защиты получил вполне приличную нагрузку и преподавал в институте. Но потом все круто вдруг изменилось. заведующим кафедрой был назначен профессор Килыч Валиевич, недавно защитивший докторскую в Ленинграде. После этого события домла как-то сразу изменился, постарел. Хотя он и остался на кафедре, отношения его с новым заведующим да и со всем коллективом кафедры, были сложными: его не любили за прежнее высокомерие.

К Килычу Валиевичу домла испытывал чувства сложные, главным из которых была, пожалуй, ненависть, жгучая и постоянная, не оставляющая его в покое ни на работе, ни дома, ненависть, которую он не в состоянии был подавить, как ни старался. Сираждин видел полное одиночество учителя, но в душе его не шевельнулось ничего похожего на сострадание: чем труднее было домле, тем настойчивее зрело в нем самом желание скорее покончить с ненавистной диссертацией. Но он прекрасно понимал: чем дальше, тем домле все труднее осуществить его защиту. Но в то же время он знал также, что никто с ним не будет возиться так, как домла, с ним и с его работой, которая, как он и сам понимал, не представляла в научном отношении особой ценности. Время Сираждина по-прежнему делилось на «свое» и «чужое». «Свое» он проводил, как хотел: катался на машине, делал иногда по сотне километров в день, обедал в ресторане.

«Чужое» принадлежало домле, и теперь из-за усложнившихся обстоятельств он более внимательно исполнял все поручения домлы. Диссертация не могла ждать.

Вот и вчера он был намерен поехать с Зухрой по городу, а если представится возможность, то и в ресторане посидеть. Не получилось, однако. Теперь же отчищал от грязи машину...

Помыть ее сверху не представляло особой трудности. Но вот внутри!.. Кто-то сядет в грязной обуви, а ты потом мой, согнувшись в три погибели. Сираждин даже вспотел, пока выбил пыль с заднего сиденья да из складок атласной занавески на заднем стекле. Потом до блеска вымыл шины, протер никелированный резной обод. Машина была предметом его постоянной заботы, он вылизывал ее до блеска, словно заботливая корова

своего теленка, постоянно меняя игрушки, подвешенные у ветрового стекла.

Наконец мытье было закончено, и он облегченно вздохнул. Достав с заднего сидения, покрытого вельветовым чехлом, пачку сигарет, облокотился на капот и наконец с наслаждением затынулся. Оглядел двор и сад. Красноватые ветви яблонь и груш уже наливались соком и вот-вот должны зацвести. Розовые почки персика своей гладкой кожицей были похожи на жемчужины. Голо торчали в цветнике коротко обрезанные кусты роз. Еще не откопали виноградник, зарытый на зиму у навеса в центре двора. А что тут творилось летом! — настоящий райский уголок. Розы, райхан и астры радовали глаз до поздней осени. Навес, который поддерживали шесть резных столбов, обвивали ветви винограда. В мраморном бассейне плавали форели, которых Сайфи Сакиевичу удалось достать бог знает где. Навес был открытый, поэтому зимой сырость неизбежно каждый год размывала на потолке рисованные цветы и павлиньи перья, а паркетный пол, впитывая влагу, коробился и трескался. Но Сайфи Сакиевич как хозяин рачительный терпеливо восстанавливал прежний порядок: подновлял пол и потолок, приводил в порядок бассейн, предмет его особой гордости. Во всей округе вряд ли бы нашелся такой участок, который бы мог сравниться с этим, — подобный порядок и чистота не были под силу каждому. Рядом с отцовским стоял дом Сираждина. Оба из красного жженого кирпича. Но мало ли завистников на белом свете! Боясь косых взглядов и длинных языков, которые, когда голоден — не помогут, а сыт — ненавидят, хозяин оштукатурил оба дома, одел их в «шубу из мраморной крошки. Но, вопреки ожидаемому результату, они стали красивее прежнего. Не зря ведь говорят: коли в кармане много денег, то и в голове ума хватает... Дома и в самом деле были всем на удивление. В каждом по пять комнат, зал, веранда, при каждом — гараж. А у Сайфи Сакиевича — еще амбар и конюшня. Он очень любил лошадей. Сейчас, правда, конюшня была пустая, но в прошлом году здесь стояла лошадь рыжей масти с черными глазами, блестящими словно звезды в небе. Но в ночь под Новый год она сдохла, и хозяин горько оплакивал ее кончину, словно ребенка потерял...

Вспоминая об этом теперь, Сираджин подумал, что если уж его старику невмоготу будет без лошади, так тот расстается и достанет себе новую. Ему это по кар-

ману, беспокоиться нечего. Он был уверен, что отец может многое. Подумав об этом с явным удовольствием, Сираждин улыбнулся и пошел по бетонной дорожке к высоким ступенькам веранды.

Нынче понедельник, и у него в институте не было занятий.

Однако каждый понедельник на кафедре бывает дома. Приезжает ровно в одиннадцать, хоть часы проверяй. Значит, и Сираждин должен быть там. Какая муха укусит сегодня старика, что он еще там для него придумает, что поручит... Так размышляя, Сираждин поднялся к себе на веранду, застланную толстым ковром, глушившим шаги. Здесь царил беспорядок. Раздражаясь отчего-то все более, Сираждин бросил взгляд на стол. Остатки завтрака, куски разрезанного торта, грязная посуда вперемешку с детскими игрушками. Кресло перевернуто, — наверное, играли дети, а Эльмире, конечно, некогда... Да вот и она сама за швейной машинкой. Господи, и что за неряха! Волосы распущены, и, хотя она рукой придерживала шитье — какую-то яркую пеструю ткань — ее безразличный взгляд был устремлен в одну точку. Цветастый халат был ей велик и болтался на ней, словно на вешалке. «Ну коза, настоящая коза, — с неприязнью подумал Сираждин, — только и дел у нее, что плодиться!..»

В спальне был такой же беспорядок, как и на веранде. Порывшись в гардеробе и не найдя подходящих брюк, Сираждин разозлился окончательно. Все костюмы, висевшие на вешалках, оказались нечищенными и мятыми. В первые месяцы после свадьбы Эльмира аккуратно следила за домом, все у нее блестело, любая работа горела в руках. Теперь она не пеклась о доме, как прежде, равнодушие ее стало постоянным. И только изредка, когда появлялись гости, она немного оттаивала и отдаленно напоминала ту прежнюю, веселую и беззаботно-красивую девушку, которой он так долго когда-то добивался. Она любила готовить и делала это искусно. Но постепенно разлюбила и это занятие, видя, с каким равнодушием воспринимал муж проявление ее кулинарных способностей: он предпочитал еду в хорошем ресторане. Она знала это. И теперь иногда только старалась, возилась на кухне, когда к ним кто-нибудь приходил, а это тоже случалось все реже и реже.

Сираждину надо было уже спешить: провозившись в поисках подходящей рубашки и брюк, он опаздывал к одиннадцати на кафедру. На веранду вышел взвинченный до предела

— Руки у тебя, что ли, отсохли? — крикнул он. — Не умерла бы, если б брюки хоть раз прогладила!..

Жена спокойно повернула голову:

— Посмотри внимательней! Они выглажены, лежат на кровати!

«Еще и огрызается, подумаешь! — Сираждин от злости закричал зубами. — Того и гляди прямо кинется! И что только бесится? Дом — полная чаша, живет словно барыня! Чего только не хватает? Ух эти женщины!..»

Надев туфли и завязав шнурки, он исподлобья и с отвращением поглядел на жену, которая, отвернувшись, сидела за машинкой. Однако сейчас у него не было ни желаний, ни времени затевать ссору, и он, не простившись, сбежал по лестнице в сад. Именно в этот момент вдруг громко и протяжно просигналила машина. «Вот окаянный, — повернув голову в сторону, откуда несся сигнал, подумал он. — Должно быть, опять, дрянь этакая, балуется!»

И в самом деле, его четырехлетний сын уже сидел за рулем, обе передние дверцы были распахнуты, и Сираждин прибавил шагу. Без шапки, с растрепавшимися волосами, сын с упоением крутил баранку и, сложив губы бантиком, издавал звук, подобный шуму мотора. Забыв обо всем на свете, он забрался с ногами на вельветовый чехол, где четко отпечатались его маленькие следы с комками прилипшей к ним мокрой грязи.

— Пап, прокатишь? — переводя дух, в нетерпении спросил малыш, завидя отца.

— Я тебя сейчас прокачу!.. — Сираждин больно схватил его за руку и вытащил из машины.

Тот отчаянно упирался, хватаясь свободной рукой за чехол и размазывая по нему остатки этой грязи. Наконец его удалось вытащить из машины. Наподдав ему увесистого шлепка, Сираждин, чертыхаясь, попытался наскоро привести машину в порядок. Он спешил и злился. Малыш стоял рядом, улыбался отцу и все еще не терял надежды прокатиться. Но тот, даже не взглянув на ребенка, вывел машину за ворота и что было духу помчался в город.

Машина легко скользила. В открытое боковое окно врывался теплый весенний ветер и трепал редкие волосы Сираждиня. Они падали на лоб, мешая смотреть вперед, однако это, как ни странно, не только не раздражало его, а, напротив, успокаивало. По мере того как он все дальше отъезжал от собственного дома, настроение его улучшалось. Каждый раз он резким кивком от-

кидывал упавшие волосы назад, с удовольствием поглядывая по сторонам, благо в эти поздние утренние часы движение уже не было столь интенсивным. По-весеннему оживленные улицы полны народа, но многие еще одеты в пальто и плащи. Капризно весеннее тепло!

Через полчаса машина подкатила к институту. Сиражди́н, как всегда, поставил ее под акации, это стало его постоянным местом. И так уж было заведено, что место это никто не занимал. Тщательно заперев двери и перейдя на другую сторону улицы, он вошел в подъезд четырехэтажного кирпичного здания, построенного в далекие тридцатые годы. Здание, как и многие его ровесники в городе, стойко перенесло не одно землетрясение и все еще верой и правдой служило людям. Здесь и был институт, в котором он учился, а теперь работал. В вестибюле ощущалась привычная прохлада, сохранявшаяся здесь даже в самый сильный летний зной. Он поднялся по боковой лестнице на второй этаж и очутился в коридоре, где в этот час было тихо и безлюдно. Шли занятия. К его кафедре нужно идти через весь юри́дор, она в самом конце «Интересно, здесь ли уже домла или события последних месяцев сломили и его пунктуальность?» — подумал Сиражди́н и остановился у знакомой, обитой зеленым дермати́ном, двери. И только было протянул руку, чтобы открыть ее, как услышал резковатый решительный голос нового шефа со всеми характерными интонациями. Сиражди́н невольно остановился и, потянувшись было к ручке, замер на месте.

— Будь на то моя воля, с огромной радостью уступил бы эту должность домле! До чего же надоело часами просиживать на совещаниях и собраниях, просто терпения уже нет, а работа кафедральная стоит, ее совершенно делать не успеваешь! — в сердцах говорил он кому-то.

Конечно, Сиражди́н сразу понял, что речь идет о его наставнике, для которого как раз эти самые совещания и заседания составляли самую серьезную и деятельную часть его жизни в институте.

Дверь между тем резко вдруг открылась, и на пороге ее появился Кильч Валиевич, одетый по-весеннему в светлый элегантный костюм, под которым виднелась в тон ему полосатая рубашка и галстук, завязанный широким узлом. «Он и в самом деле чем-то напоминает меч,— подумалось Сиражди́ну,— острые глаза так и

сверлят человека, с тонких, сжатых губ вот-вот сорвется какая-нибудь резкость, только и жди!..» Каждый раз, когда он сталкивался с Килычем Валиевичем, сердце его болезненно сжималось, как от предчувствия надвигающейся беды, и, впадая в замешательство, он отвечал невпопад и явно не производил на шефа выгодного впечатления. Опасаясь самому себе признаться в этом, Сираждин безотчетно боялся его, стараясь при встрече держаться независимо и гордо. Но все его попытки наталкивались на жёлезный непроницаемый взгляд шефа. Вот и теперь Сираждин невольно попятился, как только на пороге кафедры выросла фигура Килыча Валиевича. Он пробормотал приветственные слова и, не придумав ничего умнее, спросил неуверенно:

— Что, домла уже здесь?..

Килыч Валиевич в недоумении пожал плечами, оглядев Сираждина с головы до ног каким-то мгновенным взглядом:

— Кажется, еще нет.

Замешательство Сираждина усилилось еще более оттого, что он теперь совершенно растерялся и не знал, что ему предпринять: то ли возвращаться домой, то ли все-таки пойти посмотреть, с кем это там на кафедре так доверительно только что беседовал шеф. Но ведь, если войдешь, шеф, который все еще не спеша шел по коридору, может подумать, что он проверяет его. Пока он словно в лихорадке принимал решение, как поступить, новый заведующий кафедрой скрылся из виду. «Если он и старше меня, — успел подумать Сираждин, — то совсем не намного, лет на пять, не более. И что это я так теряюсь в его присутствии?..» У него снова возникло жгучее желание заглянуть на кафедру, но, пересилив его, круто повернувшись, он все же этого не сделал.

Подойдя к лестнице, он услышал звонок на перерыв. Звук этот казался ему на редкость долгим и чем-то напоминающим голос Килыча Валиевича. «Нет, у меня, наверное, начинаются слуховые галлюцинации, так нельзя! В конце концов, что случилось, почему я в такой панике?» — впервые задал он себе вопрос совершенно откровенно. И не нашелся что ответить. Между тем одна за другой открывались двери аудиторий, коридор наполнялся привычным шумом институтской жизни. А он шел мимо, не обращая ни на кого внимания, весь поглощенный собственными нерадостными мыслями. Сираждин спустился уже на первый этаж и шел к выходу,

как вдруг нос к носу столкнулся с тоненькой, словно хворостинка, девушкой в черном атласном платье, с лицом очень смуглым, и тотчас же узнал ее. «А-а, Сверчок! — подумал он со злостью. Девушка, взглянув ему прямо в глаза, гордо прошла мимо, не поздоровавшись. — Гонору-то, гонору-то в этой козявке! Ох, не к добру все они мне сегодня попадают на пути!»

Студентку эту он знал очень хорошо. Именно этому Сверчку, как он мысленно окрестил ее, он был обязан тем, что впервые в своей жизни крепко споткнулся.

9

История эта произошла в позапрошлом году. Закончив аспирантуру, Сираждин преподавал в своем институте. Стаж его был еще невелик, всего каких-нибудь полгода, а тут как раз вступительные экзамены. Многие преподаватели после трудного учебного года с нежеланием соглашались работать в приемной комиссии — конкурс немалый, бесконечные консультации, утомительное сидение на вступительных экзаменах, беседы с родителями, опекающими своих чад, недобравших баллов... Словом, не каждому по душе такая работа, поэтому руководство старается привлечь к ней преподавателей помоложе. Так Сираждин и оказался в приемной комиссии. Втайне он был рад, что домла остановил свой выбор на нем. Но, как выяснилось позднее, ларчик просто открывался: домла просто обещал помочь двум своим знакомым, у которых поступали дети. Сираждин же энергично принялся за дело.

Молодой преподаватель с первых дней прослыл очень строгим; абитуриенты опасались к нему идти: редко кому удавалось у него получить хорошую оценку. При каждом удобном случае он показывал свою требовательность и принципиальность, понимая, что чем меньше баллов наберут поступающие в институт ребята, тем больше шансов будет у тех двух — протеже домлы. Аттестаты у них, надо сказать, были средние, так что надежды на блестящие знания возлагать не приходилось. Так все и шло своим чередом. Приемные экзамены приближались к концу. Сираждин вошел даже во вкус. С его мнением считались, все шло прекрасно, и он внешне за эти недели как-то изменился, стал солиднее и строже. Не случись этого досадного происшествия, за которое он расплачивается по сей день, и кто знает,

чем оно еще обернется для него в будущем. Причиной стала та самая невзрачная девушка, Сверчок, из-за которой, собственно, все и началось. Она пришла сдавать историю. Ее непривлекательный вид, очень скромное платье, мальчишковые ботинки почти без каблуков, какие-то детские тонкие ноги не произвели на Сираждина, одетого с иголочки, благоприятного впечатления. Знания ее, однако, не соответствовали этому виду. Предмет она знала безукоризненно и прекрасно ответила на все три вопроса билета. Слушая ее, Сираждин просматривал экзаменационный лист: письменная литература, сочинение — «четыре», литература устная «пять».

Покончив с билетом, девушка выжидательно смотрела на него, ожидая, очевидно, дополнительных вопросов. Но вместо этого она услышала холодное: «Тройка!», и Сираждин спокойно поглядел в лицо сидящей напротив. Усталые, покрасневшие от волнения и бессонных ночей глаза девушки гневно сверкнули, как ему показались, сузились.

Нет, нет, это невозможно!.. вдруг вырвалось отчаянно у нее. — Невозможно, потому что этот предмет я знаю на «отлично»!.. Уверю вас...

Сираждину стало как-то не по себе и от самоуверенности этой пигалицы, и еще оттого, что она осмелилась оспаривать поставленную им оценку. Случалось, конечно, и прежде, кто-то просил, умолял задать дополнительные вопросы, но это были просьбы, и они, как правило, сопровождалась слезами, но чтоб такое... С таким он столкнулся впервые! Она не мигая смотрела на него, чеканя каждое слово, уверяя его, преподавателя, что он не прав. Она, осмелев, требовала:

— Задайте любой вопрос! Я знаю ваш предмет на «отлично»! Это... мой самый любимый предмет!..

«На кого она, интересно, надеется, нахалка этакая? — Сираждина буквально коробило от ее напористости и уверенности. Он мельком взглянул на домлу, сидевшего рядом, вместе с которым он принимал в тот день экзамен, но домла, устало опустив голову, слушал ответ очередного абитуриента. — А, сонная тетеря, никакого от тебя проку! — в сердцах подумал Сираждин и повернулся к девушке, взгляд которой выражал плохо скрываемую враждебность. — Ах, ты так, негодница? Так получай же по заслугам!» И он с явным удовольствием процедил сквозь зубы:

Двойка!

Он ждал в ответ всего, чего угодно: слез, шума, истерики. Но ничего такого не произошло. Она не заплакала и не подняла шума. Неожиданно вырвав из рук Сираждина свой экзаменационный лист, громко стуча каблуками своих неуклюжих туфель, семена тонкими ногами, она вылетела из аудитории, хлопнув дверь. И только тогда домла наконец омылся и удивленно посмотрел на Сираждина.

Весь день после этого случая Сираджин чувствовал себя выбитым из колен. А вечером, сразу после экзамена, лаборант кафедры предупредил, что их вызывает к себе председатель апелляционной комиссии, им был тогда Килыч Валиевич, тогда он еще не заведовал кафедрой. Такие вызовы случались редко и считались настоящим ЧП в институте. Домла вопросительно посмотрел на Сираждина, из головы которого не выходил утренний инцидент. «Ну, не иначе как та барышня, черт бы ее подрал!» — думал он, и на душе снова заскребли кошки. Однако он все еще не верил, что она решилась на апелляцию. Но факт оставался фактом — их вызывали и в этом вне всяких сомнений была виновата она, Сверчок.

Комиссия была рядом с деканатом. Сираджин, а за ним и домла, войдя в кабинет, увидели за столом с зеленым сукном Килыча Валиевича, который, расстегнув верхние пуговицы рубашки и распустив галстук, с усталым лицом в изнеможении откинулся на стуле. Жара в тот год стояла летом несусветная.

— Чем мы так провинились, коллега? — придвигая стул к столу с другой стороны, пошутил домла.

Не принимая этого шутливого тона, Килыч Валиевич был, как всегда, краток:

— Билеты у вас с собой? Придется заново проэкзаменовать одного абитуриента.

Сираджин достал из портфеля экзаменационные билеты и только успел разложить их веером на столе, как без вызова и без стука вошла в дверь та самая девушка.

«Ну и девка, ну и Сверчок! — поморщился Сираджин. — Выходит, у нее в нашем институте мощная опора, кто-то ее поддерживает! Стали бы с ней возиться просто так!.. Как же!» И он иронически взглянул на Килыча Валиевича. Однако тот не был, очевидно, склонен к шуткам, и на лице его не дрогнул ни единый мускул. Подперев рукой подбородок, он сидел молча и внимательно наблюдал за всем происходящим.

— Берите билет! — пригласил Сираждин девушку.

Та решительно подошла к столу и вытянула билет. Пробежав его глазами, спросила:

— Можно отвечать без подготовки?

— Пожалуйста, как вам будет угодно! — домла устало вздохнул и всей тяжестью своего тела опустился на стул.

— «Борьба народов Средней Азии против монгольского ига», — прочитала девушка первый вопрос билета.

На минуту сосредоточившись, с какой-то глубокой внутренней уверенностью она начала отвечать. Говорила о войске непобедимого Чингисхана, в котором без малого было сто тысяч солдат, о том, как пришел он в город Уtrar, что неподалеку от Ташкента, и в течение трех лет огнем и мечом завоевывал Среднюю Азию. Говорила, как стойко и мужественно сопротивлялась крепость Ургенч, как после восьмимесячной осады враги сровняли город с землей. С неподдельным волнением рассказывала о народном герое Джалалиддине Мангуберди, от руки которого монгольские войска понесли неисчислимые потери... Казалось, она сама была свидетельницей всего, о чем рассказывала здесь, на экзамене, и глаза ее, показавшиеся Сираждину при первой встрече тусклыми и невыразительными, теперь были полны огня, в них светился живой ум и неподдельный интерес ко всему, о чем она говорила.

— Достаточно, достаточно, переходите ко второму вопросу! — прервал домла. В этот момент Сираждин невольно посмотрел на Килыча Валиевича. Тот по-прежнему сидел молча, не меняя позы, все так же подперев рукой подбородок, и внимательно слушал.

Второй вопрос был по Великой Отечественной войне. И здесь девушка проявила свои знания. Снова в ее голосе прозвучали глубокие нотки соучастия, сопереживания тем, о ком она говорила. Об узбеках-воинах, сражавшихся плечом к плечу со всем советским народом, о том, как отдавали свои жизни ее земляки на далеких просторах российских полей, на земле Белоруссии.

Домла прервал ее рассказ, едва она начала, поскольку, как и все, он понял, что говорить она могла по любому вопросу, касающемуся любимого предмета, бесконечно. Килыч Валиевич одобрительно кивал головой, что являлось в институте признаком наивысшего его одобрения: он всегда был строг как к себе, так и к другим. Было это ясно и Сираждину, в котором ше-

вельнулось вдруг какое-то чувство, похожее на зависть: в нелюбимом предмете явно была скрыта недоступная ему тайна, а вот эта пигалица владела этой тайной и будто дразнила его. Он с запоздалой досадой подумал о своей неосмотрительности и недалководидности: как же это он оплошал и не поставил ей хотя бы четверку? Но, вспомнив о ее неслыханной дерзости тогда, на экзамене, попытался оправдаться перед самим собой: все правильно, она заслужила ту оценку, которую он ей тогда поставил. Да если все так будут... Дальше этого мысль его не двинулась.

После третьего вопроса домла еще более размягченно пропел:

— Отлично, доченька, отлично! Вы очень хорошо осведомлены о положении на Ближнем Востоке. Современность надо знать!..

Сираджин, конечно, понял, что слова эти были произнесены скорее всего для Килыча Валиевича — надо же как-то блеснуть своей эрудицией и осведомленностью. И, поглядев на председателя апелляционной комиссии, как бы подводя итоги, он сказал, что у него вопросов больше нет, на что Килыч Валиевич молча кивнул.

Тогда Сираджин, взяв экзаменационный лист, зачеркнул в нем собственноручно поставленную двойку и зло покосился на Сверчка. Но та будто и не заметила этого мимолетно брошенного на нее взгляда и спросила, обращаясь к Килычу Валиевичу, можно ли ей уйти. Получив согласие, простилась и быстро вышла. Поднялись и Сираджин с домлой.

— Извините, вы не могли бы задержаться на минуту? — попросил Килыч Валиевич Сираджина.

Ушел домла. Сираджин, настигнутый внезапно этой просьбой, остановился посреди комнаты. Не поднимаясь со стула, Килыч Валиевич оглядел Сираджина с головы до ног, потом поднялся и не спеша подошел к нему.

— Вы можете мне ответить теперь вот, сейчас, откровенно, почему так поступили? — голос Килыча Валиевича не предвещал ничего доброго, в нем зазвучала явная неприязнь.

— А что я такого сделал? — пытаюсь улыбнуться, спросил Сираджин.

— Ах, вы даже не знаете, что вы такое сделали? Так я вам популярно объясню. Вернее, спрошу вас более

конкретно: почему вы поставили двойку абитуриентке, которая отлично знает материал?

Сираждин тотчас отвел глаза в сторону.

Вы же сами знаете, неуверенно начал он. Из шестнадцати абитуриентов надо принять только одного. Ребят много, а мест мало, приходится быть требовательным, что поделаешь!..

Справедливо! Требовательность — дело хорошее. Но почему вы, — при слове «вы» глаза его сверкнули, почему же тогда вы ставите «отлично» тому, кто не за служивает оценки и самой низшей?

Совершенно растерявшись, Сираждин тупо уставился на собеседника. В голове его был какой-то сумбур «А-а-а, понимаю, на что это он намекает! Не хочет ли он сказать, что я поддерживаю людей домлы? Да кто он такой, чтобы запрещать мне делать то, что советует мне заведующий кафедрой? Кого же мне и слушать, как не его?»

Громко рассмеявшись, Сираждин пошел в наступление:

Ну, извините, профессор, — сказал он, ернически разведя руки в стороны, словно кланяясь. Я и не знал, что эта красавица — ваша протеже! Ну хотя бы словом одним обмолвились! Ай-яй-яй!..

Он не успел договорить, как в ушах отдалась звонкая пощечина, обжегшая левую его щеку. Он, шатаясь, схватился за стол. А когда пришел в себя, побледневший Килыч Валиевич стоял рядом.

— Какое вы имеете право, какое? — держась за пылающую щеку, завизжал Сираждин. — Я на вас в суд подам! Не посмотрю, что вы профессор!

— Подлец! — дрожащими от волнения губами прошептал Килыч Валиевич. — Подавайте куда хотите! Вы все равно ответите за свой поступок, и очень скоро! Я вам обещаю это.

Дверь за ним бесшумно закрылась, а Сираждин долгое время никак не мог прийти в себя.

На следующий день он был отстранен от работы в приемной комиссии. Через несколько месяцев решением ученого совета домлу сняли с должности заведующего кафедрой. Мотивы, как и следовало ожидать, выдвигались самые простые: в течение многих лет кафедра систематически не выполняла плана научных работ и подготовки научных кадров. Факты, которыми располагала проверочная комиссия, были вопиющие, и у домлы не было никакой возможности их опровергнуть или хотя

бы оправдаться, объяснить, почему так получилось. Правда, комиссия проявила уважение к его возрасту: как исключение, он был оставлен на кафедре — и до пенсии ему было недалеко.

Сираждин послушал домлу, не стал поднимать шума из-за пощечины, боясь осложнений, тем более что скоро заведующим кафедрой был назначен Кылыч Валиевич. И теперь всякий раз, когда Сираждин встречался с ним, а это случалось довольно часто, душа его тревожно замирала в предчувствии надвигающейся беды.

Между тем Сверчок, ставшая причиной стольких бед, как ни в чем не бывало поступила в институт, училась, стала комсоргом курса, активно трудилась и по линии студенческого научного общества. Как казалось Сираждину, всякий раз при встрече с ним она смотрела на него победителем. Вот и теперь, случайно встретив ее, он в деталях вспомнил всю эту давнишнюю историю.

Выйдя на улицу, почувствовал, пока он был в институте, жара еще усилилась. «А ведь еще только середина марта, — подумал он, — рано приходит зной». Он открыл дверцу машины, на него пахнуло горячим спертым воздухом. Сев в кабину, он оставил дверцу открытой, свесил одну ногу на землю и, придерживая ею дверцу, чтобы не закрывалась, стал внимательно глядеть на институтскую дверь, не появится ли все-таки домла. Но нет, его не было, а ведь после одиннадцати прошло уже не менее полутора часов. «Может быть, следовало съездить прямо к нему домой? — подумал Сираждин, но тут же отказался от этой мысли: — Обязательно сейчас же найдет какое-нибудь дело!». Этот вариант отпадает, он не поедет, решено.

Кончились две первые пары часов. Наступил большой перерыв, и студенты гурьбой высыпали из института. Они прогуливались группками и возле здания, и перейдя улицу, под акациями, где стояла машина Сираждина. Сновали мимо него, перебрасывались шутками, поглядывали на часы, — скоро должен прозвенеть звонок.

Как все-таки действует весна! Сбросив зимнюю одежду, тяжелую и неуклюжую, все чувствовали себя легко. Особенно девушки. Они расцветали на глазах. Лица сияли улыбками, в походке появились упругость и легкость.словно теплый весенний ветер вдохнул в них новые краски и заряд неистощимой энергии.

Внезапно, глядя на них, Сираждин вспомнил о Зух-

ре. «Как это было бы прекрасно — поехать с ней теперь куда-нибудь за город! — закрывая наконец дверку и запуская стартер, подумал Сираждин. — Поеду-ка, попробую еще раз поговорить с ней, чем черт не шутит, может быть, на сей раз...»

До театра рукой подать. И через десять минут он уже ставил машину перед воротами, выкрашенными в странный золотисто-черный цвет. Он думал, что как раз успеет к обеду. Снова, приняв любимую позу, усевшись поудобней, он стал ждать. Прошло, очевидно, с полчаса, но из дверей театра не вышел ни единый человек. Сираждину надоело бездействие. Захлопнув машину, он пошел к старику сторожу, все время неподвижно сидящему на табуретке возле ворот и греющемуся на солнышке. У его ног лежал рыжий пес и, как хозяин, наслаждался весенним теплом. Почувяв приближение чужого, пес поднял голову, старик погладил его по густой шерсти, что-то сказал ему, отчего собака забила пушистым хвостом по земле.

— Что сегодня показывают, отец? — спросил панибратски, как свой, Сираждин старика. В ответ, оскалив зубы, зарычал пес.

— Сегодня, сынок, у нас нет представления. Сегодня выходной, — старик громко чихнул. — Приходи в другой раз! Милости просим!

«Ну и черт с вами!» — Сираждин круто повернулся. А когда сел в машину, на всякий случай еще раз поглядел на дверь театра. Нет, его не обманули. Дверь по-прежнему была закрыта.

10

Сердечный приступ начался у Шерзада ночью. Проснувшись от сильной ноющей боли в груди, он несколько мгновений лежал неподвижно. Потом, осторожно поглаживая рукой левую сторону груди, еще несколько минут сосредоточенно рассматривал стены, потолок. Не спеша протянул руку к тумбочке, взял пузырек с каплями. Приподнялся, накапал в стакан, долил немного воды и выпил. Осторожно опустился на подушку, стал ждать, когда утихнет боль. В окно ярко светила луна, и в палате до мельчайших подробностей отчетливо различались все предметы. Сайфи Сакиевич спал, укрывшись по привычке одеялом с головой, и время от времени похрапывал. Боль вдруг немного отступила. Шерзад поднес свои

часы ближе к свету, падающему из окна. Двадцать минут четвертого. Теперь, он уверен, до утра не сомкнет глаз. Время тянется бесконечно. Он снова посмотрел в окно и замер. Урючина, ветви которой еще накануне вечером были голыми, теперь сплошь оделась в белый наряд. Ни ветерка, ни шороха за окном, будто по мановению сказочного волшебника свершилось чудо — распустились тысячи цветов. Невозможно было лежать. Все существо Шерзада наполнилось неизъяснимым волнением, которое заставило забыть ноющую боль в сердце, страх перед болезнью. Ему захотелось сейчас, немедленно встать и выйти туда, в сад, к зацветшим деревьям. И так сильно было это желание, что оно властно оттеснило боль. Осталась где-то в глубине сознания лишь боязнь новой волны этой боли. Но он, резко повернувшись, преодолевая себя, торопливо стал одеваться. Халат, больничные шаровары, что еще?.. Осталось тихо выйти из палаты. За соседа он был спокоен, тот спал крепко, пушкой не разбудишь. И вот он уже в коридоре, который, как всегда, ночью ярко освещен. В конце его на раскладушке спала дежурная нянечка. Шерзад на цыпочках скользнул мимо. Вот и вестибюль. Здесь тоже пришлось задержаться перед стеклянной дверью: в ручки ее была задвинута толстая палка, чтобы никто не смог проникнуть с улицы. Проявляя максимум осторожности, Шерзад как можно бесшумнее вытащил эту палку и, распахнув створки двери, вышел в сад. Тотчас в ноздри ударил тонкий аромат цветов. Охватившее его волнение усилилось еще более. Он быстро сбежал по лестнице. Вдоль тополиной аллеи тускло светились электрические фонари. Теперь они были едва заметны в зелени распускающихся деревьев — такая полная и яркая луна освещала все серебристым светом. С трудом переводя дыхание, Шерзад быстро дошел до окна своей палаты. Для этого ему пришлось обойти все здание больницы. Ну, наконец-то, вот она, урючина под окном! Да, вчера, он хорошо это помнил, с красноватым оттенком ветки дерева покрылись только кое-где распустившимися цветочками. Теперь же на него словно пакнули громадный белый платок. В лунном сиянии нежная листва отливала серебром. И все кругом было так сказочно безмолвно, что хотелось неподвижно стоять, ничем не выдавая своего здесь присутствия. Стоять в полном молчании и единодушии с окружающим миром, ничем не нарушая этой красоты, ни тишины, которая редко посещает жителей больших го-

родов. Теперь был еще тот час, когда моторы не завладели городскими улицами и даже на окраинах не зазвенели трамваи. Все еще было полно ночной тишины.

Шерзад чувствовал себя счастливым и умиротворенным. И в то же время — так уж устроен человек — не умеет он ничем наслаждаться в одиночестве: он искренне жалел тех, кто не увидел сегодня этой красоты, не ведал, что лишился возможности быть свидетелем сказочной картины, буйства весны, ее рождения и прихода..

Подул легкий, едва ощутимый ветерок. Он слегка коснулся ветвей урючины, словно боясь вспугнуть и нарушить белое великолепие. И тут же на голову и плечи Шерзада обрушился невесомый теплый водопад из лепестков — так чувствительно было дерево к малейшему движению воздуха. Шерзад прислонился к его теплому стволу, закрыл глаза. И ему казалось, что он слышит, как опадающие цветы ударялись о землю. И тотчас же совсем неожиданно до его слуха донесся откуда-то из поднебесья знакомый с детства волнующий и дорогой звук. Он поднял голову, и губы его сами собой зашептали:

— Журавли, журавли летят!..

Небо, освещенное луной, было безоблачно чистым. Звезды уже кое-где начали редеть. Наступало утро. Теперь Шерзад совсем отчетливо слышал крик журавлей. Они, правда, еще не были видны, но голоса их с каждой минутой становились все отчетливее. Казалось, они летят невысоко и вот-вот он их увидит. Шерзад торопливо вышел из-под дерева и снова взглянул вверх. Наконец вдали, там, где начинался восход, он увидел их — маленькие черные точки, вытянутые в одну строгую линию. Расстояние между точками сохранялось удивительно неизменным, и, казалось, они связаны между собой тонкими, незримыми нитями. Журавли летели на запад, и Шерзад, несмотря на дальность расстояния, видел, как они мерно покачивали крыльями, словно боясь потревожить светлеющую лунную дымку. Летели высоко, и голоса их в этот предутренний час были слышны очень далеко. Шерзад невольно потянулся за ними, сделав несколько шагов вперед. И в тот же миг память его подсказала иную картину: весенние луга на берегу Тиниксая, где он, босоногий мальчишка, пас скотину. Вспомнил, как, увидев первый караван журавлей, они вместе с ребятами долго, до усталости бежали вслед и радостно приветствовали их появление.

К горлу подступило что-то теплое, принесшее облегчение и успокоение, а к глазам — слезы. «Какой я становлюсь сентиментальный, однако! Это все моя болезнь виновата...» — с досадой подумал Шерзад. Но чувство радости все равно не покидало его. И он решил, что в сущности иногда человеку нужно совсем немного, чтобы почувствовать себя счастливым

11

Встречаясь с Шаирой, Шерзад чувствовал себя теперь как-то странно и неловко. С той самой ночи он держал себя с ней неуверенно, пропала былая легкость общения. Почему, и сам не мог этого понять. И Шаира уже не была прежней. В глазах ее при встречах с Шерзадом появлялась злая насмешка, и он никак не мог понять, то ли она смеется над ним, то ли это просто защитная реакция, скрывающая ее собственную досаду. В одном он был уверен: презрение отвергнутой женщины не знает границ. Сколько всего таилось в ее высокомерном взгляде и как неприятно чувствовал он себя, сталкиваясь с ним! Вот и сегодня, встретив Шаиру в коридоре, он кивнул ей вместо обычного приветствия и постарался скорее пройти в свою палату. Однако не прошло и минуты, как Шаира вошла следом.

— Самандаров! — она теперь его, как и всех других больных, называла только по фамилии. — Выходите, к вам пришли посетители!

— Куда выходить? — растерянно спросил он.

— Как куда? В вестибюль! К вам жена пришла! — Шаира ехидно улыбнулась.

И в этот момент случилось неожиданное: Шерзад вдруг расхохотался. Шаира, уже взявшаяся было за ручку двери, остановилась словно вкопанная.

— Что тут смешного, не понимаю?.. — спросила растерянно. И вышла. Не успел он ответить, как дверь за ней закрылась.

«Шутки шутить вздумала!» — смеялся про себя Шерзад, но тут же подумал, что, может быть, это мать или жена Абдувахиды, которые нередко навещали его, когда друг был занят или в командировке.

Народу в вестибюле было полным-полно. Кроме посетителей и больных, вышедших к ним, тут толпились практиканты медицинского института — юноши и девушки в белых халатах, отличающиеся от местных врачей разве что своей молодостью и жизнерадостностью. Они стояли небольшими группками и оживленно о чем-то

переговаривались, то и дело чему-то весело и заразительно смеялись. Шерзад, поискав глазами знакомых и не найдя никого, уже готов был повернуть назад, но тут случайно взглянул туда, где было большое зеркало. Невольно сделал несколько шагов по направлению к нему, но тотчас же остановился. Там в белом модном плаще со складным ярким зонтиком в руках стояла Фарида и улыбалась ему. «Наверное, она наблюдает за мной с той самой минуты, как я стою тут и озираюсь,— очень интересно! Зачем это она здесь? Ко мне или к кому-то другому?..» Все эти вопросы вертелись у него на языке, готовые сорваться, но он ни одного из них, конечно, не задаст ей: Фарида уже шла к нему. Шерзад почувствовал, как сердце его готово вот-вот выскочить из груди. На лбу же выступил холодный пот, ноги стали ватными. «Лишь бы приступ не схватил, а то совсем оскандалюсь!»— с ужасом думал он. И все надеялся, что это ошибка, что она пришла к кому-то другому. Но Фарида бесцеремонно пробилась сквозь группу практикантов, заставив их посторониться, и, подойдя к нему вплотную, приветливо протянула руку. Шерзад пожал ее, маленькую и пухлую, и, ощутив в своих руках пальцы девушки, заволновался... Как далеко теперь то время, когда самым большим счастьем на земле для него было держать эти руки в своих! Теперь они чужие. Зачем же тогда это все?...

— Как ваше здоровье? — тихо спросила Фарида.

Однако Шерзаду показалось, что слова ее слышали все стоящие рядом, а в самих словах он уловил какой-то иной, особый оттенок, гораздо более значительный, нежели просто вопрос о состоянии его здоровья.

«Какое это теперь имеет значение, мое здоровье?» — глядя прямо в глаза Фариде, подумал он. Чувство былой, нестерпимой обиды вдруг всколыхнулось в нем с прежней силой, но и помогло обрести равновесие. Огонь, так долго, несколько лет назад, сжигавший все его существо, поглощающий тогда все его мысли и чувства, постепенно потух, а сердце онемело. Тяжело вспоминать об этом... «какое это имеет теперь значение? — он все еще смотрел ей в глаза.— В конце-то концов, не из-за нее я заболел!» И, улыбнувшись, как можно радушнее ответил:

— Спасибо! Теперь уж хорошо! Скоро, наверное, выпишут...

Продолжая улыбаться, Шерзад внимательно смотрел на Фариду. После ее внезапного замужества, тогда,

три года назад, он не знал, переживет ли это. И одна навязчивая идея не давала ему покоя ни днем ни ночью: что будет, если он встретит ее на улице? Теперь, годы спустя, все же эта встреча произошла. И ничего особенного. Напротив стояла молодая, красивая, но совершенно чужая женщина.

Удивительно, но Шерзаду показалось, случись эта встреча раньше, год назад или, скажем, два, она помогла бы окончательно справиться с чувствами к Фариде, охладеть к ней совсем. Правда, он должен был признаться, она мало изменилась, разве только похудела немного. Но это ей к лицу. Прежде она носила гладкую прическу, она ей шла. Теперь вся голова ее в мелких кудряшках показалась легкомысленной. Может быть, это парик, он нынче в моде, и в угоду ей она могла пожертвовать красивыми своими косами. Изменились и ее глаза: оживленные, выразительные, теперь они показались ему уставшими. И все равно,— с болью подумал он, глядя в них,— все равно, она и такая, чужая и незнакомая, привлекала своей особенной, какой-то чистой красотой, тем, что его поразило при первой их встрече. Нежное, тонкого овала лицо, и на этом лице темные, почти черные глаза, в которых будто застыла холодная самоуверенность. В этом несомненно была притягательная сила. Теперь он мог хладнокровно рассуждать, а прежде...

Что же случилось с вами? — настанвала Фарида

И в голосе ее снова он слышал нотки интимности и недозволенной после всего случившегося теплоты, будто по прошествии стольких лет она все еще имела на это право. Несколько обескураженный этим тоном и нежностью голоса, Шерзад широко улыбнулся, стараясь за этой улыбкой скрыть овладевающее им волнение. Он сам и Шанра, вдруг подумал Шерзад, товарищи по несчастью. Наверное, именно всегда так и бывает в жизни: страдает тот, кто сильнее любит.

— ...Вы не должны болеть,— донесся до него голос Фариды, он не слышал, что сказала она до этого, так как был поглощен собственными мыслями.— Вы очень хороший человек, правда, теперь-то я это точно знаю,— почти шепотом произнесла Фарида, снова вкладывая в эти слова какой-то смысл и значение.

Когда знаешь человека близко, улавливаешь малейшие изменения, нюансы, интонации. Вот и теперь в этой коротенькой фразе, только что произнесенной ею, он почувствовал горькое раскаяние. И поверил ему. Поверил,

вопреки здравому смыслу. И понял, что до сих пор их связывают какие-то незримые нити, иначе откуда бы вдруг взяться этому необъяснимому волнению: ярко горевший когда-то в его сердце уголек и, как ему казалось, превратившийся в пепел, готов был при малейшем дуновении теплого ветерка разгореться с новой силой... Нет, он не должен после трех лет мучения даже думать об этом, он не позволит себе... нет! И ей тоже, ей, которая некогда была для него самым дорогим человеком на земле, но которая стала потом женой другого. Мысль об этом придавала ему твердости, и он решил немедленно напомнить Фариде о той пропасти, которая легла между ними и которую уже при всем желании невозможно было преодолеть.

— Будут неприятности, если ваш муж узнает, что вы были здесь,— предостерег он ее, стараясь говорить это как можно спокойнее.

Странно, но слова подействовали на Фариду отрезвляюще, и даже с некоторой иронией она пошутила.

— К счастью, человек под землей не видит тех, кто ходит по земле!

— Как это прикажете понимать? — не понял Шерзад, нахмутив брови.

— А очень просто! Чего же тут непонятного, я же сказала, что он под землей!

— Нехорошо вы шутите, Фарида, не говорите так о близком человеке!.. Не желайте плохого ему.

— Я и не желаю ничего плохого! — она как-то натянуто рассмеялась и взмахнула длинными загнутыми ресницами.— Истинная правда!..

— Кто же у вас, Фарида, болен, к кому вы приходили в больницу? — стремясь переменить тему разговора, спросил Шерзад.

— Я узнала... случайно, оказывается, заболел мой очень близкий друг, и я... я решила навестить его. Что в этом плохого?

— Кто он, этот ваш друг? В какой он палате? — Шерзад проявлял упрямую настойчивость.

— Мне сказали, в седьмой!.. Фарида лукаво засмеялась, и в глазах ее, как прежде, запрыгали чертики.— А теперь вот я увидела его и обрадовалась. ему намного лучше!

«И тогда она была точно такой же,— не сводя с нее глаз, подумал Шерзад.— Вертит человеком как захочет!..»

— Послушайте Фарида! Вы ошибаетесь, я никогда

не смогу быть вашим другом,— сказал он решительно и даже немного грубовато.— Это не в моих правилах!..— Он никак не мог подобрать нужных слов. Дружить с женщиной, которая от меня ушла к другому...

Фарида, как ему показалось, испуганно вздрогнула, а нежное лицо ее покраснело. Она вот-вот готова была расплакаться, он видел, но, справившись с собой, нахмутив тонкие брови, тихо сказала:

— Я вам говорила, помните, что мы останемся друзьями?

— Да, но это говорили вы, вы...— делая ударения на слове «вы», едва слышно произнес Шерзад.

Фарида только рассмеялась.

— Да, я знаю все, но вы-то не хотели этого! — И тут же снова пошутила как ни в чем не бывало:— Наверное, не обязательно мне нести эти яблоки и гранаты обратно домой? она повертела в руках прозрачный целлофановый пакет.— Не бойтесь, это от души!..

Шерзад примирительно рассмеялся, протягивая руку за пакетом, отказ в данном случае выглядел бы просто ребячеством.

— Ну, спасибо! Вы попали в точку! Доктор посоветовал мне есть как можно больше гранатов!

— Спасибо вам! — губы Фариды снова дрожали. Она протянула пакет.— И выздоравливайте скорее! Хорошо?

— Буду стараться! Шерзад с легким сердцем пожал ей руку

12

Говорят, время лучший лекарь. Однако не от всех болезней. И не для каждого. Для таких людей, каким был Шерзад, мало что проходит в жизни бесследно. Иногда достаточно какого-то малозначительного события, воспоминания, мимолетной встречи, чтобы поднялось в душе то, что, казалось, давно умерло и предано забвению. Будто бы и не существовало прошедших лет, заполненных другими тревогами и заботами. Будто то, что хранилось на дне души, что тщательно оберегалось от постороннего взгляда, в чем порой и сам-то себе не признаешься откровенно, вдруг превращается в ноющую боль, кровоточащую рану, и ты понимаешь, что все твои ухищрения были напрасными. А внешнее спокойствие, за которым ты пытался спрятать свое состояние, лишь

защитная реакция, к которой прибегал, не в силах предпринять ничего более решительного. Так вот случилось и у Шерзада. Не видя и не встречая Фариду все эти годы, он был абсолютно уверен, что исцелился окончательно. Считал, что у него теперь есть горький жизненный опыт по части женской любви и непостоянства. Однако внезапно возникшее в нем состояние отчужденности, когда он после долгой разлуки вновь встретился с Фаридой, оказалось обманчивым, и он понял это. С человеком так случается, когда у него удаляют зуб. Это смешное сравнение пришло на ум Шерзаду, когда он остался один. Сначала совершенно не чувствуешь боли, а потом, когда кончается действие обезболивающего препарата, кажется, что она вновь усиливается. Так и с ним. Не видел — все было ничего. И надо же было случиться такому! Шерзад, как и многие узбеки, любил свадебный обряд. И всякий раз, когда слышал веселые, шумные звуки карная¹ и сурная², видел друзей жениха, оживленно спешащих в машинах по улицам города, сердце его, особенно в первые месяцы после разрыва с Фаридой, болезненно сжималось, наполнялось обидой и горьким разочарованием во всех и во всем. В последнее время боль эта почти не давала знать о себе. И вот теперь эта неожиданная встреча. Странное дело, боль и воспоминания, рожденные ею, вовсе не касались сегодняшней Фариды, хотя она и стала несравненно красивее той прежней девочки, которую он помнил и облик которой хранил в своей памяти. Он тосковал по той, давней, не принадлежащей еще другому и не изменившей ему. По той, которая была ему некогда дорога, одно слово которой могло перевернуть всю его жизнь, сделать счастливым или несчастным. Она выбрала последнее...

Тогда Шерзад учился на четвертом курсе. Учебный год только начался, и студенты, зная, что не сегодня-завтра они должны уезжать в подшефный колхоз на уборку хлопка, как ездили они каждый год, не проявляли на занятиях особого усердия. В один из таких дней перед началом первой лекции в аудиторию неожиданно вошел декан факультета и, близоруко щурия свои глаза,

¹ Карная — горн, длинная медная труба.

² Сурная — народный музыкальный духовой инструмент, напоминающий флейту.

чудовишно уменьшенные выпуклыми стеклами очков, представил курсу незнакомую девушку.

— С сегодняшнего дня Фарида Кадырова будет учиться вместе с вами. Она приехала из Самарканда, прошу любить и жаловать,— шутливо добавил он.

Десятки пар глаз мгновенно устали на стоящую возле двери незнакомку: одни — с откровенным восхищением, другие — равнодушно, третьи, в основном девушки, — с нескрываемой неприязнью. Так ведь всегда бывает, и нередко первое впечатление оставляет неизгладимый след на все будущие времена. Не мог оторвать от девушки взгляда и Шерзад. Фарида в скромном платье из золотистого атласа, с волосами, заплетенными в косу, чувствуя на себе эти взгляды, стояла чуть опустив голову и спокойно ждала, пока декан кончит говорить. Лицо ее от волнения заметно порозовело.

— Иди, доченька, садись на свободное место, где тебе больше нравится! — ласково подтолкнул ее декан.

Только после этих слов Фарида подняла голову и, слегка нахмурив брови, оглядела аудиторию. И тут же встретилась глазами с Шерзадом. Ее взгляд чуть дольше задержался на нем, во всяком случае так показалось тогда Шерзаду. Однако этот мимолетный рассеянный взгляд вызвал в душе его целую бурю. Ему почудилось, что это необыкновенная девушка, в этом он не сомневался с самого начала. Ее глаза, она сама, весь ее облик, походка, гладко зачесанные волосы — все это он видел, но где и когда, никак не мог вспомнить. Нет, наверное, он все же никогда не видел ее, да и где это могло случиться, если она приехала из Самарканда? И тут Шерзад понял, что мысленно с в о ю д е в у ш к у, т у, о которой он неосознанно мечтал все это время, образ которой всегда, постоянно жил в его сознании, который он х о т е л воплотить в романе, повести ли — он еще не знал — как и когда, — именно сейчас увидел он в живых, реальных чертах вот этой новенькой, неожиданно появившейся на их предпоследнем курсе. И оттого, что это случилось, от мысли, что она будет рядом и он сможет, когда только захочет, с м о т р е т ь на нее, у него сладко закружилась голова, защемило сердце в предчувствии чего-то доселе небывалого.

Шерзад мгновенно отвел взгляд, испугавшись, что

волнение его станет заметным для окружающих, а главное, вдруг это увидит она. Но Фариды уже никого не видела вокруг. Она не спеша прошла между рядами столов, села за последний, свободный. Почти все головы повернулись следом за ней, что возмутило и вывело из себя Шерзада. И ни разу, до самого звонка, он не позволил себе взглянуть в ее сторону, хотя ему очень хотелось это сделать.

Наверное, на любом курсе любого института есть, как говорится, свои «первая девка» и «первый парень». Однако парни, как правило, не дарят внимания своим прекрасным сокурсницам, а влюбляются в скромных, часто вовсе внешне непривлекательных девушек с других факультетов и курсов. Потому что у студентов одной группы с самого первого курса складываются простые товарищеские отношения, они-то и преобладают прочно над всеми остальными, и даже «первые девки на селе» не удастаиваются особого отношения со стороны мужской половины своей группы. Совсем другое дело было с Фаридой. Она пришла за год до окончания вуза, была «новенькой», чужой. Да к тому же настоящей красавицей. Наверное, поэтому и отношение к ней сразу сложилось особое: ребята, все без исключения, встретили ее с восторгом, так свойственным молодости, а почти все девушки с трудно скрываемым отчуждением.

Самоуверенные парни четвертого курса немедленно влюбились в Фариду. Но одни свои чувства тщательно скрывали, другие действовали открыто, не делая из этого тайны. Однако Фариды ничьей влюбленности не принимала всерьез, никто не пользовался ее особым вниманием. Те же, кто был посмелее и пытался ухаживать за ней чересчур назойливо, немедленно получали отставку. Фариды была остра на язык и никому не давала спуска. Отвергнутые напоминали Шерзада бабочек, которые потянулись было на огонь свечи, да опалили крылья в ее пламени. Он бы, конечно, не вынес этого, поэтому, глубоко симпатизируя девушке, внешне никак не проявлял этого чувства. Он не спал ночами, думая о ней, но когда встречался с Фаридой в сутолоке институтского коридора или вдруг оказывался рядом за столом на каком-нибудь занятии, то вел себя просто и искренне, мимоходом здоровался. Словом, ничем не выдавал своих мыслей и чувств. Он старался не встречаться с ней взглядом, боясь выдать себя с головой, опасаясь насмешек девушки, безжалостно расправлявшейся со всеми своими кавалерами. И не знал он пока, что Фариде

в нем нравилось именно это его качество—гордость.

Уже почти полгода учились они вместе, а не сказали друг другу и двух слов. Однажды на исходе зимы Шерзад пошел в читальный зал готовиться к очередному семинару и вдруг увидел в самом дальнем, тихом уголке Фариду, склонившуюся над книгами и конспектами. Она словно ждала появления Шерзада. Потому что, едва он взял книги и стал осматриваться, куда бы ему сесть, она тотчас же подняла голову от книг. И ему показалось, что глаза ее в тот момент, когда она увидела его, засияли каким-то особым светом. Это придало ему уверенность. Он подошел к ней и сел рядом. Долго и старательно раскладывал книги, потом попытался что-то прочитать, но тут же понял, что не понимает ни единого слова из прочитанного. Он чувствовал лишь одно — сидящую рядом Фариду, ее почти неслышимое дыхание, тонкий, едва уловимый запах духов. Он собирался с духом, чтобы взглянуть хотя бы в ее сторону, но никак не мог решиться сделать это. Ему придало уверенности внезапно возникшее ощущение того, что и Фариды, точно так же, как и он, не перелистывает страницы своих книг и конспектов, а сидит неподвижно, словно прислушиваясь к тому, что делает он, Шерзад. Наконец, не в силах больше молчать, Шерзад, пересилив смущение, спросил шепотом, чтобы не мешать сидящим рядом

— Уже поздно, вы не боитесь добираться домой?

Я никогда не боюсь. А вы? — спросила в свою очередь она

Шерзад, наверное, никогда бы ни о чем не спросил ее больше, если бы не это последнее, произнесенное полшутя-полусерьезно: «А вы?» Тогда он глянул ей прямо в глаза. И ему показалось, что они, всегда смотрящие гордо и надменно, теперь излучали какую-то незащищенность. Может, этого и не было, может, ему просто это показалось, как думал он потом, месяцы и даже годы спустя. Но тогда он готов был ручаться: все было именно так.

Шерзад почувствовал внезапно охватившую его волну тепла и радости и сказал как можно тише:

— Я боюсь, Фариды!

Кого же? — еще тише спросила она.

Вас!

— Меня? — она, нарушив тишину, нарочито громко, как ему показалось, рассмеялась. — Что же во мне та-

кого страшного усмотрели вы, а?

Заметив, что сидящие рядом стали обращать на них внимание, Шерзад, чуть склонившись к ней, снова прошептал, но так тихо, что она лишь по движению его губ поняла:

— Не знаю, но вы очень непохожи на других.

Чуть помедлив и подняв на него глаза, Фарида призналась:

— Вы тоже, Шерзад...

В тот первый вечер он проводил ее домой. Она жила в самом центре, на людной улице. Фарида рассказала Шерзаду, что ее отец, военный врач, долгие годы служил в Самарканде, где она выросла, а теперь его перевели в Ташкент вместе с семьей. Что она единственный ребенок, все привыкли баловать ее с детства. Шерзад не мог похвастаться тем же, и она внимательно слушала его рассказ о том, как пять лет назад умер его отец, который прошел всю войну, и тяжелые ранения, полученные им на фронте, не дали спокойно дожить ему свой век на земле. О том, что в далеком кишлаке, под Ферганой, остались его мать и сестренка и что он у них — единственная в жизни опора.

В тот первый вечер они многое открыли — каждый в другом для себя. Непревзойденная гордыня, высокомерие — так думали они друг о друге. Шерзад считал, что Фарида самовлюбленная красавица.

Фарида думала, что Шерзад с чувством превосходства относится ко всем вокруг. Правда, она считала еще, что у него были на то все основания: он прекрасно учился, она знала это, был, по мнению педагогов и товарищей, талантлив и уже теперь, в институте, что-то писал. Она, правда, ничего не читала из написанного им, но знала, что маленькие его рассказы уже печатались в толстых журналах.

Узнав друг друга в тот вечер гораздо больше, чем за предыдущие полгода, они выяснили, что ни один из них не страдает высокомерием. Это открытие сблизило их, сделало понятнее и ближе друг другу. И сразу между ними установилась та невидимая сердечность, которая никогда прежде ни у одного из них никак не проявлялась внешне, на людях. Как знать, может быть, это произошло бы гораздо раньше, не будь оба они так упрямы, что ни один не хотел делать первого шага навстречу другому...

Он вспоминал теперь о тех днях как о самых счастливых в своей недолгой жизни. Он работал тогда с

небывалым подъемом. В свободное от занятий время ездил по заданиям редакций в ближайшие колхозы, часто бывал на заводах, где его встречали уже как своего человека, потому что знали, что хотя он молодой, но серьезный журналист. И писал, писал, как никогда прежде, чувствуя присутствие какой-то необычайной силы, способной воодушевить на любое дело. Писал очерки и репортажи, писал ночами — больше не оставалось времени — и свою повесть. Вечера были наградой за сумасшедший ритм работы. Они каждый раз дарили ему новый заряд энергии и составляли теперь смысл его жизни, потому что почти каждый день вечером они виделись с Фаридой, отправляясь в далекие, нескончаемые прогулки по городу. Они заново открывали для себя прелесть тенистых ташкентских бульваров и далеких переулков старого города, где ни один из них никогда прежде не бывал. Находившись вдоволь, они забредали в какое-нибудь укромное кафе, пустынное в эти вечерние часы, и с наслаждением ели все, что предлагало им нехитрое меню остатка дня, будь то мороженое или зеленый чай с лепешкой — не первой свежести.

Как-то апрельским вечером, в одну из таких долгих своих прогулок, они забрели на стадион. В тот день не было никаких соревнований. Трибуны его были пусты и безлюдны. И вдруг в небе, только что безоблачном и солнечном, откуда ни возьмись, появились тучи. Сверкнула молния, а за ней, сотрясая небосвод, прогрехотал гром. И тотчас же застучали по земле крупные капли. Шерзад, схватив Фариду за руку, в растерянности огляделся: куда бы укрыться от проливного дождя. Разглядев сквозь водяную лавину невдалеке от выхода со стадиона высокое дерево, они бросились к нему. Конечно, пока добежали, промокли до нитки, особенно Фариды. Тонкое цветастое платье облепило ее, тушь на ресницах потекла, волосы растрепались. Как непривычно мила она была в то мгновение, беспомощно смущенная, но такая близкая и родная! Капли дождя нашли дорогу даже сквозь густую крону молодой листвы, и они продолжали мокнуть здесь, под деревом. Шерзад притянул голову Фариды к себе на грудь, чтобы хоть немного укрыть ее. И в тот же миг губы девушки потянулись к Шерзаду. Он нежно и сильно прижал ее к себе, боясь неосторожным движением нарушить это блаженное состояние. Они стояли так, обнявшись, не проронив ни

слова, бог знает сколько времени, пока не прекратился дождь. Шерзад же хотел тогда только одного: чтобы этот дождь никогда не прекращался.

Но кончился и тот дождь, как кончается все на свете. Выглянуло жаркое солнце. Листва тутовника, под которым они прятались, свежо и радостно блестя.

— Как я поеду в троллейбусе такая мокрая? — смеялась Фарида, стараясь хоть немного обсушиться под лучами выглянувшего солнца. — Это же ужас, какой ливень на нас обрушился!

И они пошли пешком. Шерзад не помнил, о каких пустяках они говорили всю обратную дорогу до дома, да это было и неважно. Он видел только ее лицо, выражение ее глаз, все время обращенных на него и безмолвно подтверждающих то, что случившееся — не сон. Проводив ее до дома, Шерзад хотел было сразу вернуться в общежитие, обсушиться и привести себя в порядок — дождь изрядно попортил его единственный приличный пиджак и брюки. Фарида же ни за что не хотела отпускать его, настойчиво звала к себе домой выпить хотя бы пиалушку чая. Ему было неудобно, что она так долго просит его, и он согласился. Они поднялись к ней на второй этаж. Дверь открыла женщина в цветастом шелковом халате. Шерзад сразу догадался, что это мать Фариды: между ними было много общего. Наверное, такой будет Фарида по прошествии лет... Войдя, Фарида представила их друг другу.

Очень приятно, пожалуйста, проходите, — пригласила ее мать, внимательно разглядывая Шерзада с головы до ног что, надо сказать, неприятно укололо его.

Во взгляде женщины сквозило такое бесцеремонное любопытство, что ему стало просто не по себе. Он понял, что, очевидно, не однажды до его появления здесь, в этом доме, о нем говорили. Его пригласили в комнату. И он поразился роскоши обстановки. Стены гостиной сплошь увешаны дорогими коврами. На одном из них красовалась сабля с серебряной рукояткой. Под потолком хрустальная люстра, словно в театральном фойе. Сервант заполнен хрусталем и антикварным серебром. Опасаясь, что и кресло представляет собой антикварную ценность, Шерзад осторожно опустился в него и сидел неподвижно, словно боялся, что если глубоко вздохнет то с потолка вдруг упадет люстра. Ему было неловко

и за свои до нитки промокшие носки, и за старенькие туфли, оставившие, как он ни вытирал старательно ноги о коврик возле двери, влажные следы на дорогом темном ковре, сплошь покрывавшем пол гостиной.

Все эти мелочи вспомнились теперь Шерзаду с поразительной отчетливостью, и ему стало стыдно за того себя, давнего и робкого, так покорно выносившего ради своей любви все. Он вспомнил, что и до первого визита в дом Фариды ему приходилось нередко бывать у известных писателей, журналистов, однако нигде он не чувствовал себя так неловко и скованно, как тогда. Мать же Фариды, каждый раз входя в комнату, усугубляла все более его состояние скованности, потому что старалась, как казалось ей, незаметно разглядывать его, расспрашивая при этом. Фарида вскоре вернулась, переодевшись в джинсы и легкую кофточку, которые ей очень шли. Она распустила волосы, чтобы просушить их, и это было ей к лицу. Вообще все, что она делала, восхищало тогда Шерзада. Он с замиранием сердца следил за тем, как мгновенно меняется выражение ее лица при разговоре, как она иногда мило с ним кокетничала, как смеялась, чуть запрокидывая голову и обнажая свои ровные белые зубы. Чтобы как-то занять его, она взяла с журнального столика альбом с фотографиями и, поставив стул рядом с его креслом, удобно усевшись, стала шутливо комментировать снимки своей семьи. В основном альбом состоял из ее фотографий. Вот она совсем крошечная. Вот чуть постарше, с бантом на голове, а глаза и губы уже ее, такие, как теперь. Вот школьница с двумя туго заплетенными косичками в трогательной школьной форме. А вот и выпускной вечер в школе, она в белом платье...

Мать Фариды накрыла край темного полированного стола накрахмаленной скатертью, поставила на нее в хрустальной конфетнице шоколадные батончики, мед, кишмиш. Его же бросало то в жар, то в холод. От волнения он не знал, куда поставить пиалу, как сесть поудобней, чтобы прошла эта неловкость. Если поставить пиалу на скатерть, то может остаться пятно от доннышка. Поставить на стол — вдруг полировка испортится... Мать Фариды, словно нарочно, никуда не уходила и, усевшись напротив, внимательным взглядом сопровождала каждое его движение. От этого взгляда он готов был провалиться куда угодно, лишь бы не чувствовать себя в таком идиотском положении: словно на экзамене, нет, еще хуже.

Он прекрасно понимал, что это и есть самый настоящий экзамен. Мать Фариды устроила ему откровенную проверку. Его больно кольнуло тогда, в тот вечер, что Фарида вела себя как ни в чем не бывало — мило болтала о разных пустяках, словно не замечая его состояния, его напряжения, и никак не хотела прийти ему на помощь. Значит, подумал он, она соучастница этой затеи, иначе как же расценить весь этот спектакль. Когда он стал прощаться, обе — мать и дочь — стали уговаривать его посидеть еще. И ему стоило немало труда убедить их, что уже поздно, что пора и честь знать. С каким облегчением вздохнул он, выйдя тогда из дома! И как горько было сознавать ему, что этот день, так счастливо начавшийся для него, закончился печально. Бесследно улетучилось состояние беспричинной радости и восторга, а вместо этого в душе поселилось чувство настороженности и неясной тревоги. Конечно, у них с Фаридой немало общего. Это их роднит, сближает. И как все было хорошо, пока он не пришел к ним домой. Лучше бы совсем этого не случилось. Он увидел вдруг, что здесь, дома, она совсем другая, его Фарида. А какая разница между его матерью и матерью Фариды! Он даже себе и представить не может, что они с Фаридой явятся к нему домой, в кишлак. Что она сможет делать там, приехав погостить? Как найдет общий язык с матерью, которая всю свою жизнь провела в работе и заботах о семье, она, изнеженная и избалованная с пеленок? И вообще, как дальше все сложится, если Фарида, а он это понял сегодня, ничего не решает сама. Он очень любил ее, боялся потерять, но с того вечера избегал приходить к ней домой.

Между тем кончились экзамены, Фарида вместе с родителями уехала отдыхать в Прибалтику, Шерзад — к своим, в Фергану. Они переписывались. И Шерзад, несмотря на недолгую разлуку, скучал с каждым днем все сильнее. Теперь он понимал, что Фарида для него — самый близкий и дорогой человек, что она заняла прочное место в его сердце.

И вот новый, последний учебный год. Фарида вернулась с моря загоревшей, еще более стройневшей и привлекательной. Их курс вот-вот должен был уезжать на хлопок. Перед самым отъездом в колхоз, как Шерзад ни упрямился, как ни хотел не встречаться с родителями Фариды, она все-таки затащила его к себе домой. Едва переступив порог квартиры, Шерзад почувствовал, что здесь сегодня праздник. В нос ударили пряные аро-

маты готовящейся еды и печений. Но гости, наверное, еще не собрались, потому что было очень тихо. И в самом деле, как заговорщически сообщила ему Фариды, заперев за собой дверь, был день рождения ее матери — ей исполнялось сорок шесть. Узнав об этом, Шерзад расстроился. Во-первых, пришел без подарка, даже без цветов. Во-вторых, явился первым до прихода гостей, а они наверняка вот-вот нагрянут, будет мозолить глаза всем в доме, где, он чувствовал и знал, отношение к нему — не из лучших. И в самом деле, оправдались его ожидания. Мать Фариды, холодно-приветливо встретив его на пороге гостиной и со снисходительно-вежливой улыбкой выслушав его поздравления, немедленно снова приступила к допросу. Что он намерен делать после окончания института? Как с распределением? Куда получит назначение? Останется в Ташкенте или куда-то должен будет уехать... Град вопросов ошарашил Шерзада, и, стараясь настроиться перед визитом сюда как можно более мирно, теперь он едва сдерживался. Да, он знал, что его оставляли в республиканской газете: запрос в институт пришел давно, практически последние два года он работал там на правах почти штатного сотрудника. Однако теперь, из чувства внутреннего протеста против такого бесцеремонного обращения, не сказал об этом ни слова. Да, видимо, его ответ мало кого интересовал, как понял он.

— Все мое богатство — это моя дочь! — без всякой связи с предыдущим заявила она. — Ни я, ни отец — мы не отпустим ее ни на шаг от себя! Откровенно признаюсь, — сверля его глазами, продолжала она, — Фариды совершенно не приспособлена к самостоятельной жизни, она чашки дома не вымоет. А уж про то, чтобы обед приготовить, — захохотала она, — об этом не может быть и речи! Так что наш будущий зять, хочет он того или нет, но должен будет жить с нами под одной крышей! Да, на правах... сына!

В это время раздался звонок в дверь. Мать Фариды, легко вспорхнув, быстрыми шагами вышла в переднюю, и оттуда донесся ее ласковый голос: интонация заметно переменилась. Пришел отец Фариды. Как вовремя прозвенел этот звонок — Шерзад никак не мог прийти в себя после только что услышанного. Открылась дверь в гостиную, и появился отец Фариды, приветливо улыбаясь Шерзаду.

— А, молодой человек, много о вас слышал, наконец-то довелось познакомиться! Что-то вы не балуете нас своими посещениями! Да, да, Фариды много о вас рассказывала! Рад, очень рад!

Слова были искренними, Шерзад почувствовал это и сразу проникся к нему симпатией. Но одновременно он понял, что не этот человек в доме решает все. Не он влияет на Фариду. Да и вообще, может ли Фариды решать что-нибудь сама — вот в чем вопрос. Он теперь с каждым днем сомневался в этом все больше.

Шерзад вернулся в тот вечер в общежитие поздно: пришлось отсидеть положенное с гостями, поддерживать общий разговор, до которого он был не большой охотник. Но чтобы не прослыть совсем уж невоспитанным, пришлось все это вытерпеть. В ту ночь он не сомкнул глаз. Сон не шел. Он еще и еще раз заново переживал впечатления этого длинного и трудного дня и все никак не мог прийти к какому-то определенному решению. Ничего не мог придумать. Одно стало ему ясно: ему сегодня откровенно дали понять, что он в мужья Фариды не годится. Зять должен жить с ними. Это не для него. И принять такое условие он не может даже ради Фариды. Даже при условии, если он останется в Ташкенте. Жить с ее семьей — значит подчиниться полностью, отказаться от своих привычек, распрощаться со своими мечтами, надеждами и планами. А как же они, его мать и сестра? Ровно пять лет тянули они его, помогая учиться. И будет черной неблагодарностью отплатить им так. Сестренка замуж скоро выходит, ждала, когда он кончит институт. По обычаю, хочешь того или нет, но свадьба требует немало денег. Все свои гонорары последний год он посылает ей. Даже иногда из стипендии выкраивает. Но не это, конечно, главное. Главное, что он лишается свободы. Нет, он ни дня не сможет прожить в доме Фариды. Теперь он это твердо знал. Каждый раз, приходя сюда, он чувствовал себя подопытным кроликом. Значит...

Мысли Шерзада прервались. Он не хотел ни о чем больше думать. И успокаивал себя единственной мыслью: надо еще раз, последний, поговорить с Фаридой. Она должна понять. Иначе — как же жить дальше?

На следующий день они не встретились. Фариды пришла в институт. Потом была суббота. И снова ее не было. Потом наступило воскресенье. Он не позвонил ей

ни в один из этих трудных дней. А когда в понедельник она наконец явилась на занятия и он пошел провожать ее после лекций домой, Фариду словно подменили. Он сразу почувствовал в ней какое-то внутреннее раздражение, которое она и не пыталась даже скрыть. Но все равно, решил он; говорить нужно, нужно непременно поставить сегодня же все точки над «і». Иначе чем дальше, тем труднее будет все выяснить и решить. Фариды, однако, сразу поняла, с полуслова, и, не дав закончить ему мысли, перебив, как отрезала. Да, ради нее мать пожертвовала всем в жизни: училась пять лет в институте и, получив диплом, не работала ни дня, потому что здоровье ее, Фариды, требовало постоянного присутствия матери около нее. Это спустя много лет, когда она уже подросла, можно было идти работать ее матери, но где и кем — специальность требовала навыка, которого не было, из-за нее, дочери. Не было! Вот так она, ее мать, и стала домашней хозяйкой... Как же теперь она, Фариды, может отплатить ей черной неблагодарностью за все, что та для нее сделала? Как может не послушаться ее совета?..

Шерзад молча слушал сбивчивый, может быть, как он почувствовал, чуть виноватый рассказ Фариды о тех жертвах, которые принесла ее мать, растя свою девочку. Конечно, Шерзад не вправе был судить ни одну, ни другую, но принять условия Фариды он тоже не мог. Был просто не в силах.

С того злополучного дня они стали видеться реже. Встречи их, вместо прежней радости, приносили теперь Шерзаду одни лишь огорчения. Они выбивали его из привычной колеи жизни, он почти не мог работать. Занятия на ум не шли, и все это накануне защиты диплома!..

Чтобы как-то развеять ставшее теперь постоянным дурное настроение друга, Абдувахид, почувствовавший перемены, происходящие в Шерзаде, постоянно видевший его грустную улыбку и равнодушие ко всему окружающему, старался, как только мог, отвлечь друга от невеселых дум. Заехав однажды в воскресенье, которые теперь Шерзад проводил почти всегда в одиночестве, лежа на своей койке в общежитии и читая какой-нибудь подвернувшийся под руку детектив, Абдувахид силой вытащил его с собой на базар. Прежде Шерзад всегда с удовольствием сопровождал его — помогал закупать провизию для его большой семьи. Те-

перь же, видел Абдувахид, согласился лишь из вежливости.

Базар был воскресный, шумный и многолюдный. У ворот перед входом их внимание привлекла толпа народа, сгрудившаяся вокруг кого-то. Любопытство одержало верх, и они тоже подошли поглядеть, что же там такое происходит. На краю тротуара, на простой, грубо сколоченной деревянной табуретке сидел простоволосый мужчина средних лет с опухшим лицом, заросшим щетиной. Одной рукой он прижимал к себе коробочку, набитую туго свернутыми маленькими бумажными трубочками, в другой — держал крохотного зверька, похожего то ли на хомячка, то ли на морскую свинку, — издали не рассматреть.

— Ого! — пошутил Абдувахид. — Новый способ без помощи ЭВМ узнать все о своей судьбе! Не хочешь ли попытаться счастье? — предложил он другу и тут же пожалел об этом, Шерзад разозлился:

— С ума ты, что ли, сошел? Тоже мне, нашей забаву!..

— Тихо, тихо, ну конечно, это забава! Вот, посмотри!

И Абдувахид, протянув гадальщику монету, подставил, дурачась, ладонь. Животное покрутило красной мордочкой, обнюхав ладонь и, повернувшись к коробке с бумажками, аккуратно вытянуло из нее одну.

— «Ты скоро станешь отцом!» — прочитал, развернув записочку, отпечатанную на машинке, Абдувахид. — А, подумаешь, я это и сам знаю, болван, без твоего гадания! Удивил! — рассмеялся добродушно Абдувахид. — Жена вот-вот родит! Ты мне лучше скажи, кто у меня родится? А? Ну-ка, попробуй! — и он протянул еще одну монетку. — Смех, да и только! Смотри, что здесь написано! — и Абдувахид показал Шерзаду еще одну бумажку, которую достал зверек.

— «Тебя ждет далекое путешествие», — прочитал Шерзад.

Абдувахид, не в силах сдержаться, снова расхохотался:

— Правильно, правильно, меня ждет путешествие каждый день — в магазины, за молоком, в прачечную, в роддом! Видишь, как все правильно, а главное — точно, я теперь буду знать, что мне делать! Давай и ты попробуй, и тебе станет сразу все ясно, будешь знать, что предпринять в ближайшее время! Давай!

И Абдувахид чуть ли не силой протянул ладонь Шерзада, взяв его руку в свою. Единственное его желание было в тот момент — рассмешить друга, поправить его настроение. Но вышло наоборот. Развернув то, что ему протянул зверек, Шерзад — потом из-за его плеча и Абдувахид — прочитал: «Тебя ждет измена».

— Послушай,— сдерживая негодование, прошептал разъяренный Шерзад, уставившись в испуганное лицо гадалщика,— послушай, скажи своей свинье, пусть вытащит еще раз! Если не ошибется, получишь три рубля! Но если соврет!.. Берегись вместе с ней! И вместе со своей конторой!..

Мужчина с опаской взглянул на разбушевавшегося клиента, ничего не понимая. Однако кивнул в знак согласия, и тут же свинка вытащила еще одну бумажку. Развернув ее, он прочитал уже знакомое: «Тебя ждет измена».

Он скомкал записку и швырнул ее. Однако тревогу, закрашившую в душу, он не мог заглушить уже ничем.

На другой день, не выдержав, рассказал об этом забавном случае во время перерыва между лекциями Фариде. Девушка громко, но деланно рассмеялась. Шерзад насторожился, почувствовав фальшь в ее смехе.

— Господи, Шерзад, какой вы все-таки доверчивый! Поверили такому мошеннику!..

— Да нет, чепуха, я не верю никаким предсказаниям, глупости, но, признаюсь, измены боюсь больше всего на свете...

Фарида усмехнулась, взглянув на него:

— А вы, оказывается, еще и эгоист! Да не из смелых...

— Я не шучу! — Шерзад задумчиво отвел взгляд. — Но я не могу представить себе, чтобы вы шли рядом с кем-то другим, и если бы я вдруг увидел такое...

Он замолчал, а Фарида, взглянув на него, не на шутку испугалась, так он был бледен. Но не подала и виду.

— А что, это идея, надо попробовать! — продолжала она играть с огнем. — Это просто становится интересно...

Шерзад знал, что сейчас она шутила. Но сколько боли доставляла она ему, говоря с ним вот так. И тре-

вога в душе его все росла, не давая думать уже ни о чем другом.

В самом конце февраля Фарида праздновала день своего рождения. За два дня она пригласила Шерзада.

— Я приду с удовольствием, но прошу вас об одном: приготовьте плов своими руками. Хорошо?

— Странный вы, Шерзад! Разве человек должен трудиться в день своего рождения? — Фарида рассмеялась.

— А как же ваша мама? Помните, когда я был у вас первый раз, она все в этот день делала своими руками. Вы еще говорили, что она все умеет — и плов, и печенье, и самсу...

— А, понимаю, вы хотите меня проверить. На что я годна в жизни. Да? Ведь так? — Фарида нахмурила брови и прищурила глаза, ставшие вдруг недобрыми. — Не люблю готовить! И никогда, слышите, никогда, не буду ни для кого домработницей!

Шерзад не хотел ссориться и, примирительно погладив по руке Фариду, попытался успокоить ее.

— Послушайте, что я вам расскажу. У одного известного писателя — не буду называть его имени, но вы поверьте мне, это было в самом деле — была странная привычка. Прихоть. Он просил жену готовить ему еду то на хлопковом масле, то на бараньем сале. Как-то раз приходит к ним в дом привередливый гость. Жена, конечно, спрашивает мужа, на каком жиру готовить для гостя. Но не слышала, что он ответил. Переспрашивать при госте было неудобно, ну и приняла она соломоново решение: приготовила плов в двух котлах на разном масле. И к столу подала на двух ляганах!...

Шутка явно не достигла цели, и Фарида даже не улыбнулась.

— Пусть мой муж будет самим пророком, — бросила Фарида, — а не то что писателем! Прислуживать ему я никогда не буду! Пусть сам себе готовит что пожелает, меня же от подобной деятельности — увольте!

— Фарида, дорогая, да разве я о том, чтобы прислуживать? Слово-то какое вы откопали... Разве разговор

об этом. Вы меня неправильно поняли, честное слово, я ничего такого не имел в виду...

Но она не дала ему договорить. Его точку зрения она знала и не считала нужным выслушивать снова, что он думает по этому поводу.

В день рождения Фариды сидела дома за столом словно гостя. А Шерзад уже с утра чувствовал себя не в своей тарелке, потому что вечером надо было идти к ней. Приглашенных было много. И после долгого застолья все наконец встали, захотелось немного размяться. Молодежь танцевала. Шерзад вышел на балкон подышать свежим вечерним воздухом. И стал вдруг невольным свидетелем разговора, происходящего на кухне, — окно было открыто и выходило на балкон, поэтому каждое слово произносилось словно рядом.

— Недогадливый все же он парень, а подарок какой принес — три цветочка! Это любимой-то девушке! Нет, ты как хочешь, но я бы на его месте в лепешку разбилась, а подарок дорогой достала! Что это, Фариды, за любовь такая? Стыдно просто за него!..

— Мама, это несправедливо! Не будь мелочной! — резко возражала дочь. — Откуда ему взять столько денег, я же говорила вам, он все посылает дбмой, у него там мать и сестра!

— Ну, моя дорогая, ради такого случая, извини! Все и начинается в жизни семейной, как известно, с мелочей! Ну скажи, зачем он тебе? Ну, умный, ну, талантливый, говоришь, хотя я в этом очень сомневаюсь! Но толк какой от всего этого? Ты у нас красавица, и поклонников у тебя, готовых на руках носить, сколько хочешь! Чем, скажи, хоть Камрон хуже твоего писателя? Чем? Врач, хирург, зарабатывает прекрасно, а главное — любит тебя как! Все видят! Ох, чует мое сердце собьет тебя с панталыку этот бумагомаратель!.. Ты знаешь, нам нужен в доме не просто зять, сын нам нужен, вот кто! Человек, который не увезет тебя в свой кишлак и не заставит пасти овец! Мы с отцом хотим, чтобы он жил с нами!..

Она говорила все это быстро, без передышки, не давая Фариде вставить слово, хотя Шерзад слышал, что она сделала одну-другую попытку. Шерзад чувствовал, надо уйти, но какая-то неведомая ему сила держала здесь, на этом балконе, мешая двинуться с места. Значит, ликовало сердце, еще не все потерянно, значит, еще

есть надежда, может быть, Фариды еще примет другое решение. Ведь взрослый она человек!..

С этими мыслями, не слушая продолжение разговора, он взялся за ручку балконной двери. Прошел незаметно через гостиную, где веселье было в самом разгаре. Никто не заметил, как, пробравшись сквозь строй танцующих, он вышел в переднюю, а потом тихо притворил входную дверь и спустился вниз по лестнице. Ему было о чем подумать в тот вечер. Он ненавидел себя за то, что стал свидетелем этого разговора. И в то же время был рад, что остался, потому что теперь знал истинное к нему отношение в этом доме. И если до этого вечера его еще грыз какой-то червь сомнения по поводу его неуступчивости и несговорчивости, то теперь он решил твердо, что сомневаться теперь вряд ли стоит. В этом доме его не поймут никогда. Вот только Фариды, может быть, проявит все же характер и не согласится жить по готовому рецепту.

Быстро летело время. Неумолимо приближались последние дни институтской жизни. Взяв себя в руки, Шерзад много занимался, стараясь наверстать упущенное за месяцы душевного непокоя. С Фаридой теперь встречался редко, не расспрашивал ее ни о чем. Ждал, когда сама заговорит. Ведь он это пытался делать не раз, но безуспешно. Пусть, теперь, если хочет, начнет первой. Но девушка молчала. Наверное, она все давно решила, грустно думал Шерзад, все более укрепляясь в этом мнении. Иначе она вела бы себя по-другому. Не отворачивала бы лица, когда он нежно смотрел в ее глаза, не кокетничала бы в перерывах между лекциями с однокурсниками, не заставляла бы каждый раз молить ее о свидании, отделяваясь пустяжными отговорками. Нет, она еще ничего не решила, это он чувствовал. Но прежнего отношения сердечности между ними уже не было. С каждым днем росла неприязнь, превращая крохотную трещинку в непреодолимый барьер. Они не находили общего языка, не понимали друг друга, хотя, казалось, говорили о вещах, вполне понятных и близких друг другу. Как это случилось, что два близких человека теперь страдали от этой близости и каждый раз теперь им было в тягость видеть друг друга. Шерзад со свойственным ему максимализмом строго судил только себя. Себя считал виновником случившегося разлада. Бывали еще мгновенья, когда он, всей душой стремясь к ней, пытался что-то изменить, поправить. Но все его

старания теперь наталкивались на стену неприступного холода. Она уже не слышала его, не хотела слышать. В этом было все дело.

Не услышала и в тот предмайский вечер, когда их курс собрался вместе в последний раз перед защитой дипломов. Он хотел, как всегда, проводить ее домой и ждал у выхода из института. Но она вышла под руку с каким-то незнакомым парнем. Он и не рассмотрел его как следует. Увидел только, что тот высок, широкоплеч. Они взялись за руки. Они даже и не заметили сначала Шерзада, прислонившегося в немом отчаянии у захлопнувшейся двери. И тут же следом высыпала толпа однокурсников, тоже увидевших удаляющихся Фариду со спутником. И не преминувших воспользоваться случаем, чтобы поздравить Шерзада с новым соперником. Но он ничего словно не видел и не слышал. Оглох и ослеп. И они даже испугались, заметив, как он побледнел. «Старик, не отчаивайся! Женское сердце коварно, легче смотри на вещи!» — такие слова говорили они ему на прощанье. А он все стоял и стоял, не в силах двинуться с места: это была настоящая беда, неожиданно обрушившаяся на него.

Не принес радости и следующий день, когда они случайно столкнулись с Фаридой утром. Вид ее был неприступно гордый, заносчивый, и Шерзад, проведя и эту ночь без сна, был нервный, еле сдерживал свои чувства.

— Как прикажете понимать ваше вчерашнее поведение? Не находите ли вы, что в одни ножны не вмещаются два ножа сразу, как говаривали наши предки. А если даже их затолкнуть туда силой, то проку от этого будет мало.

Он не кончил фразы, как Фарида грубо перебила его:

— А это уж не ваша забота! Не беспокойтесь! Как-нибудь разберусь сама, без посторонней помощи!

И, обогнав его, гневно застучала каблуками по лестнице. Он не знал, что ровно за полчаса до их встречи в доме у Фариды разыгрался настоящий скандал. На семейном совете решался важный вопрос: приближалось распределение, и надо было любыми способами оставить Фариду в Ташкенте. На этом настаивала ее мать.

Дни, оставшиеся до первого госэкзамена, пролетели незаметно. Время за книгами в читальне и общежитии. Считанные минуты в столовой. Несколько часов сна в сутки. Так жили все товарищи Шерзада. Так жил и он

сам, с тою только разницей, что постоянно, что бы он ни делал, какой бы работой ни занимался, все время думал о Фариде. Думал и ничего решительного не предпринимал. Иногда ругал себя за неуступчивость. За то, что не в силах был придумать выхода из создавшегося положения. Но, оказывается, зря он ломал себе голову над неразрешимой проблемой. Зря укорял самого себя за бездействие. За три дня до первого экзамена Фарида вручила ему пригласительный билет на свадьбу. Хотя он и был теперь готов ко всякого рода неприятностям, но это было равносильно грому среди ясного неба. Значит, они распорядились ее судьбой. Значит, он уже ничего не сможет сделать. Оказался тряпкой, слюнтяем. Не боролся за свое счастье. Позволил поступить, как заблагорассудилось ее взбалмошной матери. Конечно, что она могла поделаться одна, что противопоставить родительским доводам, эгоистическим требованиям. Мать родная как-никак, никуда не денешься.

И Шерзад снова и снова находил тысячу убедительных доводов, чтобы оправдать и собственную пассивность, и роковое решение Фариды, которое, он был твердо уверен, принято вовсе не ею. В своей беспомощности и растерянности он был похож на сокола, внезапно рухнувшего на землю с высоты от коварной пули...

Между тем неумолимо приближался день свадьбы. Абдувахид убеждал Шерзада не принимать приглашения и не ходить на эту свадьбу. Зная друга, он не хотел, чтобы тот лишний раз растравлял свои раны, мучился и страдал. Но все его уговоры были напрасными: Шерзад решил последний раз увидеть Фариду и в этом решении никто поколебать его был не в состоянии. Наступил назначенный час, и он надел свой лучший костюм.

Все было как на любой другой свадьбе. Звенели бокалы, произносились красивые тосты за здоровье молодых, за их счастье, за счастье их детей. Ни на минуту не смолкала веселая музыка, песни. Самый длинный и торжественный тост произнес толстый коллега отца Фариды. Он был знаком Шерзаду и появлялся в доме у девушки в дни семейных праздников. Вытирая лоб большим клетчатым платком, то и дело поправляя галстук, который мешал ему дышать и говорить, толстяк не устал превозносить достоинства жениха Джурабая, расхваливать на все лады его инженерные способности, его непревзойденный характер, доброту, скромность, сердечность. Гость не пожалел слов и для невесты, сравнив ее с загадочной луной, под стать жениху солнцу И, сла

ва аллаху, наконец-то любящие сердца соединились: они достойны самого большого счастья..

Не дав передохнуть застолию, слово взяла сокурсница Фариды и Шерзада, стройная миловидная девушка. И она, будто сговорившись с сослуживцем отца, сообщила собравшимся о том, что невеста и жених давно друг друга любят, что они прекрасная пара, которой все желают долгих лет безоблачного счастья...

Шерзад сидел неподалеку от жениха с невестой. И не спускал с них глаз. Горькие мысли не давали ему ни на минуту забыть в шумном веселье свадебного пира. До чего же беззастенчивы некоторые люди: из могильных венков, где навеки похоронена чья-то любовь, они готовы сделать пышный букет и подарить его той, которая виновата в гибели этой любви!.. Мысль эта пришла в голову Шерзада, когда произносила свой тост однокурсница невесты. И Шерзад смеялся громче всех любой шутке, звенел своим бокалом, чокаясь с гостями и выпивая больше всех сидящих рядом. Конечно, он и захмелел быстрее других. Уже после двух первых рюмок у него стала кружиться голова, все поплыло перед глазами — стол, гости... Но он взял себя в руки и посидел еще немного — до тех пор, пока не раздалось громкое скандирование нескольких мужских голосов. Он, конечно, не разобрал, кто кричал: вроде, как он потом вспомнил, какие-то военные, наверное, коллеги отца Фариды. У них это получалось очень дружно: «Го-рько! Го-рько! Го-рько!» И жених наклонился к невесте. Это Шерзад еще видел. Бережно отвел в сторону ее фату и... Шерзад вскочил со стула, чувствуя, что, если он сию же минуту не уйдет отсюда, случится что-то ужасное и непоправимое. Никто не заметил его исчезновения, его поспешного бегства. Никому не было до него дела, до его отчаяния и мук. Он вышел на улицу. И даже здесь ему все еще слышались слова тостов, а в голове, словно маятник, отстукивало: жених, невеста, жених, невеста... Он шел быстро, несмотря на то, что ноги отказывались слушаться его. Шел долго, не зная, куда и зачем идет. И вот звуки перестали наконец преследовать его, наступила желанная тишина, нарушаемая только сигналами запоздалых машин да шагами редких пешеходов. Но вот и эти звуки исчезли, растворились в ночи. Ни огня, ни улицы. Только высокие деревья покачивали своими кронами, а за ними он увидел отчетливо и ясно плывущую желтую луну. Где-то шумела вода, должно быть, арык. Он подумал об этом без всякого интереса. Чувст-

вужа немомверную слабость в ногах, Шерзад медленно опустилса на колени, коснулся ладонями влажной травы. И это прикосновение словно вывело его из состояния, в котором он находился: упав ничком в траву, он почувствовал, как из глаз его брызнули горячие слезы.

Мужчина никогда не должен плакать. Истину эту он усвоил еще в самом раннем детстве, следовал ей. Теперь же стряслось что-то невероятное. Он плакал, как малый ребенок. Плакал безутешно и горько. Но слезы облегчали душу, и на смену полному безразличию пришло чувство смирения: изменить теперь было невозможно ничего. И он снова и снова, в который уже раз, вспоминал историю своих отношений с Фаридой. Конечно, у каждого из них троих была своя собственная правда, свое отношение к случившемуся. Он позже узнал об этом. Узнал, что Джурабай знает Фариду чуть ли не с первого класса школы. Он ее школьный товарищ и любит ее очень давно. И в Ташкент приехал только ради того, чтобы видеть ее, чтобы знать, что она ходит по тем же улицам, что и он, дышит тем же воздухом... Что же говорить о ее капризах — он выполнял их всегда с радостью и желанием: ее слово было для него законом. Он терпел все ее выходки, он просто не замечал их и был верен ей всегда и во всем уже много лет. Шерзад же, не искушенный человек, просто не мог предположить, что девушкам такое поведение молодых людей очень нравится, особенно таким, как Фарида. Ее вполне устраивал красивый безропотный кавалер, без ума влюбленный в нее. И конечно, Шерзад со своим принципиальным характером, вспыльчивый и прямой, уступал спокойному и покладистому сопернику, о существовании которого он никогда и не подозревал. Не знал Шерзад и того, что родители Джурабая и Фариды были дружны еще до рождения детей. Это, наверное, и сыграло решающую роль, как думал потом Шерзад, в выборе Фариды. И здесь он, студент-журналист, живущий на стипендию да еще в общежитии, чужак, неизвестно из какой семьи, не выдерживал сравнения. Конечно, родители предпочли взять в мужья единственной дочери человека, которого они давно и хорошо знали. Он был во всех отношениях надежным, этот Джурабай.

Это Шерзад понял гораздо позже. Теперь же, лежа в траве и предаваясь своим нерадостным мыслям, он, конечно, уже жалел обо всем, ругал себя последними словами за невыдержанность. «Ну, кто, кто тебе был

нужен, в конце-то концов? — спрашивал он себя. — Служанка для матери там, в кишлаке, или любимая женщина, твой спутник на долгую жизнь, без которой ты и не мыслишь себе этой жизни? Почему ты всегда должен думать о своей матери, оставшейся там, в Фергане, о своем доме, сестре? А почему Фарида не имеет на это право? Значит, она дальновиднее, умнее в тысячу раз! В самом деле, подумаешь, свет, что ли, клином для нее на тебе сошелся? Тоже находка!» — думал о себе, как о ком-то постороннем.

Потом, позже, много дней и недель спустя, он не раз снова и снова задавал себе эти вопросы. И пришел к твердому убеждению: как бы ни эгоистично поступила Фарида, он в этом смысле от нее далеко не ушел. Хотя она и обманула его, оказалась неверной, он тоже поступил, как мальчишка. И понял это слишком поздно. Его сжигало пламя ревнивой зависти к тому, другому, но с не меньшей силой он ненавидел и себя самого, свою нерешительность и инфантильность, за которые теперь расплатился сполна.

С тех пор прошло более трех долгих лет. После свадьбы Шерзад никогда не встречал мужа Фарида, того высокого красивого парня. А если бы и встретил, то, наверное, и не узнал. Он слышал от друзей, хотя со временем все меньше проявлял интерес к подобному роду слухам, что Джурабай, как и хотели того родители Фарида, живет у них. Что детьми они еще не обзавелись и Фарида нигде не работает. А Фарида Шерзад с тех пор не видел ни разу. Наверное, это было хорошо: судьба милостиво не сводила их на своих перепутьях, не испытывала Шерзада, помогая залечить душевные раны, успокоиться, всем сердцем отдаться делу. И вот сегодня этот приход ее в больницу. К чему он? Зачем она тревожит тени прошлого? Что ищет сегодня в нем? Что хочет найти? Ведь не просто же так все это...

В ту ночь Шерзад опять не спал и лежал, уставившись в белый потолок больничной палаты.

13

Задремал он только под утро и, очнувшись от короткого тяжелого сна, почувствовал, что не может повернуть головой. Она раскалывалась от невыносимой боли. Глаза щипало, словно в них набросали песок. Повернувшись на бок, Шерзад увидел, что койка Сайфи Сакиевича пуста, наверное, уже ушел умываться. В палате стоял густой запах «Шипра».

Шерзад, свесив ноги с кровати, с трудом потянулся. Нелегкая выдалась ночь воспоминаний. И удивительно, как память сохранила все детали и подробности событий тех далеких дней! Как ясно он вспомнил все, и слова, сказанные ею и им самим... И... «Ну, довольно, старик, совсем раскис!» — как сказал бы ему теперь, будь рядом, Абдувахид. И Шерзад, словно и в самом деле услышав бодрый голос друга, энергично поднялся с кровати, взглянул в окно. Небо прозрачно и чисто. Солнце уже высоко поднялось, а на цветущих ветках урючины всюду щебетали воробьи, заглушая все другие звуки утра.

Шерзад и не заметил, как вошел сосед с полотенцем через плечо. Пуговицы фланелевого халата растегнуты, резинка шаровар врезалась в выпирающий живот.

— Ну как, выспались? — бодро спросил, вешая полотенце на спинку кровати. — Поторопитесь, вас там вызывают...

— Кто и где?

— Сестра мне сейчас сказала, к телефону вас просят, знаете, там, в конце коридора который...

Выйдя из палаты, Шерзад пошел к столику сестры. Трубка и в самом деле лежала на столе, и как только он приложил ее к уху, сказав: «Алло!», услышал высокий нервный голос:

— Вы Самандаров? Идите в проходную! Пришел тут какой-то пьяный и морочит мне голову вот уже целых полчаса!

Шерзад удивился, спросил:

— А кто этот человек, скажите, пожалуйста?..

Но трубка уже коротко гудела, и Шерзад, в недоумении пожав плечами, пошел к проходной.

«Кто же это может быть? — думал он по дороге. — Абдувахид не пьет. Да среди моих ребят вроде нет пьяниц...»

Уже совсем подойдя к проходной, он услышал громкие возбужденные голоса — мужской и женский.

— Да разрешите же, мамаша! Это ведь не атомная электростанция! Всего лишь больница! Я мигом туда и обратно!..

Шерзад уловил в голосе мужчины знакомые нотки, но никак не мог припомнить, кому этот голос принадлежал. Где же все-таки он слышал его?

Ускорив шаги, через низенькую дверь, где пришлось пригнуть голову, вошел в проходную. В кресле, загоро-

див собой подход к двери, сидела старушка-вахтер, на которую с ходу чуть не натолкнулся Шерзад. Он понял, что все слова, которые она считала нужным сказать парню невысокого роста, стоявшему около окна, она уже сказала до появления Шерзада. И теперь молча восседала в кресле, кутаясь в теплый шерстяной платок, накинутый поверх толстого свитера. Парень при появлении Шерзада продолжал размахивать руками:

— Уважаемая мамаша! Сердца у вас нету! Я ведь могу отстать от самолета, так и не повидав...

Тут он увидел вдруг Шерзада, который бросился к нему.

— Тангриберген! Дорогой!

В крепком, ладно сбитом парне в модном костюме Шерзад не сразу узнал лихого шофера, который возил его по трудным дорогам Памира. «Когда же это было? — припоминал он. — Да, уже три года тому назад...»

Тангриберген широко улыбался, показывая щербатые зубы.

— Ну вот и сам поэт! Ведь можно было позвать, а, мамаша?

Они обнялись, похлопывая друг друга, и Шерзад почувствовал как в его бок твердо уперся пакет, который Тангриберген держал под мышкой, то ли с яблоками, то ли с гранатами, в нос же ударил крепкий запах пива. Однако Шерзаду не стало от этого неприятно, он еще раз радостно обнял Тангрибергена.

— Ну и строгий, однако, у тебя здесь сторож, хоть и женщина! — засмеялся он, показывая рукой на вахтера. — Я ей твержу: мамаша, да мамаша дорогая, приехал издалека, обязательно должен повидать поэта, а ей хоть бы что, сердце каменное. Говорит, при исполнении...

Шерзад виновато улыбнулся пожилой женщине, словно прося прощения за своего шумного друга, который, наверное, так заморочил ей голову, что теперь она сидела молча, не вступая ни в какие разговоры. Шерзад потянул Тангрибергена за ворота, в тень акации, где стояла скрытая от посторонних глаз скамеечка.

— Сюда, сюда, а то сейчас врачи пойдут на работу, время такое, и поговорить не дадут... Как я рад, что заехал ко мне! Давно в Ташкенте?

— Да всего два дня! И сегодня же, да где сегодня, через полтора часа уже мой самолет улетает. Вчера к вечеру как сделал свои дела в министерстве да в управлении, так сразу и заскочил в редакцию. А там

говорят, в больнице лежит. Вчера-то уж поздно было, так я сегодня решил тебя повидать. Не обижайся, вчера в гостинице выпил малость, а с утра пропустил кружку пива, чтоб голова не болела! А она, — он кивнул на вахтера, — решила, что я не в себе... — засмеялся Тангриберген. — Как ты-то себя чувствуешь? Поправляешься?

— Да теперь уже ничего! Скоро выпишут! В Бадахшане приходится бывать? Часто я вспоминаю ту нашу поездку...

— Конечно, приходится! Строим теперь электростанцию на Мургабе! Приезжай снова, есть о чем писать!

— Конечно, обязательно, вот только скорее бы поправиться! А как дети? Наверное, Хасан и Хусан уже совсем большие?

Тангриберген от души рассмеялся:

— И не спрашивай, видно, их мать хорошо усвоила науку, как рожать только двойню! У нас в семье ведь прибавление с тех пор!.. Она подарила мне теперь двух девочек — Фатьму и Зухру!

— Ну, я вас от души поздравляю! — Шерзад дружески похлопал Тангрибергена по плечу. — Молодцы!

— Конечно! — согласился, рассмеявшись, тот. — Я тоже так считаю, дела в отце и только в отце!

Его маленькие лукавые глаза искрились радостью.

— А ты, Шерзад, оказывается, обманщик? Книжка-то обещанная так и не вышла?

Шерзад внимательно посмотрел на него и внезапно почувствовал себя и в самом деле виноватым перед этим добродушным и простым парнем, приехавшим из такой дали проведать его.

— Не справился, брат, что поделаешь! — смутился он. — Не смог... Пока... Мне нужно, понимаешь, побывать еще раз на Памире...

— За чем же дело стало? Будь только здоров, а книги... Что книги? Будет здоровье — будут и книги, так я понимаю это! Верно? Для меня даже лучше, что материала не хватает! Повезу тебя еще раз в Бадахшан! Собирайся хоть сейчас!.. Который час теперь? — спохватился он вдруг. — Проговорили мы, а самолет меня ждать не будет!

— Половина десятого! — посмотрел Шерзад на свои часы.

— Ой, а на моих меньше! Хорошо хоть вовремя вспомнил! Пора мне! — И Тангриберген, вспомнив, протянул бумажный пакет. — Это на поправку! И не вздумай отказываться! Обижусь!

— Тангриберген! Как же так получается? И не поспедел как следует, не поговорили!

— Да я с великим бы удовольствием, но так уж получилось. Все скорее, скорее, а там ждут очень! Ничего, мы еще наговоримся, когда приедешь! Дай только знать, чтобы я на месте был и встретил, когда надо. Хорошо?

Тангриберген крепко жал, долго не отпуская, руку Шерзада. И все еще, стоя на подножке троллейбуса, кричал:

— Буду ждать, приезжай летом! Поедем в Бадахшан!..

Опустела остановка, скрылся троллейбус, а Шерзад все еще стоял, глядя вслед и ощущая в душе какую-то образовавшуюся вдруг пустоту. Случается же такое! Встретишь человека, почувствуешь к нему расположение, а жизнь наша так устроена, что и не знаешь, увидишь ли этого человека когда-нибудь еще. И вот, на тебе, неожиданно снова встретишься. Словно подарок такая встреча. И как все бывает иногда переплетено причудливо и замысловато! Хоть взять его поездку с Тангрибергеном тогда на Памир. В его жизни она стала чем-то несравненно более важным, чем обыкновенная командировка.

Да, три года назад это было... Только-только закончив институт, Шерзад поступил на работу. После свадьбы Фариды он все еще не находил себе места. Но надо было привыкать жить без нее, начинать работать, тем более что работу свою он любил.

И вот однажды, перелистывая подшивку газеты, он наткнулся на интересный материал о памирском тракте, о водителях высокогорных дорог, их мужестве и героизме. В частности, писали о том, что на Памире намечается строительство высокогорной электростанции. Корреспонденция была лаконичной, факты излагала скупое, но за ними Шерзад как истый газетчик почувствовал интересную тему, из которой могла бы родиться не только интересная статья, что — он еще не знал. Может быть, повесть. Материал подскажет на месте.

Редактор одобрил командировку, и Шерзад уехал в Бадахшан. В самом деле, статья получилась интересной, о ней говорили, как и о нем, начинающем талантливом журналисте. Там, в Бадахшане, он вел дневник. День за днем, с первых часов пребывания. Удивительно запомнились ему эти недели, словно не три года, а только что вернулся он оттуда...

23 июня 197... года. Гостиница «Алатау», 23 часа 15 минут. Завтра поутру отправляюсь в дорогу. Она, все говорят, будет нелегкой. Надо хорошенько отдохнуть. И как назло, сон не идет. У меня всегда так получается... Сажу возле окна. Душно. Градусник над дверью показывает тридцать градусов. Я и прежде бывал в Оше. Вроде бы такой жары не бывало. Но в этом году лето особое. Сюда доносится шум воды — это горная речка Акбувра. В той стороне, где театр, слышны звуки песни, изредка — аплодисменты. Кажется, идет концерт.

Разговаривал с директором автоколонны. Утром ровно в шесть к гостинице должен подъехать «ЗИЛ-130». Он, как выяснилось, везет в Бадахшан рентгеновскую аппаратуру. Поеду в кабине этой машины, мне обещали. Машина другой марки туда не пойдет, труднодоступные районы.

Еще в давние времена, как свидетельствует история, на Бадахшан зарились многие восточные ханы и султаны. По преданию, в стороне, где восходит солнце, оказывается, есть гора Парнас, высотой до небес. На ее вершине обитает конь Пегас. И у него есть крылья. Человек, который сядет на этого волшебного коня, принесет людям добро...

Эту легенду завоевателю Александру рассказал его наставник Аристотель, давший ему совет: если Александр сядет на этого коня, то будет самым справедливым правителем на свете. Однако Александр не послушал совета учителя и предпочел боевого коня Буцефала и завоевал на нем весь мир. Он покорил народы, но не сердца людей. За это его прозвали самым жестоким правителем мира. А люди, не вынесшие жестокости правителя, ушли в сторону восхода солнца и нашли убежище там на самых высоких горах Памира. Конь же вдохновения Пегас, говорят, до сих пор живет на вершине горы...

Узнал и еще одну легенду. В далекие времена правитель Китая Фу Де страшно притеснял народ. И однажды люди восстали, не в силах более терпеть его гнет. Правитель, нагрузив караван несметными богатствами, бежал на Памир. Говорят, его клад и по сию пору лежит в одном из ущелий. Однако добраться до него очень трудно.

Около семи веков назад, пишут историки, бывал в Бадахшане и великий венецианский купец Марко Поло. Ему не понравилось здесь, а потому в своей тетради воспоминаний он оставил такую запись: «Этот край очень высок. Суровый, холодный. До того высокий и холодный, что даже птицы не летают. Ничего не растет. Пища не варится. Разожжешь огонь, а цвет пламени сам по себе тускнеет. Наверное, это проклятые богом места...»

Завтра я поеду по этим местам. Нет, пожалуй, я обойдусь без коня вдохновения, не доставшегося Александру. Не нужен мне и клад китайского правителя. Поеду искать совсем другие сокровища.

24 июля, 6 часов 40 минут. Кабина автомашины.

Мы уже около получаса в пути. Машина выехала из Оша. Едем по дороге, края которой обрамляют высокие стройные тополя. С утра жарко припекает солнце. Опустил боковое стекло.

Рано, около шести, меня разбудила старушка — дежурная по гостинице. Я не выспался — голова гудела. Глаза щипало. Взяв портфель, вышел на улицу и увидел, что против дверей гостиницы стоит зеленая машина. Груз в ее кузове тщательно накрыт брезентом, перетянут веревками. На подножке кабины, закинув ногу на ногу, сидел парень в сапогах и курил. Увидев меня, он тотчас поднялся. Познакомились. Его зовут Тангриберген. Невысокий, однако крепкий, надежный какой-то, в толстой фуфайке, старой шапке. Когда мы познакомились, улыбнулся, и как-то очень по-доброму заблестели маленькие глаза. Зубы у него с желтоватым налетом: видно, много курит.

— Вы поэт? — с улыбкой спросил Тангриберген.

Такие люди, наверное, представляют себе поэтов как людей с какими-то причудами, не похожих на других. Мне стало неприятно от этой мысли, не хотелось, чтобы этот парень думал обо мне так. Поэтому я пробурчал с неудовольствием:

— Нет, я писатель...

Однако Тангриберген словно и не слышал недовольного моего тона. И правильно сделал. Оглядев меня с головы до ног, улыбнулся, показал свои щербатые зубы.

— Вы оделись очень легко! Простудитесь в горах!

Я промолчал. А что я мог сказать? Где найти теплую одежду?

Тангриберген сильно хлопнул дверью, садясь в кабину.

— Чему быть, того не миновать! — показал он на сиденье, рядом. — Будете мерзнуть, дам вам в долг вот это все...

Между нами на сиденье лежал тулуп, вывернутый мехом вверх. Я опять промолчал. У нас под ногами была полная сетка репчатого лука, и ядовитый его запах я почувствовал, едва занял свое место рядом с Тангрибергенем. «И зачем его столько?» — подумал я. Однако ни чего не спросил. Тангриберген вытащил из отделения под ветровым стеклом пачку «Беломора» и жадно затянулся. Запасливый парень: в отделении лежало по крайней мере еще пачек двадцать, не меньше. Там же увидел я флакончик с нашатырем и медикаменты, сразу трудно было разобрать какие. Мой водитель не сводил глаз с дороги и тихо, себе под нос напевал что-то. В его лице нет запоминающихся черт. Лицо как лицо. Глаза, как я уже сказал, узкие, нос — сплюснутый немного, а цвет лица какой-то нездоровый, с синевой.

8 часов 20 минут.

Машина едет по ущелью между горами, покрытыми редкими зарослями арчи. Они растут с наклоном в одну сторону, видимо потому, что постоянно дует ветер. Внезапно я увидел лошадей, которые паслись справа от нас. В лучах утреннего солнца их гривы горели огнем. Как и у людей, нравы у них разные. Одни пасутся спокойно. Другие, выгнув шеи, степенно смотрят вдаль. Третьи пугливо озираются. Движение жеребцов, бегущих за матерями, словно в замедленной съемке, величественны и прекрасны. Сказочная картина!

Резко похолодало. Мне пришлось поднять боковое стекло кабины.

11 часов.

Доехали до вершины перевала Чигирчик. Солнце светит ярко, в воздухе свежо. Когда машина поднялась на самую вершину, я не удержался, посмотрел назад. Дорога, по которой мы поднимались, петляя змейкой, убежала вниз. В кажущейся отсюда крохотной низине, словно на цветной открытке, застыла растекшаяся блестящей ртутью речка. Я смотрел вниз недолго, и у меня закружилась голова. Не зря говорят альпинисты: поднимаешься в гору — не смотри назад. Такое со мной однажды уже случалось, когда я ехал через перевал Ташкент — Коканд. Правда, там место было повеселее, побольше деревьев, а здесь растительности очень мало. Изредка попадаются низкие кустарники... На душе неспокойно. Странно — отчего?

12 часов 40 минут.

Машина остановилась. Тангриберген открыл дверь и спрыгнул на землю. Я тоже вылез из кабины. От пронизывающего холодного ветра сразу перехватило дыхание. Тангриберген, обойдя машину, подошел ко мне.

— Наденьте тулуп! — прокричал он. Я еле расслышал, что он мне говорит. Его усталый голос унесл ветер.

Тулуп оказался короток, наверное, был сшит на Тангрибергена.

— Идемте! — прокричал он после того, как я все же закутался в его тулуп. — Выпьем овечьего молока!

Мы пошли к дому невдалеке. Я сразу и не заметил его. Был он выстроен из жженого кирпича, под шиферной крышей. С виду напоминал барак. Прямо из проема, в центре крыши, валил дым. Странное место для жилья! Больше ни одного дома вокруг. Там-сям торчат редкие высохшие кустарники.

— Кто здесь живет? — я старался перекричать ветер.

Идущий на два шага впереди Тангриберген остановился, обернувшись, наверное, услышал мой вопрос

— Дорожный мастер! Идемте!..

Дом оказался просторным. Посредине весело горела чугунная печка. Рядом стоял тазик, где сидел малыш лет трех. Его мыла молодая женщина. Киргизка, как я понял по разрезу глаз. Повязав волосы ярко-красной косынкой, она усердно намыливала малышу спинку. В доме по-уютному пахло молоком и туалетным мылом.

К Тангрибергену подошел высокий человек в треугольной белой шапке и крепко пожал ему руку. Здороваясь со мной, он сокрушенно покачал головой.

— Оай-бай! Гостя, видать, сморил тутак!..

В его голосе слышалась тревога. Я удивленно взглянул на Тангрибергена.

— Пейте молоко! Больше пейте! — сказал хозяин, снова внимательно оглядев меня.

Я глотнул молока из касы¹: жирное, не кислое.

— Пейте, пейте все! — наставлял меня тем временем Тангриберген.

Тридцать шагов до машины показались мне тремя километрами. И пока дошел до нее, устал смертельно

К а с а — большая пиала, чашка.

14 часов 20 минут.

Когда проезжали перевал Кизилорт, увидел табличку на обочине дороги. Прочитал: «4444 метра». Значит, высота перевала около четырех с половиной километров. Дорога становилась все трудней. Справа и слева — бездонные пропасти. На дне одной из них, как я успел заметить, белели пятна нерастаявшего снега: Вокруг, кроме серых камней, ничего не видно. Никогда сердце не стучало у меня так сильно. Клонило ко сну.

14 часов 50 минут.

Тангриберген трясет меня за плечо.

— Не спите, поэт, не спите!

Его голос доносился до меня издалека. С трудом открыл глаза.

— Если заснете — плохо будет! Не спите, недуг может прихватить! — почти кричал он. — Проезжаем долину Смерти!

Смотрю в окно. Ничего не видно. Все окутано сероватой дымкой. Вглядываюсь до боли в глазах, но вижу только столбы вихря, поднимающиеся до самого неба. В стекла кабины летят из-под колес мелкие камешки.

Вспомнился недавно виденный американский киножурнал, в котором запечатлены кадры посадки космонавтов Армстронга и Олдринга на Луну. Сейчас немного развиднелось и в окно машины я разглядываю очень похожую картину: на ровной долине, бесконечно простирающейся, высятся утесы, словно минареты с острыми гранями. Тени от них похожи на мифических существ. Мертвую тишину нарушает лишь вой ветра да надрывной рокот машины.

— Ешьте лук! — приказывает Тангриберген. — И мне дайте!..

Я с неохотой нагибаюсь. Шарю рукой вниз. Все движения мои замедленны, я это чувствую. Достая из авоськи лук. Одну головку протягиваю Тангрибергену. Он зубами отдирает шелуху и, не выпуская баранку, с хрустом ест. Глядя на него, я делаю то же самое.. Во рту горит, на глазах — слезы. Однако дышать, как ни странно, становится легче.

— Это тутак! Тутак! Кислородный голод! — продолжая есть луковицу, объясняет мне Тангриберген. — Помните, еще внизу дорожный мастер сказал, что у вас начинается этот голод? Тутак по-местному...

— А что это такое — тутак? Почему?

— Болезнь, вызываемая недостатком кислорода в воздухе. Ничего, пройдет! А вы, оказывается, слабак! —

Тангриберген с опаской поглядывает в окно.— В таком месте у лошади, если ее погонять, сердце может разорваться. Плохой недуг! Человеку трудно, но он терпит!

16 часов 35 минут.

Проехали Черное озеро. Высота — четыре тысячи метров над уровнем моря. Озеро назвали точно: вода в нем черная, соленая. Вокруг ни души. Если не считать на берегу стадо яков. Животные, обросшие густой шерстью, коротконогие, с огромными глазищами, сердито смотрели на машину, нарушившую привычную для них тишину. Любопытно, какую пищу находят они на этой каменистой почве, среди валунов, занесенных снегом?

Снова дает себя знать сердце: сжимается. Голова тоже не в лучшем виде — болит невыносимо. По-прежнему клонит в сон. Хоть бы десять минут прикорнуть! Нет, Тангриберген железный человек: не разрешил спать — и не заснешь ни за что! Все пытается меня разговорами отвлечь. Много знает интересных историй!..

— Вот перевалим через Акбайтал, и, считай, мы уже дома! — он улыбается во весь рот, и между зубами видны застрявшие кусочки лука.

— Акбайтал — это перевал?

— И самый высокий к тому же! Около пяти тысяч метров!

— Интересно, почему его так назвали — Акбайтал?

— Я не поэт и, конечно, может, что не так расскажу... Но есть легенда. И кто знает, правда это или выдумка,— Тангриберген улыбнулся.— В далекие времена в этих краях жил хан. У него была жена — красавица, в мире таких больше не существовало. Однажды враг напал на его владения. Хан наголову разбил пришельцев, вражеский полководец бежал без оглядки. Вернулся хан к себе домой после битвы, смотрит, а жены нет. Женщины — народ глупый! Пока он там воевал, хитрым маневром заманил вражеский полководец его жену к себе в стан, а ей там понравилось. Вот она и решила бежать вместе с отступающими врагами. А хан пустился вдогонку за беглецами и настиг их как раз на вершине этого перевала, к которому мы едем. Настиг и, конечно, изрубил на мелкие кусочки! Всех — и врагов, и жену, и Акбайтал — любимую белую кобылицу жены своей. На ней-то она и сбежала с вражеским полководцем. Молодец парень, так я думаю! Вот с тех самых пор и называют перевал по имени той лошади — Акбайтал. Как вы думаете, заслужила она, чтобы ее имя увековечили?

Чувствовалось, что Тангриберген не в первый раз рассказывает эту легенду. И что это доставляло ему немалое удовольствие. И на этот раз, насмеявшись вдоволь и разогнав мой сон, он вдруг умолк на полуслове. Не знаю, сколько длилось это молчание, только вдруг я почувствовал, что машина наша свернула с дороги и стала крениться в сторону. Взглянув на Тангрибергена, я застыл от ужаса: на нем лица не было, вены на шее страшно вздулись, главное же — ехал он, закрыв глаза! И продолжал держаться за баранку! Ну, дела!..

Не помню, сначала ли я схватился за руль, а потом закричал, или все было наоборот, только вдруг Тангриберген изо всех сил нажал на педаль тормоза. Машина дернулась и остановилась буквально в нескольких шагах от края пропасти.

— Я заснул? Да? — моргая глазами, удивленно спросил он. Глаза у парня покраснели, слезились.

— Не знаю, что вам и сказать... Вроде да, я тоже испугался...

— Дайте скорей луковицу! — Тангриберген не стал ее чистить, а жевал вместе с шелухой. — Нехватка кислорода — ох, плохая это штука! Видите, сколько зубов у меня нет? Все от этого!.. И волосы теперь стали не ахти какие. Все от того же.

Мне стало очень его жаль.

— И вы каждый раз так страдаете, поднимаясь на высоту?

— Да, всегда!

— Почему же не смените работу?

Тангриберген, показав свои редкие зубы, широко улыбнулся.

— Ведь кто-то должен и здесь работать? А? Поэт?..

Я невольно отвел глаза, не смея прямо взглянуть в его ставшее пепельным лицо, ни капельки не обиделся на «поэта».

22 часа 10 минут. Гостиница «Мургаб».

Сажу за столом. Он почему-то поставлен посередине похужей на барак комнаты. Застелен клеенкой. Комната холодная. Поэтому я не снял тулуп Тангрибергена. На краешке стола лежит завернутый в бумагу кусок вареного мяса и буханка хлеба. Хотя я не ел целый день, глядеть на еду мне противно, а напоминание о жирном бараньем мясе вызывает приступы тошноты.

В комнате шесть коек, поставленных в ряд. Кроме меня, здесь никого пока нет. Тангриберген пошел за чаем. За низеньким темным окном с улицы (хотя какая

здесь улица) слышен радиоприемник. Наверное, поселок Мургаб довольно большой, потому что мы весьма долго шли в гостиницу по улицам, освещенным с обеих сторон яркими фонарями. И теперь у меня единственное желание — лечь и постараться заснуть.

На подъезде к Мургабу произошел досадный случай. Солнце клонилось к закату, когда наша машина карабкалась на вершину перевала Акбайтал. «ЗИЛ» с трудом продвигался, словно его подталкивали сзади, а он упорно сопротивлялся. Мотор надрывно ревел. Справа обрыв, слева — отвесная скала. Мы же осторожно ползли по узкой дороге между ними. На дороге умещается всего одна машина. Когда до вершины перевала было рукой подать, метров пятьдесят, не больше, вдруг забарахлил мотор, почихал и замолк. Остановились. А потом вдруг начали медленно ползти назад.

Тангриберген в испуге нажал на тормоз.

— Вылезайте скорее! — крикнул он мне. — Старайтесь подложить камни под задние колеса! Да живее!

Меня будто вытолкнуло из кабины. Камни долго искать не пришлось: чего тут было много, так это камней. Схватив булыжник величиной с хороший арбуз, я догнал машину и сунул его под заднее колесо. Быстро перебежав на другую сторону дороги, я схватил еще один булыжник и подложил его под другое. Только после этого перевел дыхание, сильно устав и вспотев. Хотел было сбросить тулуп, но как только перестал двигаться, сразу почувствовал холод.

— Все! — крикнул я Тангрибергену.

Он, видно, отпустил тормоз. Машина, чуть подавшись последний раз назад, уперлась колесами в камни и остановилась. Теперь сбоку она напоминала мне ящерицу, карабкающуюся по стене.

С трудом взобрался я на подножку. Дышу тяжело, в ногах противная дрожь. Еле залез в кабину и опустился на сиденье. Тангриберген нажал на стартер, повернул ключ зажигания, но мотор почему-то не включился, и, тихо выругавшись, он глухо произнес:

— Теперь не скоро заведется! Воздух разреженный!..

С шумом открыл он дверь, вылез из кабины. Я тоже следом за ним. Обошли грузовик. Ничего нового. Колеса, покрытые серой пылью, так же упирались в камни. Я увидел, как внизу, по далекому ущелью, медленно ползли одна за другой две машины.

Тангриберген, встав на подножку, резко приподнял

кожаное сидение. Зазвенели пружины. Он достал длинную железную ручку завода. Я предложил:

— Давайте я попробую!

Тангриберген на минуту задумался, потом все же протянул мне ее.

— Только не делайте резких движений! — наставлял он. — Здесь самое опасное место, имейте это в виду.

Долго пришлось повозиться, прежде чем я наконец сделал то, что было надо. Тангриберген терпеливо ждал, и, как только ручка плотно вошла в отверстие, он тут же нырнул в кабину. Я с силой приналег, и ручка прокрутилась. Правда, первый раз вхолостую: мотор фыркнул, но не завелся. Я снова что было силы повторил попытку. Чувствую, лоб покрылся испариной, задрожали ноги. Вновь стало тяжело дышать. Эх, и слабак же я, слабак! Мотора этого проклятого завести не могу! Злость меня одолела. Я собрал остатки сил и снова стал крутить проклятую ручку. А потом...

Очнулся я от резкого, неприятного запаха, ударившего мне в нос. Открыл глаза. Передо мной маячило какое-то желтое расплывчатое пятно, совершенно бесформенное, как мне показалось сначала. Когда пригляделся, понял, что это лицо Тангрибергена. Он держал около моего носа вату, смоченную в нашатыре. Я силился отвернуть голову. И только теперь увидел двух склонившихся надо мной людей. Они подняли меня под руки и подвели к нашему «ЗИЛу». За ним появилась еще одна машина. Кое-как я взобрался на подножку и прилег в кабине: голову держать не было сил. Я сгорал от стыда. Ну, неужели же я такой беспомощный и хилый, что без посторонней помощи и обойтись не могу? Пока я был в беспамятстве, подъехавшие шоферы и помогли завести мотор. И как только я сел, машина, загудев, тронулась с места.

— Я же говорил, не делайте резких движений! — укорял меня Тангриберген. На его покрасневшем лице были заметны еще следы тревоги.

Чтобы как-то успокоить его, я пошутил:

— Хотел как лучше и быстрее, а получилось как хуже и медленнее!..

В Мургаб мы въехали, когда стемнело. До сих пор шумит в голове. Слышу: по коридору идет Тангриберген. Вот вошел, несет зеленый эмалированный чайник. Вынул из-за голенища сапога нож, режет мясо. Я отвернулся, чтобы не видеть никакой еды. Не помог и чай, который налил мне Тангриберген: сделал глоток, стало еще хуже.

— Пейте, пейте, теплый ведь!

— Нет, не могу...

— Все что есть! — развел руками Тангриберген. Из-за того, что у него были редкие зубы, слово «что» он произносил с каким-то забавным присвистом. — Здесь, знаете, вода кипит при шестидесяти градусах. Да и еда плохо варится. Ну все равно, угощайтесь. — Он подвинул мясо на середину стола. — Жена приготовила в дорогу!..

Я снова резко повернул голову, за что Тангриберген обругал меня:

— Ну что вы только за человек! Умереть хотите? А?

25 июля, 6 часов 35 минут.

Не знаю, спал я ночью или нет. Странное ощущение спишь, но все слышишь. Слышишь, как скрипит кровать соседа, как за окном шумит ветер. Наверное, похожее состояние космонавты испытывают во время тренировок в барокамере.

Поселок Мургаб оказался довольно оживленным. Магазины, автопарк, гостиница, на площади — репродуктор, поднятый высоко на столб. Не хватает здесь одного; зелени. Всюду камни. Но озеленение, конечно, дело будущего, сейчас пока не до этого. Здесь будет строиться электростанция! Она-то и поманила меня в дорогу. Здесь я должен познакомиться с теми, кто будет ее строить. Фантастика! Электростанция за облаками!. Я хочу ближе увидеть людей, узнать их хорошенько, тех, кто будет ее строить своими руками, кто решил принести свет в эти недоступные места.

11 часов 20 минут.

Только что вернулся из райкома партии. Мои худшие предположения подтвердились: строительство в самом деле отложено. Подготовлен и проект, и стройматериалы завезены. Но, принимая во внимание, что условия на Мургабе резко отличаются от условий в других аналогичных местностях, решили начать работы позже. Долго беседовал я с начальником строительства, высоким энергичным мужчиной, о будущем станции, планах строителей. Однако познакомиться с самими строителями мне не удалось: многие еще были только в пути сюда. «Вот начнем работу, тогда милости просим к нам, познакомлю вас с замечательными людьми!» — пообещал он мне.

Состояние неопределенности мучило меня. Никто толком ничего не мог сказать, когда начнутся строительные работы, через неделю или через месяц. Даже

сам начальник не знал этого, он, увидя мое расстроенное лицо, постарался утешить: «Приезжайте чуть позже. Вижу, климат наш здешний вам не очень подходит, в Мургабе вам трудно будет жить долго...»

Что делать, он прав, не могу же я здесь сидеть без дела целый месяц!

Мои не очень-то радостные мысли прервал Тангриберген, войдя в гостиничную комнату. И сразу понял мое состояние, начал успокаивать меня:

— Ну, довольно, поэт, — иначе он теперь меня и не называл. — Какая беда! Приедете через месяц-другой, я сам вас снова привезу! Тем более, у нас теперь есть богатый опыт по части преодоления горных дорог и перевалов!

Хороший человек Тангриберген. Под внешней грубоватостью чуткая добрая душа. Как бы я тут без него, и не знаю... Я согласно покивал головой: конечно, поедем! Что за вопрос...

11 часов 40 минут.

Проехали через перевал Куйтезак. Что это там на обочине дороги? Деревья? Оказывается, тополя! Молодые деревца, посаженные чьей-то заботливой рукой. И как много их! У-р-р-а! Есть на земле и зеленый цвет! У Тангрибергена рот до ушей, доволен, что я обрадовался. Громко распевает. Машина легко спускается вниз.

12 часов 40 минут. Опять в кабине машины.

Тангриберген, не отрывая глаз от дороги, вдруг спрашивает:

— Шерзад, вы женаты?

Я молча качаю головой.

— Да вы не человек в таком случае! Не обижайтесь!.. Разве у мужчины есть кто-нибудь более близкий, чем жена! — Он рассмеялся, хитро сощурил глаза. — Сюда мы сколько ехали? А? Два дня! Так? А в Ош я добирюсь за полтора! Почему, спросите вы? Да потому, что жена тянет к себе, точно магнит!

Если мужчина в пути заговорил о жене, считайте, соскучился. Чувствуя, что Тангрибергену очень хочется поговорить на эту тему, спросил:

— А вы давно женаты?

— Да уж скоро шесть лет. У меня сыновья — близнецы Хасан и Хусан. Счастливый я человек, честное слово! Закончил десятилетку, отслужил армию — в Сибири лес валил. Вернулся, а матушка моя уж и невесту присмотрела. Я ее, правда, и раньше знал, вместе в школе учились, да как-то внимания особого не обращал. А тут

гляжу — расцвела за те два года, что меня не было, ну, прямо красавица! Чего ж тут ждать? Посватался Свадьба была что надо! Ну, скажу я вам, поэт, жена у меня — что надо! Дай бог всякому! Отправляюсь в дорогу, так все глаза проглядит, пока не вернусь, поверите ли? Сам я очень скучаю по детям, когда долго не вижу. Пока едешь, слова всякие для жены в дороге придумашь и все представляешь, как это она тебя будет встречать радоваться...

Тангриберген блаженно улыбается в предвкушении встречи, задрал от избытка чувств голову, однако не спускает взгляда с дороги. И зубы мне его уже не кажутся такими редкими и некрасивыми. Наоборот, я захожу в них, в его улыбке какое-то неотразимое обаяние. Завидую, что уж тут говорить, им обоим: и веселому Тангрибергену, которому так повезло с женой, и женщине, сделавшей его счастливым. Наверное, это и есть настоящая любовь. Честная, простая и дорогая.. как хлеб, как воздух, без которых невозможно жить.

Мне вспомнилась Фарида... Лучше не думать о ней.

14 часов 50 минут

Въехали в город Хорог Стоянка. Воздух теплый, небо прозрачное. Высокие-превысокие тополя мерно шумят на ветру. Город чистый, оживленный.

Машина прогрохотала по деревянному мосту через речку Гунт и остановилась тут же, на берегу.

— Приехали! — возвестил Тангриберген. Я прыгнул на землю.

Обращенный в сторону восхода, на высоком постаменте стоял бронзовый бюст Ильича. Я сразу заметил его, освещенного лучами солнца. А внизу катила свои быстрые воды река, стремительно несясь в сторону Пянджа.

Я читал об этом памятнике еще в школе. Его привезли из далекого революционного Петрограда, и проделал он легендарный путь сквозь огонь охваченной революцией России до Ташкента. Из Ташкента — в Ош, а уже оттуда — в Хорог. Перед ним клялись отряды добровольцев, идя на борьбу с басмачами и остатками белобанд. Святое место среди далеких гор! Теперь к нему приходят люди и в будни, и в дни больших праздников — отдать дань уважения и памяти тому, кто принес в эти прежде забытые богом края свет, жизнь, радость. И так уже много десятилетий.

Разве не ощущаем мы, молодые, связи времен? Сегодня на Мургабе строят электростанцию. А тогда, в

годы гражданской войны, по семисотверстной дороге караван вез сюда, в этот край, памятник. Когда я собирался сюда приехать, то обязательно хотел увидеть его. Постоять рядом. Почувствовать дыхание той незабываемой поры, прикоснуться к граниту, хранящему тепло рук тех, кто привез его сюда...

Молчание нарушил Тангриберген.

— Теперь — в гостиницу, — сказал он мне. — Я рад, что вы побывали здесь... Каждый, кто приезжает в Хоррог впервые, обязательно хочет взглянуть на памятник.

Мы простились у гостиницы с экзотическим названием «Боми дунье»¹

— Спасибо вам, поэт! Хороший вы парень! — сказал Тангриберген, крепко пожимая мне на прощание руку

— Почему же мне спасибо? Это я тебя должен благодарить... — Я как-то невольно перешел на «ты», тронутый искренностью человека, с которым мы за это короткое время столько вместе пережили.

Его машина резко развернулась и скрылась за поворотом. Через минуту уже не слышен был и рокот мотора. А мне все еще слышался его голос, чуть грубоватый, с хрипотцой, виделось его обветренное лицо, сосредоточенные глаза. Тяжелые дороги сделали свое доброе дело, выковали из него настоящего человека. Я это ощущал все время. На таких, как он, мир держится. На прочных и надежных. Дорога сделала его и для меня близким и дорогим.

Вернусь, начну изучать архивы. Рассказать бы о тех, кто вез сюда памятник... Я не знаю, кто были эти люди. Жив ли кто-нибудь из них. Одно знаю наверняка: они были такими же бесстрашными, как те, кто завтра будет строить электростанцию на Мургабе. Такой и Тангриберген, мой новый друг. Я могу его теперь так называть, он бы разрешил. Это точно. Я знаю.

15

Последнее время он чувствовал себя совсем здоровым. И очень скучал без работы. Ребята из редакции часто его навещали. Абдувахид приходил через день. Если не мог, посылал жену или мать. И Шерзаду от такого внимания было как-то неловко: он почти здоров, а там маленький ребенок.

В воскресенье больница особенно оживлена. Родные

¹ «Б о м и д у н ь е» — крыша мира (тадж.)

и знакомые заполняют вестибюль до отказа, яблоку негде упасть. Кресла и стулья в обычные дни пустуют, теперь заняты все, к одному больному приходят иногда целая семья вместе со знакомыми и сослуживцами. В парке, в тенистых аллеях — всюду сидели, ходили, гуляли люди, и только кое-где среди них мелькали больничные халаты: больных было несравненно меньше, чем посетителей. После захода солнца заметно поредели толпы гостей и, когда на землю спустились сумерки, на аллеях и дорожках наступила наконец тишина.

Войдя в палату, Шерзад взглянул в окно: ветви урючины, с которой уже облетел почти весь цвет, на мгновение осветились заревом заката, и маленькие зеленые листочки, развернувшись из черных, съезжившихся почек, вспыхнули на мгновение, словно изумруд, чтобы тут же потухнуть.

Едва Шерзад задремал, как задребезжали пружины кровати Сайфи Сакиевича. Он увидел, как сосед быстро приподнялся и тоненько произнес непонятное: «И-и-и!»

Шерзад проследил его взгляд: он был радостно устремлен на дверь. Посмотрев туда, куда смотрел Сайфи Сакиевич, Шерзад, к удивлению своему, увидел незнакомца, бесшумно появившегося и достающего головой едва ли не до притолоки. Голову его венчала велюровая шляпа, будто ему было мало собственного роста.

— Салом алейкум! — радушно приветствовал Сайфи Сакиевич, проворно спуская ноги с кровати и суетливо спеша встретить неожиданного гостя. — Как поживаете? Здоровы ли?..

Бережно взяв в свои ладони широкую руку гостя, он осторожно потряс ее, словно не он, Сайфи Сакиевич, был болен, а этот пришедший. И, нежно встряхивая ее, повторял:

— Дома все хорошо? Как дети? Как ваша драгоценная супруга?

«Не иначе как большой начальник к нам пожаловал, — смеялся про себя Шерзад, — иначе с чего бы такие нежности!»

Черты лица «высокого», так окрестил его Шерзад, были грубыми, словно с размаху топором вырубленные. Особенно безобразил его громадный нос картошкой.

И на этом невыразительном лице трудно было предположить малейшее проявление каких-либо эмоций. Молча приняв все знаки внимания больного, он как бы нехотя проронил:

— Ну, как вы тут... поправляетесь? — его взгляд неподвижно остановился на Сайфи Сакиевиче.

«Какой инструмент напоминает его голос? — подумал Шерзад.— Ну, конечно, зурну. Интересно, почему у таких вот великанов голос часто похож на звук зурны?..»

Миновал первый восторг свидания, и Сайфи Сакиевич немного успокоился. Степенно кивнув головой, он с достоинством пояснил:

— Понемногу поправляюсь, слава богу! — Потом подогнул край больничного одеяла, провел по нему ладонью, словно стряхнул невидимую пыль, пригласил: — Пожалуйста, садитесь!..

Высокий расстался наконец со своей шляпой и положил ее на подушку, сам же продолжал стоять.

— Нет уж! Покорно благодарю! Пусть ваше место здесь остается за вами! Вы что, хотите, чтобы и я сюда угодил, а? — расхохотался он собственной шутке.

— Нет, шеф, боже упаси! Да хранит вас аллах! Разве я осмелюсь предложить такое место начальнику горторга?

Он произнес слово «шеф» с едва заметной улыбкой. И Шерзад не понял, был ли это обыкновенный подхалимаж с его стороны или же тонкий намек на будущее повышение в должности. Во всяком случае слово это пришлось по душе высокому: он добродушно рассмеялся и тут же пересел с кровати на стул возле тумбочки, взглянув на Шерзада скорее подозрительно, чем приветливо.

Между тем Сайфи Сакиевич вынул из тумбочки чайник, пиалушки и пакетик зеленого чая.

— Ну, голубчик,— неожиданно обратился он к Шерзаду,— пошевеливайся-ка, да побыстрее! Вот тебе все для чая! Иди к титану, нажми кнопку, вода быстренько и закипит! Да смотри, чтобы все как надо... Ясно?

Остолбенев от такой бесцеремонности, Шерзад не нашелся что ему ответить. Каждый день Сайфи Сакиевич на его глазах менялся, словно хамелеон, но чтобы разговаривать на «ты» при посторонних — такого еще не случалось.

«Что это он? То ли перед начальством своим красуется, то ли близость со мной подчеркнуть хочет?»

Шерзад холодно взглянул на протянутый пакет чая и чайник, а Сайфи Сакиевич, заметив этот взгляд, вроде даже смутился на мгновение. Но только на мгновение, потому что тут же продолжал:

— Молодой парень должен быть проворным, голубчик! Верно я говорю?

Шерзад пожал плечами и вышел в коридор. В одной руке у него был чайник, в другой — заварка, и, выйдя за дверь, он чуть было не столкнулся с Сираждином. Против обыкновенного сын соседа был без шляпы, с толстым, набитым до отказа портфелем, который заметно оттягивал ему руку. Столкнувшись с Шерзадом, он поздоровался и переложил портфель в другую руку.

— У вашего отца гость! — предупредил Шерзад, отвечая на приветствие.

— Я знаю, — Сираджин засмеялся. — Сам привез его! Это начальник старика!..

Титан, оказывается, совсем остыл. И Шерзаду пришлось ждать довольно долго, прежде чем он закипит. Возвратившись в палату, почувствовал, как в нос ударил крепкий запах коньяка. Обе тумбочки, стоявшие обычно в изголовье кровати, были сдвинуты на середину комнаты, накрыты газетой, на импровизированном дастархане — жареная курица, армянский коньяк, сдобная лепешка... Шеф соседа, сидя на стуле около окна, сосредоточенно обгладывал куриную ножку. Сайфи Сакиевич разливал коньяк по пиалушкам, расписанным коробочками хлопка. Сираджин, раз и навсегда облюбывал себе кровать Шерзада, удобно устроился там и теперь.

— Ну, голубчик, тебя только за смертью посылать! — Сайфи Сакиевич ласково пожурил Шерзада за медлительность. — Проходи, проходи, не стесняйся! — он налил полную пиалушку коньяка и протянул ее Шерзаду.

«Выпил и, наверное немало, — мельком взглянув на его лицо, подумал Шерзад. — Верно говорят: тем, у кого давление, совершенно нельзя пить».

Заведующий гортормом, расправившись с куриной ногой, оторвал от лежащей на тумбочке газеты почти половину и неторопливо вытер об нее испачканные руки. В его громадной, со вздувшимися венами руке пиала была похожа на крохотную игрушку.

— Ну, братишка, — Сайфи Сакиевич посмотрел на Шерзада, — считай, это для здоровья полезно! Выпей! Не стесняйся!

В памяти Шерзада слишком живы были воспомина- ния и тот вечер, когда его без сознания привезли сюда. Поэтому он налил себе в другую пиалушку немного чая, поблагодарив Сайфи Сакиевича за угощение. Тот рассердился.

— Да брось ты в самом деле! Бери! — и, расплескивая коньяк через край, не сохраняя равновесия, он поднес пиалу почти к самому лицу Шерзада. — Да пей, не стесняйся! Все доктора, которые нас лечат и поучают, пьяницы сами! Понял? Спрашивается, — глубокомысленно задал он вопрос, — зачем жить на белом свете, если не пить, не курить и не любить прекрасных женщин?..

«Уже хорош! — подумал Шерзад, прихлебывая чай. — И аппетит у них недурен...» Только теперь он заметил под кроватью Сайфи Сакиевича еще одну опорожненную бутылку коньяка.

— Что поделаешь? — Шерзад поглядел в глаза своему соседу. — Что поделаешь, каждый понимает жизнь по-своему.

На мгновение уставившись на Шерзада покрасневшими слезящимися глазами, Сайфи Сакиевич непонимающе захлопал ресницами, облизал пухлые, блестящие от жира губы.

— Ох, и не люблю я философов! — фыркнул он насмешливо и повернулся своим грузным телом к шефу, как бы приглашая разделить его точку зрения. — В жизни человека бывают разные дни... И я ...оч-ч-чень благодарен, что вы... вы не пожалели своего драгоценного времени и приш-ш-шли проведать меня в такой день... Сп-п-пасибо!..

Он в изнеможении умолк, а потом глубокомысленно добавил:

— Самое главное богатство у ч-ч-человека — здоровье! Да об этом, к сож-жалению, мы узнаем всегда поздно!..

— Чтобы быть здоровым, надо и меру знать, дорогой, нельзя набивать свою утробу чем попало! — сквозь смех произнес шеф.

Однако в его тоне и голосе Шерзад уловил нескрываемое снисхождение. Он подумал было, что Сайфи Сакиевич в ответ вспылит или обидится, но ничего такого не случилось. Тот был по-прежнему невозмутим и спокоен. Доцедив сквозь зубы оставшийся в пиалушке коньяк, вытер губы тыльной стороной ладони и как ни в чем не бывало улыбнулся.

— Ну и шутник же вы, право, шеф! Пожалуйста, угощайтесь! он протянул ему еще один аппетитный кусок курицы.

Шерзаду стало неловко за Сайфи Сакиевича, неприятно от издевки над больным пожилым человеком. Он взглянул на Сираждина. Тот, словно не слышал ничего,

сидел, вытянув длинные ноги в лакированных ботинках, грыз фисташки и, не поднимаясь с места, бросал кожуру в банку для мусора, стоявшую на окне. Наверное, не впервой ему присутствовать при таких разговорах. Что же, очень жаль... Шерзад тихонько поднялся и пошел к двери. Его ухода никто не заметил.

16

Долго в тот вечер бродил Шерзад по дорожкам больничного парка, а когда вернулся, почти нигде уже не горел свет, все спали, и лишь из-под двери их палаты едва пробивался в темный коридор лучик от настольной лампы.

В одной майке Сайфи Сакиевич лежал на постели поверх одеяла. Покрасневшее его лицо приняло свекольный оттенок. В сощуренных глазах застыла улыбка. Тумбочки стояли на прежних местах, все было прибрано, никаких следов недавнего пиршества, только стойкий запах сигарет и коньяка напоминал о том, чем здесь недавно занимались.

— Почему это вы сбежали от нас, Шерзаджан? — приподнявшись на локте, спросил Сайфи Сакиевич. Видно, одиночество ему было неважно, и он, конечно, дождался Шерзада, чтобы поговорить с ним.

— Да так... — пожал плечами Шерзад. — Не хотелось мешать.

— Нет, вы честно признайтесь, обиделись на меня, что ли, братишка? А? — Сайфи Сакиевич взглянул на Шерзада, улыбнулся. — Я, кажется, давеча назвал вас на «ты», так не сердитесь на старика, хорошо?

— Да нет, уверяю вас, ничего страшного! — Шерзад повернул крючок на окне и дернул ручку. — Называйте меня пока на «вы», а когда снова появится шеф, снова переходите на «голубчик». Договорились?

Сайфи Сакиевич от души рассмеялся. Шутка Шерзада ему понравилась. Наконец окно открылось, и Шерзад, ощутив вечернюю свежесть, выглянул в окно, глубоко, с удовольствием вздохнул. Луна еще не взошла, и на темном небе ярко светились звезды.

— Вы слышали, Шерзаджан, о том, что долговязые бывают круглыми дураками?..

Шерзад обернулся. Сайфи Сакиевич сидел, подложив под спину подушку, его волосатые босые ноги касались коврика возле кровати.

— Так слышали или нет?

«Наверное, слава богу, все-таки обиделся на шефа! — подумал Шерзад. — И зря притворялся, что ничего не понял!»

— Не знаю, право, — улыбнувшись, в смущении ответил он, — однако слышал, что дураков делят не по росту, а по мере их глупости!

— Не-е-е-ет! — Сайфи Сакиевич покрутил указательным пальцем около носа. — Дураки бывают большие и маленькие! — Он с удовольствием ковырял в зубах, вытаскивая остатки курицы. — Приходил давеча ко мне этот долговязый, вы видели, так он — самый большой дурак, каких я когда-либо знал... И кабы не ответственность, давно бы всадил подлецу пулю в лоб, ей-богу!

Шерзад, начав было расстегивать пуговицы рубашки, в изумлении застыл. Он, конечно, понимал, что соседу хотелось поговорить о шефе, может быть, оправдаться за раболопное перед ним заискивание, но что он будет говорить о нем в таких открыто враждебных тонах — этого Шерзад и предположить не мог. Сила ненависти старика была столь велика, что лицо его буквально перекосилось. Закушенная в злобе нижняя губа была белой, обезобразив его до неузнаваемости. Да как же это может быть? Человек, перед которым его сосед каких-нибудь два часа назад буквально бисер метал, готов был ползать на коленях, теперь с яростью затапывался им в грязь... Чудеса, да и только!

Шерзад учился в школе, когда однажды преподаватель биологии рассказал о животных с защитными панцирями — про черепаху, носорога. И животные эти умело пользуются этой защитой. Шерзад не раз вспоминал потом об этом — уроки не прошли зря. Так и люди иные... Наверное, они и есть самые что ни на есть сильные среди подобных разновидностей, подумалось ему безразлично...

— Однако вы, Сайфитдин-ака, несомненно преуспели!

Сайфи Сакиевич по-прежнему сидел неподвижно и, верно, погрузился в невеселые думы. Он даже не заметил, как покраснел в негодовании Шерзад, и, спокойно прищурившись, спросил, продолжая ковырять в зубах:

— Это в чем же, интересно?

— Как это в чем? В искусстве преображения!

Живот Сайфи Сакиевича заколыхался от смеха, в глазах мгновенно погас холодный огонь, они стали похожи на щелочки.

— Молоды вы еще, очень молоды, братишка, чтоб

рассуждать об этом! Сейчас все так поступают, решительно все! Даже рыба и та, если не будет вертеть хвостом, не поплывет!.. Слышали, существует такое понятие — обходительность? Знакомо оно вам? Так вот, долговязый — дурак. Однако он в чинах, это полезный дурак. Заведующий торгом, шутка ли сказать! И я, конечно, вынужден считаться с ним. Если не буду с ним учтив, он может сровнять меня с землей! Ясно? А нынче надо иметь или силу, или золото, все остальное не стоит ни копейки!..

«Вот это философия! — у Шерзада бешено заколотилось сердце.— Его боги — золото или сила!»

— А у вашего шефа, чего у него больше — золота или силы, как по-вашему?

Но тот словно не замечал состояния Шерзада. Спокойно перекинув ноги на кровать, сладко потянулся и попросил:

— Погасили бы вы, братишка, свет, а то сестра будет ругаться, время-то уж как-никак позднее!..

Шерзад встал и молча повернул выключатель. Стало темно, пока глаза не привыкли и не стали различать предметы.

— Закройте заодно и окно! На улице-то не июль! — укрываясь с головой, протяжно зевнул Сайфи Сакневич.

Прикрыв окно, Шерзад лег в постель, и в палате наконец стало совсем тихо. Сон не шел. Он разглядывал причудливые тени на потолке, которые все время перемещались, то светлея, то темнея. Взошла луна. Жила своей ночной жизнью урючина под окном, ветки ее шелестели, листья шуршали по стеклу, навевая успокоение. Однако сосед не спал, Шерзад чувствовал это по легкому шороху и поскрипыванию пружин.

— Вы все-таки мне так и не ответили, чего у вашего шефа больше! — нарушая тишину, спросил Шерзад.

— Не знаю, но, думаю, хватает того и другого!

— И где же это он берет, извините за нескромный вопрос?

Сайфи Сакневич замолчал: то ли обдумывал ответ на этот непростой вопрос, то ли снова решил ускользнуть от ответа на него. Казалось, теперь и сам был не рад начатому разговору. Но вдруг его словно прорвало:

— Берет! Берет! Берет! — кричал он.— А если не берет, то сами приносят! Вот! Прежде было по-другому:

каждый отвечал только за себя! Теперь часть оставляешь себе, а две относишь, иначе туго приходится!

Сайфи Сакиевич тут же, спохватившись, что сболтнул лишнее, вдруг замолчал. Шерзад же, не удержавшись, поинтересовался:

— Он у всех подряд берет?

— Не знаю, — вынужден был снова отвечать Сайфи Сакиевич. — Однако в первое время я мешал этому негодяю. И он изо всех сил старался избавиться от меня. Что ни неделя — то ревизия, замучился я с ними прямо! Шеф, оказывается, хотел поставить, как мне потом говорили, своего человека. А я все думал зайти к нему и поговорить по душам, вручить его «долю». Да где там — не хотел меня и видеть без свидетелей! ..Но я однажды все-таки нашел выход. Услышал, что он отправляется на курорт. И приехал в аэропорт будто бы проводить его. Ну, и подложил ему в деловую вроде папку пачку красненьких на карманные расходы, как я объяснил ему. — Сайфи Сакиевич захихикал. — С тех пор он часто уезжает отдыхать, да и я стал спокойнее.

«Господи, до какой же степени цинизма и наглости можно дойти, чтобы говорить об этом так открыто! — думал Шерзад, снова переполняясь негодованием. — Неужели и впрямь такие люди уверены в собственной силе и власти денег?»

— Наше дело тонкое! — словно угадав мысли Шерзада, вкрадчиво сказал Сайфи Сакиевич. — Иногда и погореть можно из-за такого пустяка... Поэтому надо до тонкостей знать все ходы и выходы. Вот так-то, бра-тишка...

«Конечно, все его коллеги, наверное, пройдохи и воры, или он хочет, чтобы это было так: выдает желаемое за действительное. Хочет, чтобы они были такими же стяжателями!» — подумал Шерзад. И тут же ему вспомнился отец. Он вернулся с войны без ноги. Ему тогда предложили работать продавцом в магазине. Шерзада еще на свете не было, он это знает по рассказам матери. Допоздна при свете керосиновой лампы сидел он, бывало, за своими конторскими книгами, что-то считал, писал в большой клеенчатой тетради. Ее Шерзад уже помнит. Помнит он, как отец, когда он был совсем еще маленьким, говорил, придя с работы: «Лишь бы не ушла никуда лишняя копейка, воровать — хуже и тяжелее нет греха, тем более, если это касается народа». Он работал, пока не дал знать о себе коварный осколок, засевший в другой ноге. Началась гангрена, отняли и ее. С того дня отец не выходил из дома.

Шерзад вспомнил теперь это, и горячая волна стыда залила его лицо. От этого чувства не было спасения, он резко сел на кровати, голос его в ночной тишине был тих и угрожающ:

— Послушайте, вы... А что вы скажете, если я вашу мерзкую лавочку взяточников и хапуг разнесу в пух и прах?!

Сайфи Сакиевич, укрывшись одеялом, засопел было, отходя ко сну. И теперь, уловив в голосе Шерзада волнение и еле сдерживаемый гнев, очень встревожился. При слабом свете, пылающем из коридора через стекло над дверью, Шерзад увидел, как он приподнялся на подушке. «Кажется, понял, что попался на крючок,— порадовался Шерзад.— Понял, но тут же овладел собой». На лице соседа появилась улыбка, такая же, какой он встречал незадолго перед тем своего шефа.

— Во-первых, начнем с того, что я вам абсолютно ничего не говорил! — Он загнул свой толстый палец, плотно прижав его к ладони.— Во всяком случае, я не боюсь никого, кроме высшего судьи, то есть господ бога. Лишь бы он был милостив и освящал мою дорогу. Будем надеяться, что и в дальнейшем...

— Разве у вас есть бог! — бесцеремонно перебил его Шерзад.— Разве у вас есть что-нибудь святое за душой?..

— Слава богу, все мы мусульмане!.. — Сайфи Сакиевич говорил искренне и доверительно, как ни в чем не бывало.— Это во-первых. Как я уже имел честь сказать вам. Во-вторых, мой юный друг, помните о бренности всего земного. В один прекрасный день каждый из нас найдет свой вечный приют в этом мире... Удостоится последнего клочка земли. Сколько людей ушло от нас ну хотя бы за то время, пока мы с вами здесь пребываем. Вы же видите, братишка, это случается почти каждый день. Так неужели истина все еще не снизошла на вас? Неужели вы, ей-богу, все еще не прозрели, наблюдая эту суету сует?

— Знаете, вы... вы бога лучше не трогайте! — дрожащим голосом прошептал Шерзад.— В давние времена люди придумали себе бога, чтобы избегать грехов. А вы пытаетесь и его втянуть в свои грязные делишки. Деньги! Вот ваша вера!..

Сайфи Сакиевич нервничал.

— А вам, молодой человек, выходит, деньги не нужны? Да? Я же слышал, что писатели... что среди писателей есть люди очень богатые. Вы, наверное, тоже радуетесь, когда получаете гонорар за книги?

— А, вот где собака зарыта! — разъярился Шерзад, вскакивая с постели. — Когда вы впервые вошли в эту палату и увидели меня, то не пожелали даже поздороваться по-человечески! А потом услышали, что я писатель, правда, молодой, но ведь это дела не меняет... И вдруг ни с того ни с сего стали безмерно вежливы. Подумали, видно, что и у меня много денег?.. У кого денег больше, тот и вес имеет больший, у кого их нет — тот никто, так, козявка?.. Вот ваша философия!

Сайфи Сакиевич отвернулся к стене и прикрыл глаза, всем видом давая понять, что устал от этих затянувшихся пререканий. Шерзад обозлился еще больше и в ярости не знал, что предпринять. Он налил в пиалу лекарства, на глаз, выпил его, сморщившись от горечи. По палате разнесся запах валерианы.

— Почему же вы молчите? Или я не прав? — в его тоне звучала угроза.

— Да не расстраивайтесь вы, братишка, ей-богу, зря так волнуетесь!.. — Сайфи Сакиевич протяжно зевнул. — Мы что, проблемы мирового масштаба здесь решаем? Вот погодите, выпишемся, даст бог, и, если будет угодно аллаху, останемся братьями. Тем более, что мы с вами — соседи: от Мевазара до Чиланзара — рукой подать.

Шерзад понял, что споры бесполезны, отвернулся к стене и закрыл глаза.

Сон снова как рукой сняло. Колотилось сердце, шумело в ушах. Он вертелся с боку на бок, искал удобного положения и никак его не находил. А сосед его уже храпел, и это еще больше раздосадовало Шерзада. Чтобы не слышать храпа, он плотно закрыл ухо подушкой и наконец задремал. Он не помнил, уснул ли окончательно, только через какое-то время услышал вдруг сквозь подушечный заслон какие-то странные звуки. Открыл глаза и с минуту соображал, что это могло быть. Потом понял: кто-то стонет. Придя в себя окончательно и протерев глаза, он услышал, что стонал Сайфи Сакиевич. Сидя на кровати, он раскачивался из стороны в сторону, осторожно придерживая ладонями правый бок и издавая жалобные стоны. Шерзад не понял, сколько проспал. Еще не рассвело, но утро уже наступало, и в палате заметно посветлело. В этом сумеречном свете лицо соседа показалось ему бледным и осунувшимся. От каждого нового приступа боли он сжимал зубы, в полузакрытых глазах застыло страдание.

— Что с вами? — спросил Шерзад.

Сайфи Сакиевич открыл глаза и, не в силах ничего ответить, застонал снова. Потом еле вымолвил:

— Печень, это все печень проклятая. Будь трижды проклят этот коньяк!..

Шерзад тотчас вспомнил вчерашнее пиршество, неприятный ночной разговор, и ему стало как-то не по себе оттого, что теперь он сочувствовал этому человеку, которого несколько часов назад так презирал. Но в то же время вид чужого страдания, он понимал это, не мог никак оставить его равнодушным.

— Позвать сестру? — спросил он, глядя в сторону. Тот снова не ответил, продолжая все так же жалобно стонать.

Шерзад накинул халат и вышел в коридор. Было тихо. Он осторожно постучал в дверь к дежурной медсестре.

— Там у больного приступ, — сказал он, показывая рукой в сторону своей палаты. — В седьмой, у моего соседа...

Наверное, сестра была осведомлена относительно вчерашнего пиршества, потому что в ответ она буркнула ему что-то сердито, вроде: «Сами виноваты», но все же через минуту со стерилизатором в руках стояла уже в дверях палаты.

После укола вскоре полегчало, Сайфи Сакиевич перестал стонать, лег лицом к Шерзаду, и тот увидел у него на лбу капельки пота.

— Вам бы кислого молока сейчас... Скоро базарчик откроется, я схожу...

— Спасибо! — тихо ответил Сайфи Сакиевич, не открывая глаз. — Посмотрите, в тумбочке у меня должно быть...

Шерзад открыл дверцу и в самом деле нашел банку молока. Он подал ее Сайфи Сакиевичу, и тот прильнул к ней, обхватив дрожащими пальцами.

— Будь трижды проклято это вино! — с досадой повторял он. — Я и вас обидел! — сказал он тихо, с сожалением. — Вы знаете, пьянство — это прямо сумасшествие какое-то. Человек совсем не помнит, что несет. Может быть, вчера я вам что-то не так сказал, так не принимайте близко к сердцу!.. Забудьте, если можете...

Шерзад уловил, что искренний тон скрывает опасения и страх за лишние слова, сказанные накануне, и что искренность эта наигранная. Невольно вспомнилось: «Что у трезвого на уме, у пьяного на языке».

В палате стало светло. Занималось новое утро, обещающая жаркий день.

Неделя показалась Шерзаду бесконечной. Чтобы быть в палате меньше, он целыми днями бродил по больничному двору и парку, читал, устроившись поудобнее в тени на скамеечке подальше от людских глаз. В корпус возвращался к обходу да в столовую, стараясь избегать встреч со своим соседом по палате. К нему последние дни почти каждый день навевался низенький плотный, словно гриб, человечек, никогда не снимавший шляпу. Она будто приросла к его голове. Человечка привозил Сираджин. Он нашел общий язык даже с несговорчивым вахтером, потому что его «Волга» теперь стояла прямо под окнами палаты. Она бесшумно возникала здесь, доставив человечка, и так же внезапно исчезала, когда свидание заканчивалось. Шерзад подумал было сначала, что это и есть научный руководитель Сираджина. Однако по отдельным фразам, доносившимся до его слуха во время этих тихих свиданий, понял, что ошибался: человечек тоже имел непосредственное отношение к торговле. И Сайфи Сакиевич был с ним накоротке, потому что, встречались иногда и дважды на дню, а случалось и такое, Сайфи Сакиевич всякий раз заключал посетителя в объятия и они переходили на шепот. Чувствуя, что лишний при этих встречах, Шерзад уходил из палаты.

Сколько раз просил Шерзад Доктора-апа выписать его! Но она никак не соглашалась, говорила: курс лечения не закончен. Но сегодня, кажется, решила: профессор посмотрит его последний раз.

Начался обход, Шерзад сидел на кровати и читал. Сначала, как всегда, в палату вошла Доктор-апа. Увидев, что Шерзад не лежит, она взглядом выразила неудовольствие, и он мгновенно улегся: знал, что профессор любил порядок. Не успел укрыться одеялом, как вошел Рауф Абдуллаевич. Поздоровался, внимательно поглядел на Шерзада. Шерзаду нравилось, как он морщил нос, улыбался. Нравились его умные, понимающие глаза, в которых танлось тепло и лукавство.

— Домой спешите, молодой человек? — он подошел ближе. — Или перерыв в творческой работе слишком затянулся?

Шерзад испытывал неловкость оттого, что лежит, а двое почтенных людей стоят рядом.

— Напрасно место занимаю! Я ведь уже совсем выздоровел...

Рауф Абдуллаевич, просматривая историю болезни присел на кровать Шерзада.

— Ну, это мы определим, а не вы,— ответил он спокойно. И, повернувшись к Доктору-апа, просил:— Что, курс лечения мы уже полностью провели?

Доктор-апа положила руки на спинку кровати и через плечо профессора поглядывала в историю болезни.

— В принципе — да. Осталось всего два укола.

Профессор, взяв в свои мягкие ладони руку Шерзада, нашел пульс, улыбнулся.

— В самом деле, теперь ваше состояние приличное... Но хочу предостеречь — не напугать, нет: берегите сердце. К нему нет запасных частей. Помните об этом всегда.

Он отпустил руку Шерзада. Собрался уходить.

— Хочу на прощание обратиться к вам с просьбой,— он задумался на мгновение.— Вы, конечно, много напишете в своей жизни... Пожалуйста, не забудьте об одной очень важной теме... Люди с каждым годом отдаляются от природы все более. Стремятся создать условия комфортабельной жизни для себя и своих детей. На самом же деле — роют себе могилу. Да не удивляйтесь, может быть, я резок в формулировке, может быть, можно сказать мягче, но это так. Чем дальше человек от природы, тем больше болезней. Это доказано наукой. Чем меньше человек двигается, видит солнце, дышит воздухом, чем все более закапывается в своей комфортабельной квартире со всеми удобствами, тем все возрастает вероятность возникновения его болезней, которые порой весьма неожиданны для него самого, но, увы, порою неизлечимы... Они подкрадываются незаметно, и медицина не всегда может справиться с ними... Простите, я выражаюсь, может быть, чересчур академично, но, верьте, от души.

«Это как будто про меня,— думал тем временем Шерзад,— внимательно слушая то, о чем говорил Рауф Абдуллаевич.— И я ничуть не лучше. Все оборачивается в конечном итоге против нас самих. По принципу — будь что будет, лишь бы тело не страдало».

— В таком случае, Рауф Абдуллаевич, если я вас правильно понял,— засмеялся Шерзад,— юмористический рассказ я должен начать с самого себя?

Глаза профессора молодо блеснули.

— Вот это мужской разговор! Seriously, вот и начните с самого себя!

Шерзад снова почувствовал горячую волну симпатии, охватившей его, симпатии и любви почти сыновней к этому совсем чужому ему человеку

Молчавший до этого Сайфи Сакиевич тоже вдруг вмешался в разговор.

— Доктор! Сейчас поголовно все бездельники. Работают не за страх, а за совесть совсем немногие, вот мы с вами да люди нашего поколения. А молодые!... — он махнул рукой. — От безделья они любят только поворошить чужое белье...

Профессор молча, холодно посмотрел в его сторону и, словно не слыша то, что он сказал, обратился к Доктору-апа:

— Ну, добро! Этого молодого человека подготовьте к выписке!

Шерзад благодарно кивнул профессору, перевел взгляд на Доктора-апа и пробормотал, смущаясь:

— Спасибо вам за все.

...Умывшись, минут через пятнадцать он вернулся назад. Палата была пуста. Сайфитдин-ака, наверное, пошел в процедурную. Постель его была аккуратно заправлена, а Шерзада — наоборот, разорена: белье небрежно собрано в узел, скатан полосатый матрац. Видно, уже распорядилась сестра-хозяйка, готовя к выписке.

«Так быстро! — подумал он с легкой радостью и тут же на спинке кровати увидел свои брюки, а на спинке стула — пиджак и под ним рубашку и галстук. За матрацем, он сразу и не заметил, лежало его пальто, аккуратно завернутое в газету и перевязанное веревочкой. — Надо же, — усмехнулся Шерзад, — пришел зимой, а ухажу летом!»

Губы его тронула улыбка. Не спеша он снял больничный халат, с удовольствием влез в брюки. И не заметил сначала, что они тщательно выглажены. Когда сунул руку в карман, чтобы положить больничный лист, наткнулся на что-то мягкое: это был его клетчатый носовой платок. Он не помнил, когда положил его туда. А вытащив, почувствовал нежный аромат духов. Откуда? Не иначе — Шаира! Дело ее рук. «Поняла и постигла! — обрадованно подумал он. — Умница!»

— Шерзаджан! Да вы прямо жених!

Шерзад обернулся. Его бывший сосед по палате стоял улыбаясь.

— Нет. Справедливо все-таки говорят, что одежда красит человека! — говорил он, подходя к Шерзаду. — Такой видный парень, хоть куда! А в больничном халате просто и внимания не обратишь!

«Не морочил бы ты мне голову!» — Шерзад раздра-

женно засунул обратно в карман платок и бюллетень. Но сдержался и ничего не сказал вслух. Сайфитдин-ака изобразил на лице и огорчение и радость одновременно.

— Ну, братишка, попросаемся! — Сайфи Сакиевич потянулся к Шерзаду. — Мы с вами тут немножко повздорили, так еще раз прошу прощения! Давайте забудем все недоброе, что было между нами. Приходите в гости! Адрес вы знаете!

Шерзад неохотно пожал протянутую руку, волосатую и пухлую, а, выйдя за дверь, он ее несколько раз тряхнул в воздухе и потом уже с чувством явного освобождения прибавил шагу, пошел в вестибюль.

Тут все было на прежних местах. Пестрые плакаты, сплошь облепившие стены, предупреждали о постоянной опасности, которая поджидает на каждом шагу человека: «Не пейте...», «Не ешьте...», «Не курите...», «Не сорите!» Шерзад окинул взглядом знакомые до мелочей призывы, глубоко вдохнул устоявшийся запах лекарств и карболки, который поначалу раздражал его, а теперь пробудил в душе какое-то непонятное, странное чувство, похожее на сожаление. Теперь и этот натертый до блеска линолеум, и сами больничные порядки, и профессор, и Доктор-апа, лечившие его, и повариха тетя Маша, и Шаира — показались ему такими близкими, что стало просто неудобно, что последние дни он так настойчиво клянчил о выписке. Он ничего не мог понять, не мог разобраться, но почему-то сердце сжималось, и дольше положенного задержался он в этом больничном вестибюле. «Ну, совсем, старина, разнюнился!..»

Он сел в троллейбус на остановке рядом с больницей, и тот помчал его по весеннему городу За широким окном мелькали дома, деревья, зеленели газоны. Асфальт, недавно промытый машиной, блестел, ослепляя, под лучами солнца. А кое-где собравшаяся в прозрачные лужицы вода сверкала, словно осколки зеркала. На бетонных берегах арыков живой стеной зеленая изгородь — густая и высокая. И казалось, все нежится, купается в благодатных солнечных лучах — и это прозрачное небо, и сверкающая дорога, и многоэтажные дома, окруженные нежно зеленеющими деревьями и палисадниками. Город, освободившийся наконец от зимних чар, но еще не освоившийся с приближением лета, дышал полной грудью, радуясь, как и люди, тому, что так свободно и привольно раскинул свои владения и доставляет этим своим обновленным видом наслаждение всем, живущим в нем

Объявили остановку: улица Катаргал. Шерзад легко вскочил со своего места и, прыгнув с подножки, словно малое дитя, продолжал радоваться всему увиденному, будто в первый раз. Он медленно, чтобы растянуть удовольствие, поднялся по прохладным ступеням на четвертый этаж своего дома. Было тихо, все еще на работе, и он никого не встретил, хотя поднимался не спеша. Подумал: «беспорядок у меня, наверное! — и вставил ключ в замочную скважину. — Еще бы, больше месяца никто не убирал! Ну, ничего, потихоньку все приведу в порядок!»

Дверь открылась будто сама собой, без каких-либо усилий с его стороны, и на пороге квартиры возник Абдувахид.

— Здравствуйте, хозяин! — скрывая волнение, хрипло произнес он. — Милости просим!

И он гостеприимно, держа в руках выжатую половую тряпку, жестом пригласил Шерзада. На Абдувахиде были полосатые шаровары Шерзада, и так как он был значительно ниже хозяина, то шаровары комично подметали при ходьбе пол.

Шерзад крепко обнял друга и расцеловал его вспотевшее от трудов лицо. От Абдувахиды всюду несло жареным луком.

— Думал, успею до твоего прихода плов сделать, даже хотел поехать за тобой, да ты сам тут как тут!!! Ну, в таком случае дай хоть уборку закончить, будем обедать!

— Да не дури ты, в самом деле! — от нахлынувших чувств глаза Шерзада заблестели. — Сам все сделаю! Кончай этот воскресник!..

— Нет, дорогой, — Абдувахид шутя толкнул друга, — эта работенка пока что не для тебя! Погоди немножечко, приди в себя после больницы!.. Иди давай и не пугайся тут под ногами!..

Откуда ты узнал, что меня выписывают сегодня? — поинтересовался Шерзад.

Вот и узнал! — Абдувахид тыльной стороной руки почесал нос. — Позвонил утром в ординаторскую, а там мне сказали, что тебя сегодня отпускают. Вот, успел немножко!

Шерзад присел на тахту и теперь почувствовал себя совсем дома. Нельзя сказать, что комната его была обставлена роскошно, но в ней было все необходимое: Шерзад любил ощущение некоторой пустоты у себя в жилище. Так свободнее дышалось и работалось. И все

же некоторый уют здесь был, и все благодаря Абдувахиду, его заботам. И эти голубоватые занавески на окнах, которые приятно рассеивали солнечные лучи. И люстра под потолком, матово по вечерам освещающая дом, не бьющая в глаза роскошью, но удобная и красивая. Ее чуть ли не насильно заставил купить Абдувахид, а он, дурак, еще упрямылся. Шерзад поглядел на свой книжный шкаф в углу, набитый книгами. На литографию, рядом с письменным столом — Навон в Герате. Она нравилась ему четкостью линий, строгостью выражения лиц. Нравилась всегда, и не хотелось никогда ничего больше вешать на стены. На полу — небольшой ковер. Вот, пожалуй и все убранство. Как все холостяки, Шерзад привык к этой строгой и темного аскетичной обстановке, и она вполне его устраивала. Он ничего не хотел менять здесь.

Абдувахид тем временем кончил мыть пол и, пятаясь, подтирая свои следы, выполз в коридор. Через секунду в ванной зашумела вода: Абдувахид полоскал тряпку.

— Когда на работу собираешься? — закрыв кран и высунувшись из ванной комнаты, спросил он.

— Да у меня еще бюллетень на несколько дней...

— В кишляк поедешь?

Конечно, Шерзаду хотелось побывать дома. Он не раз мысленно представлял себе берега родного Тиник-сая, буйную зелень там в эту славную пору. Соскучился по своим, ведь последний раз был дома под Новый год. Мать тогда в который уж раз завела разговор о свадьбе сестренки. «Коли сам не женишься, то надо ускорить свадьбу Холпошши. Девушку в деревне нельзя долго держать дома — стыдно!» — уговаривала она его со слезами на глазах. А в одном из последних писем сообщила, что Холпошши сосватали и что они ждут лишь Шерзада, чтобы сыграть свадьбу.

Каждый свой приезд он привозил подарки маме и сестре. Никогда не скупился. Не жалел для них ничего. Другое дело свадьба: на нее нужно очень много денег. Шерзад знал это и тянул время: вот-вот в издательстве должны были принять его сборник новых рассказов и он собирался домой, как только получит деньги за книгу. Правда, не все сразу, но все же это должна быть довольно внушительная сумма...

— Ты что, заснул, не отвечаешь на мой вопрос? — Абдувахид вышел из ванной. Лицо его покраснелось, он снял майку, с удовольствием вдыхая свежий воздух после духоты ванны.

— Да, собираюсь на майские праздники,— нерешительно протянул Шерзад.— Вот только деньги надо получить и...— Он помялся немного.— Работу кое-какую закончить.

— Это какую еще такую работу?— увидился Абдувахид.

— Ты же знаешь, ту статью о театре, которую я начал писать перед больницей! Ее ждут. Редактор не напоминал, пока я лежал, но я же знаю — надо!

Абдувахид безнадежно махнул рукой:

— Да брось ты эту затею, точно тебе говорю! Что ты можешь изменить в этом деле?

Шерзад пожал плечами.

— Во всяком случае, доделаю то, что не успел из-за болезни, познакомлюсь с работой театра, а там видно будет.

18

На следующее утро, встав рано, он позвонил из автомата рядом с хлебным магазином главному режиссеру театра и сказал, представившись, что газету интересует последняя работа коллектива. Что ему интересно побывать поэтому на репетиции. Шерзад и прежде встречался несколько раз с этим режиссером, видел почти все поставленные им спектакли. Нельзя сказать, что режиссер был очень обрадован его звонком, тон был сдержан.

— Репетиция начинается в десять. Успеете — приходите, будете опаздывать — тогда прямо в зал.

«Странные натуры встречаются порой,— размышлял Шерзад, глядя в окно быстро мчавшегося автобуса.— Вот взять хотя бы этого самого режиссера. Причину неудач сваливает на других, а нет, чтобы задуматься всерьез над следствием этих неудач да попытаться поискать их причины. Уверен, коли спросишь его, почему народ перестал ходить в театр, не задумываясь, ответит: виновато телевидение. Оно, мол, портит всю обедню. А в театре жалуются, зритель-де перестал понимать. А зрители-то тут, спрашивается, при чем, коли они в театре не видят на сцене отзвука своим мыслям, своей жизни, не видят похожих на себя людей. А проблемы, которые волнуют их?.. Вместо всего этого они мучаются по четыре часа, приобщаясь к искусству, глядя на переживания героев какой-нибудь мелодрамы из старых времен. Ждут их сопереживания событиям, не затрагивающим сердце. Из них пытаются выжать слезу и восторг сенти-

ментальной, далекой от нашего времени, а потому уже просто неправдоподобной коллизией...»

Когда автобус подъехал к театру, был уже одиннадцатый час. Шерзад нерешительно открыл низенькую дверь проходной рядом с воротами. Там было пусто. За деревянной перегородкой на краю покрытого старой газетой стола стоял телефонный аппарат. В углу, на плитке, под которой лежали кирпичи, кипел голубой эмалированный чайник. Шерзад огляделся по сторонам и пошел дальше, через двор. Радовала глаз чистота гладкого, наверное, недавно политого асфальта. Арычек с прозрачной водой, по бережкам которого распустили свои остроконечные листья ирисы. Небольшой ухоженный виноградник, лозы которого были крепко привязаны к тонким веревкам, аккуратно закрепленным на крыше. Чуть поодаль ряд вишневых деревьев, кусты сирени... Тут же окрашенные в яркие краски садовые скамейки.

«Какие только великие люди здесь не работали! — перебирал Шерзад в памяти знакомые имена, идя через театральный дворик. — И Маннон Уйгур, первый профессиональный узбекский режиссер, и Абрар Хидояттов... да мало ли кто еще сидел на этих вот скамейках в перерывах между действиями за дружеской беседой!»

И в памяти возник Абрар Хидояттов, каким он еще мальчишкой видел его в знаменитом «Отелло», когда они с матерью приезжали однажды в Ташкент хлопотать об отцовской пенсии. Даже англичане, эти выдержанные в строгих правилах этикета люди, не могли не восторгаться игрой знаменитого актера. Он как будто был рожден для этой роли: большие, полные страдания глаза, черные вьющиеся волосы, обрамляющие мужественное его лицо...

Растревоженный этими воспоминаниями и потому задержавшийся во дворе, легко вздохнув, Шерзад энергично пошел было к двери с надписью «Главный режиссер», как неизвестно откуда появилась рыжая собака, помахала лохматым хвостом и с лаем кинулась на него. Шерзад остановился. Собака в нескольких шагах от него тоже замерла как вкопанная. И вдруг пес добродушно завилял хвостом, будто припоминая, где он мог видеть этого человека. Человек засмеялся и окончательно расположил к себе пса. В тот же момент из проходной раздался голос:

— Лежать, Таргил, кому я сказал!..

Шерзад, обернувшись, увидел старика, идущего к нему. В старом сером пиджаке, стоптанных теплых туф-

лях, он, чуть прихрамывая, волочил за собой по асфальту грабли, метлу Собака побежала к сторожке навстречу хозяину.

Старик подошел ближе, Шерзад поздоровался.

Вам на репетицию? спросил он. Так они уже все на сцене, артисты-то... В зал войдите вон через ту дверь. Главный предупредил о вас.

Чайник вскипел! — чтобы хоть чем-то отблагодарить старика за любезность, сказал Шерзад, идя к двери в углу двора.

Пройдя через буфетную, он очутился около высокой массивной двери, которая со скрипом подалась под его напором, и в образовавшуюся щель хлынул поток света. На мгновение был виден зал. Потом все снова погрузилось в темноту, и Шерзад, застыв на месте, постепенно свыкаясь с этой темнотой, стал различать очертания кресел. На сцену, которая была пуста, падал неяркий луч прожектора. Ближе к концу зала между двумя рядами кресел тоже горел тусклый свет. Вглядевшись, можно было различить крохотный столик и за ним молодого человека со взъерошенными волосами. Человек просматривал какие-то бумаги, настольная лампа резко освещала лишь его острый нос да густые брови. Шерзад сразу узнал его, это и был тот самый режиссер, с которым он разговаривал сегодня утром из будки телефона-автомата. Глаза окончательно привыкли к темноте — стали различимы ровные ряды кресел, золоченая резьба на стенах.

Каждый раз, когда ему приходилось бывать в театре, он испытывал ни с чем не сравнимое таинственное волнение. Нарядные торжественные люди, пришедшие сюда, волновали его ничуть не меньше, чем сам спектакль. Было такое ощущение, что он присутствовал при каком-то таинстве, святом и высокоом. По его представлениям, и все, кто приходил сюда, должны были испытывать аналогичное чувство. И теперь, когда зал был пуст, он показался ему не таким величественным, как прежде, когда его заполняли люди. И не возникало того непередаваемого чувства восторга, охватывавшего его всякий раз при посещении этого зала. Может быть, нужен был определенный настрой, с которым он всегда шел в театр. А может быть, виновата неприветливость режиссера, неохотно разрешившего ему присутствовать на репетиции.

Он хотел было уже сесть в ближнее от режиссерского кресло и сделал несколько шагов по направлению к нему, как ему казалось — бесшумно.

— Кто там? — тотчас недовольно забрюзжал режиссер, поднимая голову от стола.

— Это я, Самандаров, — как можно тише ответил Шерзад. — Простите за опоздание...

— Посторонний человек! Что вы делаете в зале? Шерзаду не понравился не сам вопрос, а тон, каким был задан. Поэтому и не мог сдержаться:

— У вас, оказывается, плохая память! Ровно час назад мы договорились по телефону о встрече...

— Ладно, садитесь, — примирительно пригласил режиссер и снова уткнулся в свои бумаги. Но тут же оторвался от них, крикнул на сцену: — Внимание! Начали!

Луч прожектора чуть сдвинулся и выхватил из темноты сцены девушку в черном платье. Низко опустив голову, она медленно прошла на середину, постояла, закрыв лицо ладонями, потом вдруг горестно зарыдала.

— «Почему любящие всегда страдают из-за своей верности? — с мольбой обращалась она к кому-то невидимому. — Где, где люди учатся изменять?..»

Голос ее умолк, а в ушах Шерзада все еще стоял ее вопрос, произнесенный ею почти шепотом, так неподдельно искренне и трагично, что нельзя было не поверить в искренность того, о чем она молила. И вся ее поза скорбящей и обманутой женщины, ее волосы, рассыпавшиеся по плечам, полные слез глаза убеждали в этом.

Режиссер недовольно зашелестел бумагами, резко хлопнул в ладоши и поглядел сурово на девушку:

— Стойте, стойте! Зухра! Сколько можно говорить об одном и том же? Поймите же наконец! Вы неожиданно узнаете, что любимый человек женится на другой. В каком вы должны быть состоянии? А вы? Вы разве плачете? Вы причитаете, ворчите, словно старуха, у которой подохла... коза! Плачьте как можно громче! Страдайте, чтобы все поняли, что вы страда-ете! Играйте так, чтобы и я со страдал в а м! Вы поняли?

Девушка едва слышно произнесла:

— Да...

Шерзад сразу узнал ее. Это была молодая актриса театра Рустамова. О ней не раз писали театральные критики как о человеке творческом, подающем большие надежды.

«Очень изящна, очень. Да и талантлива, это видно!» Шерзад поудобнее облокотился на спинку перед него кресла.

Режиссер снова захлопал в ладоши и снова выкрикнул:

— Начали! Внимание!

Луч света снова сдвинулся и осветил тоненькую одинокую фигурку. Теперь она выбежала на сцену — не вышла тихо, как прежде. Потом она вдруг остановилась и прежним жестом закрыла ладонями лицо. И снова ее молящий голос:

«Почему любящие всегда страдают за свою верность? медленно, чуть громче, чем в предыдущий раз, спрашивала она.— Где, где люди учатся изменять?..»

И снова режиссер на том же самом месте громко, в раздражении хлопнул в ладоши.

Стоп! Стоп! Стоп! Зухра! Зухра! Вы снова не похожи на страдающего человека. Теперь вы кричите. Знаете почему? Потому, что обиделись на меня! А мне плевать на ваши обиды! Вы понимаете? Вы на сцене! И не забываете об этом!..

«Какой крик! ужаснулся Шерзад. Как актеры могут работать в таких условиях? И это творческий процесс! Это же самый что ни на есть произвол!»

Режиссер снова оторвался от столика, лица его не было видно, но пальцы Шерзад видел их в освещенном пространстве, нервно барабанили по столу.

И снова Зухра вышла на сцену. В третий раз. Теперь она смотрела не в зал, как прежде, а в небо, в какие-то одной ей видимые сейчас дали. Мольба в ее голосе теперь была похожа на плач.

«Почему любящие...»

Нет, нет, нет! Не пойдет, Зухра! Не получается! Вы сами-то этого не чувствуете, что ли? Не в состоянии войти в образ, так и признайтесь! Идите отдохните и подумайте серьезно!.. Где Мадумар? Повторим сцену свадьбы!..

Все пришло в движение. Проплыли декорации, рабочие в синих халатах внесли стулья, столы, реквизит.

«Как это трудно театр... Зритель приходит сюда, для него это отдых, праздник, если пьеса интересна. А наверное, редко задумывается, какой ценой достается актеру роль, чего стоит эта кажущаяся непринужденность исполнения, эти органичные жесты, искренние смех и горе?»

Он поднялся и пробрался как можно тише в темноте зала к выходу. Очувившись во дворе, поспешно прикрыл за собой дверь и с облегченным вздохнул.

Ослепленный ярким солнечным светом, в нерешительности остановился. Ему показалось, что во дворе, с тех пор как он ушел оттуда, стало еще светлее Яр-

кость цветов, неба, солнца усиливала это впечатление. Он не знал, стоит ли ему ждать режиссера, говорить ли с ним теперь и о чем именно... Пока он так раздумывал, во двор вышла Зухра и, не замечая его, села на скамейку близко от двери, из которой он вышел. Она была все в том же черном платье, которое удивительно шло ей. Сев на скамейку, она словно замерла и, казалось, не отрывала взгляда от земли под ногами. Наверное, думала обо всем случившемся в зале.

Как только Шерзад увидел ее, он сделал несколько шагов к скамейке, на которой она сидела. Ноги сами несли, его вдруг охватило непонятное волнение. Во всем ее облике было столько знакомого, и здесь, во дворе театра, когда он увидел ее так близко, решив почему то, что знает ее давно. Очень давно. Откуда вдруг пришла эта уверенность, он и сам еще толком не мог понять.

Заслышав шаги, девушка подняла голову.

— Извините, — он остановился около нее. Вы Зухраhon?

Она молча кивнула.

Я из редакции, — Шерзад нерешительно помялся. Не зная, как начать разговор, сразу сказал откровенно: — Был только что у вас на репетиции...

Зухра улыбнулась. Ее нежное лицо от этого стало еще привлекательнее, чем на сцене, а в живых черных глазах вспыхнул огонек любопытства.

Извините!.. — она замешкалась вдруг, глядя на опущенную вниз свою руку.

Только теперь Шерзад заметил, как она быстрым движением погасила и бросила в траву сигарету.

— Садитесь, пожалуйста! — пригласила она, вспыхнув и увидя, что Шерзад проследил взглядом ее движение, которое она попыталась сделать как можно незаметнее. Ну, — сказала весело, — приступайте к допросу! Я готова! Когда я увлеклась искусством? Какие роли исполняла на школьной сцене? Моя любимая пьеса? Так ведь? — Зухра решительно тряхнула головой.

«А она веселая!» — присаживаясь чуть поодаль от нее на скамейке, решил Шерзад. И вдруг неожиданно взглянул ей в глаза:

— Зухраhon!.. Давно ли вы курите?

Девушка в замешательстве взглянула на него и обе зоруживающе улыбнулась.

— В вашей анкете есть и такой вопрос? — покраснела она.

— Нет, что вы!.. Это вопрос не для прессы!

— Ну, в таком случае могу ответить, товарищ корреспондент! Прошел ровно час с того момента, как я закурила! Но. видите ли, пока что-то не очень получается...

Теперь удивился Шерзад. Ну, какое его дело? Почему он всегда лезет не в свои дела? Бог с ней, пусть она курит, пусть вообще делает все, что хочет, он-то тут при чем?

А глаза Зухры вдруг посерьезнели. Она поправила рассыпавшиеся по плечам волосы, тонкие брови ее нахмурились. И снова именно вот такой, серьезной и неприступной она кого-то напомнила ему. Но кого? Сердце Шерзада мучительно сжалось. А Зухра между тем как ни в чем не бывало продолжала исповедоваться:

— Если без шуток, то курю потому, что моя героиня по пьесе должна курить. Вот видите, я и тренировалась.

У Шерзада отлегло от сердца. «Вот оно что, значит, для сцены!» — почему-то с облегченным вздохнул он.

— И какая же это у вас роль, что надо курить? спросил он, решив переменить тему разговора.

— Да не стоит внимания! Зухра безнадежно махнула рукой.— Говорят, нет ролей больших или маленьких, тем не менее каждый хочет сыграть роль главную. И не только на сцене, но и в жизни. Вы тоже так считаете?

— Я не знаю содержания пьесы, которую вы репетировали сегодня. Не знаю, право, насколько значительна ваша роль в ней. Но то, что я видел... мне показалось, что вы правы в своей трактовке образа... Разве хватит у человека в таком состоянии, в каком была та, ваша покинутая женщина, которую вы играли, разве хватит у нее силы кричать о своем горе?.. Она ошеломлена, убита изменой. Ведь так?..

Зухра живо взглянула на Шерзада. В ее глазах он прочел неподдельный интерес.

— А откуда это вам известно?

— Ну, судя по тем вашим репликам, которые я слышал, по-моему, это так. И вы абсолютно правы, Зухра-хон,— горячо поддержал он ее.

Зухра пожала плечами

— Вы же слышали, режиссер совершенно иного мнения. Он хочет, чтоб героиня кричала!.. А!..— в сердцах махнула она рукой.— Бесплезный разговор. Его мнение не подлежит обсуждению! Так всегда!

— А если режиссер не прав? Почему бы вам не ска-

зять ему об этом? В конце-то концов вам виднее, вы женщина, и, наверное, ваши ощущения, ваша интуиция дают вам основания спорить с ним в отношении трактовки этой сцены! Ведь вы же творец, актриса! Спорьте смелее!

— Конечно, я могу спорить! — Зухра улыбнулась. Только какой прок будет от этого? Он отдаст роль другой актрисе! Этим все кончится, я же знаю...

Она произнесла это спокойно, и Шерзад понял, что, наверное, не в первый раз ей приходится отдавать свою роль другой, более покладистой и послушной. И чтобы как-то вселить веру в ее собственные силы, он заговорил о самом наболевшем. Пожалуй, ни с кем на эту тему никогда не решался откровенничать.

— Знаете, у меня тоже было в жизни похожее Там, где творчество, всегда готовься и к неудачам. Но, главное, как мне кажется, никогда не должно быть зависимости. Там, где появляется зависимость от чего-то или от кого-то, считайте — истинное творчество кончилось.

Зухра с интересом его слушала. Глаза ее стали совсем серьезными. Ни тени кокетства на лице.

— Может, режиссер и прав,— засомневалась она. Ведь и у него, наверное, своя цель, свое понимание образа...

— Не знаю! Может быть! — Шерзад резко рассек ладонью воздух.— Видите, вы уже его оправдываете! Что бы там ни было, он должен давать актеру возможность творить, интерпретировать роль по-своему. Ну, во всяком случае, уметь выслушать, посмотреть добрыми глазами на самостоятельные шаги актера или актрисы и, уж если они не правы совершенно, уметь в таком случае убедить в неправоте, а не брать криком и истерикой! Вы меня простите, конечно, но эта репетиция была не из приятных!..— Он умолк, потом спросил: Пьеса хоть интересная? Для актеров, разумеется.

Зухра отрицательно покачала головой:

— Нет, диалоги пустые, много патетики...

— В этом-то и вся штука!..— медленно произнес Шерзад.— Мало талантливых драматических произведений, мало пьес, в которых бы хотелось актеру играть.

В этот момент дверь отворилась и из театра вышла высокая худая женщина.

— Зухра, на сцену! — скомандовала она и скрылась в темноте.

Девушка нехотя поднялась.

— Вы не знаете, Зухраhon, скоро ли освободится

ваш режиссер? поднимаясь следом за ней, спросил Шерзад.

Не думаю, чтобы скоро! Ну, до свидания!.. Зухра протянула ему руку. Я рада, что мы так хорошо поговорили!

Лицо ее снова приняло прежнее выражение чуть насмешливое, гордое. «Ах, вот оно что! молнией пронеслось в голове Шерзада. Какой же я, право, тугодум! И как это я сразу не сообразил, как они поразительно похожи: Зухра и Фарида! И овал лица, и ресницы, и эта живость глаз! Только волосы у Зухры короче, вот что сбило меня с толку! Ну и болван, мучаюсь, никак не могу сообразить!»

Наверное, Зухра поразилась быстрой смене выражения его лица.

Зухра! — волнуясь, громко позвал он ее. Девушка, уже взявшаяся было за ручку двери, ведущей на сцену, внезапно остановилась. В ее глазах был испуг и удивление. Зухра! — он подошел к ней, встал рядом, очень близко. Можно мне прийти к вам еще раз? выдохнул он почти шепотом. Его волнение передалось и ей.

Как вам угодно, пожалуйста!.. в тон ему шепотом ответила она. И хотя слова ее были официальные, Шерзаду показалось, что произнесла она их с чуть заметной растерянностью.

Дверь закрылась, а Шерзад все еще стоял тут, около скамейки. Потом, круто повернувшись, пошел к проходной. Он вышел за ворота, а в ушах его все еще стоял ее голос: «Как вам угодно...» Голос у нее был особенный, не похожий ни на какой другой в мире. Шерзад вздрогнул от резкого сигнала машины, но никак не мог толком понять, кто сигналил: на дороге ни впереди, ни сзади никого не было. Только на другой стороне улицы, возле бетонной стены напротив театральной проходной стояла черная «Волга».

«Водитель, что ли, сумасшедший?» — только подумал Шерзад, и, будто в ответ на его мысли, из машины вылез парень в светлом костюме, направившись к нему. «Да ведь это Сираджин!» — узнал его Шерзад.

Не думал, что вы такой слабонервный! Сигнала машины испугались! — подошел и протянул руку.

— Что поделаешь? — холодно ответил на его приветствие Шерзад.— Каждого из нас бог награждал каким-нибудь недостатком, один — слабонервный, другой — не может похвастаться умом...

Сираджин, по обыкновению закинув голову, расхохотался.

Я только что от своего старика из больницы,— пожимая руку Шерзаду, сообщил Сираджин. А вас то, оказывается, уже выписали? Не сегодня-завтра и моего отца тоже отпустят. Дома у нас по этому случаю готовится крупное жертвоприношение!

Шерзад не мог не улыбнуться.

О, да вы, оказывается, и с богом на короткой ноге? И его пытаетесь задобрить?

Сираджин вновь расхохотался.

Оглядев его высокую фигуру в элегантном костюме и встретившись взглядом с его водянистыми глазами, Шерзад протился:

Извините, мне очень некогда! Вот и мой автобус идет!..

19

«Что же это, я даже не узнала, как зовут этого Самандарова! идя на сцену, думала Зухра. Ну конечно, он прав. Откуда у человека могут взяться силы кричать в таком состоянии, как моя героиня?..»

Сцена снова была погружена в темноту. Зухра остановилась за занавесом. «Нет, почему я должна кричать? Может быть, совсем наоборот, не кричать, не плакать, а смеяться?.. Плакать душой, а на лице улыбка. В жизни оно часто так и случается. С гордыми людьми...»

Вы что, совсем заснули? раздраженный фальцет режиссера ворвался в мысли Зухры, словно выстрел. Она, наверное, в восьмой или девятый раз вышла сегодня на сцену. Яркий свет, падающий сверху, слепил глаза, и она стала смотреть в глубину зала. Туда, где стоял столик режиссера. Прикрыла ресницы, в отчаянии поднесла руки к лицу.

— Не пойдет, не пойдет, неестественно! — режиссер снова захлопал в ладоши.

Зухра опустила руки, лицо ее побледнело.

— И о чем вы только думаете, Зухра? — голос снова готов был вот-вот сорваться на крик. — Почему не сосредоточитесь? Уходите и соберитесь с мыслями!.. Вечером снова попробуем репетировать!

На душе после ухода из театра пусто и неприятно. И сегодня, значит, совсем не будет отдыха. Вечером снова повторится все без изменений. Она-то уж знала точно. Пройдя по коридору, заваленному рулонами ста-

рых афиш, Зухра открыла дверь в гримерную, взяла свой зонтик, сумочку и вышла во двор.

На дворе полдень, солнце пригревало, после темноты и нервозности зала — другой мир. Рядом со скамейкой, на которой она имела обыкновение сидеть в короткие минуты отдыха, развалился Таргил, любимец и баловень актеров. «Любопытный все-таки этот парень, корреспондент, — подумала она, вспомнив Шерзада, вот уже который раз на протяжении последнего часа. — И говорит интересно. Внешне тоже не лишен приятности, спортивная фигура. Нет, просто славный...» И Зухра вдруг улыбнулась, сама не зная чему.

Она уже подходила к воротам, когда из двери рядом с буфетом появился режиссер. Волосы растрепаны, наверное, изрядно перенервничал на репетиции: она всегда отнимала душевные силы не только у актеров, но и у него, режиссера. Лицо красное, светлый пуловер был небрежно перекинут через плечо, но он будто не замечал ничего вокруг, жадно вдыхая свежий воздух, приходя в себя.

«Не успела уйти, — с досадой подумала Зухра, чувствуя снова возникшую в душе тревогу и неудобство, которые она всегда ощущала в его присутствии. Да, она, конечно, часто с ним не соглашалась, но спорила, возражала, отстаивала собственное мнение. Не так, конечно, рьяно и настойчиво, как того требовали обстоятельства. И ругала себя за это, но ничего поделать с собой не могла. Бывало, они крепко схлестывались в споре, но спор этот, как правило, ничем не кончался, и все шло по-прежнему.

Неудобно перед носом руководства захлопывать калитку, и Зухра ждала, когда, подойдя ближе, он увидит ее. Так и случилось, он чуть было на нее не наткнулся, занятый своими мыслями и глядя в землю, и она вынуждена была посторониться.

— А где писатель? Вы не видели его? — порывшись в карманах и достав сигарету, он прикурил.

Зухра не поняла вопроса.

— Какой писатель?

— Ну, приходил же Шерзад Самандаров, — бросив спичку, режиссер нервно выпустил изо рта кольцо дыма.

— Так это тот самый Самандаров? — тревога, вызванная появлением режиссера, сменилась радостью удивления.

Она знала Самандарова по книгам. Их было у нее

две, они стояли на полке рядом с теми, которые она любила иногда перечитывать. А впервые услышала о нем, когда еще училась в художественно-театральном институте. Они ставили пьесу по повести Шерзада. И еще тогда удивлялась чистому и какому-то легкому его языку, правдивости образов. Театр долго, помнила она, искал в тот сезон подходящую для постановки пьесу, и все очень обрадовались, когда нашли эту повесть. Самы делали сценарий...

— Значит, ушел, не дождался меня? — не замечая удивления Зухры, переспросил режиссер. Ну, тогда прощайте, до вечера! Да подумайте на досуге о своей роли!..

Зухра кивнула, прощаясь. «Так, значит, это был он!» Как похожи его слова в той повести на то, что он говорил ей сегодня: «Там, где зависимость — творчество гибнет» Кажется, так он говорил.

Зухра вспоминала и вспоминала, глядя на прозрачный ручеек арыка. И воспоминания эти были приятны ей. Какие споры шли в тот год у студийцев, как распределяли роли. У нее это была первая, такая большая и серьезная — ее первая главная роль. Конечно, с высоты нынешнего, хоть и небольшого, опыта теперь пьеса эта казалась немного наивной, несовершенной. Но тогда она покорила их всех своей свежестью, искренностью. И сюжет вспомнился ей. Трагедия женщины, растившей единственную дочь. Отдавала ей все, пожертвовала ради нее личным счастьем и благополучием. И получила взамен равнодушие и холодность единственного близкого и дорогого человека. Трагедия отцов и детей. Вечная проблема. Счастье одного, ставшее несчастьем другого: дочь не известила мать, одиноко живущую в кишлаке; о том, что вышла замуж.

Кажется, таким был этот сюжет, который лег в основу их пьесы. Шерзад тогда, наверное, тоже был студентом. Но и тогда, помнит Зухра, к начинающему писателю с интересом относились преподаватели вуза, где она училась. Особенно их педагог по мастерству актера. Он-то и подсказал им, чтобы они почитали Шерзада, сказал, что образы у него драматичны и интересны..

« Он был откровенен со мной сегодня, с досадой подумала Зухра. А я-то... ведь играла перед ним. Господи, как стыдно! Он мне о самом сокровенном сегодня толковал, а я кокетничала курить, видите ли, училась!..»

Зухра пошла к остановке, но ее, как час тому назад

Шерзада, заставил оглянуться резкий сигнал машины. Напротив театра, как и не раз уже до этого дня, стояла черная «Волга». Она сразу узнала ее, с неудовольствием подумала: «Опять этот кандидат, и что ему только надо?»

Исправившееся было после репетиции настроение вновь испортилось. Ну что за нахальный парень! Крутится все время возле театра. И зачем она однажды легкомысленно согласилась, чтобы он ее вместе с подружкой подвез домой после спектакля? А теперь и не придумаешь как избавиться от него! Его зовут, кажется, Сираждином. Сказал, преподает в институте. Главное, зачем ей эти неинтересные разговоры, которые неизбежны, когда появляется такой настойчивый нахал! Ну хоть бы он ей капельку нравился, так нет! Зато теперь, как только его «Волга» появлялась возле бетонной стены, все подтрунивают, шутят: иди, мол, снова твой поклонник пороги обивает... Ну, погоди, она сегодня его прочит, чтобы он совсем забыл сюда дорогу!

Сираджин и сегодня лихо подкатил к остановке, притормозив как раз возле Зухры. Открыв правую дверцу, он поздоровался и широким жестом пригласил ее садиться рядом.

Она заметила мельком, что одет он безукоризненно — костюм, рубашка, галстук. Только вот туфли испортили весь ансамбль: были черные лакированные... Пока она незаметно его разглядывала, он нервничал:

— Садитесь, Зухра, поскорее, здесь запрещена стоянка! Я рискую! Видите, люди на остановке уже поглядывают на нас!

Девушка села, устроилась поудобнее на переднем сиденье

— Вот это другое дело! Решилась все-таки! — Сираджин небрежным жестом бросил на заднее сиденье очки. — Итак, куда прикажете?

— Прикажу в телестудию! — она захлопнула дверцу.

— Значит, снова будем показываться по телеку? — машина тронулась с места. — По правде сказать, я первый раз увидел вас именно по телевизору! Увидел и, простите за выражение, обалдел!

Он резко повернул машину.

— Нет, честное слово, Зухраhon! Вы слышите, действительно обалдел!..

Машина быстро домчалась до Эски-Джува. В этом районе улицы были полны народа, не протолкнешься. Машины, базар, кто продавать, кто покупать — и про-

ехать целая проблема. Да все нагруженные у кого мешок за плечами, кто-то с громадными корзинами, полными зелени, кто-то с саженцами деревьев.

Ведя машину, Сираждин без умолку развлекал Зухру.

Она же была просто этому рада, потому что не надо было отвечать на его вопросы, которые сыпались градом.

Знаю, Зухрахан, у вас много поклонников. Ведь вы известная актриса! Хоть и молодая! . А я всего лишь кандидат наук... — Он засмеялся собственной остроте. / Сейчас, знаете ли, кандидатов прямо пруд пруди! Что ни человек то кандидат, честное слово!

Она, прислушиваясь к его словам, внимательно следила за маршрутом. И на каком-то из очередных поворотов, которые он брал лихо, ничего не скажешь, обрвала его:

Телестудия не в этой стороне! Вы дорогу туда не знаете? Я подскажу!

Сираждин хитро улыбнулся.

У водителя лучшая дорога та, которую знает он! Поднимите стекло, Зухрахан! — он прищурил глаза. Вас продует! И поскольку везу я, то и отвечаю за вас я. Не правда ли, погода сегодня просто чудо?! Вчера, знаете ли, мне довелось побывать за городом. Сейчас степь просто великолепна! Все зеленеет!..

— Уж не намерены ли вы ехать сию же минуту в эту зеленеющую степь? — заволновалась девушка.

— А вы уже и испугались? Да? — Сираждин уловил тревогу в ее голосе, рассмеялся. — Ну и ну! У страха глаза велики, ей-богу! А вашим глазам идет только улыбка! Ну, пожалуйста, улыбнитесь!

Так вы в самом деле решили прокатиться в степь? , голос Зухры задрожал от обиды и возмущения.

А что случится, если мы в самом деле туда прокатимся? Это идея! — Сираждин на полную мощность выжал газ.

Они выехали на загородное шоссе. Кругом ни души. Только ветер свистит от быстрой езды, да, слившись в одну линию, мелькают деревья, кустарник. Зухра поняла каким-то чутьем, что страха показывать никак нельзя и последними словами ругала себя за свое легкомыслие.

Не бойтесь! — успокаивал Сираждин. В степи теперь нет волков, да и вы не козочка, моя дорогая! пош-

ло шутил он, и за этой бравадой Зухра чувствовала уверенность в себе. Но и она теперь действовала решительно

— Нам не страшен серый волк, серый волк!.. Так, кажется, поется в детской песенке? Однако, дорогой водитель, пора и меру знать! Прогулялись — и хватит! Отложите степь до следующего раза! Мне в самом деле пора на студию, я не шучу! Будут неприятности!..

Какие могут быть неприятности у такой красивой девушки? Вы всюду успеете, Зухраhon! Человек не должен все время думать только о своей работе, как вы. Когда же отдыхать? Как это сказал один писатель, вы, наверное, знаете. — Он захохотал. — Самое дорогое у человека — жизнь! И надо так хорошо ее прожить, чтобы потом не жалеть ни о чем!

Он не успел договорить и, повернув голову к Зухре, увидел, как гневно она сверкнула глазами.

— Вы не имеете права повторять эти святые слова! Да знаете ли вы, при каких обстоятельствах этот человек говорил их?

Она ненавидела его всем существом своим. И вдруг повелительно, тоном, не терпящим возражений, приказала:

По-во-ра-чи-вай-те машину! Вы поняли меня? Я ясно выражаюсь?

Но Сираждин словно и не слышал ни ее слов, ни ее тона, по-прежнему гнал что есть мочи. Теперь «Волга» неслась по краю оврага Каракамыш. Коровы, пасущиеся на его склонах вблизи дороги, в ужасе шаррахались прочь от этой сумасшедшей гонки.

Вы повернете, наконец! — закричала Зухра. Или мне помочь вам?

С этими словами Зухра — откуда только взялись у нее силы — крепко ухватила за руль. Сердце отчаянно билось. «Что я делаю? Что делаю?» — в ужасе спрашивала она себя, но не выпускала из рук управления.

Машина резко повернула вправо. Сираждин, как ни пытался, не мог оторвать ее пальцев от рулевого колеса. И тут он нажал на тормоз, другого выхода не было. Машина сначала резко накренилась в сторону, девушка ударила головой о стекло. Но не почувствовала боли. Лишь подумала, что машина вот-вот перевернется. Но каким-то чудом сохранила равновесие, и этого не произошло. Взревел со страшной силой мотор и тут же заглох. «Волга», как вкопанная, встала поперек дороги. Запахло горелой резиной. В поднявшемся облаке пыли

трудно было что-то разобрать. Но Зухра увидела бешено гневные глаза Сираждина.

Вы что, с ума сошли?— завизжал он.

И тут она, взглянув на него еще раз, поняла, как он перепуган всем случившимся: в лице его — ни кровинки. Редкие волосы растрепались, вид жалкий, губы распухли, а глаза бегали от страха. Тогда, чтобы окончательно отбить у него охоту к приключениям, Зухра, сама еле оправясь от неожиданного испуга, властно приказала:

А теперь быстро — разворачивайте машину. Я опаздываю! Едем на студию! Вы уже в состоянии везти?

Сираджин после всего пережитого, она видела, соображал медленно. Но, казалось, колебался, подчиниться ее приказанию или нет. Послушаться Зухру или высадить ее за своеволие на пустую дорогу и уехать одному... Он повернул ключ зажигания и непристойно выругался, но Зухра не отреагировала на это. Мотор обиженно зарокотал и завелся не сразу. Когда же наконец он справился с ним, то, развернув машину, погнался на скорости, превышающей все дозволенные нормы. И снова, как в сумасшедшем калейдоскопе, мелькали в обратном порядке деревья, стада, люди, снова свистел ветер. Сираджин молчал, словно в рот воды набрал, и не отрывал глаз от дороги. Лицо его по-прежнему было бледно.

Через полчаса «Волга» остановилась у здания телестудии.

Приехали! не глядя на Зухру, сказал Сираджин. Выходите!

Спасибо! Зухра не спеша вышла, открыла свою сумочку. Вынула оттуда бумажку смятого рубля, потом достала кошелечек, демонстративно, чтобы слышал Сираджин, потрясла им в воздухе, а потом вытряхнула оттуда еще один целковый мелочью. Выходя из машины, бросила на сиденье сначала бумажный рубль.

Это за сегодняшнюю поездку! Получите! Она заставила себя улыбнуться.— А это,— она со звоном насыпала рядом мелочь,— за тот, прошлый раз, когда вы отвозили меня домой после спектакля. Помните?

Зухра сильно хлопнула дверцей и, не оборачиваясь, быстро пошла к телестудии. Уже, поднимаясь по мраморным ступенькам входа, она услышала, как рядом с нею, около ног, зазвенели монеты. Зухра не обернулась и закрыла за собой высокую стеклянную дверь.

Сираждин в сердцах швырнул в окно и бумажный рубль, оставленный Зухрой за «проезд». Но и это его не успокоило. Наоборот, он завелся пуще прежнего и не знал, на чем бы выместить злобу. Конечно, он видел разных женщин, но еще ни одна из них так не унижала его. И еще, как назло, возле дверей телестудии крутились какие-то парни — бородачи в беретах. Сираждину показалось, что все они видели, как эта чертовка измывалась над ним, видели, как она прошла, словно королева, не обратив никакого внимания на его дурацкую, как он понимал теперь, выходку: в сердцах ей бросил вслед мелочь. Выругавшись, он вроде облёгчил душу и, резко повернув руль, помчался по одной из боковых улиц. Мелькали встречные машины, попадавшиеся на пути, светофоры, которые зажигались в тот момент, когда он подъезжал к очередному из них: красный свет преследовал его, словно рож. Лишь выехав на широкую улицу Бируни, он немного отошел.

«Не мучайся, отомсти!» — вспомнилась ему ковбойская заповедь, услышанная недавно в каком-то приключенческом фильме. Он и отомстит, обязательно, дайте только срок! Он, конечно, не представлял себе, каким образом сведет счеты с этой наглой девкой, но от одной мысли об этом у него стало легче на сердце. Ладно, и на его улице будет праздник!..

Он поехал в сторону профессорского городка, как его называли у них в институте. Правда, далеко не все жители этого городка были учеными и профессорами. Тем не менее у всех превосходные участки, один лучше другого. Почти все за высоким забором с высокими воротами, дома с великолепными верандами. Сираждин остановил машину около одного в конце тихой зеленой улицы. Это и были владения домлы. На окнах узорчатые решетки, ворота — резные. Нажав скрытую для непосвященного кнопку звонка, утопленную в рисунке орнамента, он ждал, когда откроют калитку.

Хотя здесь, на улице, звонок не был слышен, Сираждин представил себе, как, зазвенев там, на веранде, вызовет обычную суету, со стоном поднимется жена домлы, тяжело ступая, передвигаясь еле-еле из-за опухших ног, она спустится по лестнице и пойдет к воротам.. Жену домлы Сираждин называл келиной¹ Но всякий

¹ Келиной — старшая сноха, жена старшего брата. Тут — знак уважения.

раз, встречая ее худую, как тростинка, беспрестанно жалующуюся на здоровье, он испытывал неловкость и жалость, ему становилось не по себе.

Он отпустил кнопку звонка, отошел на несколько шагов в сторону и снова принялся рассматривать дом. Домла начал закладывать фундамент, когда Сираждин только поступал в аспирантуру. С тех пор прошло уже более четырех лет. И вот теперь дом был готов. Когда строился их собственный коттедж, Сираждин учился в школе, поэтому событие это как-то прошло мимо него. Он и не представлял себе всех трудностей этого дела. Понял он это, наблюдая строительство дома своего руководителя. Все выросло на глазах: от просторного подвала до жестяной крыши, от светлых больших шести комнат до застекленной веранды. И хотя Сираждин не уложил здесь своими руками ни одного кирпича, его доля, как он полагал, в строительстве была значительной. Он возил сюда на своей машине строительные материалы, рабочих, разыскивая и нанимая их. А на самые тяжелые работы, такие, как кладка фундамента, оштукатуривание, обкладка крыши глиняными катышками, он собирал и привозил студентов. На хашар¹.

Домла знал, кого можно пригласить на хашар. Эти тяжелые и трудоемкие работы с удовольствием выполняли те, кто провалился на экзаменах или не сдал зачет. Дипломники, у которых домла был руководителем. Однако он был предельно осторожен, никогда не приглашал сам, действовал через Сираждина. Да, домла шел на риск, могли возникнуть крупные неприятности, последствия которых, узнай кто-нибудь об этом из институтского начальства или на кафедре, были бы плачевными. Знал об этом и Сираждин, но и он рисковал, ведь он целиком зависел от домлы. Поэтому молчал, как рыба.

Когда помощников наезжало слишком много, а так случалось, Сираждин ехал на базар. Домла протягивал ему тогда рублей пятнадцать, говоря: «Возьмите деньги, счет дружбы не портит!» Однако Сираждин никогда денег не брал, отвечая, что они сочтутся позже...

Теперь, разглядывая дом на тихой улочке, он вспомнил об этом, улыбка тронула его губы. «Да, позже...»

Дверь все не открывалась. Сираждин снова подошел к воротам и еще раз нажал кнопку звонка. Но не стал

¹ Х а ш а р — строительство общага, где помогают безвозмездно соседи и родственники.

дождаться результатов, а нетерпеливо подергал дверь калитки за круглую стеклянную ручку. Оказалось, было не заперто, и, плотно притворив за собой калитку, он пошел по бетонной дорожке к дому.

Двор у домлы был широкий, посредине цветник, в котором уже атели бутончики роз. Вот-вот должны были зацвести черешни. В тени одной из них стоял низенький столик, покрытый цветастой клеенкой. Тут же на столике стоял старинный чайник с пиалушками. Рядом плетеное кресло, на котором был брошен кем-то раскрытый журнал. Чуть поодаль, рядом с клумбой, из водопроводного крана капала вода, а под ним в маленьком хаузе, отделанном сверкающим светлым кафелем, мокли после трапезы три-четыре касы, разрисованные цветами хлопка, и ляган. Видно, келиной хотела помыть посуду, но по каким-то причинам не сделала этого, может, плохо себя почувствовала.

На веранде кто-то покашливал, наверное, домла. Кому же еще? Открылась дверь, и домла, продолжая покашливать, спустился по ступенькам. Полосатая пижама на нем вся измялась наверное, только что встал. Через плечо его было перекинута махровое полотенце. Веки домлы опухли, седые волосы смешно обрамляли его голову, словно нимб, темными полосками обозначились следы оспы, неровно спускавшиеся от ноздрей острого носа к подбородку.

Домла, увидев Сираждина, молча кивнул: мол, сейчас, погоди. Он подошел к рукомойнику, прибитому прямо к стволу черешни в углу сада. Но воды, как выяснилось, в рукомойнике не было. Услышав недовольное бормотание домлы, за которым он исподтишка наблюдал, Сираджин, не дожидаясь просьбы, подошел к домле и быстро налил ведро воды, стоявшее около хауза.

Не утруждайте-себя! оставаясь, однако, неподвижным, томно сказал домла. Голос у него был хриплым спросонок.

Да что вы, домла! Сираджин не менее проворно наполнил водой рукомойник. Полилось через край, так как он немного не рассчитал, и вода стекала в стоящий под рукомойником таз.

Спасибо, сынок! — ласково проворковал домла, растроганный такой заботой.

Он старательно вытер полотенцем лицо, оно покраснелось, отчетливее стали видны следы оспы.

Смотри, пожалуйста, проспал! улыбнулся он. Его глаза, смотревшие по обыкновению молодо, даже

порой игриво, сегодня были заспанными и заплывшими: «Хоть седой, хоть не проспался, а выглядит, черт, молодец отца», — поглядев на домлу, подумал Сиражди́н.

Он часто последнее время думал об этом. Вот и теперь снова вспомнил. «Не зря каждый день бегаю по пять километров!» — почему-то с досадой подумал он, и, словно бы прочитав его мысли, домла спросил, вешая полотенце на ветку черешни:

— Как самочувствие Сайфитдина? Когда выпишут?

— Наверное, на этой неделе.

— Ну и славу богу! Главное, чтобы был здоров! Чай будете пить?

— Спасибо, домла!

Каждый раз он приезжал сюда с единственной надеждой: вот сегодня, наконец, домла скажет, что прочитал диссертацию. Но тот говорить на эту тему упорно избегал. А время шло неумолимо. Осенью состоялось обсуждение на кафедре. Его коллеги доброжелательно говорили о серьезных недостатках работы, надавали немало советов, как дотянуть работу до кондиции. Особенно серьезно выступал Килыч Валиевич. Очень странно, но домла тогда остался в тени, не выступил, хотя это выглядело непонятно: научный руководитель на обсуждении отмолчался. Как потом он объяснил Сиражди́ну, его замечания почти во всем совпадали с выступлениями коллег, а он не хотел повторяться и рекомендовал ему серьезно прислушаться ко всему, что говорили на кафедре.

На обсуждении Сиражди́н еще раз убедился в полной несостоятельности домлы, в абсолютной его научной некомпетентности. Это не было открытием. Единственно, что удивляло не только Сиражди́на, как такой человек оказался в институте. Конечно, он промолчал и теперь. Потому что знал: никто другой не станет заниматься его делами. Он надеялся, что в конце концов все кончится благополучно: домле все до сих пор сходило с рук: жить он умел!

После обсуждения Сиражди́н хотел одного: любыми путями ускорить защиту. Он просиживал над диссертацией неделю за неделей, дорабатывал то, что мог, что было в его силах и возможностях, но интуитивно чувствовал, что не тянет, не сделает всего, что от него хотят. И вот после многих месяцев упорного труда он привез наконец свою работу домле, чтобы тот посмотрел и решил окончательно, чего конкретно в ней не хватает.

И уже с тех пор, как он привез ее, прошло немало времени, однако до сего дня домла еще хранил молчание. Очевидно, так и не выбрал времени, чтобы взглянуть.

Был утром на кафедре, чтобы хоть о чем-то говорить, сказал Сираждин.

Он врал, нигде он сегодня не был, скандалил с этой девкой, вот и все его занятия. Однако и глазом не моргнул, ибо знал, что домла сегодня вообще из дома не выходил.

И кто же там у нас на кафедре? поинтересовался домла. Переложив журнал, он поудобнее устроился в кресле, приготовившись слушать институтские новости.

Да кто же... Как всегда, Килыч Валиевич!.. небрежно бросил Сираждин, зная, что тон этот в отношении нового заведующего кафедрой очень был по душе его предшественнику.

Ну и пусть себе вкалывает! Дождется, может, памятник еще при жизни поставят!.. Домла на секунду задумался, потом кивнул головой в сторону клумбы:

А весна-то пришла, Сираждин! Все цветет... и обнажает наши недостатки! Гараж вот надо начинать строить. Все это не так-то просто, как думают некоторые!.. Да...

«Опять хашар, не иначе!» с досадой подумал Сираждин. Однако улыбнулся, хотя настроение было невеликое.

Да о чем разговор, домла? Два дня хашара — и дело с концом! — он огляделся. Келиной что-то не видно! Уж не заболела ли?

Нездоровится ей, как всегда. Вы же знаете, весной у нее всегда болит печень! В поликлинику пошла, — домла протяжно зевнул. — А с утра заладила одно: достань путевку в Трускавец — и все! Оказывается, ей надо ехать лечиться! Вот дела какие!..

«Ну вот, еще и эта забота!» Сираждин незаметно вздохнул: и в прошлом году через отца он доставал в это же время келиной путевку.

Да еще упрямится, говорит: одна не поедет ни за что! домла снова зевнул. — А я вообще не знаю, когда отпуск в этом году брать!

«Ну вот, теперь наконец ясно, что ему от меня надо! Не одну, как всегда, а целых две путевки в Трускавец!» — совсем расстроился Сираждин.

Не ломайте голову, домла! Что такое две путевки? И беспокоиться не стоит! — сказал он, однако, как можно спокойнее, не выдавая ничем своей озабоченности.

— Вы так говорите, а все же неловко как-то! — и домла постарался переменить тему разговора, считая, очевидно, что этот вопрос решится теперь сам собою. — Так когда, вы говорите, выходит из больницы Сайфитдин?

— Скорее всего в пятницу. — Сираждин какое-то время колебался, раздумывая, стоит ли затевать разговор о диссертации. Потом, почувствовав, что это не к месту и не ко времени, поднялся, чтобы проститься.

«Вот точно так же, — думал Сираждин, — чувствует себя человек, пришедший занять деньги. Ты знаешь, что тот, к кому ты пришел, имеет эти деньги. Ты проклинаешь свой визит. Ты унижаешься, просишь. Однако тебе отказывают. Но что ты можешь поделать, не заставишь же раскошелиться добровольно? Хочет — даст, не захочет — не даст. Вот и вся недолга...»

Диссертация Сираждина — в руках домлы. Пожелает — прочтет. Не пожелает — что поделаешь... Вся беда в том, что работа не доведена до кондиции. Менять научного руководителя на этом этапе невозможно. Да и не возьмется никто. Хочешь не хочешь, надо обращаться за помощью к домле. Но как быть дальше? Что делать?

Только сев в машину, Сираждин выместил всю свою обиду.

— Проклятый рябой! Бездельник! Путевку ему еще подавай!

Несколько облегчив душу этим проклятьем, он развернул машину и, проезжая мимо ненавистных ворот, увидел вдруг домлу в проеме калитки. И ничего не оставалось делать, как с уважением кивнуть ему на прощанье, улыбнувшись, и легонько, как это принято, по-сигналить, вроде бы как произнести приветственное традиционное «хоп!».

21

Когда Шерзад подошел к высокому зданию Дома печати в самом центре города, стрелки часов на его фасаде показывали ровно десять. Солнечные лучи сверкали на замысловато-решетчатой мраморной стене Музея Ленина, что был напротив Дома печати. После недавней поливки свежо розовели цветы низкого, аккуратно подстриженного кустарника, тянувшегося вдоль дороги. Рядом с подъездом теснились машины, и тут же, недалеко от входа, Шерзад заметил накренившийся в одну сторону мотоцикл Абдувахиды. «Как всегда, раньше всех!» с удовольствием подумал Шерзад.

В самом деле, Абдувахид приходил задолго до начала рабочего дня и уходил позже всех, вкалывая без устали. Наверное, такие работяги есть в каждом учреждении, на них дело держится. Странно другое — никто не удивляется, когда такие люди успевают все переделывать. Гораздо больше, чем положено. И вроде бы никто их не замечает до тех пор, пока он не опоздал или не заболел. Абдувахид, Шерзад это знал хорошо, работал больше всех, и чаще всех ему приходилось выслушивать укоры руководителей. Особенно доставалось ему от заместителя главного редактора. Но Абдувахид обладал счастливым характером и он очень любил свою работу, поэтому и наскоки зама выносил спокойно и сдержанно, даже оправдывал иногда того, объясняя чрезмерной перегрузкой и нервами.

Поднявшись на восьмой этаж, Шерзад решил незаметно пробраться в кабинет: не очень хотелось, чтобы в первый же после больнички день его дотошно расспрашивали о здоровье, выражали, может быть, вполне искренне, свои соболезнования по этому поводу. Вот почему он поспешно прошел в конец коридора. Они с Абдувахидом сидели в крохотной комнатке на двоих. Шерзад заведовал литературным отделом, его друг — научным. Кроме двух столов и нескольких старых стульев тут ничего больше не стояло. Оба терпеть не могли лишних вещей и не могли прийти к единому мнению лишь в одном вопросе — Абдувахид не выпускал изо рта сигарету, Шерзад не терпел даже запаха табачного дыма. Не помогали кондиционеры, установленные всюду. Окна в такого типа зданиях не открываются. И бывали минуты, когда Шерзад буквально задыхался, но говорить другу об этом не хотел, так как считал, что все происходит от слабости характера. Но, оказалось, что характер тут ни при чем.

Вот и теперь, подходя к двери, Шерзад уже заранее морщился от сознания того, что придется глотать ненавистный дым.

Предположения оправдались: на краю стола Абдувахид стояла знакомая пепельница, до краев забитая окурками. Владелец стола с головой углубился в работу, низко склонившись над рукописью, и даже не заметил прихода Шерзада. А тот, полжобавшись, как ловко сидит на друге новый свитер и как он молодит его, решил дать знать о своем приходе слегка кашлянул.

— Я так и думал, что ты уже дымишь! — сказал Шерзад поднявшему наконец голову Абдувахиду, не да-

вая ему возможности что-либо возразить. — Знаешь, если слону только дать понюхать выкуренное тобой за день, он, бедненький, наверняка подохнет!

Абдувахид радостно улыбнулся, протягивая Шерзаду руку и поднимаясь из-за стола.

— Поэтому, — в тон Шерзаду продолжал Абдувахид, — слон и живет, в отличие от человека, двести, а то и больше лет. Человек же в лучшем случае — семьдесят! Но клянусь тебе: с этого дня — все! Даю торжественное обещание! Здесь — ни одной сигареты! Ну, старик, чувствуй себя как дома, я сейчас, вот только дочитаю!..

Здесь все было как прежде, до его болезни. Только стол пока пуст в отличие от стола Абдувахиды, заваленного книгами и гранками.

Шерзад подошел к громадному, тянувшемуся во всю стену окну и посмотрел вниз. Во дворе издательства привычно суетились люди, у дверей цеха стояла полуразгруженная машина, рядом — рулоны бумаги, которые казались отсюда, с высоты, большими катушками с белыми нитками. Под тутовым деревом, как всегда, приступил к своей работе шашлычник: усердно раздувал в жаровне огонь.

— Ну что, друг, — дочитывая последние строчки гранки, засмеялся Абдувахид, — соскучился по редакции?

— Конечно, порядком надоело в больнице! — Шерзад сел за свой стол и выдвинул верхний ящик. — О, да тут почты накопилось будь здоров!

В самом деле, писем была куча, во многих из них, как всегда, — стихи. Их в последние годы пишут многие. Наверное, веяние времени. Желание как-то необыденно выразить свои мысли по самым разным поводам — и о хлопке, и о земле, и о людях, о любви, счастье, горе... Самые разные, они поражали иногда Шерзада неожиданной глубиной, талантливостью людей, пославших их, порой не имеющих никакого отношения к литературе, искусству. Перед самой его болезнью, вспомнил вдруг Шерзад, он получил письмо, в нем стихи наманганского комбайнера, молодого парня, студента-заочника технического вуза. Их с ходу опубликовали. Какие это были стихи! Шерзад тогда написал ему, что он ни в коем случае не должен бросать начатого, может быть, это призвание...

Шерзад прочитал еще несколько писем, написал ответы на них.

— Пойди пройдишь по отделам, — посоветовал Абду-

вахид, покажись ребятам, а то ведь все равно сами придут! Знают, что ты уже на работе. Да и не забудь зайти сначала к редактору!

Неожиданно зазвенел телефон. Абдувахид снял трубку.

— Да, да, вышел, он посмотрел на Шерзада. Конечно, сейчас придет! Иди к редактору, вызывает! Он положил трубку. Видишь, я как в воду смотрел, он тебя потребовал тотчас, как узнал, что ты здесь.

У Шерзада с редактором с самого начала установились хорошие, дружеские отношения. Курируя отдел внутренней жизни, человек этот не однажды проявлял принципиальность, когда дело касалось вопросов сложных и запутанных. К Шерзаду относился тепло и участливо, особенно на первых порах, когда он после институтской скамьи только входил в курс дела. Теперь нередко редактор поручал именно Шерзаду расследование наиболее серьезных писем: знал, что не подведет, а если необходимо, то и выступит, не оглядываясь на чины тех, на кого жаловались...

Войдя, Шерзад застал редактора за читкой завтрашнего номера. Склонившись над аккуратно разложенными на столе полосами, он быстро и размашисто делал пометки красным карандашом. Кое-где ставил большие вопросительные знаки, вычеркивая абзацы. Увидя Шерзада, он поднял свою крупную, тронутую сединой голову и приветливо заулыбался, бросив на стол карандаш. Они тепло поздоровались.

— Поправился? Ну, вот и отлично! Садитесь! — и, выйдя из-за стола, придвинул Шерзаду кресло. Сев рядом сам, внимательно поглядел на него. — Как-то на днях, — его глаза лукаво сощурились, я встретил профессора Абдуллаева. Вы хорошо знаете его, он ведь вас лечил в больнице.

Шерзад молча кивнул.

— Так вот. Профессор высказал интересную мысль. Сказал, что изобилие для всех нас в конечном итоге оборачивается боком. Получается, что чем лучше мы живем, тем все более растет число заболеваний. Трудно в это поверить, парадокс какой-то!..

Шерзад хорошо помнил последнюю встречу с Рауфом Абдуллаевичем, их душевный разговор.

— Справедливые слова! — Шерзад поглядел на редактора и еще не понимал, к чему тот клонит. — С ростом благополучия мы почему-то меньше двигаемся, за нас многое теперь делают умные приборы и машины,

и нам кажется, что нет нужды лишний раз утруждать себя движениями. Не замечаем, как подкрадывается коварная болезнь!.. Так говорил Рауф Абдуллаевич.

Вот-вот, вы вроде бы хорошо усвоили эту истину, полушутя-полусерьезно говорил между тем редактор, выдвигая на себя один из ящиков письменного стола.

Он извлек оттуда сначала конверт, а вслед за ним тетрадный двойной лист бумаги, исписанный со всех сторон. «Наверное, жалоба, о которой вспоминал давеча Абдувахид, Шерзад внимательно ждал продолжения разговора, и вместе с тем в нем почему-то вдруг вскипела волна раздражения: почему нужно было дожидаться именно его, неужели нельзя было послать кого-то другого по этому вопросу?

Как бы отвечая на его мысли, редактор протянул ему листки.

Не успели вы появиться, Шерзад, а вам уже готово скандальное дельце! Проверьте его, пожалуйста, очень тщательно! Если письмо подтвердится, придется писать фельетон. Другого жанра, по-моему, здесь быть не может. Вот так, действуйте!

Письмо в кабинете он читать не стал, лишь заметил, что написано оно красивым разборчивым почерком, каким часто пишут учителя младших классов.

Вы же знаете,— недовольный тон вырвался как то сам собой, я никогда не писал фельетонов!..

Не писали — это не беда, теперь попробуйте! редактор ободряюще улыбнулся.— Я уверен, у вас получится!

Извините, но это совсем не мой жанр! Я даже не представляю, как за это дело браться!

Редактор взглянул холодно.

— Вы же газетчик, Шерзад! Обстоятельства на месте подскажут, как правильнее поступить.

При чем тут обстоятельства? Я просто не справлюсь, поверьте, дело кончится этим.

Редактор нахмурил брови. Ему было некогда, Шерзад знал это, и весь разговор явно не доставлял ему удовольствия, поэтому раздражение появилось в его тоне:

— Ах, не справитесь, хотелось бы знать, откуда у вас такая неуверенность?

— Хорошо! Я скажу!.. Прежде, ну, скажем, десять лет назад, люди боялись попасть на страницы газеты. Герой фельетона всегда получал по заслугам. Теперь

вы же сами знаете, страдает часто не тот, кого критикуют, а тот, кто критикует! Потому что у этого «героя» обязательно найдутся могучие защитники, которые сделают для него все, а если надо, и на пороки возьмут...

— Понятно! — редактор побледнел, что всегда выдавало его внутреннее волнение. — Понятно! — повторил он, прикусив нижнюю губу. — Значит, боитесь защитников? Значит, предполагаете, что такое происходит сплошь и рядом? Что же, выходит по-вашему: нельзя наказать ни одного вора или хулигана, каждый обязательно найдет защитника и покровителя?.. Все это абсолютная чепуха! Ничего себе — философия советского журналиста! Да как вы смеете так думать?

— Я не боюсь! Просто констатировал факты!..

Он не успел закончить фразы, как редактор снова обрушился на него.

— По-вашему, все должно решаться просто, словно по мановению волшебной палочки? Как из теста волосинку вынуть?! Да какой же идиот сегодня будет молчать, если о нем в газете появится фельетон? Дудки! Не дождетесь! Кто, по-вашему, будет сидеть сложа руки и ждать, когда его накажут? Нет нынче таких! Конечно, такой тип поднимет на ноги всех и вся, чтобы спасти свою шкуру!.. Кстати, в этом письме — об этом же самом...

Редактор резко ткнул пальцем в клетчатые листочки, которые Шерзад держал в руках.

— Да-да, и здесь о том же! Человек пишет, как дорого ему обошлись слова правды! И что же мы, по-вашему, должны сделать? Успокоить его, сказать: «Милый человек, уж как-нибудь вы там сами разберитесь, примиритесь и живите себе дальше спокойно...» Так? Нет, дорогой, мы должны, обязаны защитить человека и сурово наказать тех, которые считают, что для них все это пройдет безнаказанно!..

Редактор побледнел словно бумага. Он с грохотом задвинул ящик стола, вытер платком лоб.

— Хорошо! — решительно вдруг поднялся Шерзад. — Хорошо! — сказал он твердо. — Я поеду и тщательно проверю все факты на месте. Как вы того хотите. И сделаю материал. Но у меня одно условие. Если все подтвердится, если фельетон будет стоять в номере, а вам будут досаждать телефонными звонками, дайте мне слово, что вы не обратите ни на один из них серьезного внимания!

— А это уж предоставьте мне! — редактор рубанул

рукой воздух — Если я даю вам на расследование письмо, значит, знаю, что делаю! И не ставьте мне никаких условий!

Понятно! — Шерзад впервые за весь разговор улыбнулся. — Но это я понимаю еще и как ваше согласие на мое условие?

И, не дожидаясь, пока редактор наговорит ему новых колкостей, Шерзад, попрощавшись, пошел к себе в отдел.

Комната была пуста, дверь полуоткрыта, и всюду разгуливал сквозняк, возвещая о новой эре сосуществования с Абдувахидом без курения. Шерзад сел за свой стол и первым делом взглянул на конверт письма, которое ему только что вручил редактор. В изумлении, не веря собственным глазам, еще и еще раз перечитывал адрес и фамилию отправителя: «Ферганская область. Сельсовет Тиниксай. Школа № 20 имени Улугбека. Азимджан Эргашев...»

От волнения забилось сердце, застучало в висках. Это было письмо его школьного учителя. Наверное, в родном Тиниксае вся молодежь не только поколения Шерзада, но и постарше была обязана ему многим. Прежде всего тем, что он выучил их читать и писать — ведь он неизменно, сколько помнил себя Шерзад, вел начальные классы. Вернувшись с войны без одного глаза, весь в ранах, Эргашев так и остался бобылем, отдавая себя детям.

Шерзад прекрасно помнил его, с черной повязкой на левом глазу, неизменно аккуратного и по-военному подтянутого. Говорил он всегда громко и очень внятно, так что даже маленькие шалуны не отважились его о чем-либо переспрашивать. Голос, правда, не соответствовал маленькому росту, однако фигура учителя была ладная, и он никогда не горбился и всегда больно стучал по лопаткам тех, кто имел к этому склонность. В том числе и Шерзада. И как же это он сразу не узнал его каллиграфический почерк, эти привычные с детства, крупные буквы! Ведь он сам учился писать как следует, глядя и запоминая эти буквы!

«Дорогая редакция! Неприятная история, случившаяся поздней осенью прошлого года, заставила меня написать Вам. Четырнадцатого ноября председатель колхоза, вопреки рекомендациям облоно, заставил учащихся четвертого класса выйти в поле собирать курак¹. Я

Курак — незрелая коробочка хлопчатника.

сказал, что он не имеет права этого делать. Но, очевидно, мои слова заделали самолюбие председателя. Меня не послушал и повел детей в поле. Я пошел с ребятами. Очевидно, в отместку председатель не отпускал детей с поля до самой темноты. Вечером один из учащих, неся на хирман мешок, поскользнулся и упал. Он жаловался потом на сильные боли в боку, и я отвез его в районную больницу. Рентген показал, что у него сломано ребро. На следующий день еще одна девочка тяжело заболела. Ее с воспалением легких отправили в ту же больницу.

Может быть, я не прав, что не сдержался, назвав председателя негодяем, — недалеко от нас стояла группа учеников старших классов школы. Председатель пообещал расквитаться со мной за все.

И вот теперь он осуществляет свои намерения. В третьей четверти мне, не объясняя причины, значительно сократили количество учебных часов. У меня, как и у всех, был огород. Зимой отобрали половину, также ничего не объясняя. Честно говоря, мне, холостому, может быть, огород не так уж и нужен.

И в довершении всего помощники председателя твердят мне при каждом удобном случае, чтобы я подобру-поздорову уехал совсем из колхоза, иначе мне все равно не жить здесь.

Понимаю, затеял непосильную тяжбу, но уверен, что прав. Так почему же я должен бросить дом, бросить работу, которой отдал всю жизнь, бросить своих учеников, которым я нужен, и поступить так, как того хочет председатель?

Убедительно прошу разобраться во всей этой истории и помочь мне спокойно жить и работать».

Дальше стояла подпись и приводились фамилии заболевших учеников и врачей, их лечивших.

Шерзад дважды внимательно перечитал письмо. Азимджан-ака ничего не писал о себе. Лишь в самом конце сообщал, что он старый педагог, через год уходит на пенсию. Вот и все. И ни слова о том, что он инвалид войны. Что за послевоенные десятилетия воспитал не одно поколение ребят. Что его очень любят все в тиниксайской школе — и учителя и ученики. Скупы были строки письма, однако за ними угадывались страдания старого учителя. Нет, никогда бы не стал писать Азимджан-ака, не будь ему так тяжело и одиноко!..

Выйдя в коридор, Шерзад снова пошел к редактору. И только у самых дверей спохватился, что держит пись-

мо в руках. Секретаря на месте не было; и он без стука вошел. Редактор, придерживая плечом телефонную трубку, кому-то энергично объяснял, какой бы он хотел видеть передовую в субботнем номере. Одновременно подписывал ворох бумаг. Чтобы не казаться бесцеремонным, Шерзад отошел к окну и стал смотреть во двор. Там по-прежнему шла деятельная жизнь, только теперь стояла другая машина, закрытая, а возле шашлычника выстроилась очередь настало обеденное время.

Наконец трубка шумно легла на рычаг, и Шерзад обернулся. Не мешкая подошел к столу, чтобы поскорее объяснить, зачем пришел.

— Я могу сегодня же поехать в командировку?..

На лице редактора заиграла удовлетворенная улыбка.

— Что, поскорее, как советовал профессор, хотите начать двигаться? Какой же транспорт вы предпочитаете? Самолет?

— Нет, поеду вечерним поездом. Формальность, но я еще должен сдать больничный лист.

— Хорошо! Поезжайте за билетом, а мы тут пока подготовим командировку!..

Он вызвал секретаршу

Абдувахид, заметив поспешность в движениях друга вернувшегося в комнату, спросил, не случилось ли чего-то непредвиденного.

— Послушай,— не отвечая на вопрос, весь в собственных мыслях, попросил Шерзад,— смотайся быстро на вокзал! А?

— Да что случилось такое? Никак не могу сейчас! Видишь, материалы сдаю в номер! И, как всегда, срочно! Зачем на вокзал?

— Надо! Раз не можешь, одолжи своего коня! Идет? Вернусь самое большее через полчаса!

— Дурень, да мне не жалко, но ведь у тебя же нет прав!

Не очень любил Абдувахид давать свой мотоцикл ребятам. И не от жадности это происходило, просто считал, что машина должна знать одни руки. Шерзад был исключением. И чего бы ни попросил, он не мог ему ни в чем отказать. Зная горячность Шерзада, Абдувахид беспокоился, как бы тот в порыве увлечения не забыл об осторожности.

— Мне надо позарез! Билеты купить! Придется все-таки ехать в Фергану по поводу того письма, о котором ты мне говорил!

— В кишлак, наверное, заедешь? — Абдувахид протянул ему ключи от мотоцикла.

Шерзад, правда, не собирался ехать домой на майские праздники, когда была назначена свадьба Холпошши. Но ведь он еще и гонорара не получил в издательстве. Однако теперь уже раздумывать было поздно, вопрос о командировке был решен. Что ему оставалось делать? Раздосадованный, он поэтому не мог толком ответить на вопрос Абдувахида. Круто повернулся и пошел к двери. Абдувахид остановил его, закричав вслед:

— Каску-то надень, дурень!.. — Вскочив со стула, он открыл дверцу встроенного в стене шкафа и протянул Шерзаду каску.

Мотоцикл несся, словно шальной. Шерзад научился водить, когда заканчивал десятый класс. И теперь все никак не мог собраться получить права. Однако несмотря на то что своей машины у него не было, он хорошо водил.

Минут через десять он уже остановился у при вокзальных касс. И только было снял каску, слез с седла, как услышал знакомый голос:

— Можно поздравить с приобретением тачанки?

Шерзад повертел головой, но никого рядом не увидел.

Только из-за «Запорожца», около которого он поставил мотоцикл, увидел голову Сираждина и рядом его «Волгу». Сираджин подошел не спеша, как всегда, вразвалочку, протянул Шерзаду руку. Она была холодной и влажной: наверное, наводил лоск на свою карету.

— А номер-то, номер какой выбрал! — он обошел мотоцикл вокруг. — Тринадцать-тринадцать! Что, более счастливого не оказалось? Надо было постараться с нуля! Это хорошая примета!

— Не знаю, право, — Шерзад нахмурился, — я в приметах как-то слабо разбираюсь! Простите, не специалист!..

— Я тут болтаюсь уже с полчаса, только что посадил на поезд друзей старика, — объяснил он Шерзаду свое присутствие на вокзале.

Шерзад спросил, не тот ли это заведующий горторгом, который приходил к Сайфитдину-ака в больницу.

— Да нет, другой! — Сираджин махнул рукой. — У старика друзей — пруд пруди! Но этот, который уехал,

тоже директор! А ну их! Вы-то сами здесь какими судьбами?

Как всегда, дела... В командировку вот еду

И чтобы избежать дальнейших расспросов, Шерзад решительно протянул руку для прощания:

Кланяйтесь отцу, извините, спешу очень!

22

Поезд отходил вечером, когда уже стемнело. Вместе с Шерзадом в купе ехала целая семья: муж, жена и четверо детишек мал мала меньше. Дети, как обезьянки, перепрыгивали с полки на полку, и было удивительно, что ни один из них не упал и не ушибся. Родители спокойно относились к шалостям ребят, наверное, привыкли, и сидели, спокойно переговариваясь, друг против друга. Только когда эта веселая компания разошлась окончательно и вышла из повиновения, отец, повысив голос, прикрикнул, и на какое-то время наступило временное затишье. Потом снова начало все двигаться, падать, шуметь. Шерзад с улыбкой наблюдал за возней ребят, а потом вышел в коридор.

Здесь было намного светлее, чем в купе. Слышался размеренный стук колес, народу — никого, и Шерзад, встав к окну, стал смотреть, как убегает назад город, как мерцающие огни его улиц уплывают за горизонт. На переезде выстроились машины: ждут, когда проедет поезд. Пылало красноватое зарево над заводом. Из высоких труб валил дым, и казалось, что его корпуса дышат в небо горячим своим дыханием. Промелькнули ярко освещенные огни большого универмага нового района, красные, зеленые, розовые огни рекламы... Столица, несмотря на поздний час, продолжала жить своей жизнью.

Теперь уже пошел пригород. Возле какой-то небольшой станции поезд замедлил ход. На кирпичном здании горела красная лампочка, с высоко поднятым жезлом стояла дежурная. Всего несколько фонарей выстроилось вдоль платформы, выхватывая из темноты деревья, словно посыпанные белой пудрой. «Вишня цветет!» — подумал Шерзад. Только сейчас он заметил, что все окутано молочной дымкой. Приблизив вплотную лицо к оконному стеклу, Шерзад увидел плывущую в небе луну. Она плавно двигалась за поездом, застревала между телеграфными столбами, пропадая за домами, деревьями. Потом вдруг неожиданно снова появляясь, не-

отступно следовала рядом. Ее молочное сияние было разлито всюду. Теперь поезд мчался уже через бескрайние поля. Изредка попадались тутовые роши, дремлющие под покровом ночи. И, делая эту сказочную картину еще более волшебной, из репродуктора вдруг полились волнующие звуки «Наво». Мелодия лилась плавно и нежно, словно опасалась, что если зазвучит громче, с неба посыплются испуганные звезды... Музыка все ширилась, стесняя грудь, вызывая в душе воспоминания, грустные и милые одновременно. И Шерзад понял вдруг, что очень соскучился по Тиниксаю, по дому и маме. В суете большого города тоску по родным местам заглушал привычный ритм работы. Здесь же, в поезде, отдавшись движению, ощущая с каждой минутой приближение к дому, Шерзад не мог справиться с охватившим его вдруг волнением. Он явственно вспомнил свои сны. Они были отчетливыми и вызвали порою странные ощущения. Ни с того ни с сего вдруг снились ему места, где прошло детство. Пыльная улица, речка возле школьного сада... Но вдруг неожиданное пробуждение. И тоска по тем местам, по тем далеким дням. И бодрствование — словно продолжение сна, когда уже не уйти от прошлого, когда всплывают в памяти мельчайшие детали, подробности, лица, события... Пьянеешь от всего этого, сон как рукой снимает, и никуда не денешься от этих воспоминаний.

Во власти подобных чувств Шерзад оказывался всякий раз, когда ехал в родной кишлак. И теперь повторилось то же самое. Он вспомнил, как ходил в школу со старым брезентовым портфелем. Как плакал, перемазав тетрадь с заданием чернилами. Как сшибал орехи с дерева, а потом очень долго не отмывались руки, будто смазанные йодом. Как опаздывал иногда на уроки, а потом боялся смотреть в единственный глаз учителя Азимджана...

Время, время... Оно неумолимо уносило все дальше то, что было связано с далеким детством. Школу из четырех классов на самой окраине кишлака, отличавшуюся от других построек того времени в селении лишь побеленными стенами да выкрашенными окнами. Рядом со школой — крохотная ровная площадка. По утрам здесь проходила линейка, и на флагштоке посередине площадки алел стяг. А после уроков здесь шли жаркие футбольные баталии. К площадке прилепился маленький садик. В нем росли сладкие, как мед, абрикосы. Никогда потом он не ел слаще и душистее! Любимым за-

нятием было лазание по деревьям после уроков. Бедные, как они выдерживали эти нашествия да еще ухитрялись дарить им свои плоды! Справа от садика водяная мельница. Ее лопасти были поломаны уже и тогда, жестяные ведерки — заржавели и смялись, а кривой обод сплошь в зеленых водорослях. И все же старая мельница продолжала трудиться, скрипеть, набирая воду в свои ржавые ведерки и подавая ее для поливки садика.

Странно, но потом, когда он уехал из родных мест учиться, почему-то именно мельница снилась ему чаще всего. Хотя он знал, что и мельница, и старая школа давным-давно разрушились от времени, но почему-то в его памяти они жили как одно целое. И учителя, отправлявшие их в большую дорогу, в сознании его были похожи именно на эту старую мельницу. Сколько воды подняла она, трудяга, в своих ладонях, сколько деревьев обязаны ей жизнью! Попав в русло, вода течет своей дорогой. И никогда не возвращается назад. Не вспоминает мельницу. Однако не обижается на это мельница. Стоит себе, поднимает все новую и новую воду в своих ладонях. Не та ли судьба и у тех, кто вырастил их? Каждый находит свою дорогу. Учителя, школа направляют их, учат уму-разуму, помогают подняться и окрепнуть, как мельница тем деревьям. Но не всегда ученики помнят, кто вырастил их, кому они обязаны в жизни если не всем, то очень многим. Наставники же никогда не забывают своих питомцев и, пока бьется сердце, провозжают в путь все новые и новые поколения.

Вот и Азимджан-ака из той же породы. Тихо, без шума делает он свою тяжелую работу, существо которой ты начинаешь постигать, когда вырастаешь и становишься взрослым.

Азимджан одиноко жил со старушкой матерью. Говорят, была у него до войны невеста. Когда же услышала, что вернулся он с фронта без глаза, вышла за другого. Говорят еще, что будто бы он поклялся, что никогда не женится, потому что любил ее одну. Но нельзя слепо верить молве, ведь такой человек, как их учитель, вряд ли с кем-нибудь стал бы делиться своим горем... Но все может быть в жизни.

Он жил тогда в стареньком доме, вплотную прилепившемся к школе. И не было минуты, даже когда он свободен от уроков чтобы не слышались ему голоса школы. Надо, наверное, очень любить детей, чтобы жить так, отдаваясь только учительской работе. В суровые

зимние месяцы классы отапливались плохо, ребята на уроках сидели укутанные кто во что. Нередко Азимджан-ака стаскивал уложенные на низкой крыше охапки гузапан¹, отряхивал снег с рукавов и подола старой фронтальной шинели и засовывал, царапая пальцы в кровь, замерзшие колкие кусты в железную печку. Сразу жизнь становилась веселее, и на лицах ребят появлялся румянец. Тогда в единственном глазу Азимджана-ака искрился свет, и трудно было иногда понять, плачет он или смеется...

23

Все вышло так, как и предполагал Шерзад. До отхода автобуса в Тиниксай он успел переделать не одно дело. Позавтракал в чайхане рядом со станцией. Потом зашел в районную больницу. Попросил поднять архивы. Все, что было в письме, подтвердилось. Шерзад снял копии с историй болезни обоих учеников. Потом сходил в районо, поговорил с заведующей. Та чувствовала себя неловко от его визита, но все же вынуждена была признаться, что уменьшение количества уроков у одного из самых старых и опытных педагогов района «не соответствует букве закона». «Буква закона!» — эти слова почему-то еще долго вертелись в голове Шерзада. Именно так и сказала заведующая. Ее волновало лишь это. Правда, уже прощаясь с Шерзадом, она сказала еще, что тут не обошлось без вмешательства председателя колхоза «Тиниксай», человека очень влиятельного в районе.

Шерзад не опоздал на утренний автобус, и тот очень быстро довез его до дома. Всю дорогу он думал о деле, по которому ехал. Все остальное ушло на задний план. Его волновала предстоящая встреча с учителем, ведь они так давно не виделись. И уже подъезжая к Тиниксаю, он почувствовал наконец, что дома, что через несколько минут обнимет мать и сестру. И в нетерпении от предстоящего свидания раньше всех выскочил из автобуса.

По обеим сторонам дороги, отбрасывая тень, стояли ивы. В кишлаке тишина. Здесь же, на дороге, всюсю гомонили воробьи, устроившиеся на верхушках деревьев. Когда приехали, стоял полдень, улица выглядела

¹ Гузапаня — кусты хлопчатника, с которых снят хлопок.

пустынной и необитаемой, видно, все были в поле, и только издалека, со стороны школы, доносился веселый ребячий гомон.

Подойдя к низенькой двери в глинобитной стене, Шерзад перевел дыхание. Дверь эта была очень старой, из тутового дерева, с резными украшениями. Она потрескалась во многих местах, а железное кольцо, заменявшее ручку, истерлось от времени и стало совсем тонким. Шерзад взялся было за это кольцо, чтобы по городской привычке постучать им о дерево, возвещая о своем приходе, но тут же отпустил его, толкнув дверь ладонью. Та со скрипом подалась, и он переступил родной порог.

Сразу у входа во двор стоял их дом, покрытый шифером, построенный по-современному. Чистенький и свежий, он так и сиял большими светлыми окнами под лучами солнца. А в глубине двора, словно напоминая о прошлом, чернел давно не беленный низенький сарайчик, в котором его семья жила, как знал Шерзад, всю войну и многие послевоенные годы. Новый дом построили, когда он учился в институте.

Двор был ровным, чисто подметенным, в глубине его стройные тополя, в тени которых было прохладно даже в самую жару. Чуть ближе к калитке, наверное, недавно, без него посажены кусты граната, листья которого удивляли пурпурной, яркой окраской. А в самом углу широко раскинули крону два инжирных дерева.

Окинув взглядом все, до мельчайших подробностей знакомое, Шерзад тотчас же увидел мать, которая, сидя на корточках, спиной к нему, возилась на грядке посреди двора: наверное, полола. В старом черном жилете, который Шерзад помнил с незапамятных времен, в штапельном платке на голове, она показалась ему такой маленькой и беспомощной, что у него защемило сердце. Может быть, это потому, что она сидела согнувшись в три погибели.

Шерзад застыл, будто его пригвоздили к земле, потом рванулся к ней, и из груди вырвался радостный, взволнованный возглас:

— Мама!

Мать так удивилась, что не в силах была сразу подняться.

— Ой!— обрадованно вскрикнула она.— Ой, да ты ли это, сынок?!

Она выпрямилась, и на грядку из фартука, которым она была подвязана, посыпались пучки травы. И пока

выбиралась из междурядья, Шерзад не вытерпел, подбежал, прижал ее к себе. Голова матери едва доставала до плеча, платок соскользнул, рассыпались поседевшие волосы, собранные на затылке в пучок.

«Сейчас заплачет,— подумал Шерзад с болью в сердце,— обязательно заплачет, не выдержит». Но нет, мать не уронила ни слезинки. Шерзад наклонился, и она нежно поцеловала его в обе щеки. Ноздри зашекетал знакомый неповторимый запах земли.

— Глаза-то как ввалились!— взглянув на сына, посоветовала мать.— Ты болел? Сны я нехорошие видела, вся душа исстрадалась...

Мать всегда трудно обмануть, все видит, все предчувствует, а ведь Шерзад так и не решился сообщить ей, что долго болел и лежал в больнице.

— Что ты, мама! Здоров как бык!— он широко улыбнулся.— Поездом ехал и не выспался.

— Идем, сынок, идем, дорогой! Тебе сперва отдохнуть надо с дороги!

И Шерзад пошел следом за ней в дом. Она чуть прихрамывала, наверное, отсидела ногу на сырой земле, когда полола. И до сих пор, разволновавшись, не заметила, что платок спустился на плечи. Шерзад опять подумал о том, что мать в последнее время стала как-то тоньше, словно усохла, а лицо делали меньше, худее седые волосы, обрамлявшие его.

Они вошли в дом, и мать начала разбирать для него тахман¹, положила на постель несколько атласных одеял.

«Наверное, из тех, что приготовлены к свадьбе Холпошши»,— подумал Шерзад. И вспомнил, сколько предстоит переделать дел к этому событию: ведь он старший брат, стало быть, все должен возглавить он.

— Мама, а что, Холпошша в поле?— спросил он, не зная от волнения, с чего начать разговор.

— Да, сынок, хлопчатник мы посеяли. Но ведь ты же знаешь, работы все равно много! И райса ты нашего не забыл, наверное. Ведь он прямо сам не свой, когда видит, что человек без работы!

Мать мучила одышка, он сразу заметил, ей совсем нельзя волноваться. Он, конечно, не забыл райса, которого все в колхозе звали райсом-бувой², хотя его вспыль-

¹ Та х м а н — ниша в стене для одеял.

² Б у в а — дедушка, здесь знак уважения.

чивость и раздражительность порою переходили всякие границы.

—Ложись да попробуй уснуть, мой сынок, потом некогда будет, соберутся все, услышав о твоём приезде...

Шерзад лег и, как только мать вышла, стал внимательно рассматривать комнату, где лежал. Кровать напротив окна. На самом видном месте, в проеме между окнами, фотография в золоченой рамке, на которой его отец и мать — оба молодые, веселые, когда еще не были женаты. На отце черный костюм, чувская тубетейка, на девушке светлое атласное платье, волосы гладко причесаны на прямой пробор. Свадьбу сыграли гораздо позже, уже после войны, когда отец вернулся с фронта. Все ему дорого в родном доме. И эти медные самовары на подносах в нишах, и старый ковер на стене, рисунок которого до мельчайших подробностей знаком Шерзаду, и часы с маятником. Вот только новый сервант появился совсем недавно, мать писала. Под потолок — красивая люстра, ее тоже не было, когда Шерзад приезжал в прошлый раз домой. «А недурен вкус у Холпошши», — Шерзад еще раз взглянул на люстру. Потом, с удовольствием повернувшись на бок, закрыл глаза. За окном ворковала горлица. Ее нежный голос, казалось, убаюкивал, непривычна для городского уха такая тишина.

В окно ему виден старый их домик с верандой. Словно отчаявшись дожидаться хозяев, он зиял теперь глазами выбитых стекол. Наверное, оттого, что давно не подновляли и не мазали глиной, крыша стала тонкой, кое-где вылезал камыш. Чуть поодаль от входа наклонилась скирда старой гузапай. Приглядевшись, заметил Шерзад висевший на большом ржавом гвозде пучок гармалы¹. Сон не шел, и с новой силой его захватили воспоминания.

Человеку нередко становится дорого и мило то, что невозможно вернуть. Именно поэтому минувшие дни, безвозвратно ушедшие, сохраняются в памяти особенно отчетливо, иногда на всю жизнь, до глубокой старости. Самым изысканным блюдом всегда будет казаться жаренная на огне костра кукуруза, от которой нешадно чернели зубы. Речка, где вы купались в детстве, останется в вашей памяти как самая большая и полноводная. Неповторимый вкус воды, выпитой прямо из тубе-

¹ Гармала — растение, употребляющееся для ритуального окуривания.

тейки, запомнится на всю жизнь. Кажется порою, что тогда, в детстве, и солнце светило ярче, и небо было прозрачнее. Если же вы через много-много лет попадете на реку своего детства, то несказанно удивитесь, увидя, что она стала маленькой и маловодной. Зачерпнете из нее тюбетейкой воды, попробуете, и вам покажется, что она пахнет клеем. Да и небо над рекой, конечно, увидится не столь прозрачным... Вам станет не по себе от сознания, что мир, по сравнению с теми днями, стал другим. И только об одном вы не догадаетесь. Происходит это оттого, что вы с годами потеряли чувство детской восприимчивости, остроту ее...

Такое состояние переживал и Шерзад. Он никак не мог понять, почему этот дорогой его сердцу старенький домик показался вдруг таким маленьким и невзрачным. Ведь в свое время это был целый мир, привлекательный, непонятный, загадочный... Таинственные ниши, куда не проникал зимними вечерами свет от керосиновой лампы, таинствен пылающий жар веток урючины в сандале, писк мышей за старым сундуком, тени на стене, движущиеся непонятно отчего и причудливые...

Шерзад помнил, как вечерами, иногда за полночь, сидел отец и при слабом свете проверял записи в своем большом журнале, где он вел учет всему, поступившему и проданному за день в магазине. Журнал заполнялся как-то по-хитрому, и в этом разбирался один только отец. Он усердно слюнявил химический карандаш и писал, писал. Иногда не выдерживала мама и, выходя из себя, ругала: «Чтоб сгнули ваши расчеты! *Магазинчик словно клетушка, а вы никак не сосчитаете!».

Рядом с сандалом стоял костыль, на конце которого, он помнил, всегда до дыр протиралась набитая резинка. Одежда отца — брюки с одной закатанной и заколотой штаниной, желтоватый выгоревший китель — всегда казалась Шерзаду верхом совершенства. Слева на кителе, прямо над карманом, блестел орден Красной Звезды. Он не помнил, накануне какого праздника отец купил наконец себе новый костюм, открутил орден с кителя, потом шилом провернул дырку в новом пиджаке, чтобы прикрепить его туда. Пока отец орудовал шилом, Шерзад попросил подержать орден. Он оказался тяжелым и приятно охлаждал ладонь...

С годами ширился мир, представления о нем. Уже привычной стала жизнь двора, кишлака. Привычным и неотъемлемым сам дом, где проходила жизнь. И веранда, на одной из опор которой всегда, сколько он помнил

себя, висел этот вот пучок традиционной гармалы. Никто не верил, но она висела. И темный навес, к которому привязывали козу, и крыша, куда залезали по лестнице.

С приходом весны крыша покрывалась живым красным ковром, — это распускались маки. И когда Шерзад запускал змея, воровал скороспелый соседский урюк, всегда казавшийся вкуснее своего, то крыша была такой огромной и высокой, что к краю ее он подходить все же опасался.

Вскоре после рождения Холпошиши отец занемог и около трех месяцев пролежал в больнице. Давали знать о себе коварные осколки, засевшие глубоко в тканях, откуда их невозможно было извлечь. Мать с малышкой на одной руке, а другой держа Шерзада, часто ездила в город проведать его. Потом отец вернулся домой. Однако теперь он уже никуда не выходил: около сандала стояли два костыля. И что особенно поразило Шерзада — он подгибал и закалывал обе штанины. Отец не ходил больше в свой магазин, нашел себе другое дело, ибо сложа руки сидеть не привык. Чинил часы соседей и знакомых. В то время у них в доме повсюду тикали ходики да на столе в работе лежало много других часов самых разных марок.

Школа сделала мир еще более удивительным и интересным. Сад, старая водяная мельница, библиотека, пахнущая сыростью, полная таинственных не прочитанных еще книг, все это словно волшебство, все звало узнать, потрогать руками, ощутить на собственном опыте.

Шерзад почему-то хорошо помнит их смирную безрогую козу. Каждый год она приносила трех козлят, и у нее была белая отметина на лбу. У новорожденных козлят она всегда повторялась на одном и том же месте. Весной Шерзад приводил козу на берег Тиникса. И чтобы козлята не выпивали у нее все молоко, на вымя ей вешал мешочек. Коза паслась, а он собирал мяту, листья которой были похожи на мышьи ушки, фиалки, купался в речке, лежал на ее теплом песчаном берегу, а осенью сшибал с деревьев грецкие орехи, чистил их в ручье.

Были у Шерзада свои привычки, казавшиеся его одноклассникам странными. Но кто из них видел, как в весеннюю пору муравьишка ощупывает своими усиками капельку росы на лепестке мяты? Кто обратил внимание на тонкий, словно кожа лука, диск луны, появившейся на теплом летнем небе, когда солнце уходит за гори-

зонт? Шерзад мог часами следить за прозрачной луной до тех пор, пока она не нальется красноватым оттенком. Осенью, пробираясь между подпорками виноградника, собирая последние плоды урожая, ребята хотели сорвать гроздь побольше, покрупнее. Шерзад любил рассматривать листья виноградника, опавшие под ноги, про себя восхищаться игрой красок на них и хитрыми переплетениями прожилок. С детства была у него еще одна привычка, отличавшая его от других: он никогда не мог спокойно пройти мимо плачущего, будь то ребенок или взрослый. И заранее ненавидел человека, по вине которого плакал другой.

Девятый класс остался в памяти грустной метой: в этот год умер отец. И Шерзад сразу повзрослел. Костыли отца, орден Красной Звезды, бережно хранимый, преданность и стойкость матери, ухаживающей без последнего слова жалобы за полуживым человеком, каким в последнее время стал отец, — все это обрело какой-то новый, особый для мальчика смысл. Он многое понял. Однако от этих невзгод не очерствела душа. Он по-прежнему приходил на берег Тиниксая, ложился в траву и подолгу смотрел вдаль. Ему казалось, что там, за горами, есть другой, еще более удивительный мир, и ему хотелось во что бы то ни стало увидеть когда-нибудь его. Он мечтал. И мечта привела в Фергану — в аэроклуб. Желание стать летчиком родилось давно, но никому он не рассказывал об этом. Однако на первой же медицинской комиссии его признали негодным для авиации — виной тому была аритмия сердца, как определили тогда врачи. И снова он никому не сказал ни слова, несмотря на то что это было еще одним ударом в жизни после смерти отца. И тогда же он начал впервые писать. Впервые поверять бумаге свое горе, сомнения. И почувствовал некоторое облегчение. С тех самых пор он знал, это стало его призванием. Он исписывал горы тетрадной бумаги, перечитывал, снова писал, одержимо, страстно. Но, конечно, все только для себя: он даже не знал, кому бы тогда он мог прочитать то, что выходило из-под пера его...

Шерзад лежал тихо, не хотелось двигаться, не хотелось спугнуть воспоминания, которые нахлынули вдруг с такой поразительной силой, ясностью. Он прикрыл глаза, устав от пристального разглядывания окружающего, от созерцания старого дома. И тут же ему почувствовалось вдруг, когда он прикрыл веки, что он в поезде и слышит мерный перестук колес, свист ветра, несущегося

навстречу. Но кто это идет к нему? Нет, не идет, плывет в дымке рассветного утра? В черном атласном платье, ниспадающие на плечи волосы. С мягкой нежной улыбкой на губах. Да это же Зухра, как он сразу не узнал ее! Он улыбнулся, все его существо наполнилось радостью, восторгом, и он прошептал едва слышно ее имя. И тут же проснулся от звука собственного голоса. Но состояние восторга не проходило, он понял, что заснул глубоко, всего на несколько минут, и эти несколько минут полного отключения от всех забот и дел вселили в него бодрость и свежесть. Он снова было закрыл глаза с желанием увидеть все еще раз, но, увы, сон уже как рукой сняло. В тот же миг он услышал, как мать тихо разговаривает с кем-то во дворе и, наверное, думает, что он спит. Он пружинисто вскочил, убрал одеяла и в том же радостно-приподнятом настроении выбежал во двор.

24

Выход Сайфи Сакиевича из больницы превратился в настоящий праздник.

Черная «Волга» остановилась у резных деревянных ворот, и из нее вышли сначала Сираджин, потом отец. Директора универмага пришли встретить заведующие отделами, экспедиторы, не все, конечно, а те, кто наиболее близко был связан с ним по работе. Все они подошли, учтиво здоровались, улыбки не сходили с их лиц. Однако Сайфи Сакиевич прекрасно знал цену этой любви и преданности: не являясь карасем-идеалистом, он понимал, что, если завтра его постигнет неудача и он попадет в серьезную беду, вряд ли кто-нибудь из этих, стоящих сегодня у его ворот, протянет ему руку помощи... Поздоровавшись со всеми и окинув взглядом пришедших, он понял, что самые «нужные» еще не появились, поэтому не стал долго задерживаться у ворот и вошел во двор. И тут же столкнулся с женой, идущей навстречу. Она сверкала ослепительнее, чем всегда, словно новая, только что отчеканенная монета: головной платок с золотыми блестками, модное платье под стать, из такого же материала, очень похожее на бесформенный мешок. Даже туфли и те были с позолотой...

— С благополучным возвращением! — пропела она, сверкая золотым водопадом зубов.

В этот момент подбежал внук, сынишка Сираджина, и повис на дедовской шее. Приподняв принаряженного

по этому поводу малыша, Сайфитдин-ака расцеловал его в обе щеки. Чуть поодаль в простеньком батничке и спортивной юбке стояла невестка Эльмира. Приложив руку к груди, слегка наклонившись вперед, она приветствовала возвращение свекра.

— Как поживаешь, доченька?— ласково спросил, проходя мимо, Сайфитдин-ака и, не дожидаясь ответа, последовал дальше.

Двор!.. Теперь это был настоящий рай! Виноградник, поддерживаемый шпалерами из легкой, но прочной металлической арматуры, уже распустил блестящие листочки пока лишь с детскую ладошку. На розовых кустах сорта «президент» появились бутоны. Вокруг тщательно возделанной клумбы росли садовые фиалки, тянувшие свои головки к солнцу. Чуть дальше — черные тюльпаны, за которыми Сайфитдин-ака специально еще до болезни ездил в ботанический сад. По обеим сторонам асфальтированной дорожки, ведущей мимо дома в конец двора, молодые кипарисы, саженцы которых он раздобыл в институте садоводства, когда был в командировке на Кавказе. Цвели деревца ранней яблони и рядом с гаражом, сообщая всему вокруг какой-то нежно-розовый оттенок.

Только было хозяин дошел до ступенек лестницы, ведущей на веранду, как ему преградил путь парень в синем халате. Сайфитдин-ака сразу узнал его — это был повар из универсаговской столовой. «Пришел помочь, как хорошо!» — здороваясь с ним за руку, подумал он.

— Благословите, хозяин!— глаза парня заблестели.

Сайфи Сакиевич огляделся и увидел жирного барана, привязанного к груше.

— Ты что, по совместительству еще и мясник?

— Я все могу, только прикажите!— глаза парня снова лукаво блеснули.

Сайфи Сакиевич провел ладонью по лицу, повелительно махнул рукой. Парень будто только и ждал этого сигнала: ловко отвязал барана и поволок его в угол двора, в закуток, скрытый от посторонних глаз. Туда же побежал было и внук, но Сайфитдин-ака не пустил:

— Не ходи, еще испугаешься!..

На веранде в углу стоял большой блестящий котел, в котором готовили манты. «Хорошо придумали!» — удовлетворенно отметил про себя Сайфитдин-ака: он очень любил мучные блюда. Несколько лет назад, не помнил теперь когда, привел он в дом с базара женщину-уйгурку, большую специалистку по части изготовления этих самых манты. Долго уговаривал, чтобы она

научила своему искусству жену И вот уговорил тогда. С тех пор жена научилась многим кулинарным тонкостям, прекрасно готовила, и это являлось предметом тайной гордости мужа.

Следом за Сайфитдином-ака в спальню вошла жена.

Прошу вас, наденьте новый костюм!— она открыла настежь дверцы платяного, во всю стену, шкафа. Вот, посмотрите!

Два часа назад Сираджин привез ему в больницу тоже новый костюм, только светлый, в котором он теперь и был. Значит, купили сразу два?

Зачем это?— недовольно оборвал он жену.— Ведь на мне тоже новый!

— И что же, что новый? Пусть!— не понимала его недовольства жена.— Вон сколько людей собралось! Так полагается! Вы только что встали с постели, к столу полагается надеть новую одежду!

Сайфитдин-ака промолчал, поскольку знал, что споры с ней бесполезны. Да кроме того, ей, а не ему ведомы все обычаи и приметы, которым неукоснительно следуют люди их положения, так чем же он хуже? Пусть будет, как она хочет. И он переоделся в новый черный костюм. Переменил и тюбетейку В гостиной уже был накрыт стол не менее чем на двадцать персон. Сайфитдин-ака, хотя было еще достаточно светло, включил свет, и лучи люстры, льющей сияние с потолка, лишний раз подчеркнули красоту праздничного стола. Вокруг плотно стояли дубовые, с высокими спинками, стулья. На спинку каждого наброшено маленькое полотняное полотенце. Армянский коньяк, минеральная вода, рижский бальзам, нарзан — все это расставленно в строгом порядке. Лепешки, яблоки, гранаты, салаты из свежих помидоров, жареные утки, казы — все было на своих местах, расставленно со вкусом, и Сайфитдин-ака понял, что уж это — дело рук его невестки: в сервировке стола никто не мог сравниться с Эльмирой. Он всегда в этом отношении воздавал ей должное, хотя ему и не по нраву была ее постоянная отчужденность и молчаливость, будто в этом доме она посторонняя и ни к кому из них не имеет никакого отношения, даже к собственному мужу. Ну да ладно, сегодня ему не до семейных неурядиц, и он, довольный увиденным, снова вышел на террасу. Во дворе — ему было видно отсюда — под большим чугунным котлом пылал огонь. Специально приглашенный на вечер шашлычник уже уложил шампуры на жаровню, а парень-мясник давно разделался с бараном Сайфи Сакиевичу

показалось, что двор стал еще более привлекательным, оживленный этими приготовлениями.

Вдруг взгляд его упал под навес, и его осенила блестящая мысль, которую он немедленно решил исполнить.

— Эй, кто поможет?

К нему подбежали жена и шашлычник.

— Накройте стол под навесом, да не мешкайте, а то к гостям не успеете!— распорядился он тоном, не допускающим возражений.— Что это мы в такую жару да в доме будем сидеть!

— Ой, да вы только посмотрите, все сплошь затянуто тучами, вот-вот дождь польет!— и жена показала рукой на небо, в самом деле начинающее хмуриться.

— Не паникуй, пожалуйста! Делай, что я говорю!

Сайфи Сакиевич пошел к навесу. Подойдя ближе, он увидел, что совсем облупилась краска с нарисованного на стене павлина и что бассейн, предмет его неусыпных забот, не вычищен: в нем плавают мусор, какие-то листики, бумажки. «Вот, пожалуйста, хозяина нет — и все в упадок пришло!»— с досадой подумал он. Однако стол накрывать под навесом не передумал.

— Наполняйте бассейн свежей водой!— прикрикнул он на жену.— Да пол не забудьте протереть хорошенько!

«Мясник» уже поднимался по ступенькам с мокрой тряпкой, когда Сайфитдин-ака остановил его:

— Ты, братишка, наверное, рос пастухом. Не знаешь, что ли, что паркет мокрой тряпкой не вытирают? А?

В миг все засуетились, забегали, бросились помогать, чтобы только не расстроить больного хозяина. Одни выносили из дома тяжелый дубовый стол, другие расставляли вокруг стулья, третьи перетаскивали многочисленные блюда.

— А ты что бездельничаешь?— Сайфи Сакиевич грозно поглядел на Сираждина, равнодушно наблюдавшего за всей этой суетой.— Почему не едешь за домлой? Да и шефа что-то тоже не видно!..

За какие-нибудь полчаса стол перекочевал под навес вместе со всем, что стояло на нем. Теперь вроде все было так, как хотел Сайфитдин-ака. Беспokoило лишь серое небо да отсутствие нужных гостей, ради которых, собственно, и был затеян весь этот пир. Но наконец-то у ворот послышался знакомый голос, и хозяин облегченно вздохнул: сразу узнал звонкий тенорок Фабриканта, который приветствовал тех, кто был у ворот, встречая гостей,— Фабрикантом прозвали директора галантерейной фабрики его близкие друзья. А самый

близкий из них Сайфитдин-ака: как говорится, водой не разольешь. Не раз навещал он друга, когда тот лежал в больнице. Вот и теперь вошел, широко улыбаясь, приветствуя гостей громкими возгласами. Он был очень забавен, этот низенький человек, толстый и короткошей, в шляпе с широкими полями и с движениями резкими и смешными. Если посмотреть на него сзади, то кажется, будто двигается туго набитый мешок, а сверху — перевернутое вверх дном ведро. Однако Сайфитдин-ака нежно любил своего друга и совсем не замечал его забавной внешности, относясь к нему в высшей степени серьезно.

Друзья обнялись.

— Чтоб эта болезнь была для тебя первой и последней! — голос Фабриканта был взволнован. — Чтоб ты, дружище, больше никогда не знал больницы, а мы — не ходили бы туда! Аминь! — закончил он свою приветственную тираду и, обернувшись, крикнул: — Эй, чего вы мешкаете? Ведите же!

И в тот же миг послышалось ржание лошади и топот копыт об асфальт. Молодой расторопный парень, крепко держа уздечку, ввел во двор белую лошадь с горящими глазами. Все обомлели, увидя этот царский подарок. Лошадь, видно, нервничала, опасно озиралась в незнакомом месте.

Сайфитдин-ака не мог в радостном изумлении произнести ни слова. Зимой, когда неожиданно подохла его черная каурая, он горевал, словно лишился ребенка. В лошадях он понимал толк, и когда в его двор ввели эту красавицу, то сразу определил, что она породистых кровей — тонкая шея, стройные ноги. И цену, конечно, сразу прикинул — не менее трех тысяч! Если б не было тут посторонних, ох, как бы жарко обнял он своего друга за такой дар! Но сколько посторонних глаз!

— Спасибо, друг! Век не забуду! — сказал он, проникновенно шепча, чтобы слышал только тот, кому это предназначалось.

Фабрикант и виду не подал, хотя сам, казалось, был восхищен собственной щедростью и махнул рукой.

— Его зовут Акташ! — пояснил он. — Свой парень!..

Еще раз смущенно пробормотав: «Спасибо!». Сайфитдин-ака взял в руки уздечку.

Конь беспокойно повел ушами, скосил глаза.

— Ну, милый, ну! — Сайфи Сакиевич любовно похлопал коня по шее, погладил гриву, слегка потянул уздечку и повел по асфальтированной дорожке в глубь

двора, в конюшню рядом с гаражом. Пустовавшая долгое время, она теперь вновь станет для него притягательной. Нет, лучший подарок трудно себе и представить! Откуда-то уже появилось и сено, ноздри Сайфи Сакиевича приятно защекотал его горьковато-пряный запах.

Выйдя во двор и еще раз проверив, крепко ли укреплена задвижка, он пригласил всех к столу.

Едва успели рассестись, как Фабрикант уже взял бразды правления в свои руки и сам себя назначил тамадой. Никто, конечно, не возражал. Приказав всем наполнить рюмки, он хотел было уже произнести первый тост, как засигналила машина. Сайфитдин-ака, извиняясь, взглянул на него.

На дорожке показался сначала Сираждин, а за ним домла и заведующий горторгом. Хозяин, не мешкая, лихо сбежал по ступенькам навстречу гостям. Он горячо обнялся сначала с домлой, потом с шефом, усадил их за стол.

Фабрикант тем временем произносил уже следующий тост, отметив многие положительные качества, которыми обладает хозяин дома.

— Пусть нашему другу всегда сопутствует удача! Пусть и наши дела всегда будут на высоте! Наш лозунг — брать, но никогда не отдавать!

Зазвенели рюмки. На лицах гостей заиграл румянец, развязались, как бывает в таких случаях, языки. Включили магнитофон. Певец, полюбившийся в последнее время многим, сказал сначала о том, что на этом свете надо чаще совершать добрые дела, а потом уже запел «Насихат»¹.

— Недавно заслуженным стал, — сказал шеф, наполняя бокал пенящимся чешским пивом, — ну и голосище у него!

— Да что в нем хорошего? — презрительно захохотал Фабрикант. — Обыкновенный бабий голос, и все тут!

— Не знаю, как вам, а мне очень нравится! — нахмурил брови шеф.

Большинство сидящих за столом было на стороне шефа, поэтому подобострастно начали ему поддакивать. Сайфи Сакиевич поэтому оказался в затруднительном положении — не хотел обижать ни того, ни другого. Он не знал, как найти выход из создавшегося положения, но в это время шеф, порывшись в кармане, вынул откуда какую-то голубоватую бумажку.

¹ Н а с и х а т — наставление.

— Сегодня этот самый певец даст концерт в нашем театре эстрады!— разворачивая бумажку, сообщил он.— Вот, купил билеты!— он высоко поднял руку, чтоб все удостоверились, взглянул на часы.— До начала концерта — ровно час! Но, как видите, сижу с вами и пойти не смогу!

— Так поступают настоящие друзья!— Сайфи Сакиевич умиленно улыбнулся.— Вы оказали уважение нашей компании, оставили все свои дела, большое спасибо вам за это!

И вдруг звонкий голос Фабриканта заставил всех повернуться в его сторону.

— А нельзя ли нам перенести этот самый концерт сюда? Прямо к уважаемому Сайфи Сакиевичу?

— Вот это идея! Ну, да вряд ли это возможно...— в один голос воскликнули Сиражди и сидевший рядом с ним домла, тоже горячий поклонник таланта певца.

— Не верите?— Фабрикант только кивнул головой, и тотчас же к нему подлетел сидевший на другом конце стола тот ловкий парень, который привел во двор лошадь. Шепнув ему что-то на ухо, он, как тамада, представил слово домле, назвав его уважительно «профессором».

Такое обращение понравилось, выпрямившись, тот поднялся со стула. Лицо стало непроницаемым, однако цвет его уже свидетельствовал о немалом количестве выпитого.

Откашлявшись, он говорил долго, говорил о том, как много сделал торговый народ для прогресса человечества, как купцы испытывали невероятные лишения на знаменитом «шелковом пути», связавшем в свое время Азию и Европу, и как дружны они с Сайфитдином-ака с раннего детства...

— Я очень ценю преданность науке Сайфитдина,— окинув неуверенным взглядом присутствующих, продолжал он,— и вот сын моего друга, мой ученик, очень способный парень. Скоро станет большим ученым. Давайте выпьем за то, чтобы он как можно скорее защитил кандидатскую диссертацию!

...Все уже изрядно захмелели, когда начали подносить шашлык. Настал момент, и уже никто не слушал тамаду, говорили разом, разбившись на отдельные компании. И никто не заметил, как через какое-то время под навес вошел человек с зачехленным рубаком в ру-

ках. Это и был тот самый знаменитый певец, которого сопровождал все тот же расторопный парень.

Приложив руку к груди и поздоровавшись со всеми, певец сел рядом с Сайфитдином-ака. Сайфи Сакиевич не раз видел его по телевизору, но никогда не сидел с ним вот так рядом, бок о бок. Ему что-то сразу не понравилось в артисте; то ли невыразительное его лицо, то ли галстук, небрежно завязанный.

— Что будете пить, дорогой, красное или белое?— бесцеремонно спрашивал тем временем прибывшего Фабрикант

Казалось, он решил продемонстрировать свое могущество, показать, что-де все в этом мире покупается и продается, в том числе и этот яллачи¹, которым он может распоряжаться как угодно.

— Спасибо. Но нам не положено!— певец неуверенно улыбнулся.

Что значит не положено? Фабрикант возмущенно кричал — Умрете я буду за вас отвечать!

Самоуверенность Фабриканта перешла всякие границы, и шефа эта самоуверенность задела больше, чем самого певца, поэтому он спросил:

— А как же ваш концерт?

Но Фабрикант не дал ему ответить:

— Я же, кажется, ясно сказал, что концерт будет здесь! Ешьте, дорогой, виноград и не спрашивайте, в каком саду он созрел!

Певец, безмолвно соглашаясь, протянул свою рюмку

Однако концерту в тот день так и не суждено было состояться. В самый разгар застолья, когда певец уже вынул было свой рубаб из чехла, вдруг поднялся страшный ураганный ветер. Двор вмиг покрылся осыпавшимся с деревьев яблоневым цветом. Жаровня под навесом в углу неожиданно перевернулась, рассыпались угли, взметнув вверх столб искр. Еще не окрепшие кипарисовые саженцы пригнулись к самой земле, вот-вот готовые переломиться. Прогрохотал гром, и вслед за ним обрушился ливень невиданной силы. Все это было ничего, спас бы навес, но дождь был косой, и струи его относил шальной ветер, поэтому все, что было под навесом совершенно не защищенным с боков, в одно мгновение промокло до нитки. Женщины в мокрых платьях, муж-

¹ Я л л а ч и — певец или танцовщица, специально приглашаемые на свадьбу или торжество.

чины с завернутыми штанинами брюк — все устремились к дому, падая и спотыкаясь. Грустное зрелище представлял собой теперь роскошный стол: тарелки с горячим нарыном¹, рюмки, блюда с закусками — все до краев наполнилось дождевой водой. Кто-то последний, вставая из-за стола, видимо, не в состоянии сохранить равновесие, как за спасительную соломинку, схватился за край скатерти, и все, что стояло на столе, с грохотом и звоном полетело вниз. Сайфи Сакиевич, одним из первых заблаговременно покинувший стол и перебравшийся в дом, услышал душераздирающий крик жены:

— О-о-о, господи! Что я говорила? Мой бедный севрский сервиз! Все разбито!

25

Странные существуют в природе законы. Порой причиной снежной лавины, низвергнувшейся с гор, сметающей все на своем пути, служит пустяк. Чей-то громкий кашель или кусочек льда, величиной с кулак, скатившийся сверху... Явление вроде бы совершенно непонятное. На самом же деле тут нет ничего сверхъестественного, тайного. Для того чтобы гигантский сугроб, накапливающийся годами, пришел в движение, достаточно звуковой волны, рожденной этим кашлем, или же безобидного, на первый взгляд, этого самого кусочка льда..

Что-то похожее произошло сегодня и с Эльмирой. Из-за пустяка обида, столько лет копившаяся в душе, вырвалась вдруг наружу

Разошлись гости, и невестка со свекровью принялись за уборку. Пол под навесом покрылся слоем грязи, под ногами хрустели разбитые рюмки и тарелки. Эльмиру подташнивало при виде застывших на шампурах кусков недоеденного мяса, остатков еды, плавающей в тарелках и блюдах. Она видела, что свекровь не в духе. В таких случаях, как показал опыт, лучше промолчать. И она молчала, краем уха прислушиваясь к ее ругани, в которой чаще всего мелькали слова «хуже свиней»...

Совсем молодой девушкой семь лет назад пришла Эльмира в этот дом. Мечтала, как и все перед замужеством, о каком-то необыкновенном счастье, не похожем на других. Но каким оно должно быть, она представляла себе очень смутно. Во всяком случае то, с чем стол-

¹ Н а р ы н — мучное блюдо, готовящееся с мясом, казы и луком.

кнулась она в доме мужа, вряд ли можно было назвать счастьем.

Теперь, семь лет спустя, ничего не осталось в ее душе от прежних чувств, которые она питала когда-то к своему будущему мужу. Дети, привычные хлопоты по дому, конечно, отвлекали ее от грустных мыслей, но все же нет-нет да и вспоминались ей те дни, когда она не знала забот и тревог, а каждый новый день был предвкушением радости и приятных забот.

На первом курсе она, по мнению многих, была одной из самых привлекательных студенток. Но и гордячка порядочная: отвергла ухаживания всех без исключения однокурсников. Не обратила внимания и на неожиданно появившегося на какой-то вечеринке Сираждина. Тем более что был он курсом старше ее и вообще не из их компании. Но, как оказалось, он был настойчивее остальных. Да и внешне выгодно отличался от сверстников — всегда модно одет; костюмы, это было видно, шились у хорошего портного. Не так часто встречались и студенты, разъезжавшие на собственном «Москвиче», для которых не существовало проблемы доставать билеты на любой концерт или спектакль. Все это было у Сираждина. Да кроме всего он отличался обходительностью, учтивостью, дарил цветы и ненавязчиво постепенно приучал ее — другого слова и не подберешь — к своему присутствию. Каждый раз, когда она видела его, встречалась с ним, ее охватывало какое-то таинственное беспокойство, и казалось порою, что Сираджин нравится. Но она сама боялась себе признаться в этом. И чем больше сторонилась его, смущенная этими своими чувствами, тем настойчивее и неотступнее становился Сираджин.

Однажды, было это в канун праздника Восьмого марта, Эльмира после лекций собралась идти домой, но на лестнице ее остановил Сираджин и робко предложил донести. Как всегда, она отказалась, считая это не совсем приличным. «Хорошо, я не стану вас просить об этом, но поздравить вас с праздником вы мне позволите?» — спросил он ее. И смущенно улыбнулся при этом. Никогда прежде, да и после она не видела у него такой улыбки. Прошло столько лет, а она до сих пор помнила тот день в мельчайших подробностях...

Смутившись окончательно, она ничего не смогла ему тогда ответить, и он робко вручил ей крохотную коробочку со словами: «Не думайте ничего дурного, эта вещь принадлежала моей бабушке и по нашей семейной

традиции должна принадлежать вам... как моей будущей жене!..»

От этих слов у нее закружилась голова, а он тем временем уже спускался по лестнице, ни разу не оглянувшись.

Эльмира вышла в институтский двор, села на скамеечку и решила посмотреть, что же лежит в этой таинственной коробочке. Раскрыв ее, она почувствовала, как ее лицо залила краска стыда: на каком основании он осмелился подарить ей такую дорогую вещь? На темном бархате в коробочке лежали маленькие жемчужины — серьги. Она тут же закрыла коробочку, сунула в сумку и пугливо огляделась по сторонам: не видел ли кто ее в эту минуту. Но никого не было, и она уже более спокойно стала думать о случившемся.

Никто никогда не дарил ей таких подарков. Правда, в детстве ей рано прокололи уши, так хотела ее мать, и, купив ей дешевые сережки, сказала, что золотые. Учительница, увидя ее в школе в этом украшении, пожурела за безвкусицу и не советовала носить медяшки. Дома она расплакалась, а мать резонно заявила ей, что вот-де, мол, будет у тебя муж, когда вырастешь большая да красивая, и подарит он тебе золотые. А пока придется потерпеть...

Матери давно уже не было в живых, и теперь она припомнила все это с поразительной отчетливостью. Предчувствие, предвидение?.. Душа наполнилась в тот мартовский день смятением, она долго бродила по улицам, а когда на следующий день после праздников к ней подошел Сираждин и она отдала ему обратно его подарок, он, ничуть не смутившись, сказал, что все равно они в конце концов будут принадлежать только ей.

С тех пор их часто видели вместе, хотя многие однокурсницы недоумевали, что она нашла в нем, в этом пустом пижоне. Но открыто ей, конечно, никто ничего не высказывал. Говорят, девичье сердце может быть тверже камня и нежнее цветка. Сираждин сумел подобрать ключ к нему.

Скоро сыграли свадьбу. И она, конечно в традициях семьи Сираждина, была пышной и многолюдной. Первые месяцы после свадьбы Эльмира все более укреплялась в мысли, что выбор ее счастливый. И если ее мучили иногда какие-то сомнения, то они бесследно улетучивались, потому что Сираждин был воплощением заботы и нежности. Вместе в институт на лекции, вместе домой. Взаимопонимание, теплота, забота друг о друге... И

вдруг в один прекрасный день вся эта видимость благополучия рушится. Внезапно вспыхнувшее пламя и угасает внезапно. То же произошло и с их чувствами.

Как она потом поняла, месяцы спустя, когда узнала его характер ближе, он из тех людей, которые не способны на долгое, верное чувство. Он быстро отвыкал от людей, почти так же, как от вещей, которые ему надо-едали. Дорогие игрушки заменялись другим, старый велосипед — новым, машина старой марки — новейшей. И все это без какой-либо затраты энергии и умственных усилий.

То же произошло и в отношении к ней, жене. Наступил момент, когда ему надоело играть в семью, изображать любящего внимательного мужа. Но ведь не так-то просто с женой. Тем более, когда она ждет ребенка.

Все началось с того, что они перестали вместе возвращаться из института домой. Пустяк, конечно, мелочь...

Прежде он всегда ждал ее, если она освобождалась позже. Теперь сразу после лекций он спешил, как объяснял, в читальный зал или к машине... — техосмотр, мелкие неполадки, заправка... Однако женскую интуицию обмануть трудно. И однажды, возвращаясь пешком из института, чтобы как-то оттянуть час возвращения домой, она вдруг на перекрестке, переходя дорогу, рядом с тротуаром увидела его машину. Рядом с ним, обняв его за плечи, сидела женщина.

Вечером Эльмира плакала. Это была единственная ее защита — слезы, которых он терпеть не мог и очень почему-то боялся. Он все отвергал, утверждая, что она с кем-то перепутала: мало ли похожих машин и людей в них.

Свекровь, как камертон, тоже изменила свое к ней отношение. В первые дни после свадьбы не знала, чем бы угодить невестке. Дарила подарки, заботилась, чтобы та отдохнула, поела. Но как только Сираждин охладел к жене, свекровь все чаще в разговорах с приятельницами стала сетовать на нерадивых невесток, которые ни к чему не приучены, ничего не умеют, не понимают толк в домашнем хозяйстве, не экономны, расточительны за чужой счет. Однажды, вернувшись с лекций, Эльмира невольно стала свидетельницей ее разговора с соседкой. Не напасешься, мол, денег на ее наряды. Совершенно не интересуется, откуда берутся средства и какой ценой они достаются бедному Сираждину. Палец о палец не стукнет, не поможет, а еще невестка называется,

лучше бы уж вовсе не женился, чем приводить в дом такую. А сын все продукты таскает тестю. Вот и говорят все в округе — лошадь зарабатывает, а ест ишак!..

Эльмира чуть было не задохнулась от негодования, но что она могла поделать: свекрови ничего не докажешь, коли она убеждена в чем-то. Да, случилось однажды такое: Сираждин по просьбе ее отца привез тогда мешок картошки и ящик яблок. Но ведь все равно все пропало бы — Сайфитдину-ака то ли из какого-то колхоза, то ли с базы кто-то из знакомых подбросил полмашины овощей и фруктов.

Теперь Эльмира вспомнила об этом и готова была провалиться со стыда сквозь землю. Она тихонько вошла тогда в комнату свекрови и сняла с пальцев оба кольца, подаренных ей, серьги и все это положила на туалетный столик: она поняла, что вещи эти ей не принадлежат. Вдоволь наплакавшись в одиночестве, она еще поняла тогда, какую непоправимую совершила ошибку, выйдя замуж за этого человека. Но что поделаешь теперь, выхода она не видела никакого, тем более что очень скоро должен был появиться ребенок.

Соседям между тем все было известно, лучше, чем ей самой. Она ловила на себе их осуждающие взгляды, от которых хотелось съежиться и убежать куда глаза глядят. Кругом все были информированы, что невестка падка на тряпки, выжимает белье не в ту сторону, в какую полагается, готовить не умеет... И не было ни одного человека, с кем Эльмира могла бы поделиться своим горем. Сказать родителям, мачехе и отцу, — не поймут и скорее всего не поверят. Скажут, сама, по своей воле пошла замуж, расхлебывай, мол, сама.

После рождения дочки и речи уже не могло быть об учебе. Ее поглотили заботы о ребенке. Она все делала одна, где уж тут думать об институте: пеленки, бессонные ночи. Страдая от того, что вместе с мужем сидит на шею у свекра, она как-то попыталась поговорить откровенно с Сираждином, посоветовала ему самому перевестись на заочный, чтобы поступить на работу, но тот лишь рассмеялся: «Ничего, старик крепкий, еще потянет и покормит нас немножко, а уж когда я кончу, не бойся, будешь получать от меня зарплату ничуть не меньшую, чем если бы кончила институт!»

И она смирилась, не затевая больше разговоров на эту тему, перенеся всю свою нежность на ребенка. Теперь они уже не ходили, как прежде, в театр, не ездили в воскресенье за город. Сираждина будто подменили:

перед ней был совсем другой человек. Но она уже не удивлялась никаким переменам в нем. Она не испытывала ревности к неведомым соперницам, которые иногда без стеснения звонили домой и спрашивали ее мужа, назначая ему свидание. Наверное, он и не говорил им, что женат, она была уверена в этом. Нет, она не любила его больше. То чувство теплой привязанности, которое она испытывала к нему вначале при благоприятном стечении обстоятельств, конечно, впоследствии могло перерасти в искреннюю любовь. Но он сам отрезал все пути к этому Эльмира жила в доме мужа словно чужая. Она хорошо усвоила законы этого дома, где все отношения мерились на деньги, их власть ценилась превыше всего. Поэтому она пользовалась минимумом вещей, без которых невозможно было обойтись, одевалась предельно просто и дешево — тут пригодилось ее умение шить и прирожденный вкус: на ней даже ситец выглядел красиво и нарядно.

Итак, через год родился второй ребенок. Мальчик. К первенцу — девочке — не проявлялось столько внимания, сколько к нему: Сираждин даже приезжал проводить ее в роддом каждый день. Свекор и свекровь посылали с ним цветы, подарки, выражая таким образом радость по поводу появления внука. Правда, посетителям не разрешали подниматься в палату на второй этаж, и она с Сираждином разговаривала из окна. Радостно и тревожно билось ее сердце, когда приходил муж с появлением сына, она надеялась, произойдет, может быть, чудо — вдруг это подействует на него и он переменится, станет другим, более близким. Но нет, прошли первые дни бурного восторга, и Сираждин стал прежним — занятым исключительно собой, своими делами. В последнее время у Эльмиры нередко рождалось желание бросить все, забрать детей и уйти, уехать куда-нибудь подальше от ненавистного ей дома и чужих людей. Но куда уйдешь? Домой? Где еще хорошо помнили недавний развод с мужем старшей сестры? Она знает, отец после этого перестал ходить даже в чайхану, что было его любимым занятием на пенсии: боялся расспросов и осуждения друзей. Значит, дорога домой была заказана совсем. Уехать? Но куда она с двумя ребятами, без образования и специальности? На что жить с ними?..

Все эти благие порывы к освобождению кончались горькой апатией, равнодушием ко всему и ко всем, порою даже к горячо любимым детям, ради которых она была готова на любые муки. Ради них она мирилась с

окружающим. Ради них она многое прощала мужу и его родителям. Чувство постоянной отчужденности, несовместимости делало свое дело: Эльмира, прежде такая веселая и общительная, стала замкнутой, молчаливой. Иногда по целым дням от нее невозможно было услышать и полслова. Нередко, когда были переделаны все дела по дому, она, лежа в постели, вспоминала себя ту, прежнюю, к которой возврата уже не было. Темнота скрывала ее слезы. Ведь даже и выплакаться-то по-настоящему ей было некому, некого спросить совета, как поступить, как жить дальше. Сама же она пока решиться ни на что не могла.

Так шли дни в унылом однообразии, изредка нарушаемом лишь приемом гостей. Вот как в этот раз, например... Уже наступила полночь, по радио прозвучали сигналы точного времени, а они со свекровью все еще не закончили уборку. Дождь прекратился, но заметно похолодало. Эльмира зябко ежилась, ноги ее промокли, хотелось спать — ведь предыдущую ночь она почти не сомкнула глаз, готовила угощение. Голова раскалялась, ныли руки и ноги, казалось, вот еще момент — и она просто не выдержит, упадет. Все! На сегодня конец! У нее не хватало сил домыть последнюю стопку касы. Поставив ее на стол в кухне, она пошла к себе. В одной комнате горел свет, дочка спала на кровати, сын же, свернувшись калачиком, — на курпаче. В спальне храпел Сираджин. Эльмира вернулась к детям, перенесла на кровать сына и едва успела накрыть его одеялом, как до нее донесся недовольный голос свекрови:

— Куда же ты запропастилась? Эльмира!

Еле передвигая от усталости ноги, она вышла на террасу. Прошла в кухню. Свекровь суетилась вокруг стола и пересчитывала посуду, проявляя при этом странное беспокойство.

Не поняв сначала, в чем дело, Эльмира, еле шевеля языком, попросила:

— Давайте завтра доделаем, что не успели сегодня!.. Я домою!

— Да не о посуде я говорю, сама сделаю, если уж ты такая неженка! Руки, слава богу, целы! Не о том речь! Я спрашиваю тебя, где позолоченные чайные ложки?

Эльмира в испуге пожала плечами.

— Посмотрите как следует, наверное, как всегда, в серванте!

— Смотрела! Нет! Не хватает четырех! Поняла?

Чтобы этим гостям подавиться! Икру им, видите ли, подавай!— зло выкрикивала она.— Куда же, куда они могли запропасться?!— Свекровь подозрительно взглянула на Эльмиру.— Кстати, а когда ушел твой братец Эльдар? И вообще, что он тут потерял, у нас в доме? Без конца торчит здесь!

Эльмира вздрогнула, как от пощечины. В самом деле, Эльдар приходил сегодня проведать сестру, но она его постаралась поскорее выпроводить, чтобы на этот счет не было лишних разговоров. Она знала, что свекровь не любила посторонних людей в доме.

— Вы что же, подозреваете моего брата в воровстве? Да?— еле сдерживая нахлынувший гнев, закричала она.— Да вы сами, сами все воры!— Эльмира схватила стопку грязных касы и грохнула ее об землю.

Она не могла более сдерживаться. Все копившееся годами вырвалось вдруг наружу в этих словах.

— Воры, воры, воры!— твердила она в исступлении.— Все погрязли в своих махинациях! Все вы — одна шайка! Ненавижу! Довольно с меня, насмотрелась!..

Казалось, Эльмира сходит с ума. Обида на неудавшуюся жизнь, постоянные оскорбления и унижения, которым она подвергалась в этом ненавистном доме, вырвалось вдруг, как вулкан, и она, беспорядочно хватая со стола все, что ни попадалось под руку, бросала на пол.

Свекровь кричала не своим голосом, призывая на помощь. Разбуженный ее воплями, выскочил Сайфитдинак в пижаме, за ним Сираждин в трусах и майке. Сираждин бросился к Эльмире и больно скрутил ей руки.

— Что, бить будешь? Да?— Эльмира в гневе повернулась к нему.— Давай бей, подлец! Лучше умереть, чем жить с вами дальше! Делить ваше ворованное!— бросила она. И вдруг, сломленная, в отчаянии зарыдала, стала молить:— Отпусти меня, я не могу так больше, отпусти меня совсем!..

Сираждин, продолжавший сжимать кисти ее рук, в упор глядел на нее сузившимися глазами. И только было собрался обрушить на жену в кулак сжатую другую свою руку, как неожиданно его в плечо толкнул отец. Сираждин боком, неловко ударился об стенку, выпустив руки Эльмиры и, не говоря ни слова, ступая по осколкам разбитой посуды, пошел прочь.

— Подлец!— Сайфитдин негодуя сверкнул глазами вслед удалявшемуся сыну.— Подлец! На женщину, на жену руку поднимаешь?!— Сираждин не обернулся

даже. Тогда он набросился на свою жену:— И ты хороша! Я знаю, все кляузы в доме от тебя!

Неожиданно ловко, с несвойственной ему легкостью, он вдруг отвесил ей звонкую пощечину, отчего щека жены тотчас заметно вздулась и покраснела.

Эльмира сквозь слезы увидела, как свекровь обеими руками схватилась за щеку и принялась на чем свет стоит браниться. Но уже не так громко и не так уверенно, как прежде. Свекор ласково обнял Эльмиру за плечи и проводил до дверей комнаты.

— Успокойся, доченька!— утешал он ее.— Чего только не бывает в семье! Ты еще молодая, не привыкла к этому. Ну, скажи на милость, зачем ты связываешься и выясняешь отношения со старой, выжившей из ума женщиной?— Он еле перевел дух.— Однако, доченька, должен тебе сказать, что и ты не совсем права! Зачем ты говоришь, чтобы сын мой отпустил тебя? Разве тебе уж так плохо у нас? Ну, не всегда все гладко, да и у кого, скажи, всегда и все гладко в доме? Только ты должна и о детях подумать. Что они без отца? Плохо им будет!..

На глаза Эльмиры, переставшей всхлипывать, опять навернулись слезы, и она снова готова была расплакаться. Видя это, Сайфитдин-ака похлопал ее по плечу.

— Ну, успокойся, успокойся и иди поспи, отдохни! Сон — лучшее лекарство. Завтра встанешь как ни в чем не бывало! Спокойной тебе ночи!

И он пошел на веранду, откуда доносился грохот передвигаемой мебели и звон посуды. Значит, свекровь, подумала Эльмира, все еще бушует. И тотчас же оттуда послышался негромкий голос Сайфи Сакиевича:

— Тебе уже за пятьдесят, а ума не нажила! Эх ты! Конечно, ты женщина, и спрос с тебя невелик! Но что ты несешь, скажи на милость? Хорошо, ну они, допустим, разведутся. А что дальше? Она-то ведь не оставит нас в покое, ты это понимаешь? И ведь она знает те перья о нас все! От иголки до нитки! Почему ты об этом не думаешь, пустая твоя голова?

26

Колхоз «Тичиксай» имел знаменитый на весь район фруктовый сад. И какой бы гость ни приезжал, обязательно, как достопримечательность, показывают этот сад. Коли гость повыше, глядишь, и сам раис-бува ведет на экскурсию. Это его гордость, об этом знают все кругом.

Многие помнят, как раис-бува, едва стал председателем, выделил двадцать гектаров земли на берегу сая и разбил здесь сад. И теперь, годы спустя, каждой весной в густых зарослях сада рождается вдруг удивительный шум пчелы, опьяненные запахом цветов, ныряя в цветочные чашечки, запевают свою хмельную песню. И песня эта сливается с озорным бурным шумом Тиниксая. Все лето над садом в воздухе разлит пряный и терпкий запах зреющих плодов. В самом центре этого зеленого острова стоит красивое здание, которое видно издалека. Все называют его станом. Однако здесь расположился не только стан. Тут и столовая, и бильярдная, небольшая гостиница мест на двадцать. Тут же, на втором этаже, открытая терраса, где можно накрыть стол человек на пятьдесят.

Деловой руководитель раис-бува. В стане останавливаются гости из района и области, что случается не так уж редко. И тогда под чинарами, стволы которых невозможно обхватить теперь уже одному человеку, на берегу хауза, вода в котором под развесистой кроной чинар кажется таинственной и глубокой, на деревянных кроватях расстилаются ковры и атласные курпачи. В такие дни не любят колхозники проходить мимо стана. Обходят его стороной, не желая попадаться на глаза председателю, который принимает высоких гостей.

Раиса Шерзад нашел здесь. Ночью прошел сильный дождь, и сад хранил следы внезапной грозы: стояла влажная прохлада, под ногами бело от облетевшего цвета яблонь и вишни, на дорожках было сыро. Еще на подходе к стану Шерзад уловил аппетитный запах готовящейся еды. Подойдя ближе, он и в самом деле увидел на открытой веранде второго этажа четырех мужчин в белых халатах, занятых приготовлением стола. Из бильярдной слышался стук шаров. Поднявшись по лестнице, он пошел на этот звук и толкнул дверь в бильярдную. Раис-бува держал в руках перепачканный мелом кий. На другом конце необъятного стола толстый краснощекий мужчина примеривался, как ударить ловчее. На старом расшатанном стуле в углу комнаты стояла бутылка початого коньяка, пиалушка, а рядом с нею два надкусанных яблока.

Мужчина наконец решился, но, наверно, плохо рассчитал свой удар, потому что желтоватый большой шар, непослушно перескочив через борт, покатился по полу прямо к ногам Шерзада. Только тут его увидел раис-бува и, негромко сказав своему партнеру: «Штраф!»

подошел вплотную к Шерзаду Подняв шар, недовольно поглядел на пришедшего, сухо поздоровался. Было в его взгляде что-то такое, отчего Шерзаду стало не по себе. Будто без слов он вопрошал, откуда, мол, ты взялся, парень. Это длилось мгновение, после чего лицо председателя осветилось приветливой улыбкой.

— Да ведь это наш поэт!— он крепко пожал Шерзаду руку, обхватив его ладонь своими сильными мозолистыми пальцами.

«Не изменился, ничуть не изменился. Все такой же крепкий орешек!— подумал Шерзад, не сводя глаз с председателя.— И не постарел ничуть!»

В самом деле, годы словно не трогали этого человека. По-прежнему он держался прямо, не горбясь, и его высокая поджарая фигура чем-то напоминала старое, не согнувшееся ни под какими ветрами и невзгодами дерево. Складно сидел на нем не очень новый черный пиджак, галстук, правда, сбился немного в сторону, отчего стала видна резинка, с помощью которой он держался на шее. Но это ничуть не портило общего впечатления.

— Знакомьтесь!— раис-бува кивнул на толстого мужчину, своего партнера.— Наш гость из областного центра! А этот парень,— он показал глазами на Шерзада,— наш, местный, стал теперь большим писателем, работает в республиканской газете. Гордимся: наш кадр! И по телевизору иногда выступает!— он все еще не выпускал руки Шерзада из своей.

«При чем тут местный кадр?»— раздраженно посмотрел на гостя из области Шерзад и рассеянно кивнул.

— Вы приехали очень кстати!— громко говорил раис-бува. Настроение у него от выпитого коньяка было, видно, приподнятым. Его зеленые с хитрецей глаза в упор уставились на Шерзада.— К нам должны приехать гости из Азербайджана. Вот и тема для статьи, напишите о нашей с ними дружбе!

Кто не любит похвалы в свой адрес! Шерзад знал, что раис-бува к ней равнодушен. Когда же он промолчал в ответ на предложение председателя, тот сразу сообразил, что корреспондент республиканской газеты у него в колхозе, наверное, не для того, чтобы петь дифирамбы в его адрес. Тогда зачем же? Какое у него к нему дело? Но, не желая выяснять это при постороннем человеке, он, извинившись перед представителем из области, пригласил Шерзада выйти вместе с ним.

Они постояли у бильярдной, сели на сури¹ около хауза, и мужчина с большими усами принес им по знаку раиса-бува свежезаваренного зеленого чая. Председатель, удобно устроившись по-турецки, протянул было руку к чайнику, но Шерзад остановил его.

— Не беспокойтесь, дайте я налью!— он взял в руки чайник.

— Спасибо!— раис поднес пиалушку к губам.— Вот видите, мы первыми в районе завершили сев хлопчатника! В этом году пока все благоприятствует. И в почве влаги достаточно, не сегодня-завтра появятся всходы на площади в тысячу гектаров. Глядишь, и снова мы будем впереди! В прошлом году собрали по сорок два центнера с гектара. Первыми в районе план выполнили. Читали, наверное?

— Да, читал, знаю!— Шерзад не отрывал взгляда от водоема. На поверхности дрожала мелкая рябь, а у небольшой трубы, через которую выходила вода, плавали яблоневые лепестки.

— Ваша Холпашша молодец!— все тем же приподнятым тоном продолжал раис.— В прошлом году собрали двести тонн. Ну, кто скажет, что вы местный кадр и болеете за наши дела, раз совсем не пишете об этом?

— Раис-бува, вы извините, но не нравится мне это выражение «местный кадр»! Писатель не может быть кадром только своей махалля²!

Шерзад старался говорить как можно мягче, однако в его голосе то и дело прорывались нотки раздражения, и раис, уловив это, нахмурился. Он не выносил, когда ему перечили, привыкнув за многие годы председательства к тому, чтобы ему не возражали.

— Это еще почему «не может»?— резко спросил он.

— Есть анекдот, вы его, наверное, знаете. Однажды перед судом предстали трое задержанных: петух, верблюд и осел. Петух был донжуаном, верблюд — лентяем, осел дураком. Выясняли-выясняли судьи степень вины каждого и решили, что петух невиновен вовсе, потому что его, оказывается, куры сбили с панталыку. Не обнаружили криминала и в поведении верблюда: лентяй стойко переносил жажду. С ослом оказалось сложнее: сколько ни прикидывали, никак не могли найти ему оправдания — дурак дураком. Но в конце концов и к

¹ Сури — большая деревянная кровать. Покрытая ковром, она служит местом приема гостей, на ней сидят, беседуют, пьют чай.

² Махалля — несколько домов кишлака составляют ее.

нему проявили гуманность: хоть и был он безнадежный дурак, а все же местный кадр. «Пусть ходит на свободе», — решили судьи и отпустили его...

Раис внимательно слушал, потом стукнул себя по колену и залился вдруг заразительным смехом. На глазах его выступили слезы, лицо покраснело.

— Ну и ну! — никак не мог он уняться. — Что-что, а поэту палец в рот не клади, откусит! Чтоб ему сгинуть, этому местному кадру!

Шерзад ждал, когда раис кончит смеяться, и молчал. Наконец тот протер платком глаза и отхлебнул остывшего чая.

— И все же напишите о наших делах! Очерк или что-нибудь другое, все равно! У нас много интересного, о чем можно было бы рассказать.

— Знаю, раис-бува! — Шерзад слегка вздохнул. — Хороших дел у вас много. Но на сей раз, к сожалению, я приехал писать совсем о другом, скандальном деле.

Шерзаду показалось, что председатель сразу как-то сник, даже побледнел слегка. Брови его нахмурились, глаза стали похожи на щелочки.

— О каком же это таком деле? — любопытствовал он охрипшим голосом.

И Шерзад сказал без подходов, напрямик:

— Зря вы обидели старого учителя Азимджана-ака!

— Так это о нем речь, об этом кляузнике?! — раис гневно сверкнул глазами. — Чем же, интересно, он теперь-то недоволен? Наверное, напелл вам все про ту историю, которая приключилась прошлой осенью?

Шерзад, приехав в родной колхоз, еще не встречался с учителем, потому что считал, что фактов в его руках предостаточно. Ставить об этом в известность раиса он пока не собирался, не считал нужным. Сейчас его поразило другое — безмятежность, с которой раис отнесся к случившемуся. Значит, он не считает все происшедшее хоть сколько-нибудь серьезным, угрожающим его авторитету. И Шерзада, конечно, принимает за мелкую сошку: что он может?.. Или же раис очень уверен в себе. Третьего не может быть. Подумав обо всем, Шерзад не спешил с ответом. Потом задумчиво произнес:

— Нет, раис-бува, я не виделся с домлой! — брови Шерзада сбежались к переносице.

— Чтоб ему было тошно, этому слепцу! — губы раиса задрожали от гнева, и он, не сдерживаясь, выругался. — Пусть будет еще доволен, что я его из колхоза не выгнал! Тоже мне, домла!..

— Как вы можете так говорить, этот человек учил ваших детей! И ваших внуков...— Шерзад еле сдерживался.— А слепота — это не вина его, а беда! Если уж на то пошло,— говорил он теперь едва слышно,— вы не имеете права выселять из дома человека, честно трудившегося всю жизнь. Было бы совсем хорошо, если бы вы, раис-бува, вернули ему и отнятый огород! Кстати, чем скорее, тем лучше!

Раис, горделиво вскинул голову и, словно не понимая, о чем идет речь, долго не мог прийти в себя. Губы его дрожали, в прищуренных глазах застыли одновременно и гнев и удивление. Казалось, он не мог никак понять случившееся: парень, который совсем недавно пас в его колхозе скот, сегодня разговаривает с ним на равных, советует ему. Нет, не просто советует, угрожает... своим тоном! Откуда что взялось? И в то же время нельзя не слушать этого щенка — он как-никак приехал из столицы, его прислала республиканская газета проверить жалобу...

Прошло какое-то время, и раис наконец обрел дар речи.

— Так что вы хотите этим сказать?— спросил он, снова сощурив глаза.— В чем наша вина, товарищ поэт?— попытался он отделаться шуткой.

Шерзад увидел вдруг, как задрожала рука раиса, державшая пиалу. Он понимал, что это, конечно, от гнева, понимал и причину этого гнева лучше самого раиса, а потому заговорил еще более спокойно:

— Никто не имеет права выгонять в пбле малолетних детей, нарушая приказ районо. Вы-то отлично знаете это. Учащиеся четвертых классов еще дети, на губах не обсохло материнское молоко!..

Раис не дал ему договорить:

— Ну и пишите сколько вам вздумается! Вы мастера дела, вам и слово! Давайте, давайте, напишите, как консервативный председатель применяет ручной труд и не использует технику. Напишите, что и детей не жалеет ради корыстных целей и выполнения плана! Пишите все, что вам в голову взбредет! Пожалуйста! Но у меня, пожалуйста, ничего больше не спрашивайте!

«Так вот куда он клонит!— Шерзада задел за живое намек председателя.— С ним надо держать ухо востро! Того и гляди, из рук выскользнет!»

— Раис-бува! Вы же прекрасно знаете, что я никогда не напишу так. Вы не консервативный председатель, а специалист с высшим образованием. И цену тех-

нике знаете получше многих. И с планом умеете управляться. За эти дела вы как раз достойны похвалы...

— Ну, что же прикажешь делать в таком случае, братишка?— раис резко выпрямился. Назвав Шерзада братишкой, он не искал с ним близости, так как понимал, что это невозможно. Просто хотел немного сгладить свое к нему обращение на «ты».

— Видите ли, считая меня своим «местным кадром», вы даже кричите на меня... Не правда ли? Вы бы никогда не позволили себе разговаривать так, будь на моем месте другой, не знакомый вам человек. Иной раз, случается, с местным легче договориться. Если у него и рука, не дай бог, сломается, так он запрячет ее в рукав и пойдет дальше... Так? Вот поэтому некоторые и привечают местные кадры.

Раис исподлобья разглядывал Шерзада, гадая, какой же очередной подвох таится за этими словами.

— Однако, переехав в город, вы, наверное, забыли, как достается нам хлопок? Оказывается, стали лентяем?..— хрипло произнес он.— А житель кишлака, пусть даже он ребенок, должен расти трудолюбивым. Я ненавижу тунеядцев!

— Не ставьте, раис-бува, все с ног на голову! Что еще должен делать ребенок, чтобы угодить вам? Весной помогает шелководам, режет и тащит листья тутовника. Летом пропадает на прополке, прореживании хлопчатника. Осенью собирает хлопок... Что же вы еще хотите от детей?

— Пусть работают!— решительно махнул рукой раис.— От работы еще никто не умирал. Если хотите знать, с теми четвероклассниками был и мой младший сын. В тот день я заставил его собирать курак вместе со всеми и дольше всех. Пусть попробовал бы не пойти, я бы с него шкуру спустил! А если и в больницу попал бы вместе с теми ребятами, не расстроился: пусть с детства знают цену труду хлопкороба, это полезно!

— Верю!— Шерзад вздохнул.— Верю! Однако вы не можете не согласиться, что учеба — главная обязанность ребенка. И вы, раис-бува, не имете права заставлять ученика четвертого класса собирать под снегом курак, никто не давал вам на это права! Пусть даже вместе со всеми там был и ваш сын! Это не оправдание, поверьте...

Раис яростно выплеснул из пиалы остатки чая и в сердцах швырнул пиалу. Та покатилась и, задев край курпачи, перевернулась.

— Послушай меня, братишка!— губы раиса задрожали. Мне в колхозе нужны не белоручки и дармоеды, а трудолюбивые кадры! Через шесть-семь лет это уже наша смена! Понимай меня как знаешь. Ведь я это делаю ради самих же людей. И буду продолжать делать, пусть даже не всем придется по душе. Нравится терпи, не нравится — скатертью дорожка, держать не собираюсь!.

Сердце Шерзада вдруг застучало, как бывало перед приступом. Он почувствовал, что бледнеет, однако взял себя в руки, пытаясь успокоиться, и заговорил совершенно спокойно.

Возможно, вы в чем-то и правы, раис-бува.— Он пожал плечами, стараясь говорить как можно тише. Но вся беда в том, что думаете-то вы в первую очередь не о людях, хоть и стараетесь всем доказать это, а о самом себе. Хотите везде быть первым. На собрании сидеть в президиуме. Произносить речи. И с детьми то же самое вы хотели и тут быть первым, прослыть опытным воспитателем. Ведь никто не просил вас посылать детей на сбор курака, оставшегося под снегом? Не так ли? Однако вы сделали это, чтобы о вас говорили как о рачительном хозяине. Это ведь, кажется, ваша собственная инициатива?

Раис в ярости соскочил с сури.

— Ну и язычок у тебя!— он не скрывал негодования. Подошел близко к Шерзаду — Уж не об этом ли обо всем ты хочешь написать?

Шерзад поставил свою пиалу и тоже слез с сури. Другого выхода нет,— он пожал плечами.— Да вы правы, я не из тех «местных кадров», о которых вы тут говорили. Шерзад прямо взглянул в глаза раиса и прочитал в них смятение.— До свидания!

Если этот пасквиль появится в твоей газете, я сменю фамилию!— крикнул вслед ему раис.

Шерзад остановился, обернулся:

— Газета не моя собственность!

Он резко повернулся и быстро пошел по дорожке из сада, усыпанной опадающим цветом.

Странно, но сердце Шерзада билось ровно и спокойно.

27

Прилетев в ташкентский аэропорт, Шерзад сразу поймал такси и поехал в сторону Самарканд-дар-

база Утром дома мать вручила ему сверток с самой из зелени, испеченной ею накануне, наказав сыну передать его в собственные руки матери Абдувахида. Они не были знакомы, но проявляли трогательную заботу друг о друге через своих детей и считали себя названными сестрами.

В безмятежном настроении Шерзад вышел из машины возле чайханы. Несмотря на то что здесь был центр города, стояла такая первозданная тишина, что человек, впервые сюда попавший, поражался ни гула самолетов, ни резких звонков трамвая, ни шума машин. У чайханы — деревянные сури, застеленные старыми одеялами и паласами; беспокоящиеся в клетках, подвешенных на ветках ивы, перепела, неспешная беседа любителей чая все это скорее напоминало деревенский пейзаж, нежели город последней четверти двадцатого века. В узких улочках, расчертив веками утрамбованную землю, девочки играли в классики. За низкими неровными стенами в густой зелени таились дворы. Где-то близко топили баранье сало — в ноздри ударял сильный, душистый запах. Здесь, в старом городе, мало что менялось с десятилетиями. Перемены, сделавшие неузнаваемым после землетрясения Ташкент, не дошли еще до этих мест, до домов с балаханами², сохранявшими летом прохладу, а зимой — тепло, до этих тихих проходов, ведущих с улицы во двор, придававших этому островку старого города своеобразный колорит.

Вот и знакомая деревянная двустворчатая калитка в конце узенького переулочка. Шерзад остановился. Рядом с калиткой на отполированной от древности скамейке болтала ногами в легких летних туфельках девочка лет трех. Ее короткие светлые волосы, неожиданные на личике с темными глазами, были разобраны на прямой пробор и заплетены в аккуратные косички. Одна из них была перевязана красным бантом, на другой банта не было, и косичка стояла торчком. Девочка с аппетитом ела хлеб с маслом, отчего и губы и щеки ее блестели. Откусывая каждый раз хлеб, девочка сильнее болтала ногами и жмурила свои живые глаза. Шерзад сразу узнал дочь Абдувахида. Но вот которая из них, Шерзад путал их имена и всегда называл невпопад. Трех девочек

¹ Самарканд-дарбаза — район старого города (дословно: дарбаза — ворота), место около ворот бывшей ташкентской крепости, в которые входили караваны из Самарканда.

² Балахана — легкая надстройка над первым этажом.

одну за другой родила жена друга. После рождения третьей Абдувахид долго ходил насупленный и расстроенный: подвела жена! Но вскоре забыл об этой «обиде» и был нежно привязан ко всем трем без исключения. Невольно вспомнив сейчас это, Шерзад улыбнулся.

— Здравствуй, Мухайя! Ты не скажешь, где сейчас твой папа?— подходя к девочке и целуя ее в щечку, спросил он.

Девочка лукаво покачала головой:

— Я не Мухай, Мухай — в саду!

Шерзад поспешно соображал, которая же из двух оставшихся?

— А-а-а!— протянул он нерешительно.— Все ясно! Ты — Сурайя!

Девочка рассмеялась и опять покачала головой:

— Не-а, Сурай маму сосет!— она заморгала ресницами и посерьезнела, будто сообщила важную новость.— Сурай плохая, да?

Шерзад от души рассмеялся:

— Так как же тебя-то зовут?— последнее имя совершенно вылетело у него из головы.

— Зулай, вот как!— торжествующе воскликнула малышка.

— А, так ты и есть Зулейха?— Шерзад взял ее за ручку и помог слезть со скамейки.— Идем,— он повел ее к калитке,— я тебе принес тут одну вещь!

Не пройдя и двух шагов, девочка выпустила его руку.

— У меня туфля потерялась!..

Нашли туфлю, надели.

Трудно поверить в то, что это городской двор, просторный, чистый. Широкий арык, прорезавший его посредине, шумно гнал прозрачную воду. В углу две высокие орешины отбрасывали прохладную тень. Обращенные к солнцу веранды дома хоть и были уже очень старыми, но все еще не потеряли вида. Под орешинами высокая супа. После зимы ее очистили от мусора, сухой сорной травы, а края, наверное, совсем недавно выложили жженым кирпичом, чтобы не обрушились. Шерзад хорошо помнил эту супу: в студенческие годы они с Абдувахидом часто ночевали здесь и о чем только не мечтали, глядя в высокое звездное небо.

Из кухни в глубине двора вышла мать Абдувахиды, в одной руке держа совок, в другой — веник. Как они походили друг на друга — его мать и мать Абдувахиды! С тою лишь разницей, что мать друга — чуть поплотнее и лицо покруглее. Шерзад знал печальную историю этой

семьи. Отец бросил их, когда мальчик был совсем маленьким. Растила его одна мать, отдавая ему все. Тридцать лет проработала она вышивальщицей на фабрике.

Едва завидя мать Абдувахиды, Шерзад по деревянному мостику побежал через арык. Бережно положив на землю мешочек с самсой, подарок из дома, он прильнул к ней, раскрывшей ему объятия, словно родному сыну.

— Где же ты пропадаешь, беглец?— нежно прикасаясь губами к его лбу, спросила она.— Почему не зашел, когда собирался в кишлак?

— Торопился!— попытался юлить Шерзад, краснея от собственного вранья: он нарочно не зашел тогда, боясь, что мать Абдувахиды нагрузит его в дорогу всякой всячиной.

— Мама передавала вам привет!— улыбнулся он, заглаживая неловкость.

— А что вы принесли мне?— Зулейха в это время осторожно тянула Шерзада за руку.

Шерзад развернул газету и достал самсу с зеленью.

— Зулейха! Как тебе не стыдно! Попрошайка!— на пороге веранды появилась жена Абдувахиды.— А, Шерзад, здравствуй!— обрадовалась она появлению друга мужа. Подойдя, протянула ему руку. В цветастом халате, рослая и сильная, она была гораздо крупнее своего мужа. Шерзад знал ее давно, еще со студенческих лет, и был привязан к ней как к родной сестре.

Не успел он оглянуться, как женщины накрыли на веранде дастархан и пригласили его к чаю.

— Абдувахид все-таки должен появиться, как ты думаешь?— спросил он жену друга.

— Господи, ты же знаешь его неугомонный характер! Как уехал утром на своем моторе, так и пропал. Хотя бы в выходные дома сидел!..

— Приедет, никуда не денется!— успокоил ее Шерзад.— Что вы все хлопочете, мне, право, неловко...

Через открытую в соседнюю комнату дверь Шерзад увидел, что она уже сидела за низеньким столиком и чистила морковь для плова.

— Я пойду, мама!— так он нередко называл мать друга.— Не обижайтесь на меня, не буду дожидаться плова.

Невестка со свекровью долго уговаривали его остаться, но он, сославшись на неотложные дела, которые ждали его дома, попрощавшись с ними, вышел на улицу.

Нет, домой он идти не собирался. Что, кроме любимых книг, ждало его в городской квартире? Он спешил в театр, хотел как можно скорее повидать Зухру. И мысль, что встреча эта может почему-нибудь не состояться, даже в голову ему не приходила. Он должен был ее увидеть сегодня во что бы то ни стало. И в предвкушении этого сердце билось сильнее.

Шерзад не раз ругал себя за способность быстро привязываться к людям, которые с первой встречи становились ему симпатичны. Так случилось и теперь после встречи с Зухрой. Он не знал еще ее близко, но был лишь на пороге этой привязанности, не отдавая себе отчета и даже пугаясь того чувства, которое тянуло его к девушке. Но преодолеть его никак не мог. И всю дорогу из Тиниксая в город непрестанно думал о встрече.

Было здесь и еще одно обстоятельство, которым Шерзад пытался объяснить самому себе это желание. Зухра похожа на Фариду. Интересно, какой она человек, эта Зухра?..

И весна, преобразившая все вокруг, не могла не подействовать на Шерзада: она торопила встречу, задевала в его душе струны, догдо молчавшие, смущала своим необоримым натиском, терпким ароматом цветения и обещанием чего-то нового и доселе неизведанного.

Обычно в начале весны так и бывает. Земля еще не успела просохнуть от недавно сошедшего снега, а вы уже поражаетесь, увидев на солнечном припеке на берегу арыка распустившийся, словно золотая пуговка, одуванчик. Думаете, вот будете возвращаться с работы, а его уже прихватит морозец, обычный в это время года. Но нет, удовлетворенно отмечаете вечером, устоял. Мало того. На следующее утро рядом с ним вы видите еще один яркий цветок. Вскоре после одуванчиков зацветает и миндаль. За ним в свадебный наряд одевается урючина... Вот так, одно дерево за другим пробуждается к жизни. Говорят, весна прилетает на крыльях. Особая пора! Необыкновенная!.. Он вышел из автобуса на остановке «Хадра» и почувствовал, как жарко припекает полуденное апрельское солнце. Предусмотрительные люди захватили с утра из дому плащи и пальто, а теперь обливались потом, выстаивали длиннющие очереди за газированной водой. И казалось, перетруженные автоматы с большим нежеланием выдавали эту воду.

Фонтан посредине длинного четырехугольного хауза

выбрасывал в небо свои прозрачные струи. Как бы в унисон ему маленькие фонтанчики по краям тоже трудились вовсю. Это царство воды распространяло вокруг свежий воздух, привлекая к себе усталых пешеходов. Они, разморенные теплом, глядели на иглы струй, и, наконец, не у одного из них возникало желание окунуться в эти спасительные воды.

«Хрустальный цветок! Вот на что похож этот фонтан!»— подумал Шерзад, проходя мимо и как другие тоже задержавшись возле него.

Подойдя к знакомым воротам театра, он почувствовал неясное волнение, как перед экзаменом в студенческие годы, и, преодолевая внезапно охватившую слабость, решительно зашагал к проходной.

Сегодня не дежурил знакомый старик. На его месте за деревянной перегородкой сидел здоровенный парень, который при появлении Шерзада немедленно поднялся: стул под ним облегченно скрипнул.

Парень нехотя кивнул на приветствие Шерзада, заинтересовавшись, куда тот направляется. Внимательно изучил удостоверение Шерзада и, возвращая, предупредил:

— Только что начался просмотр спектакля. В зал не разрешено пропускать никого!

— Ничего, я во дворе подожду!— Шерзад положил удостоверение в карман и двинулся к двери.

Едва он вышел, как к нему подбежал Таргил. Повиляв хвостом и поприветствовав знакомого, он улегся на прежнее место. Как преобразился двор за время, которое Шерзад не был здесь! Вот-вот должны были распуститься ирисы, сирень. Зелень бушевала вовсю. Не спеша пройдя через двор, Шерзад сел на ту самую скамейку под вишней, где они сидели с Зухрой. Не попав в зал, он должен был теперь довольствоваться тем, что слышал из репродуктора, установленного во дворе.

Прикрыв глаза, Шерзад мысленно в который раз вернулся к тому дню. Тогда в смеющихся глазах Зухры светился огонек. Потом он спросил: «Можно, я приду еще раз?»— «Если хотите»,— она улыбнулась. «Ну, так что из этого следует?»— продолжал он думать о предстоящей встрече.— Что? Вот кончится спектакль, репетиция. Она выйдет. Ты поздравляешься с ней. Улыбнешься и объявишь: «А вот и я». Что она скажет в ответ? «Молодец, что пришли, и что же вы теперь хотите от меня?»— вот что она скажет ему. На этом все и кончится. И баста. Кто ты такой? Почему ни с того ни с сего

пристаешь к девушке, которую и увидел-то случайно всего один раз?»

Он еще долго сидел так, пытаясь вслушиваться в звуки, доносящиеся из репродуктора. Но тщетно. Ничего не мог понять из того, что происходило там, на сцене. Крик, шум, плач, отдельные слова, смысл которых доходил порою до него,— и только. Наконец, не выдержав, а главное, не зная, сколько времени все это еще продлится, Шерзад встал и пошел к проходной. Взглянув на него, здоровяк парень понимающе улыбнулся и молча отхлебнул из пилалы чай.

Пройдя мимо нового здания цирка, купол которого напоминал тибетейку, Шерзад вновь очутился у фонтана. Вдохнул несколько раз его прохладу и остановился у края дороги, выбирая подходящий момент, чтобы перейти улицу. Но бесконечно несущийся поток машин не прерывался. «Разве это фонтан?— в раздражении подумал Шерзад.— Ну, какой же дурак удосужился поставить его прямо на дороге?— Выходит, люди, которые хотят полюбоваться им, должны рисковать своей жизнью?»

Поток машин чуть поредел, и Шерзад бегом перебрался на другую сторону улицы. Сел возле фетановки на скамейку, выкрашенную во все цвета радуги. Рядом, в маленьком уютном скверике, тоже был фонтан, но его обрамлял низенький мраморный барьер. Неглубок был и водоем за этим барьером, поэтому здесь играли дети. Подставив свои ладони под брызги, они радостно визжали и смеялись. Почему-то тот, большой фонтан, что через улицу, не казался ему уже таким привлекательным, как по дороге к театру. «Вот так всегда и в жизни,— Шерзад нахмурил брови.— Издали все кажется красивее и заманчивее. Как знать, может быть, и Зухра... Ну и дурак же я! На себя бы сначала поглядел со стороны!»

Он почувствовал вдруг, что сидящая на другом конце скамейки пожилая женщина внимательно на него смотрит, повернул к ней голову и не сразу узнал ее, одетую в строгий черный костюм. А когда узнал, радостно вскочил.

— Неужели это вы, Доктор-апа? он схватил ее тоненькую руку и крепко сжал.— Извините! Я не привык видеть вас без белого халата!

— Да ведь и я тоже не узнала вас сначала!— она оглядела его с ног до головы и, довольная своим осмотром, улыбнулась:— Долго будете жить! Тоже не узнала сразу! Как вы себя чувствуете теперь?

Спасибо! Хорошо! Все реже и реже беспокоит меня то состояние. А как Рауф Абдуллаевич поживает?

— Недавно вернулся из Канады. Летал на симпозиум по сердечным заболеваниям. Ну и, как всегда, когда приезжает в чужую страну, в первую очередь бежит на кладбище, — она засмеялась, — проверять свою гипотезу... Говорит, везде много больных, жалующихся на сердце!

Что поделаешь, Доктор-апа, жизнь не легкая штука! — задумчиво произнес Шерзад. — Там, где человеку трудно жить, неизбежно возникает нервозность.

Жизнь ни при чем, люди сами очень осложняют ее, сынок! — Доктор-апа поправила седой пучок на затылке и вздохнула. — Мы сами во многом виноваты. Не умеем беречь друг друга... Да, не умеем!

И тут же вспомнился Шерзаду Рауф Абдуллаевич, его доброе искреннее лицо. Ведь он говорил о том же самом. Потом перед глазами возник раис-бува, грубый и упрямый. Сайфи Сакиевич... «Там, где рождается нечистоплотность в людских отношениях, не может не быть нервозности». Он ощутил в душе какую-то необъяснимую тяжесть. Эти мысли повлекли за собой другие... Фельетон, который он писал ночью, перед отъездом из кишлака. Какие еще неприятности ждут его после публикации?.. И снова он вспомнил Зухру. Ну что ж, значит, не суждено сегодня встретиться с нею. «Но как все связано между собой», — подумал рассеянно.

Тут же спохватился, что Доктор-апа примет его затянувшееся молчание за невоспитанность, и поинтересовался :

— А как дела у Шаирыхон?

— Ну, у нее-то все в порядке! По-прежнему больных мужчин сводит с ума! — она улыбнулась. — Шаира молодец! Всегда знает, как развеселить себя!

«Вот какое впечатление она, оказывается, производит на людей, которые вместе с ней работают. А ведь они-то должны ее знать ближе, чем я!» — подумал Шерзад и почему-то вспомнил Шаиру, но не ту веселую и бесшабашную кокетку, у которой все горит в руках,* а грустную, с безнадежно уставившимся в одну точку взглядом.

— Передайте, пожалуйста, и ей от меня самый сердечный привет.

— Обязательно передам!

Доктор-апа посмотрела туда, где около фонтана плескались дети, и громко позвала:

— Алишер! Иди-ка сюда! Наверное, весь промок? Подбежал мальчик, русоголовый и розовощекий, в полосатой рубашке с короткими рукавами, в шортиках. Он смешно шлепал мокрыми кедами об асфальт, оставляя за собой маленькие мокрые следы. Доктор-апа поднялась и, присев на корточки, раскрыла объятия навстречу бегущему малышу. Тот с разбегу крепко обнял ее, и русые волосы ребенка смешались с ее седыми прядями...

«Да я же видел этого мальчика в больнице! — вспомнил Шерзад. — Когда поздравлял Доктора-апа с Восьмым марта!»

— Видите, как летит время! Мой внук уже научился бегать! — с гордостью сказала женщина и вернулась к скамейке. Ее лицо покраснелось, а голубые глаза малыша светились лукавым огоньком.

— Это ваш внук? — недоверчиво переспросил Шерзад.

— Не удивляйтесь! Все дело в том, что внук — вылитый его отец, а он — эстонец. Алишер! Ведь правда, ты на папу похож? — она потрепала мальчика по щеке.

Вспомнил Шерзад того высокого светловолосого кудрявого парня, который привел сына в больницу.

— Отец в детстве был точно такой же, — говорила между тем Доктор-апа, и, видимо, воспоминания эти доставляли ей удовольствие. — Только он был очень худым, одна кожа да кости, болезненным. Да не один он был тогда таким, все детишки блокадного Ленинграда были похожи друг на друга. Боялась, что не выживет он. И вот видите, выжил, а теперь уже и сам отец! — Доктор-апа погрозила пальцем малышу, который никак не хотел больше сидеть у нее на коленях. — Ну, Алишер, хватит, погуляли, пора и домой — обедать!

Шерзад растерянно посмотрел на Доктора-апа и наконец понял: значит, тот парень, которого он видел тогда в кабинете, — приемный сын. Как и многие ташкентцы в сорок первом, она взяла на воспитание в свою семью этого еле живого мальчика, выходила его. И теперь уже бабушка, это сын ее сына. С какой неожиданной стороны открывается порой человек! Ну, мог бы он подумать об этой строгой, как ему сначала казалось, неприступной женщине, что у нее такое сердце, такая душа.

— Апа, разрешите мне перевести вас через дорогу? — только и мог выговорить от волнения Шерзад.

— Ну конечно, мы с Алишером будем рады! — приветливо согласилась она.

Шерзад бережно взял мальчика на руки и всю дорогу через широкую улицу ощущал рядом со своим ухом его теплое дыхание. Малыш шалил, что-то лепетал, показывая свои редкие зубки, дергал Шерзада за волосы и заливался смехом.

Перейдя улицу, Шерзад нехотя опустил его на землю.

— Ну, спасибо, наш дом рядом! — улыбнулась на прощанье Доктор-апа. — Теперь мы дойдем сами. Еще раз спасибо!

И она пошла, приноравливаясь к маленьким шагам внука. Шерзад смотрел им вслед и удивлялся, какое необъяснимое чувство восторга пробудила в нем эта пожилая женщина, доктор, лечившая его, но которую он, оказывается, совсем не знал. «А мы, горе-писатели, — в сердцах подумал он, — порою ищем сюжеты для своих произведений. А они вот здесь, рядом, далеко ходить не надо».

29

Приняв твердое решение, что сегодня больше не будет возвращаться к театру и не станет искать встречи с Зухрой, Шерзад все же, вопреки этому решению, снова через час стоял перед проходной. Мысль, назойливо вертевшаяся в голове, обрела конкретное выражение: ну, а почему бы, если уж он пришел сюда, то не должен встретиться с Зухрой? Абсурд какой-то!

Перед театром он снова ощутил растущую тревогу. В проходной на этот раз никого не было. Видно, парень-сторож куда-то отлучился, и телефон на столе за перегородкой надрывался вовсю. Войдя во двор, Шерзад остановился. Просмотр, наверное, закончился: артисты, расположившись на скамейках, оживленно обменивались мнениями. Несмотря на то что народа здесь было немало, Шерзад тотчас же увидел Зухру. В строгой кофточке из бекасама¹, кожаной юбке, с маленькой сумочкой в руках, она стояла рядом с миловидной девушкой, по видимому тоже актрисой, и внимательно слушала ее, время от времени кивая головой в знак согласия, отчего ее волосы то и дело разлетались.

Волнение Шерзада заметно усилилось, во рту пересохло, нестерпимо хотелось пить. Так он стоял в нерешительности, не знал, что предпринять: то ли оклик-

¹ Бекасам — узбекский национальный полосатый цветной шелк.

нуть — они стояли довольно близко от него, то ли подождать, когда Зухра сама увидит его. Замешательство сковало все его мысли и движения. «Совершенно идиотское положение!» — негодовал Шерзад. И наверное, он так бы и не решился ни на что, не посмотрев в этот момент Зухра в его сторону. Он облегченно поймал этот взгляд. Она приветливо кивнула, и он в ответ быстро закивал головой, давая понять, что увидел, что рад. И девушка, с которой она стояла, тоже взглянула в его сторону и что-то сказала Зухре. Та нахмурилась. Шерзаду даже показалось, что лицо Зухры залилось краской. Несомненно теперь разговор шел о нем. Но теперь ему казалось, что положение еще более осложнилось: если он сейчас повернется и уйдет, то сделает непоправимое. Не уйдет, значит, надо немедленно, несмотря ни на что, сию минуту подойти...

Будто прочитав его мысли и разгадав мучительные колебания, Зухра, наскоро попрощавшись с девушкой, подошла сама.

— Здравствуйте! — еле выдохнул Шерзад. — Видите, я пришел, как обещал...

Зухра молча кивнула, благодарно улыбнулась. Глаза ее сияли. И это было наградой за его долгие мучения и сомнения, которые он пережил за все эти последние недели.

— Просмотр прошел хорошо? — спросил первое пришедшее на ум Шерзад.

— А вы в кишлак хорошо съездили? — Зухра сбоку взглянула на него и пошла к проходной.

Он чуть не задохнулся от радостной мысли: значит, она тоже думала в его отсутствие о нем, коли знает, где он был все это время.

Выйдя за ворота, Зухра шла довольно быстро к трамвайной остановке, уверенно стуча каблучками своих медных туфелек по асфальту. Шерзад в растерянности немного отстал от нее, но она обернулась с улыбкой:

— Что случилось? — в ее голосе ему послышалась откровенная нежность.

Шерзад в два шага догнал ее.

— Я звонила вам на работу, — между тем рассказывала ему, идя рядом, Зухра, — хотела пригласить на сегодняшний просмотр.

— Видите, а я не успел! — виновато ответил Шерзад. — По правде сказать, я только сейчас узнал от вас, что вы звонили. Ведь я на работе еще не был!.. Спасибо вам!

Зухра удивленно пожала плечами.

— За что же спасибо? Вы так и не увидели спектакля..

— За все!— благодарно вздохнул Шерзад, и как хотелось ему надеяться, что она звонила не только для того, чтобы пригласить его в театр!

Они поравнялись с большим фонтаном, который полтора часа назад раздражал его своим местоположением. Теперь фонтан этот показался ему чудом архитектурной фантазии. Освещенный невидимым электрическим под светом, водяной каскад и в самом деле был красив, словно сказочное дерево, сотканное из лучей.

Зухра спешила. Народа на остановке в этот час пруд пруди. Трамвай задерживался, людей становилось все больше: кончался рабочий день.

На самом краю громадной бетонной плиты-платформы, оживленно о чем-то болтая, стояли две девушки в атласных национальных платьях. У каждой в руках громадный букет тюльпанов. И эти букеты невольно привлекали взгляды всех, кто стоял рядом. «Как теперь хорошо где-нибудь в поле, за городом, где все усыпано цветами, где вольно дышится и не слышен привычный городской шум!» Наверное, об этом подумали те, кто стоял здесь, на остановке, и ждал трамвая. Подумал об этом Шерзад, который вдруг неожиданно для самого себя осмелел:

Зухра, а почему бы нам в воскресенье или субботу не поехать за тюльпанами?

Уже в следующее мгновение предложение показалось ему верхом бестактности. Однако слово — не воробей: вылетело...

— В прошлом году мы с другом ездили за тюльпанами в сторону казахстанской границы. Незабываемое зрелище, поверьте! Вам никогда не приходилось в это время года ездить за тюльпанами?

— Да нет, как-то не приходилось! Зухра нахмурилась, и Шерзаду показалось, что ей пришлось не по душе его вольность.

В самом деле, без году неделя знакомы, а вот, по жалуиста, он уже лезет со своими предложениями. «Конец! проклинал себя Шерзад.— Уж мог придумать что-нибудь умнее и поделикатнее!» И поспешил заглядеть неловкость.

— Меня это только что осенило! Конечно, если вы не можете...

— Да нет, я бы с удовольствием, засмушалась

Зухра. — Но на этих днях, точно не знаю когда, должен вернуться из армии мой братишка, и дома так много работы... Я должна все успеть...

Зухра улыбнулась по-прежнему легко и весело. У Шерзада будто камень с души упал. Но снова настроение испортилось: подходил трамвай.

— Я вам позвоню! — пообещала Зухра. — Обязательно позвоню! И очень скоро! А сейчас — что поделаешь — до свидания! — и она легко вспорхнула на подножку, весело помахав ему на прощанье поднятой рукой.

Шерзад глядел вслед удаляющемуся трамваю до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом. И все пытался разглядеть в суতোлке вагона лицо Зухры. Но тщетно, трамвай был набит битком, и ему это сделать так и не удалось.

Ощущение легкости, приподнятости не покидало его. Он с удовольствием вдохнул весенний запах родного города — смесь распускающихся на газонах цветов, зелени, бензина и асфальта. Да, конечно, может быть, далек от идеальной чистоты этот город, но он родной, ставший неотъемлемой частью его существования. Без него он и жизни себе не мыслит. Привыкаешь к его домам, улицам, площадям. И порой случается, что, привыкнув, не сразу замечаешь изменения, которые с ним происходят ежедневно, ежечасно. А потом вдруг, в одно прекрасное время, ты видишь, как прекрасен он, как величав и красив и сколько человеческого труда вложено в каждую клеточку этого гиганта. А перемены... Они происходят на твоих глазах, оттого и не сразу замечаешь их порою. Привыкаешь к ним. Но наступает минута, час — и словно озарение: да ведь вот три месяца назад ты был здесь и на этом пустыре не было еще никакого сквера. А теперь здесь высажены многолетние деревья, на газоне зеленеет весенняя трава, и в песочницах играют дети — для них это стало привычным. Как же ты ухитрился просмотреть, когда это все делалось?

То же и с домами. Стоит только полгода, ну от силы — год не побывать в районах новой застройки, как уже, попав сюда, ты не в состоянии сразу найти нужный тебе дом, корпус, потому что рядом выросли новые, еще более красивые в архитектурном отношении здания, магазины, кафе. А твой старый знакомец — дом, в котором тебе довелось побывать сравнительно недавно, — кажется и маленьким, и низким, и, конечно, уже не таким привлекательным, как казался некоторое время назад...

Теперь в его родном городе ощущалось предпразд-

ничное настроение. Поднявшись высоко наверх, вдоль фасадов многоэтажных зданий в ремонтных люльках орудовали люди в темных халатах — белили, красили, подновляли. Школьники по субботам целыми школами выходили в парки и скверы на субботники — чистили от прошлогодней листвы дорожки, подрезали кусты, белили стволы чинар, вытянувшихся стройными рядами вдоль улиц. На здании Музея Ленина появились гирлянды разноцветных лампочек. Теперь они не были зажжены, но можно себе представить, как засияет вечером это здание, когда будет включена иллюминация. И Шерзад, глядя на архитектурный ансамбль центра родного города, памятник Ленину, что возвышался на ташкентской Красной площади, двадцатиэтажное стройное здание, громадный фонтан рядом с ним, ощутил вдруг соединенность всего этого, невозможность воспринимать что-то отдельно от чего-то. Только все вместе, в единой гармонии камня, цвета, широты и простора, создавало впечатление той неповторимости облика города, который отмечали все, кто попадал сюда впервые.

Когда-то, еще студентом, Шерзаду приходилось читать о спорах архитекторов, касающихся облика будущего Ташкента. И в душе он был на стороне тех, кто утверждал, что новый город должен сочетать в себе гармоническое соединение элементов исконной, веками складывающейся традиционной архитектуры и современного зодчества. Много лет спустя мечта эта воплотилась и в «Голубых куполах», выставочном зале художников республики, и в легкой и одновременно величественной конструкции Музея Владимира Ильича, и еще во многих других зданиях и ансамблях столицы. Купола, своды, мраморная резная облицовка удачно сочеталась с архитектурой новейшей, современной, порою просто не верилось, что таким город стал за какие-то последние десять лет. После того, самого страшного утра землетрясения...

И Шерзад не уставал любоваться улицами родного города, мелькавшими в окнах автобуса, на котором он ехал. И мысль, что и Зухра, наверное, как и он, любит бродить по этим улицам, вдыхать неповторимый воздух родного города, делала и ее ближе, роднее, понятнее.

30

Между тем Зухра, возвращавшаяся домой и так поспешно бежавшая от Шерзада в битком набитом трам-

вае, казнила себя самыми последними словами. Ее оттерли от окна, в которое ей еще был виден Шерзад, поднявший руку в прощальном приветствии. Но вот трамвай тронулся, и Шерзад стал быстро от нее удаляться. Его заслонили пассажиры, да и оглядываться все время было не слишком-то удобно. «И чего я так поспешно сбежала? Все равно — на следующей остановке выхожу. Чего было мне лезть в этот душный вагон, когда вместе могли пройтись пешком?» — думала Зухра, легко вздыхая и еле сохраняя равновесие, со всех сторон сжимаемая пассажирами.

Мужчины нередко жалуются, что сердце женщины понять трудно. В этом, конечно, есть доля истины: угадать сокровенное не всегда, даже при большом желании, можно. А женщина в этом не виновата: это как бы защитная реакция, желание не выдать своих истинных чувств: мало ли как отнесется к этому мужчина!.. И чем сильнее чувства женщины, тем более скрытна она в их проявлении.

Как хотелось бы сейчас Зухре идти рядом с Шерзадом, говорить с ним обо всем на свете, слышать его голос! Вот ведь, однако, испугалась, что чем-то выдаст себя, убежала от самой себя, боялась словом, жестом, взглядом сказать о своем к нему отношении. И пожалуйста, теперь трясись в этом вагоне, забившись в угол, и на остановке своей еще не выйдешь, столько народа. И никто не выходит на ее остановке. «Да! — признавалась она сама себе. — Сердце не камень, но там, в театральном дворике, не хватило у нее смелости поговорить с ним толком обо всем. Потому так поспешно и села в трамвай, чтобы, главное, он не подумал чего-нибудь такого...»

Две недели назад она впервые увидела Шерзада. Ее охватило какое-то непонятное ей самой состояние. Она росла дома любимым, но не балованным ребенком. Позже, повзрослев, не была кокеткой. Не коллекционировала, как некоторые ее подруги, вздыхателей, а их у нее было немало. Но они ее не интересовали, такие, как этот самоуверенный кандидат наук, поджидающий ее на «Волге» около театра. Была строга в отношении к себе. Может быть, поэтому даже театральные звезды, избалованные вниманием поклонниц, никогда в разговорах с ней не переходили дозволенных границ. Но вот неожиданно встретила Шерзада. Стала часто его вспоминать. Удивительно, но между ними, она это интуитивно почувствовала, возникла какая-то необъяснимая близость.

Общность мнений, вкусов. Ему были близки мысли, волновавшие ее, молодую актрису, только начинающую свой путь на сцене. С какой легкостью помог он разобраться ей в той сцене, над которой она билась столько времени. Как были близки ей его мысли о самостоятельности творческой трактовки. О том, как просто и легко, изменив свое мнение, пойти на поводу у кого-то, пусть самого великого авторитета, потом уже навсегда потерять способность самостоятельно мыслить, а главное — действовать. Часто последнее время она мысленно беседовала с ним, вспоминала до мельчайших подробностей их разговор тогда и сегодняшнюю встречу, когда она так легкомысленно бежала от него. Сегодня он смотрел на нее, как и в прошлый раз. В глазах его она без слов читала то, о чем он не решался ей сказать открыто. Думы о нем приходили неожиданно, когда оставалась одна — вечерами, после репетиций или спектакля. Усталая, она присаживалась у окна своей комнаты и глядела на затихающий город. Или, сидя за инструментом, бездумно перебирала клавиши. Или когда брала в руки книгу, вдруг ловила себя на мысли, что совершенно не понимает, о чем только что прочитала. Нередко листала его повести, которые знала теперь от корки до корки и находила в них отзвук его мыслей. Казалось, читая их, узнает его ближе. Он становился понятнее.

Думы о нем настолько захватили ее, что в прошлую среду она не выдержала и позвонила в редакцию. Хотела услышать его голос. Официально же, чтобы был какой-то предлог, хотела пригласить его на просмотр спектакля. Но мужчина, работающий вместе с Шерзадом, сказал, что тот уехал в командировку, в далекий кишлак.

Сегодня Шерзад пришел сам. Сначала Зухра подумала, что ему на работе передали ее приглашение по телефону. Но Шерзад признался, что еще не был в редакции, что пришел прежде повидать ее. Услышав это, Зухра и растерялась и обрадовалась одновременно.

«Значит и он, как и я, хотел скорее увидаться, ну какой же он... милый! — думала Зухра, глядя в окно еле тащившегося трамвая. — А его приглашение поехать за тюльпанами? Почему я отказалась? Ну почему?»

Вагон прогремел по мосту с какими-то ограждениями, и Зухра, внимательно приглядевшись, поняла, что, уйдя с головой в свои мысли, не заметила, как проехала несколько лишних остановок.

Наконец-то трамвай остановился, она поспешно вы-

шла, и, на ее счастье, тут же подошел другой, в обратную сторону.

Прежде чем попасть домой, она собиралась заехать на рынок и купить кое-что к столу. Так она и сделала. Была суббота, базар кишел народом. На прилавках, издавая терпкий запах, горками высилась молодая зелень. Огромные охапки тюльпанов в ведрах с водой издали казались пылающими кострами. Купив щавель, зеленый лук, свежий чеснок, мяту, шпинат, она пошла туда, где торговали фруктами. Глаза разбежались от обилия сочных гранатов, наливных, несмотря на раннее время года, яблок. «И как только их сохраняют такими красивыми и свежими?» — подумала Зухра, испытывая удовольствие от того, что может не спеша, выбирая, ходить от продавца к продавцу и вдыхать этот аромат. Она успокоилась лишь после того, как истратила половину полученной вчера зарплаты.

Зухра жила в многоэтажном новом доме на улице Бируни. Поднявшись на второй этаж, прошла прямо на кухню, где с облегчением выложила на стол два тяжелых бумажных пакета с покупками. Потом, переодевшись в домашний халат, принялась готовить плов. Заложив в казан морковь, она, чтобы не пропадало время зря, протерла пыль в комнатах, свернула края ковров и начала мыть полы.

Вот уже три дня Зухра жила дома одна. Отец, работник республиканского комитета народного контроля, уехал в очередную командировку. Это случалось довольно часто и было для него делом привычным. Теперь Сулейман Рустамович был в Каракалпакии. Там из-за неблагоприятных погодных условий затянулся сев хлопчатника. Последние годы они с отцом жили вдвоем. Старшие сестры повыходили замуж и жили в других городах. Брат в армии. Однако сегодня был день особенный. День четырнадцатого апреля. Отец должен обязательно вернуться. Эта грустная семейная дата — день рождения мамы. Она умерла четыре года назад, и, если бы была жива, ей исполнилось бы сегодня пятьдесят три. Так немного...

Зухра до блеска протерла пол в гостиной, где на стене висел большой портрет матери. Распрямив затекшую спину, Зухра в который раз за сегодняшний день взглянула на него. Атласное платье. Красиво уложенные волосы. Мать на фотографии была молода, ей ровесница. Такая прическа, говорил отец, была модной сразу после войны. Она улыбалась, немного приоткрыв губы, отчего

обнажился верхний ряд зубов, ровных и белоснежных. Будто вот-вот с этих губ должны сорваться какие-то слова, которые она не успела сказать ей, Зухре, при жизни...

Зухра не помнила, чтобы в их доме кто-то когда-нибудь повысил голос. Мать всегда олицетворяла спокойствие и ровность. Две сестры, которые теперь уже обзавелись собственными семьями, брат Хасан да и она сама привыкли к такому обращению. Мать, сколько она помнила, не отличалась хорошим здоровьем, часто болела. Наверное, в том, что дома всегда царила обстановка благожелательности и доброты, была немалая заслуга и отца. Родители, знала Зухра, любили друг друга с детства, учились в одной школе, даже в одном классе. Едва они поженились, как началась война, и Сулейман Рустамович ушел на фронт. В сорок третьем после тяжелого ранения его списали подчистую, и он вернулся домой. Оправившись после госпиталя, ушел с головой в комсомольскую и партийную работу: сначала секретарь райкома комсомола, потом слушатель высшей партшколы, после нее — секретарь райкома партии, работал в обкоме...

Шло время, росла семья. Мать, не закончив института, вся в заботах о доме и малышах, иногда шутила, говоря отцу: «Вы сами руководящий работник, а мне учиться не дали, у меня диплом домохозяйки высшей квалификации». Говорила, чуть грустно улыбаясь. Сулейман Рустамович качал головой в знак неодобрения. «Не говори так, прошу! Воспитать для нашего общества хороших, полезных людей — разве это не стоит самого лучшего диплома? Если наши ребята станут такими людьми — разве это не самое большое счастье для нас всех?..»

Нередко случается, в семьях, где отец и мать, люди честные и порядочные, вырастают изнеженные, избалованные дети, не приученные к труду. Родители Зухры, живущие в достатке, не баловали своих: с детства все они принимали участие во всех хозяйственных делах дома. Девочки шили, готовили. Старшая сестра Зухры, получив диплом врача, уехала по распределению на работу в Хорезмскую область. Там и замуж вышла за своего однокурсника. Младшая, архитектор, живет теперь в Самарканде. Вот только у брата Хасана с учебой не очень ладилась дела. После школы провалился на вступительных экзаменах в университет: его мечта — стать геологом. После неудачи два года работал с разведывательной партией в Байсунских горах, зарабатывал

стаж. Потом еще раз поступал и снова недобрал нужного количества баллов.

Зухра хорошо помнила те беспокойные дни. Мать, у которой врачи в тот год обнаружили неоперабельную опухоль, почти не поднималась с постели и неудачи Хасана принимала к сердцу слишком близко, волнуясь за его судьбу. Нередко из своей комнаты Зухра слышала ее слабый голос — о Хасане мать старалась с отцом говорить наедине. «Почему, скажи,— упрекала она сколько раз Сулеймана Рустамовича,— ты не хочешь помочь нашему единственному сыну? Ну хоть словечко за него замолви, прошу тебя! Ведь тебе никогда не откажут, я знаю!..»—«Все что угодно я готов сделать для тебя, ты прекрасно знаешь, но только не проси невозможного. Я хочу честно смотреть людям в глаза. Не лишай меня, пожалуйста, этого права. Не могу допустить, поверь, чтобы мой сын, которого я с детства приучал никогда не ходить окольными путями, теперь, став взрослым, занимал бы в институте чье-то чужое место, ему не предназначенное. Ты же знаешь, какой в этом году был конкурс на его факультет!..»

Зухра ловила просительные мягкие нотки в голосе отца, когда он говорил с матерью. И как запомнился ей этот разговор, невольной свидетельницей которого она стала! Наверное, лучше бы и не слышала, потому что впоследствии, вспоминая его, мучилась мыслью, что и сама не попросила отца о том же: может быть, матери тогда стало бы легче...

Она хорошо запомнила, что после этого разговора через две недели мамы не стало. Вот тогда-то, может быть, впервые в жизни, Зухра затаила на отца обиду. Она, конечно, очень любила его, преклонялась перед ним, поражалась его трудолюбию, самоотверженности. Сколько она помнила, он всегда работал, не щадя ни сил, ни здоровья, а оно у него после войны было основательно подорвано.

После смерти матери отец замкнулся и страдал, оттого что вынужден был отказать ей в последней просьбе. Зухра видела это и не могла не понимать. Наверное, это причиняло ему невыносимую боль. За какой-то месяц после похорон голова его, прежде смоляно-черная, совершенно побелела. Он страдал, но на людях и особенно при детях держался. А позже, по прошествии какого-то времени, когда боль немного поутихла, Зухра не могла не признать правоты отца. Она понимала, что так он поступил ради самого себя. Не потому, что боялся

чьего-то осуждения: он хотел, чтобы сын его входил в жизнь честно и прямо, как когда-то он сам. Веря в силы сына, он хотел и его любой ценой заставить поверить в них...

Зухра переложила на тарелку протертую редьку. Разломив гранат и посыпала редьку ровным слоем гранатовых зерен. Этот салат она придумала сама, а мама дала ему название — «сад тюльпанов». В этот день Зухра всегда готовила любимые мамины блюда. Плов с айвой, например. Едва она успела накрыть на стол, как зазвенел звонок. «Наконец-то! — обрадовалась она. — Это, конечно, папа!»

И в самом деле, это был отец. Усталый, замученный. Протянув Зухре портфель, он поцеловал ее в лоб.

— Как ты управилась тут одна, доченька, без меня?

Наверное, командировка была не из легких — под глазами отца чернели круги от бессонных ночей, костюм насквозь пропылился.

— Раздевайтесь скорее да в душ! — беря портфель из рук отца, Зухра еще раз внимательно поглядела на него и подумала: «Тяжело в его уже не очень молодые годы мотаться по колхозам, не спать нормально! Но что поделаешь, в этом вся его жизнь!..»

Сев на табуретку в передней, Сулейман Рустамович, тяжело согнувшись, развязал шнурки на ботинках и пошел в ванную.

Через полчаса они с Зухрой уже сидели за празднично накрытым столом. Отец, как всегда, во главе стола, Зухра — чуть поодаль от него. Так уж было заведено: каждый год в этот день вся семья собиралась вместе. Однако сегодня сестер почему-то не было. Правда, ни одна из них не сообщила, что не приедет. На душе у Зухры было от этого тоскливо, но она старалась не расстраивать отца.

— Должны приехать, сообщили бы, если что случилось! — успокаивая отца, она и в самой себе хотела погасить внезапно возникшую тревогу.

«Вот ведь отец тоже, наверное, спешил скорее переделать все дела, чтобы не опоздать. Откуда прилетел, из какой дали!» — мысленно осуждала она сестер. И, тут же оправдывая, придумывала разные уважительные причины, из-за которых они могли задержаться.

— Должны подъехать, папа, не расстраивайтесь, — утешала она отца. — Дорога дальняя, на работе, может, что-нибудь...

— Я и не расстраиваюсь. Откуда ты взяла? Жизнь

есть жизнь, мало ли что могло произойти?.. Ладно, давай не будем думать сейчас об этом. Хорошо? У нас сегодня какой день? — спросил Сулейман Рустамович, открывая бутылку марочного кагора и наполняя им две рюмки. — Сегодня день памяти мамы. Пусть эта светлая память в наших сердцах живет всегда. Да?

Тоненько зазвенели хрустальные рюмки, прикоснувшись друг к другу. От этого звона и от голоса отца Зухра ощутила вдруг непрошенный комок в горле, который, подступив, никак не отпускал. Она в который раз поняла, как прочно и нерушимо были связаны ее мать и отец, какое глубокое чувство связывало их. Чтобы не выдать волнения, Зухра, встав из-за стола и повернувшись к отцу спиной, сделала вид, что отыскивает что-то в серванте. Слезы падали на ее руки, она ладонями поскорее смахивала их и все не поворачивалась. Наконец с нижней полки серванта достала ляган и, выскочив на кухню, спросила отца, подавать ли плов.

— Подавай, подавай, доченька! — она слышала, как голос отца задрожал и осекся на мгновение.

Зухра подняла крышку казана, и тут же в нос ударил ароматный запах распаренной айвы. Она вспомнила, как над этим же казаном склонялась когда-то мать и какое довольное выражение лица было у нее, когда она вдыхала этот аромат. Как любовно делала она все для отца и своих детей! Какую радость доставляло ей, когда удавалось какое-то новое блюдо и все они, сидя за столом, наперебой расхваливали его!.. Сможет ли она сама — вдруг подумала Зухра — стать для Шерзада тем же, чем стала когда-то ее мать для отца? Это, наверное, и есть счастье, вот так всю жизнь друг для друга, по-иному она и не представляла себе и своей будущей жизни.

Эта мысль настолько прочно завладела ею, что когда она ставила на стол ляган, должно быть, выражение лица ее было каким-то необычным, потому что отец вдруг спросил:

— О чем ты думаешь, Зухра?

Вопрос этот застал ее врасплох. Она вздрогнула от неожиданности и подняла голову. Сулейман Рустамович ласково смотрел, пытаясь, наверное, понять, что же случилось с ней. Зухра под его взглядом залилась краской, отвела глаза в сторону.

— Да так, папа, ни о чем серьезном!.. — теперь ее смущение было явным, и отец забеспокоился еще сильнее. Однако ни о чем больше не спросил.

Так было заведено в семье: никто ни от кого ничего не скрывал, но и рассказать что-то отцу она не решалась. А что, собственно, она может ему рассказать, так, бредовые мысли, пришедшие вдруг в голову. Насколько это серьезно? Ей уже и самой было неловко от того, что она подумала.

Сулейман Рустамович кончиком ножа поддел айву, украшавшую грудь золотистого плова. Положил на дощечку и ловко разрезал плод на тоненькие кусочки.

— Кушай, доченька! — укладывая эти кусочки айвы на плов, сказал он. К нему уже вернулось его обычное настроение — спокойное и немножко грустное. — Завтра нам с тобой надо встать пораньше и сходить на кладбище. У тебя завтра нет никаких неотложных дел?

31

Попавшему на больничную койку кажется, что работать в больнице не трудно. Однако это не так. Истинную цену этого труда знают лишь те, кто работает здесь не за страх, а за совесть. Изю дня в день, из года в год...

Ночью Шаира дежурила в приемном отделении. И дежурство прошло не очень спокойно. Сначала неотложка доставила женщину с острым приступом аппендицита. Едва отправили ее на каталке в хирургическое отделение, как неотложка привезла мужчину с инфарктом. И тут же, не успев Шаира переправить его в терапию, как «скорая» доставила совсем молодого парнишку, попавшего в дорожную аварию... И так всю ночь. До рассвета. Один за другим. И все срочно, все без промедления!

Часов в шесть наступило наконец долгожданное затишье. Посмотрев на себя в маленькое зеркальце, которое она достала из сумочки, Шаира осталась недовольна своим видом: глаза — в темных обводах, лицо осунулось, побледнело. Резче обозначились едва заметные морщинки на лбу. «Вот так, — горестно вздохнула Шаира, — еще нет и тридцати, а старею не по дням, а по часам. К черту эту работу. Кому это все нужно? Не спишь, не ешь как следует!»

Наконец-то кончилось ее дежурство. Она вышла из приемного корпуса и жадно вдохнула свежесть утреннего воздуха, пропитанного тополиным настоем. После ночной смены многие спешили к больничной проходной, сталкиваясь с теми, у кого рабочий день только начинался. Шаира издали увидела спешившую ей навстречу

Доктора-апа. Который раз подивилась она ее собранности, умению скромно, но со вкусом одеться, какой-то ее жизнестойкости, а главное — ровности настроения: никогда, сколько Шаира знала эту женщину, она не повышала голос ни на кого — ни на своих коллег, ни на молодежь. Терпению и выдержке ее завидовали многие. В том числе и сама Шаира.

Поравнявшись, Шаира первой поздоровалась. Дежурили? — поинтересовалась та.

Шаира улыбнулась:

— Да, в приемном покое. Ночь выдалась беспокойная.

— Ну, тогда счастливо, отдыхайте как следует! — Доктор-апа приветливо помахала Шаире рукой. — Да, кстати, Шаирахон, вы помните того молодого писателя, Самандарова, который лежал у нас в отделении? Так вот, я вчера его встретила и он передавал вам привет!

— Спасибо, Доктор-апа! — закивала головой Шаира. — Дай бог ему здоровья, он очень хороший человек!

Доктор-апа согласно кивнула и пошла к лечебному корпусу по тополиной аллее. На душе Шаиры стало еще тоскливее. Не радовало сегодня солнце, утренняя свежесть. Ей даже показалось почему-то, что между приветом, переданным ей Шерзадом, и ее ощущением, что она в последнее время заметно изменилась внешне к худшему, есть какая-то нелепая связь. И мысль эта окончательно испортила ей настроение.

Конечно, в жизни на ее долю в общем-то выпало немало радостей. Зато горестных минут — сколько угодно. Даже, казалось, самые счастливые периоды ее жизни всегда омрачались неприятностями. И в этом, как поняла Шаира годы спустя, виновата была, как ни странно, ее мать.

Сколько она себя помнила, когда была еще девочкой, в доме всегда разыгрывались бурные скандалы. Отчего — трудно объяснить. Отец нередко прикладывался к бутылке. И когда с работы возвращалась мать, а приходила она всегда поздно, так как служила в ресторане, начинались традиционные выяснения отношений. Шаира тогда многого не понимала в их взрослых разговорах. Только помнила, что оскорбляли они друг друга не стесняясь. Ей было иногда невыносимо смотреть и слушать все это. Крики будили ее среди ночи, но на нее никто не обращал внимания, ее не стеснялись. И она, устав от очередного долгого скандала, наглухо затыкала пальцами уши. Тогда было забавно смотреть,

как отец и мать, как в немом кино, раскрывали рты, бросались друг на друга с кулаками. Устав и от этого занятия, Шаира нередко засыпала, не дождавшись того момента, когда наступало примирение и гасился наконец свет. Редкий вечер проходил по-другому, и эти сцены стали привычными и обыденными. До тех пор, пока однажды — она уже училась тогда в первом классе — отец не исчез из дома.

Странно, но она скучала по отцу, вспоминая те редкие минуты покоя, когда они оставались дома одни. Он брал в руки книжку, принесенную ею из школьной библиотеки. Своих книг у нее не было. И он читал ей вслух. Она так и запомнила его, сидящего рядом с книжкой в руках, время от времени спрашивающего, интересно ли ей то, о чем он читает. Она согласно кивала и готова была сидеть так до бесконечности, пока сон не одолевал ее окончательно.

Часто она спрашивала мать, где отец. Та отмалчивалась, но однажды не выдержала и злобно выкрикнула:

— Твой отец умер! Поняла ты — умер! И забудь о нем навсегда! Если задашь хоть раз еще этот вопрос, язык отрежу!

Угроза подействовала, и она больше никогда не спрашивала о нем. Конечно, она знала, что отец жив. Порою обида на него просыпалась в ней вдруг с непонятной силой, но и она проходила. Мать по-прежнему возвращалась с работы поздно. И каждый раз она с непонятным страхом ждала ее возвращения. Нередко та являлась в сопровождении незнакомых мужчин, и тогда Шаира, сжавшись в комочек и закрывшись с головой одеялом, пыталась заснуть, что редко ей удавалось.

Шли годы. Шаира подрастала, взрослела и рано начала понимать вещи, недоступные ей прежде. Не зря отец ссорился с матерью, увещевал ее, уговаривал. Потому и ушел, не выдержал: знал, что уговоры эти напрасны. Мать была молода, недурна собой. Охотников завести с ней роман находилось немало. Один из них, довольно симпатичный, моложе ее парень, стал появляться чаще других и постепенно отвадил остальных. С Шаирой был ласков, называл сестренкой, проявлял знаки внимания, дарил какие-то мелочи, приятные ей, приглашал вместе с матерью в кино. Если бы знала тогда девушка, какой трагедией обернется для нее все это! Парень почти переселился к ним жить, чему мать была несказанно рада. Наверное, надеялась, что он женится на ней. Но он, оказывается, только ждал удобного момента, чтобы

осуществить свои намерения. И такой момент подвернулся: мать уехала на два дня к сестре в кишлак, и Шаира осталась с ним одна... Как она просила, как умоляла и заклинала его оставить ее в покое! Он же, изрядно выпив и совершенно озверев, ничего не слышал и не видел. И когда на следующее утро вернулась мать, то, узнав о случившемся, в немом отчаянии стала рвать на себе от горя волосы и все грозилась: «Сообшу на работу, заставлю землю есть весь твой проклятый род!» Однако угрозы остались угрозами, а парень, видно, сумел каким-то образом откупиться и больше с тех пор у них не появлялся.

Теперь она боялась родную дочь, старалась ей во всем угождать, считая себя кругом перед нею виноватой. Все свои деньги она теперь тратила на Шаиру. Одевала ее во все самое модное и дорогое. И в медицинском техникуме, куда Шаира поступила после школы, не было девушки, которая могла бы похвастаться такими платьями, туфлями, костюмами и пальто, как она. Что ни день, то обновка. Дорогие серьги, кольца, браслеты довершали наряды Шаиры. Почувствовав власть над матерью, которую порой ненавидела за все, что случилось с нею, вертела ею, как хотела, капризно требовала от нее новых покупок. Так они и жили — два совершенно разных, казалось порою, неродных человека: одна на всю жизнь затаившая ненависть, другая — всеми способами старающаяся искупить свою вину. Мать не оставляла надежды выдать Шаиру замуж, подыскать ей подходящего «хозяина», как она говорила своим подружкам по ресторану. Такой хозяин нашелся, к великой ее радости. В Шаиру без памяти влюбился парень, работавший монтажником на стройке по соседству с техникумом, где она училась. И хотя Шаира не питала к нему никаких нежных чувств, однако будущий зять пришелся по душе ее родительнице, и та уговорила Шаиру сделать решающий шаг. И не все ли ей равно было тогда, за кого выходить? Она согласилась на предложение. Сыграли свадьбу. По выражению матери, «все дело было обделано так, что комар носа не подточит».

Муж очень любил Шаиру. Он оказался парнем честным, трудолюбивым. Казалось, что нужно еще для счастья? Видя беззаветную преданность, Шаира должна была, наверное, и сама перемениться к лучшему, почувствовать уважение к человеку, прощавшему ей все ради любви к ней. Однако ничего подобного не случилось. Шаира, сама того не желая, снова стала послушной в

руках своей матери, меркантильной торгашки, которая не уставала поучать ее: «Жене достаточно сесть мужу на колени, а там недолго и на шею забраться! Прибери, доченька, мужа к рукам, пока не поздно! Прибери!» Постоянные разговоры и поучения сделали свое недоброе дело. Не любя его, вертела им, как хотела. Принимая любовь, постоянные уступки — за слабоволие, она возненавидела мужа окончательно. Он безропотно терпел все капризы своенравной супруги, надеясь на то, что она когда-нибудь по-настоящему оценит его доброе отношение к ней. Но не тут-то было: дальше — больше... Поздно иногда спохватывается человек, поздно жалеет о содеянном... Но, увы, утраченного не вернешь ни за какие блага мира. Так случилось и с Шаирой. Ненавидя весь род людской, она утратила веру даже в тех людей, которые старались ей помочь, любили ее. Шаиру словно нес какой-то дикий вихрь. Она вымещала зло и неверие свое на мужа, и чем больше она глумилась над ним, тем безропотнее он становился, что раздражало ее все больше.

Шаира родила девочку. Внимание и заботы мужа удвоились. Капризы жены стали невыносимыми: она постоянно требовала новых нарядов, развлечений. Не успев получить зарплату, которую он отдавал ей всю до копейки, она тотчас всю ее тратила. Получили новую квартиру, которую нужно было обставить. Денег не было, и мать, постоянно подливавшая масло в огонь, твердила одно: что это за мужчина, который получает сто пятьдесят в месяц. Заставила взять у нее в долг, чтобы купить дорогой гарнитур.

Теперь вечной темой разговоров служил этот долг. Он висел над семьей, словно дамоклов меч. А мать, как злая дуэнья, нашептывала: «Собирай золото, доченька! Собирай! В тяжелые дни только оно и поможет выкрутиться!»

И Шаира собирала, тратя на побрякушки и свою не такую уж большую зарплату, которую она стала получать после техникума, пойдя работать.

Муж трудился две смены подряд каждый день. Во время отпуска от зари до зари вкалывал на строительстве «левого» участка. Денег стало больше, но все равно не хватало. Аппетиты жены не убывали. Напротив, появились новые прихоти, требующие немалых расходов. Шаира видела, что от непосильной нагрузки муж худел. Имел старый единственный костюм, который купил еще

к свадьбе, но все это не вызывало сострадания, наоборот, усиливало неприязнь.

Случилось и еще одно непредвиденное обстоятельство, после которого Шаира стала презирать мужа больше прежнего. Побывав на свадьбе подруги, с которой училась в техникуме, она познакомилась с человеком, который, казалось, воплощал ее идеал настоящего мужчины. Кинорежиссер, блиставший за свадебным столом остроумием, будучи выбран тамадой, восхищался умением Шаиры танцевать, расточал ей весь вечер комплименты, от которых у нее кружилась голова. Вызвался проводить ее домой. И когда его «Жигули» остановились возле знакомого двора, они с Шаирой еще долго сидели в машине, он рассказывал о своей работе, говорил, что собирается снимать новый фильм и что она, Шаира, очень подходит на роль главной героини. О, она никогда не снималась в кино? Ничего! Это дело поправимое! Была бы внешность подходящая, такая, как у нее, например. Тут она окончательно потеряла голову.

И пока фильм еще не начали снимать, они с режиссером виделись почти каждый день, встречаясь у него дома. В любовнике, казалось, было все, что отсутствовало в муже: решительность, умение обращаться с дамой, галантность, остроумие. Кроме того, что греха таить, и машина решала многое. Он ежедневно привозил ее на работу и отвозил после свидания домой. А фильм так и не начали снимать...

Муж с каждым днем худел и выглядел все хуже. Она не задумывалась над причиной этого. Себе же самой не желала давать отчета в собственных действиях. Ее словно несло на гребне неведомой волны: все было дозволено, ни в чем она не встречала препятствий. Как-то режиссер намекнул, что совершенно не любит свою жену, что они очень разные люди и что он собирается развестись с ней. Шаира поняла это как намек на предложение ей и стала с еще большей неприязнью относиться к мужу. Почти ничего не делала дома: муж готовил завтрак и ужин. Раньше жены приходил в сад и забирал дочку, стирал ее нехитрый гардероб. В своем новом увлечении она забыла обо всем, потеряла чувство осторожности: режиссерские «Жигули» теперь подъезжали прямо к парадному Шаиры, она не стеснялась ни мужа, ни соседей. Но как-то так случилось, что как раз муж-то ничего и не видел и о ее похождениях узнал самым последним, столкнувшись однажды с Шаирой и ее режиссером на пороге своей квартиры. Тогда в этом

тихом и скромном человеке проснулась ярость: увидя на плечах жены пиджак незнакомца, он ударил Шаиру по щеке. И не успел оглянуться, как услышал шум отъезжающей машины. Надо же такому случиться, что как раз в тот момент с лестницы спускалась мать Шаиры, будто нарочно подстерегавшая эту сцену. И она чуть не с кулаками полезла на своего зятя, проклиная его тиранию и призывая в свидетели соседей. Из квартиры рядом тотчас выскочила какая-то пьяная компания в основном из мужчин и до полусмерти избила «подлеца», поднявшего руку на женщину, свою жену. Шаира скрылась за дверями своей квартиры, спустя какое-то время, держась за стенку, молча вошел муж. И она поразилась, увидя его лицо. Оно было разбито, окровавлено, все в ссадинах и кровоподтеках. Он не стал затевать ссору. Молча подошел к кровати дочери, осторожно наклонился и поцеловал спящего ребенка. Никогда прежде она не видела, чтобы он плакал. Теперь по его лицу, раньше срока состарившемся, катились слезы. Он неловко отвернулся, пытаясь скрыть их, поглядел на застывшую в немом изумлении у стола Шаиру, на тещу, готовую в любой момент броситься на защиту любимого чада, и, не сказав ни слова, не взяв ни единой принадлежащей ему вещи, молча вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Некоторое время Шаира жила в растерянности. Ей казалось, что муж, больше жизни любивший маленькую дочку, рано или поздно, все простив и забыв, вернется. Но шли недели, месяцы, а он не подавал никаких вестей о себе. Наконец пришла повестка из суда. И тут Шаира поняла его благородство: он оставил ей квартиру, несмотря на то что получил ее от своего предприятия. Оставил все вещи, которые они вместе приобретали. Этим он как бы еще раз подтвердил, что ни видеть ее, ни говорить с ней он не намерен.

Казалось, она обрела долгожданную свободу, расставшись с мужем. Она поспешила обрадовать кинорежиссера. Но его реакция явилась для нее совершенной неожиданностью. Он сказал, что она поступила неразумно: надо было постараться погасить ссору, найти веские доказательства своей правоты. Вот так... А он же в ближайшее время уезжает в длительную командировку на съемки нового фильма.

Есть такая пословица. «Думал на крышу взобраться, а оказался в яме». Шаире казалось, что это сказано про ее жизнь. Теперь и прошлое представлялось ей не таким

уж безысходным, а муж — мучеником, который ушел из семьи из-за нее. Но как вернешь его? Как повидать, как сказать, что была неправда, как вымолить прощение?.. Кроме этих противоречивых чувств, ее волновало и другое. Девочка росла без отца, а к чему это может привести, убедилась на собственном горьком опыте. Она боялась, что рано или поздно дочь неизбежно станет спрашивать об отце, как когда-то она свою мать.

Однажды она пришла за девочкой в садик. Та играла с ребятами в песочнике и, выпятив нижнюю губу, сердито угрожала какому-то мальчику:

— Вот подожди, придет мой папа, я ему все расскажу! Он тебе задаст!..

Сердце болезненно сжалось. Невольно вспомнила свое детство. Не выходили из памяти слова матери: «Твой отец умер! Ты поняла?»

Нет, никогда она не сможет своей дочери сказать неправду. В каком-то исступлении Шаира обняла ребенка, принялась целовать. И тут внезапно ее пронзила горькая мысль о том, что она совершила непоправимую ошибку, уготовив родной дочери судьбу, похожую на свою. Поняла, что никогда и ничто не сможет заменить ей отцовскую любовь.

Говорят, пришла беда — открывай ворота... Мать разбил паралич. Восемь месяцев она пролежала без движения в постели. И Шаира выполняла малейшее ее желание, капризы, так свойственные больному человеку. А золото, на которое мать всегда возлагала надежды во всех случаях жизни, не принесло ей желанного здоровья, отрады в тяжкие дни: только родная дочь разделяла с ней горе, стараясь по мере сил облегчить ее страдания. Шаире не раз в эти месяцы вспоминались слова мужа, как-то сказанные им во время одной из ссор: «Когда-нибудь ты дорогой ценой расплатишься за все недоброе, что причинила людям».

Она понимала: теперь пришла эта расплата. Шаира потеряла покой. Перевела дочь в садик на неделю, совершенно охладела к дому. И однажды, когда меньше всего ожидала этого, встретила с бывшим мужем.

В тот вечер Шаира раньше отпросилась с работы: у девочки был день рождения. Она хотела в пятницу забрать ее днем. Войдя на территорию детского садика, утопавшего в зелени, она пошла к беседке, где в это время всегда играла группа дочки. Но ребенка в беседке не оказалось. И Шаира принялась разыскивать ее на дорожках, где были уютно расставлены низенькие дет-

ские скамеечки. На одной из них, в дальнем углу, в тени низких персиковых деревьев ее дочь сидела на коленях у отца, крепко обняв его за шею и о чем-то весело с ним болтая. Сначала было Шаира разозлилась, но через мгновение в ее душе затеплилась надежда: она до сих пор верила, что не потеряла былой власти над мужем. И, постояв так с минуту, вышла из своего укрытия. Подойдя, была поражена его лицом, на котором увидела совершенно незнакомое ей выражение спокойствия и какой-то уверенности в себе. Прежде она видела на нем лишь озабоченность, напряжение от постоянных неприятностей. Теперь же, словно выйдя закаленным из жизненных неурядиц, он обрел наконец то, что искал. Даже, отметила она про себя, и в плечах он как-то раздался. Или его делал таким добротный новый костюм и красивая рубашка... Словом, перед ней теперь был совершенно иной человек, не тот, которого она знала по их прежней жизни.

Она, казалось, была рада его приходу к дочери. Во всяком случае, лицо ее выражало приветливость. Рассказала ему, что их дочь растет умницей, часто о нем спрашивает. Сказала так — и вроде бы покаялась заодно: мол, кто в молодости не совершает ошибок!.. Но муж не принял этого покаяния и сделал вид, что не понимает: ни единый мускул не дрогнул на его лице, ни одного слова не услышала она в ответ. Лишь прощаясь с дочерью, полуобернувшись в ее сторону, произнес одно слово:

— А вы выросли!..

Шаира вопросительно поглядела на него. И он ответил на ее немой вопрос:

— Стали еще более нахальной, чем прежде!

У Шаиры от этих слов остановилось дыхание. Она-то думала осчастливить этого несчастного, а он — поди ж ты! — такого высокого мнения о своей персоне! И она, несколько минут назад согласная на какой угодно компромисс с ним ради дочери, теперь снова исходила злобой на весь род людской, шепча: «Пусть подохнут все мужики — до единого!»

От этих угроз и проклятий жить легче не становилось. Да кроме того, в последнее время ее особенно стал угнетать страх перед надвигающейся старостью. Иногда ночью она просыпалась в холодном поту, и уже сон больше не приходил. Если же ей удавалось до утра задремать немного, то облегчения она не испытывала: снились кошмары. Утешение находила теперь лишь в

работе. Там, среди знакомых ей людей, которые относились к ней с уважением и ничего не знали о ее другой жизни, она чувствовала себя спокойно и уверенно, была внутренне благодарна им за это отношение. Врачи же и сестры, а особенно больные, любили ее за веселый нрав, какую-то легкость, которую она умела вносить в повседневную трудную жизнь больницы. И на каком бы участке она ни работала, все у нее спорилось, все горело в руках.

Теперь на эти воспоминания о прошлом, которое она и хотела бы иногда забыть, да не могла, ее почему-то натолкнул неожиданный привет Шерзада, переданный через Доктора-апа...

День начался, и в троллейбусе, в который села Шаира, было совсем свободно. Она устроилась посредине салона и снова вспомнила Шерзада, каким он был в больничном халате, с неизменной книжкой в руках. Она не раз вспоминала его, этого, как ей казалось вначале, немного странного парня. И не могла бы объяснить, если бы ее спросил кто-нибудь, что она нашла в нем приятного. Знала лишь одно: он не похож на других. И несмотря на свою привлекательность — она считала его интересным — не был самоуверен, как другие. Не приставал к сестрам с легкомысленными предложениями о встречах и свиданиях, что не так редко случалось, когда в больницу попадал самоуверенный наглец. Шаира почувствовала в Шерзаде неподдельную чистоту — и в его поведении, в обращении с ней. Удивлялась: «Наверное, он и со всеми другими людьми, как со мной!» С юности уверенная, что каждый стремится обмануть другого и мужчинам никогда нельзя доверять, она с удивлением убедилась, что с ним все иначе, и он ни разу не дал повода подумать, что он кого-то обманул.

Самоуверенная Шаира считала, что любой парень, стоит ей только намекнуть, будет у ее ног. Но, как она поняла после многих разочарований в жизни, она сама нередко подавала повод не уважать себя. Даже тот кинорежиссер, которому она почему-то верила и которого, как ей казалось, она выбрала сама, жестоко посмеялся над ней. Шерзад своим отношением, как это ни странно, помог ей понять самое себя, разобраться в сложных взаимоотношениях с миром. Помог взглянуть на себя со стороны, увидеть истинное свое лицо. И тогда она возненавидела Шерзада, поняв, что ведь она ему не пара, и он честно и откровенно признался ей в этом. Но он и предостерег ее, хотел того или нет: так

продолжаться не может, нельзя растрчивать себя и свои чувства.

Счастье не состоялось, это она теперь понимала, и оттого на душе у нее было горько, порою страшно за свое будущее. И она мстила за свои неудачи другим, думая, что возмездие принесет желаемое усложнение. Но все и тут оказалось не просто. Она думала, что играет другими по собственной прихоти. На самом же деле она была игрушкой в руках других. Сколько же можно жить, не отдавая отчета в своих поступках, своим поведении даже самой себе, не чувствовать ответственности перед завтрашним днем, перед дочерью, наконец. Разве это не самое страшное и мучительное? Шерзад помог ей задуматься над всем этим, и уважение к этому искреннему, словно ребенок, но гордому парню выросло в ее глазах еще больше.

...Троллейбус совсем опустел, когда она вышла на конечной остановке около двухэтажного универмага, пропускавшего посетителей через стеклянную дверь-вертушку. Дом этот напоминал Шаире муравейник, где непрестанно все было в движении. Скоро Майские праздники, и в магазинах женщины «ловили» дефицитные товары. Ей тоже очень хотелось сделать себе подарок — купить французские духи. Но они стали в последнее время редкостью, так как пользовались необычайным спросом.

Проходя мимо секции тканей, Шаира услышала взволнованные женские голоса, а к прилавку, увидела, выстроилась очередь. Продавали ханатлас¹, и она, не раздумывая, встала в очередь. Хвост был небольшой, может быть, человек пятнадцать. Девушка-продавец в синем халате проворно орудовала метром, а дожидавшиеся своей очереди, зная, что этот товар не так часто появляется на прилавках, волновались: хватит ли. Вот почему то и дело кто-нибудь из очереди громко напоминал:

— Товарищ продавец! Не отпускайте помногу! Что-бы всем досталось!

— Пожалуйста, сестрица, так и делайте!

— Чтобы и мы не зря стояли!..

Продавец и без подсказки знала хорошо свое дело и отпускала в одни руки не более двух отрезов атласа.

¹ Ханатлас — лучший сорт атласа, как правило с национальным красивым узором, местного производства.

Стоявшие в очереди понемногу успокоились. Однако, когда перед Шаирой оставалось не больше пяти человек, продавец вежливо предупредила:

— Очередь больше не занимайте, атлас кончается!

Поднялся несусветный шум. Девушка в синем халате, закрыв ладонями уши, казенно заулыбалась. Откуда-то появился молодой парень в таком же, как у девушки, халате, спросил, в чем дело и что за шум.

— Я заведующий секцией! представился он Покупатели снова недовольно зашумели.

— Почему кончился?! Ведь на наших глазах продали только два рулона!

— Атлас кончился!— спокойно произнес заведующий.— Через пару дней получим еще, тогда, пожалуйста, приходите!

Но покупателей унять было трудно: в самом деле, не мог отдел тканей такого большого универмага получить всего два небольших рулона материи. Вновь с прежней силой разгорелись утихшие было страсти. Кто-то требовал жалобную книгу, кто-то собирался писать заявление на имя директора...

— В редакцию надо писать, вот куда!— сердито подсказала женщина в очках, похожая на учительницу.— Совсем совесть потеряли!

И вдруг Шаира, никогда не вмешивающаяся в такого рода споры, громко поддержала женщину:

— Правильно! Давайте в редакцию! Только не расходитесь, подпишемся все, кто здесь стоит в очереди!

У кого-то нашлись бумага, ручка. Сочинили письмо, подписали его. И Шаира не успела оглянуться, как осталась одна с письмом в руках. Только та пожилая, похожая на учительницу, подавшая эту идею, на прощание сказала:

— Ты уж, доченька, постарайся, отвези его в редакцию! Да не медли! Нам-то трудно, ноги старые, а ты молодая, резвая!

Когда Шаира вышла из универмага, в ушах у нее, видно от волнения, звенело, ноги стали будто ватными.

Теперь она уже пожалела, что впуталась в это дело. Получилось, сама вызвалась. «Ну, как я пойду в редакцию?— думала она, пряча в сумку вчетверо сложенный листок.— Что я там им скажу?» Однако понимала, что не идти ей, уже нельзя: она же дала слово людям. И решила, не откладывая, пойти завтра с утра.

По договору с издательством Шерзад получил наконец долгожданный гонорар. Выйдя из бухгалтерии, пошел прямо на Главпочтамт. Оставив себе немного на праздники, все остальные деньги перевел на имя сестренки в кишлак. Он представил, как обрадуется мать, как будет благословлять его доброту, рассказывать об этом всем и каждому. И ему самому стало вдруг радостно от этих мыслей.

Сегодня в номере прошел его фельетон. Честно говоря, Шерзад не ожидал такого скорого оборота дела. Только вчера он сдал текст главному редактору, и тот быстро прочитал, распорядившись поставить в номер. Он на днях уезжал в Москву на совещание редакторов и, Шерзад понял, хотел решить вопрос с публикацией до своего отъезда. Потому что знал, что если это дело перепоручить заместителю, то оно будет тянуться до возвращения главного из Москвы.

Встав рано утром и купив в киоске рядом с гастрономом газету, Шерзад сразу посмотрел четвертую полосу: все в порядке. Фельетон «Кто хозяин школы?» был опубликован.

В автобусе он снова несколько раз перечитал его. Была у него такая привычка: два-три раза внимательно перечитать, и, хотя исправить уже ничего нельзя, все равно, задним числом замечал погрешность стиля и, конечно, ругал себя за недостаточную взыскательность... Да, сегодня вроде все так. Ничего не прибавлено и не убавлено. Раис много лет бьется над повышением урожаяев. Отлично разбирается в вопросах сельского хозяйства. Однако не раз подвергался критике за самоуверенность, волюнтаризм...

Никогда не писавший фельетонов, Шерзад с особой тщательностью работал над этим первым, взвешивая каждое слово, скрупулезно проверяя по нескольку раз все факты.

Однако радость была на этот раз недолгой. Едва он поднялся к себе на восьмой этаж, его встретила взволнованная секретарша.

— Зайдите к заместителю редактора! Да поскорее, пожалуйста, очень просил!— выпалила она единым духом и будто хотела преградить дорогу Шерзаду

Он улыбнулся, так как знал характер зама и не представлял, чтобы тот когда-нибудь мог спешить. Привык к спокойной жизни: как немногие в редакции, ухитрялся

работать, ни за что не отвечая. Коллеги шутили, говоря, что он ходит, не касаясь ногами пола, а головой — потолка. Словом, был полной противоположностью главному. Когда тот был в редакции, присутствия заместителя не ощущал никто. Но стоило ему куда-то отлучиться, как заместитель вступал в свои права. И начинались ежедневные собрания по разным, даже самым незначительным поводам. Так, ему казалось, он укреплял свою власть. Но в то же время старался оставаться в тени, взваливая ответственность за все дела на плечи подчиненных. Шерзад знал причину такого поведения зампуце смерти боялся он пропустить или совершить какую-нибудь ошибку, хотел, чтобы все было ровно да гладко, без сучка и задоринки.

Вот и сейчас Шерзад, подумав обо всем этом, спросил секретаршу:

— Не знаете, что, очередное собрание?

— Нет, нет! — та решительно замотала головой. — Приглашает вас одного. Уже три раза спрашивал!

«Не иначе как по фельетону!» — мелькнуло в голове. И сразу испортилось настроение. Конечно, вчера заместитель фельетона не читал. «Ну, держись!» засмеялся про себя Шерзад и, сложив в несколько раз газету, которую до сих пор держал в руке, засунул ее поглубже во внутренний карман пиджака. «И надо же, редактор уехал именно в этот момент!» — досадовал на обстоятельства Шерзад.

Кабинет заместителя был обставлен во вкусе хозяина. На полу — ковер пастельных тонов, на столе старинная чернильница, кожаное кресло в белом чехле. И зам, несмотря на то что кресло это было достаточно мягкое, принес из дома специально сшитую для этого подушечку, которую подкладывал под себя. Вот и теперь, когда вошел Шерзад, он сидел, неудобно закинув руку за спинку кресла, и читал газету Молча поглядев на Шерзада сквозь выпуклые стекла очков, не говоря ни слова он уткнулся в газету, внимательно изучая четвертую полосу Шерзад понял: еще только сейчас читает и, наверное, собирается с мыслями, не зная, с чего начать разговор.

Ответив кивком на приветствие Шерзада, заместитель, блеснув очками, предложил ему сесть поближе.

— Вызывали? — не выдержал Шерзад.

Зам резко вскинул голову от газеты, снял очки и с шумом бросил их на стол.

— Да, вызывал!— грубо закричал он.— Меня интересует, чем вы вообще занимаетесь, работая у нас в редакции? И долго ли мы будем за вас краснеть?..

«Ну и ну!— Шерзад устроился поудобнее на стуле у окна.— Видно, мне нескоро сегодня отсюда выбраться, раз такое начало!»

Не дожидаясь ответа на свои вопросы, зам продолжал, все более раздражаясь:

— Нет, вы, очевидно, специально все это делаете? Пропускаете ошибки, когда дежурите? Читаете полосы, а в это время обдумываете сюжеты своих романов?..

Оказывается, зам еще и злопамятен: не забыл ту ошибку в информации о заводе, которую пропустил Шерзад перед больницей. И теперь напоминание об этом промахе больно его задело.

— Вы говорили уже о моей ошибке на предыдущем собрании!— резко прервал он зама.

От вольности обращения, которую позволял себе молодой журналист, у заместителя вдруг задрожали губы, пухлое лицо покраснело.

— В самом деле, ошибка — дело пройденное, хотя и о ней не следует забывать!— он перешел на зловещий шепот.— А это, позвольте вас спросить, что?— И он с силой зашлепал тыльной стороной пухлой ладошки по четвертой полосе, по тому месту, где был напечатан фельетон.— Вы же испортили все дело! Кто теперь все это будет расхлебывать? А?

— Объясните мне сначала, пожалуйста,— Шерзад старался говорить как можно спокойнее,— что произошло?

— И он еще спрашивает!— лицо заместителя от чрезмерного возбуждения стало свекольно-красным.— Вы хоть представляете себе, на кого замахнулись? Догадываетесь, с кем тягаться вздумали? И это из-за мелочи, из-за пустяка! А вы... фельетон! Да о ком! О человеке, прославившемся на всю республику!

«Ну, раис-бува нажал на все педали!— глядя на заместителя, подумал Шерзад.— Клынул-таки петух в темечко! Видно, все же задела его тогда мой слова!»

Тем временем зам, продолжая нервно размахивать руками, говорил о бесчисленных заслугах раиса, о том, что негоже срамить такого человека и что Шерзаду не мешало бы и собственную голову иметь на плечах, а не только слушать то, что советует ему главный редактор. «Ну почему он не скажет мне прямо, что этот разговор —

результат того, что раис не сидит сложа руки, а действует, чтобы реабилитировать себя?»— думал Шерзад, глядя на возбужденное до крайности лицо зама. Потом незаметно поглядел в окно. Ветер на улице крепчал, ветки тутовника, растущего во дворе, сильно раскачивались. Ветер проникал даже сюда, в кабинет, через неплотно прикрытое окно, отчего свисавшие с потолка до самого пола занавески чуть покачивались. Шерзад только сейчас заметил маленькую горлинку с той стороны стекла, которая, прячась от ненастья, забилась в угол подоконника, а порывы ветра разведали ее пепельные перья. Маленькими ножками она старательно, что есть силы, держалась за козырек, скользила по его гладкой поверхности и, сверкая бусинками глаз, вертела из стороны в сторону головой...

Шерзад так увлекся своими наблюдениями, что вздрогнул от резкого выкрика зама и уловил лишь конец фразы:

— ...я не знаю!— тот хлопнул ладонью по столу.— Я не желаю отвечать за ошибки товарища Самандарова. Понятно вам наконец? На днях этот вопрос будет рассматривать специальная комиссия обкома партии. Вас пригласят на заседание бюро, и вы узнаете, как поднимать на смех и срамить уважаемых людей!— Голос зама охрип от волнения.— Эт-то вам не роман писать с поцелуйчиками!

Последние слова неприятно задели самолюбие. Как весьма средний журналист, считавший себя непризнанным, зам при каждом удобном случае подтрунивал над писательским трудом. Прежде Шерзад как-то не обращал на это внимания, но теперь, когда ирония была обращена непосредственно на него, он помолчал.

— Хорошо!— Шерзад решительно поднялся.— Я полечу в Фергану на заседание обкома партии. Но учтите, факты, о которых идет речь, я из пальца не высосал. И кроме того,— Шерзад кивком головы показал на мягкое кресло с подушечкой,— не волнуйтесь: это место у вас никто не отнимет. Пока, конечно, вы не уйдете на пенсию...

Он увидел вдруг, как круглое лицо заместителя главного редактора сначала наклонилось вперед, потом неестественно вытянулось, потом на нем появилась несвойственная ему растерянность. И, воспользовавшись тем, что зам все еще ничего не сказал ему в ответ, Шерзад почти спокойно добавил:

— А что касается труда писателя, некомпетентным

людям, я думаю, лучше об этом не судить! Всего хорошего!

Шерзад купил билет на самый ранний рейс. И как назло, самолет вылетел с опозданием, а когда приземлился в ферганском аэропорту, шел уже десятый час. Перед зданием обкома партии в палисаднике буйствовала зелень, блестел недавно политый асфальт, в идеальном порядке выстроились вымытые легковые служебные машины.

«Ах, как нехорошо получилось!— торопливо взбегая по ступенькам лестницы, с досадой думал Шерзад.— Опаздываю! Надо было, наверное, лететь вчера, тогда бы успел...»

Вспомнился вчерашний вечер. И то, как еще раз его вызывал зам, чтобы сообщить, что на следующий день утром состоится заседание обкома с отчетом комиссии, которая проверяла факты после публикации фельетона. «Будьте осторожны,— строго наставлял заместитель,— вопрос очень щепетильный, смотрите, чтобы мы не оказались виноватыми!...»

Теперь он уже говорил «мы», и Шерзад отметил это с удовлетворением, говорил совсем другим тоном, спокойным и выдержанным, словно обдумав и взвесив все, пришел к выводу, что щепетильный дотошный Шерзад не мог дать подобный материал, предварительно не взвесив и не проверив все самым тщательным образом. Кроме всего прочего, днем из Москвы звонил главный редактор, с которым, как сказала секретарша Шерзаду, заместитель говорил не менее получаса и в основном о его материале.

И теперь, утром, Шерзад вспомнил это изменение в поведении заместителя, идя по тихим коридорам обкома партии, и казнил себя за опоздание.

Открыв дверь приемной секретаря обкома, он тотчас увидел раиса. Но не узнал его сразу, так как тот сменил свой привычный полувоенный китель на черный строгий костюм, лацкан которого блестел от медалей и орденов. Раис стоял у окна, опершись одной рукой о подоконник, а возле него прислонился к стенке тощий, тоже в черном строгом костюме человек. Они о чем-то оживленно толковали, но когда вошел Шерзад, сразу замолкли. Шерзад облегченно вздохнул: значит, их вопрос еще не слушался.

Завидя вошедшего Шерзада, раис побледнел. Наверное, не ждал его появления теперь и не был к этому готов.

— А-а-а, явился — не запылится! — вместо приветствия грубо кивнул он головой в сторону Шерзада.

Бесцеремонность такого приветствия явно обескуражила вошедшего, однако он сдержался, считая неуместным пикироваться здесь и выяснять отношения. Собеседник раиса, повернувшись к Шерзаду всем корпусом, глядел на него не мигая, словно видел перед собой нечто диковинное. Раис же, явно не своим от волнения голосом, на высоких нотах, почти фальцетом, обратился к собеседнику, но так, чтобы слышали все, и секретарша в том числе:

— Разве мало я им помогал в тяжелые годы? А? Правду говорят, не делай людям добра, не получишь зла!.. Вместо отца родного был!

Шерзад, не в силах слушать, повернулся к секретарше, что-то выстукивавшей на пишущей машинке. Бросились в глаза усталое уже с утра лицо, волосы с проседью. Женщина была русской, однако, когда голос раиса заглушил стук ее машинки, она, недовольно оторвавшись от работы, на безукоризненном узбекском языке вежливо попросила:

— Товарищи, пожалуйста, тише, идет заседание обкома! Вы мешаете!

Раис, у которого задрожали при этих словах губы, выразительно поглядел на Шерзада, словно считал его во всем виноватым, и отошел от окна. Теперь он перешел на шепот и, выразительно жестикуюлируя, время от времени с гневом поглядывая на Шерзада, что-то говорил и говорил своему тощему собеседнику. Тот согласно кивал, будто подтверждая справедливость сказанного.

На Шерзада подействовала наступившая тишина и нервозность раиса. Он почувствовал вдруг навалившуюся на него тяжесть. «Сколько людей я поднял на ноги, отнимаю у них драгоценное время! — подумал он с запоздалым сожалением. — Мог бы спокойно делать свое дело в городе. Зачем согласился на предложение главного? Ведь никогда прежде не писал фельетонов. Так нет же, надо было ввязаться в это дело!..»

С новой силой обрушились сомнения, которые гнал от себя весь вечер накануне, и теперь вот, здесь в приемной. Может быть, прав был зам, когда говорил, что слишком «выпятил» ошибки раиса? Что бы там ни было, в самом деле, ведь именно он, раис, и никто другой, поднял колхоз на ноги. Сколько до него сменилось председателей — и не сосчитать, а ведь вытянул-то только он... Добился почета и уважения. И что бы он ни делал,

делал все ради колхоза, ради людей, чтобы выше были урожай хлопка, а ведь хлопок — это благополучие, изобилие, зажиточность людей. А не это ли главная цель жизни вообще?.. Не может же быть, чтобы собравшиеся там, за дверью, люди, умудренные опытом, не приняли во внимание заслуг раиса?..

Время, как нарочно, ползло по-черепашьи. Размеренный ход настенных часов словно растягивал секунды в минуты, и это начинало раздражать.

Наконец открылась дверь и из кабинета вышли несколько человек. Секретарь посмотрела на раиса и, обведя взглядом всех, кто был в приемной, пригласила:

— Пожалуйста, товарищи, проходите! Ваш вопрос! Раис двинулся первым. За ним его собеседник, потом Шерзад.

В кабинете сразу бросилась в глаза громадная карта области. В углу — переходящее знамя. За длинным столом сидело человек двенадцать, и среди них Шерзад сразу узнал секретаря обкома, который вел заседание. Ему и прежде уже доводилось встречаться с этим молодым, приятной мужественной наружности человеком.

Поздоровавшись с вновь вошедшими, секретарь, не медля ни минуты, поглядывая на часы, постучал карандашом по столу, призывая к тишине.

— В республиканской газете, — начал он не громко, но энергично, — недавно был опубликован фельетон товарища Самандарова «Кто хозяин школы?». Специальная комиссия обкома очень оперативно проверила факты, о которых идет речь. Послушаем мнение комиссии. Пожалуйста, товарищи!

Первым взял слово сидящий рядом с секретарем полный мужчина в клетчатой рубашке с короткими рукавами. Ему было, по-видимому, жарко, потому что он все время обмахивался газетой. Шерзад не сразу обратил на него внимание, когда вошел, а теперь, приглядевшись, тоже узнал его: он встречался с ним на полевом стане колхоза, куда приезжал беседовать с раисом.

— Товарищи! — голос звучал торжественно. — Когда мы говорим «Тиниксай», то название это ассоциируется у каждого из нас, здесь присутствующих, с самым передовым колхозом области. Понимаете? Об-ла-сти! — он интонацией подчеркнул важность того, о чем сообщил. — Кто первый в районе рапортует о выполнении плана? Тиниксайцы! Кто в области? Опять они же! Вот один из свежих примеров: нынче колхоз снова первым завершил посевную!

Он достал из кармана большой носовой платок и вытер им лоб и шею, по которым обильно струился пот. Сделав эту небольшую передышку, он обвел взглядом всех присутствующих и как бы призвал их в свидетели, неожиданно закончив свое выступление укором:

— И такого человека, дорогие товарищи, сделать посмешищем всей республики!

Он облегченно вздохнул после выполнения нелегкой миссии, уничтожающе поглядел на Шерзада. Но удивительно, доводы выступающего вовсе не смутили и не испугали Шерзада. Наоборот, скорее придали ему уверенности.

«Опять слова, давно всем известные, тот же щит — «достижения»! — не сводя глаз с оратора, подумал он. — Почему же рансу не ходить с поднятой головой, коли у него такая поддержка в обкоме?» И, как всегда в минуту волнения, Шерзад ощутил свое сердце: к горлу подступил противный теплый комок, в ушах звенело, и теперь он уже не слышал, что говорил тощий, стоявший в приемной рядом с рансом. Когда отпустило, понял, что тощий — представитель райисполкома. Так представил его секретарь, который вел собрание. Теперь, в отличие от предыдущего оратора, выступление это было обращено непосредственно к Шерзаду:

— ...вы проверяли факты, товарищ Самандаров. А надо было посоветоваться с нами, работниками райисполкома. Председатель «Тиникская» один из опытнейших руководителей района и области. Знает свое дело, как никто, образованный, отлично использующий на полях своего хозяйства технику. — Тут он слегка повысил голос. — К тому же в колхозе в последние годы произошло немало отрядных перемен. В дома колхозников пришел природный газ. Почти в каждой семье — телевизор, у многих цветной. Построена прекрасная новая школа. И колхоз постоянно и во всем помогает ей. Значит, и учителя и школа тоже должны помогать колхозу по мере, конечно, своих сил и возможностей. Ведь так? В этой истории, о которой вам известно все, во многом виноват сам преподаватель. Ну, повздорил с рансом, ну, не сошлись характерами. Неужели нельзя все уладить тихо и мирно? Нет, ему зачем-то понадобилось писать в редакцию республиканской газеты! Согласитесь, — в тоне появились заискивающие нотки, — согласитесь, товарищи, ведь человек должен обладать чувством такта? Почему нельзя было решить все по-хорошему, на месте, не вынося, как говорится, сора из избы?

Раису эти слова, очевидно, очень пришлись по душе. Оттого-то он, наверное, не удержался и крикнул с места:

— Вот и я говорю! Клеветник он подлый, этот слепой учитель! Сам ничего не может, а тех, кто дело делает, ненавидит!..

Секретарь обкома постучал по столу карандашом, строго взглянув на раиса, и спросил выступавшего:

— У вас все, товарищ?

— Да,— представитель райисполкома сел,— я кончил.

— Я хочу задать вопрос членам уважаемой комиссии, которые здесь только что выступали перед нами.— Секретарь поднялся с места.— О чем, товарищи, вы вообще сказали? В конце концов, внесите в положение ясность. Перед вами была поставлена определенная задача: проверить, подтвердились ли факты, о которых писал в своем фельетоне товарищ Самандаров. Мы, к сожалению, не услышали ответа на этот вопрос.

Представитель райисполкома в недоумении развел руками, забормотал себе под нос что-то невнятное, вроде: «Да, дело имело место. Дети собирали курак. Раис пошел на это ради пользы колхоза...»

— Ясно, ясно!— Секретарь оглядел всех сидящих за столом.— Кто, товарищи, хочет сказать еще? Вы, товарищ Мираджабова? Пожалуйста.

Поднялась миловидная молодая женщина со строгой гладкой прической. Секретарь обкома по идеологической работе.

— Жаль,— вздохнула она,— но у нас сложилась дурная традиция. Коли мы беремся кого-то хвалить, то, уж будьте уверены, не остановимся. Превозносим этого человека до небес, носим на руках и не знаем, как опустить на землю.

Все заулыбались такому началу. Мираджабова же строго посмотрела на раиса.

— Вы, товарищ Алиев, присутствуете на бюро обкома. Обсуждается ваш вопрос. Я уже не говорю, что вы позволяете себе нетактичные реплики с места, вам ведь не давали еще слова... Вы, на мой взгляд, безответственно называете клеветником человека, сорок лет проработавшего в школе. Слепоего педагога. Не забудьте — почти потерявшего зрение в Великую Отечественную войну. Я, товарищи, очень хорошо знаю этого человека. Учителя с большой буквы...

Шерзад посмотрел на раиса. Он затравленно озирался, словно ища помощи у сидящих здесь, в этой комнате.

Униженно взглянул на выступавшую, словно прося дальше не продолжать. Но женщина даже не взглянула в его сторону.

— К таким людям, как домла, мы должны быть особенно внимательны.— Она в волнении провела ладонью по волосам, будто поправляя прическу, которая в этом вовсе не нуждалась.— Домла беззаветно служит школе, учит наших детей, делает из них людей образованных. Как же можно упрекать его в том, что он обратился за помощью в газету? В этом в первую очередь виноват председатель колхоза товарищ Алиев. Но и все мы тоже несем ответственность. Почему сразу не разобрались, почему обидели заслуженного учителя? Почему не помогли ему вовремя? Вот видите, сколько «почему», и все они обращены непосредственно к нам, работникам обкома и исполкома. У меня все.

— Товарищ Самандаров, вы сами ничего не хотите нам сказать?

Шерзад не ждал, что секретарь обкома предоставит слово и ему. Именно теперь. Поблагодарив, он поднялся, несколько смутившись, словно не зная, с чего начать.

— Честно говоря,— голос его неуверенно задрожал,— честно говоря, перед тем как ехать сюда, к вам, я мучился сомнением и сам был не рад, что взялся за это дело. Сомневался, правильно ли поступил, когда, выяснив все обстоятельства, написал фельетон. Резкая критика такого уважаемого человека, как раис-бува...— Он посмотрел на раиса и вздохнул.— Теперь я вижу, что не ошибся.— Голос его окреп.— Не зря взялся за это дело. Я ведь сам родился и вырос в Тиниксае. И знаю, что раис-бува настоящий хлобкороб.— Он замолчал на секунду и пристально поглядел на представителя райисполкома и толстяка в клетчатой рубашке.— Однако перевыполнение плана не дает права переступить границы дозволенного. Так я понимаю этот вопрос,— Шерзад посмотрел на секретаря обкома,— и считаю, что именно тут, в обкоме партии, надо быть откровенным до конца, поэтому и хочу сказать еще несколько слов о том, что не написано в фельетоне.

Раис-бува при этих словах превратился в слух, прищурил глаза, будто молча вопрошал: что, мол, ты, щенок, там еще такое хочешь сказать... Однако промолчал, помня, как была принята его невоздержанная реплика с места. Шерзад успокоился окончательно и не обратил никакого внимания на этот многозначительный взгляд. Именно такое состояние овладевает человеком, когда он,

преодолев сомнения, обретает спокойную уверенность в правоте своей и способен защищать, отстаивать ее перед другими.

— Правильно, как тут говорили уже до меня,— Шерзад слегка кивнул в сторону райисполкомовского работника,— раис-бува поставил на ноги хозяйство. Повысил урожайность. Однако он привык распоряжаться людьми по своему усмотрению, иногда совершенно не считаясь с мнением отдельных людей. Не говоря уже о любви к ближнему... Я, конечно, понимаю, нельзя требовать любви к каждому в отдельности от руководителя такого большого хозяйства, каким является колхоз «Тиниксай», к каждому члену этого колхоза. И все же возьму на себя смелость заметить, что раис-бува любит только себя. Он даже в своем кабинете поставил на сейф собственный портрет в рамке.— Все заулыбались.— Вам, товарищи, наверное, приходилось бывать в гостях у председателя, и вы можете подтвердить справедливость моих слов.

Толстяк в клетчатой рубашке покраснел, словно рак, и принялся еще более энергично обмахиваться носовым платком. Шерзад спокойно продолжал:

— Автобус в колхоз приезжает по распоряжению ранса... Раис-бува считает, если колхозники хоть изредка будут ездить в райцентр, то работа в колхозе остановится, поэтому он разрешает курсировать рейсовому автобусу, когда считает это необходимым. Если же в кишлак приезжает лектор, он готов на все, лишь бы эта лекция не состоялась: по его мнению, она тоже попусту отнимает у людей время, в которое они могли бы переделать массу полезных для колхоза дел. Вы знаете, товарищи, раис-бува даже сам назначает день, когда можно сыграть свадьбу! Оказывается, по его предписанию, жениться и выходить замуж в Тиниксае можно только десять дней в году! Успел в эти дни — хорошо. Не успел — жди следующего года. Если же кто вздумает самовольничать, пошады не жди: в самый разгар свадьбы раис распоряжается отключить свет: на следующий день, видите ли, люди неохотно трудятся...

Шерзад старался говорить все это ровно и спокойно, но нет-нет да и проскальзывал в его голосе гнев, что, конечно, не могло остаться незамеченным. Вдруг он снова обратился с вопросом к присутствующим:

— А если девушка и парень не могут друг без друга? Какое вы, раис-бува, имеете право не разрешать жениться им, когда они пожелают? В таком случае куда как

просто: прикажите — и молодые будут получать у вас разрешение на любовь! Наверное, такое положение вас бы вполне устроило.— Шерзад глубоко вздохнул.— Все ли мы хорошо знаем, как истинный дехканин относится к хлопку? Может быть, и раис наш поступает так из-за любви к нему? Думаю, что подобные выходки, иначе это и не назовешь, вряд ли способствуют хорошему, хозяйскому отношению к народному добру...

Напротив! Людям будет противно даже само упоминание о хлопке: оно будет приводить их в состояние нервозности!.. Вот, товарищи, все, что я хотел сказать вам. И прошу извинить меня, если я немного погорячился.

Шерзад сел на прежнее место, и в кабинете повисла неожиданная тишина. Толстяк все еще продолжал вытирать платком лицо и шею. Представитель исполкома пристально разглядывал газету, лежащую на противоположном конце стола. Раис сидел, поджав губы, не шевелясь, прямо, словно аршин проглотил. Нарушив тишину, поднялся наконец секретарь обкома.

— Конечно, все мы заняты своей работой,— начал он тихо,— бывают дни, ни сна ни отдыха. Но такое нынче время, требует оно полной отдачи от человека, иначе и дело не пойдет. Однако есть товарищи, которые забывают о главном — о людях. И это, как мне кажется, самое большое зло.— Говоря это, секретарь все время почему-то смотрел на Шерзада.— Не сегодня-завтра уже все работы на полях будут делать машины. И поколение, которое окончательно освободит человека от тяжелого труда, я верю, это наши сегодняшние ученики.— Он резко повернулся в сторону раиса.— Да, да, те самые ребята, которые сегодня учатся в нашей колхозной школе! Именно они будут создавать эти умные машины! Мы знаем вас, товарищ Алиев, как руководителя толкового и умного. Вы подняли колхоз на ноги в тяжелые послевоенные годы. Мы все радуемся вашим успехам. Но если вы делаете ошибки, а в данном случае это так, мы не можем закрывать на них глаза, списывая все на ваши успехи. Здесь отмечали, что колхоз нынче получает и большие прибыли. Говорили, что в каждом доме газ, телевизор. Все это так, и все правильно. Однако сегодня люди требуют к себе, и справедливо требуют, более чуткого и внимательного отношения. И это, товарищи, тоже наша победа. И немалая. Потому что люди теперь знают себе цену, знают цену своему нелегкому труду

Если мы не будем дорожить людьми, их мнением, грош цена нашей с вами тут работе!

Шерзад невольно взглянул в этот момент на раиса. Тот сидел ни жив ни мертв, уставившись в одну точку. Его лицо, как показалось Шерзаду, стало спокойнее: верно, слова секретаря обкома подействовали на него отрезвляюще.

— Вы, раис-бува, по праву считаетесь у нас отцом колхоза.— Голос секретаря стал мягче.— А отец должен быть добрым к своим детям. Дети колхозников — и ваши дети. А их первейшая обязанность сегодня — учиться и учиться. Если серьезно прислушаться к тому, о чем здесь сегодня говорил наш гость товарищ Самандаров, — а мы должны прислушаться именно так, серьезно, — то это очень важная проблема. В таких понятиях, как радость колхозника, горе колхозника, заложен глубокий смысл. Ценить и дорожить человеком — вот, товарищ Алиев, в чем смысл нашей с вами работы. Вы понимаете меня? Я говорю достаточно ясно? И если вы считаете, что в жизни колхозника ничего, кроме хлопка, не существует, то глубоко заблуждаетесь.—«Все для человека!» — это ведь не просто лозунг на бумаге.

Шерзад с легкой душой внимательно слушал, не отрывая взгляда от симпатичного лица выступающего секретаря. С неподдельной простотой и искренностью говорил он о том, что было близко и понятно ему, Шерзаду, что волновало, не давало покоя, заставило мчаться, бросив все, сюда, в далекую Фергану. Умение глубоко проникнуться идеей, независимо от ее масштаба, и задушевность этого человека, на плечах которого лежали все заботы огромной области, не могли не покорить Шерзада, считавшего людей такого рода солью земли и всегда стремившегося в своей жизни быть чуточку на них похожим.

33

Когда на следующий день Шерзад возвратился в Ташкент, пришел в редакцию и открыл дверь своей комнаты, то увидел обычную картину: Абдувахид в клубах табачного дыма склонился над своим столом, что-то писал в своем блокноте, ничего вокруг не замечая. Одновременно говорил по телефону, прижав плечом трубку, чтобы освободить руки. Увидев Шерзада, когда тот появился на пороге двери, он радостно заулыбался и сказал тому, на другом конце провода:

— Да вот и он сам явился! Сейчас его дам!— Он пожал Шерзаду руку и вложил в нее трубку.— Тебя, старик!

Шерзад недоверчиво поглядел на друга, так как знал, что тот не прочь был устраивать розыгрыши по телефону. Он это не однажды испытал и на себе. Запомнил, как во время прохождения преддипломной практики Абдувахид в течение нескольких дней, до неузнаваемости меняя свой голос, приглашал от имени какой-то Саиды на свидание товарища по группе, скромного, застенчивого паренька.

Вот и теперь, опасаясь очередной шутки друга, он закрыл трубку рукой и тихо спросил:

— В самом деле меня? Кто?

Абдувахид засмеялся:

— Не бойся, тебя, не шучу! Какая-то красавица вот уже два дня разыскивает тебя, а я ей отвечаю, что ты все еще не вернулся из командировки.

«Зухра»,— решил Шерзад и погрозил Абдувахиду кулаком:

— Ну, смотри, если это покупка, пеняй на себя, получишь тогда!..

Глаза Абдувахиды сощурились, в них прыгали веселые бесенята:

— Ну, разве плохо, что тебя кто-то полюбил, вот душень! Это же прекрасно!

— Я слушаю!— как можно равнодушнее произнес Шерзад, чтобы скрыть волнение.

— Алло, алло, скажите, вы, Самандаров? Да?— спросил в трубке звонкий голос. Но это была не Зухра, Шерзад сразу понял это, хотя никогда прежде не говорил с ней по телефону.

— Да, это я, Шерзад, но, простите, не узнаю вас... Кто это?

— Это я... Шаира!

Шерзад растерялся и не сразу нашелся что ответить.

— Кто-кто?— переспросил он, невольно растягивая слова.

Трубка засмеялась. Вот теперь он понял, что это и в самом деле была Шаира.

— Ша-и-ра! А у вас, Шерзад, оказывается, плохая память!

— Ну что вы, Шаирахон! Просто это как-то неожиданно... ваш звонок... Откуда вы говорите?

— Да я тут недалеко от вас, из автомата!— голос ее теперь звучал привычно-знакомо, так, как это было в больнице.— Я вам звоню уже третий раз, мне очень нуж-

но повидаться с вами Шаира замаялась По делу Если бы вы посоветовали мне

«Интересно, что это у нее ко мне за дело?» недовольно подумал Шерзад. Настроившись на разговор с Зухрой и узнав Шаиру, Шерзад мысленно гадал, что за серьезный разговор ему предстоит. Настроение было омрачено, но он как можно мягче пригласил

Хорошо, Шаира! Я позвоню в проходную, и вам сейчас выпишут пропуск Поднимайтесь, мы на восьмом этаже

Не успел он положить трубку, как Абдувахид, внимательно слушавший весь разговор, нетерпеливо спросил
Кто это?

Сейчас увидишь!— Шерзад нахмурил брови Могу познакомить, если хочешь!— он еле сдерживал улыбку

Ну, почему же уж прямо так хочу? — Он смутился Ведь я не прошу знакомить. Оставим этот разговор. Ты лучше скажи, как съездил, как обсуждение прошло?

Шерзад похлопал Абдувахиду по плечу

Все хорошо, старик! Справедливость восторжествовала! Как ты-то здесь?

Да я что, все нормально! Вот, редактор из Москвы вернулся...

Он вытряхнул из пачки сигарету и собирался было закурить, да вспомнил о своей клятве.

— Ой, прости меня, пожалуйста, я тут без тебя распустился с курением Все, старик! Пошел в коридор

Он скоро вернулся, широко раскрыв перед Шаирой дверь в кабинет Едва она вошла, как Шерзад ощутил знакомый запах ее духов. Она выглядела, как показалось Шерзаду, намного лучше, чем тогда, в больнице: более подтянуто, собранно. На ней ладно сидело цветастое платье с коротким рукавом, в глазах светились веселые огоньки. Он невольно вспомнил больницу, их странное ночное свидание в темной полуподвальной комнатке, когда Шерзада охватило странное смятение чувств, которое потом он никак не мог объяснить даже самому себе. Вспомнилась и трогательная забота Шаиры, когда она к дню выписки из больницы тщательно погладила его брюки, постирала носовой платок. Наверное, подумал Шерзад, и она тоже вспомнила все это теперь, идя к нему в редакцию.

— Садитесь, Шаира!— пригласил Шерзад приветливо.

Абдувахид, вошедший с Шаирой, не спускал с нее робких и восторженных глаз.

— Знакомьтесь!— сказал Шерзад с улыбкой.— Это Шаирахон. Она меня выхаживала в больнице. Низкий ей поклон за это! Шаира, это Абдувахид, мой друг и коллега по работе!.. Прошу любить и жаловать!

Абдувахид, робко пожав руку Шаире, спохватился тотчас же, что слишком сильно сделал это, и, извинившись, вдруг вспомнил о каком-то неотложном деле, которое требовало теперь его присутствия в другом месте.

— Я сейчас, простите меня!— и он быстро пошел к двери.

— Да сиди, куда ты?— улыбнулся Шерзад.

— Только что звонили из машбюро, просят срочно материалы перепечатанные забрать.

Дверь за Абдувахидом захлопнулась, и Шерзад взглянул на Шаиру.

Теперь она приняла свой обычный вид, смущения как не бывало. Непринужденно сев на стул и закинув ногу на ногу, она, посмотрев на Шерзада, с удовольствием отметила:

— А вы, Шерзад, хорошо выглядите! Я рада, что вы совсем поправились!

— Спасибо вам за добрые слова, Шаирахон!

— И вам спасибо!— смутившись и покраснев, вдруг тихо сказала Шаира.

Шерзад бросил на нее быстрый взгляд:

— За что же, Шаирахон?

— Да так!..— она пожала нерешительно плечами и снова улыбнулась.— Я вот принесла вам жалобу!— Шаира постаралась перевести разговор на другую тему.— Поможете?

— Если это в моих силах, с радостью!— Шерзад взял протянутые ею мелко исписанные два тетрадных листка.

— Может быть, у этих проклятых спекулянтов совесть проснется, если вы от редакции проведете там проверку!..

— А в чем, собственно, дело? Расскажите!— Шерзад попросительно взглянул на Шаиру.

Она поведала ему о том, что произошло в универмаге несколько дней назад. Шерзад привык видеть Шаиру всегда улыбающейся, приветливой. И этот серьезный вид, с которым она ему все рассказывала в подробностях и деталях, никак не шел ей.

— Отрез атласа на платье стоит максимум тридцать рублей!— сердилась Шаира.— На базаре уже, у спеку-

лянтов,— в пять раз дороже! Во вторник в универмаге продавали очень красивый ханатлас. И когда подошла моя очередь, продали всего лишь два рулона ткани. Продавцы заладили: кончился! Но ведь мы все видели сами, не мог он кончиться! Не мог! Каждому отпускали только два отреза, не больше, так попросили покупатели. Даже если за полчаса материал смогли купить в лучшем случае сто человек, не может быть, чтобы в такой большой универмаг привезли атласа всего на двести платьев! Такой товар ведь не каждый день встретишь на прилавке! Верно?

Шаира говорила быстро, боясь упустить какую-нибудь подробность, от волнения моргая глазами, лицо ее покраснелось.

«Она, конечно, права, что так возмущена,— думал между тем Шерзад.— Ну сколько может зарабатывать в месяц медсестра — рублей сто двадцать, не больше, а чтобы не быть хуже других, она вынуждена покупать атлас у спекулянтов втридорога. Не покупать тоже нельзя: женщина чувствует себя гораздо увереннее, когда одета модно и со вкусом. Без конца говорим: покончим со спекуляцией, но пока разговоры остаются только разговорами. Ведь спекуляция — это лишь одна сторона вопроса. Не на фабрике же барыга закупает товар! А в магазине, у таких же спекулянтов, как он сам...»

— В каком универмаге это происходило?— Шерзад посмотрел на листочки, которые ему вручила Шаира.

— Да там все написано! Вон, в самом конце!— она показала.— Подписаться хотели все, кто стоял тогда в очереди. Да бумаги не хватило, только вот эта и нашлась, два листочка! Было неясно, я все переписала...

Шерзад еще раз внимательно перечитал написанное ровным круглым, немножко детским почерком Шаиры. В конце короткого письма, на одном листочке, стояло подписей сорок. Это уже что-то! Рядом с каждой — место работы или телефон. Все рабочие и служащие. Увидев адрес и номер универмага, Шерзад живо поднял взгляд на Шаиру.

— Вот это номер! Вы знаете, Шаира, это же универмаг, где директором наш общий знакомый Сайфитдин-ака? Да, да, тот самый, которого вы так заботливо лечили, помните, мы с ним еще в одной палате лежали?

— Вот оно что!— Шаира удивленно заморгала длинными ресницами и улыбнулась, словно обрадовалась этой новости. Но тут же снова лицо ее нахмурилось.— Все равно! Какая разница?— тон ее был решительным.— Кем

бы он ни был, этот директор, пусть умерит свой аппетит!

Она замолчала вдруг, испытующе глядя на Шерзада

Или вы жалуете его, не хотите написать об этих безобразиях?

— Послушайте, Шаирахон! Не волнуйтесь! Мне, конечно, совершенно все равно, кто директор наш знакомый Сайфи Сакневич или кто-то другой. Дело в том, что это очень серьезно и решить вопрос так быстро, как всем нам хотелось бы, просто невозможно! Поверьте! Сейчас я пойду с вашим коллективным письмом к редактору и мы посоветуемся, как умнее взяться за это. Во всяком случае, не сомневайтесь, сделаем все, что в наших силах. Обещаю вам

Шаира поднялась, стала прощаться. Едва за ней закрылась дверь, Абдувахид с восторгом поглядел на Шерзада.

Шикарная девушка, старик! Где ты ее откопал?

— Я же сказал тебе, в больнице. И вовсе не «откопал», как ты говоришь. Она ухаживала за мной, больным, немощным, он рассмеялся — А ты, дервиш, оказывается, еще и трус ко всему прочему! Сбежал в машбюро! Надо же! Позор! А я хотел тебя с ней познакомиться! Правда, женатым мужчинам это противопоказано — знакомиться с хорошенькими женщинами, ну да я знаю тебя — ты у нас скала по части сохранения семейного очага! С другой стороны, ты поступил совершенно правильно: у нее муж — боксер-перворазрядник! Ему в руки не попадайся!

Абдувахид расхохотался

— По мне пусть хоть чемпион мира по боксу! Красавица она и есть красавица! Любоваться-то дозволено всем?

Шерзад весело хлопнул его по плечу и пошел к главному редактору

Дверь у него была чуть приоткрыта, и он увидел, что редактор возле своего стола наливает в пиалушку минеральную воду. «Должно быть, опять прихватило желудок!» — сочувственно подумал Шерзад. В самом деле, редактор был бледен, но, стараясь не выдать своего состояния, резко отодвинул стул, усевшись в свое кресло

— Ну, путешественник, как прошло бюро? — первым делом заинтересовался он. — Не очень горячился наш ранс-бува?

— Горячись не горячись, а все факты подтвердились, — усаживаясь в кресло, ответил Шерзад. — Знаете, мне даже показалось, может быть, я, конечно, и ошиба-

юсь, что и самому раису как-то полегчало после бюро. Наверное, неплохо, когда тебе хоть изредка по-доброму напоминают о твоих недостатках. Что касается меня, то я бы это сделал нормой, всем нам полезно такое... Честное слово!

Шерзад протянул редактору листки письма Шаиры.

— Мне так понравилось писать фельетон, что я пришел еще с одним скандальным делом!— пошутил он.

— Ну-ка, ну-ка, покажите!

Редактор погрузился в чтение.

Сидя напротив, Шерзад видел тронутые сединой виски, серое, какое бывает от нездорового желудка, лицо, впалые глаза главного. «Нелегко хлеб газетчика,— подумал Шерзад.— Язвучу-то нажил уже здесь, у нас в газете, говорят. Прежде, лет пять назад еще был здоров как бык. И вот, пожалуйста. Постоянная ответственность, беспокойство за самые разные участки сложного дела давали о себе знать таким вот образом. А что поделаешь? Покою ни днем ни ночью, в любое время могут поднять с постели неотложные дела. Трудно...»

— Вы верите, что из этого что-то может получиться?— прищурившись и резко подняв голову от письма, спросил главный у Шерзада.— Думаете, так вот просто схватить кого-нибудь из них за руку? И на такой в общем-то пустяшной операции, как этот ханатлас?

— Попробовать-то можно?— задумчиво произнес Шерзад.— Может, нам привлечь для этого дела и сотрудников ОБХСС?

— Ну, хорошо, попробуйте!— редактор возвратил письмо Шерзаду.— А вы молодец! Все говорили, что никогда не писали фельетонов. А теперь, смотрите, приохотились к этому делу! Лиха беда начало...

— Да нет, эту тему я сам не выбирал. И не потому, что заинтересовался жанром,— спокойно возразил Шерзад.— Я давно думаю, почему, скажем, продавец, с грехом пополам окончивший торговый техникум, разъезжает в собственном автомобиле, а проучившийся пятнадцать лет инженер каждое утро вынужден висеть на подножке битком набитого автобуса или трамвая...

Редактор, схватившись за живот, расхохотался:

— Все вы, писатели, такие! Ничего не скажешь, как чуть что не так — сразу философские обобщения.— И, согнав с лица улыбку, посоветовал: — Ну, а если без шуток, не спешите с выводами в этом вопросе. Мой вам совет. Не стоит мазать всех одной краской.

— Спасибо за совет, вы-то знаете, что я не маляр.

Шерзад любил свою работу, любил видеть на газетной полосе воплощение своего труда. Уже несколько лет прошло с тех пор, как первый раз он, еще учась в институте, опубликовал свою первую крохотную заметочку. О том, как они ездили после первого курса в колхоз и помогали убирать хлопок. С тех пор, каждый раз получая свежий номер со своим материалом, он не мог избавиться от необъяснимого волнения и каждый раз с нетерпением школьника ждал выхода газеты, пахнувшей типографской краской. Миллионы людей, получив свежую газету, открывали номер и среди других авторов видели и его фамилию. Они не знали в лицо Шерзада Самандарова, но, думал он, как было бы здорово, если бы, читая его очердной материал, они вспомнили бы его по другим, ранее читанным: «А, это тот, который прошлый раз писал о парне, спасшем колхозную конюшню от пожара...» — говорили бы они, другой награды за бессонные ночи, постоянное беспокойство ему и не требовалось.

Он делал газету вместе с десятками таких же, как и он сам. Он ее частица, ее необходимое звено, и это ощущение своей причастности к делу, ко всему, что зовется коротким словом «газета», было всегда радостно для него. Он любил не только сам сложный процесс «делания» ее, но и все, что связано с этим, свою шумную разноликую редакцию, разных по темпераментам и характерам людей, каждый из которых, так же, как и он, делал свою часть общего дела. Пожалуй, вряд ли где еще, в каком-нибудь другом учреждении, встретишь такое сочетание столь различных индивидуальностей, блестяще одаренных, посредственностей, просто работяг, добросовестно, с полной отдачей сил работающих на любимую газету. И всех их, таких разных, связывала эта привязанность; здесь не могли ужиться равнодушные, пришедшие просто зарабатывать деньги: рано или поздно с ними приходилось расставаться; как правило, они, понимая это, уходили сами. Для большинства же газета была вторым домом в полном смысле этого слова. Здесь каждый знал о другом все или почти все, порою даже то, что не знали самые близкие люди. И уж если порою случалась с кем-то беда или несчастье, здесь готовы были снять последнюю рубаху, только чтобы выручить, помочь, поддержать.

Любовь к газете! Это объединяло всех, от главного редактора до курьера-мальчика, пришедшего сюда после

десятилетки, но тоже мечтающего о журналистской карьере. Здесь никто не считал, сколько сегодня или вчера проработал или переработал: если того требовало дело, то рабочий день мог длиться иногда с самого раннего утра до позднего вечера, до ночи. Все втягивались в этот ритм, никто не жаловался, не ныл.

Так случилось и на этот раз. Едва прилетев из командировки, Шерзад, помимо расследования коллективного письма о беспорядках в универмаге, должен был в один из ближайших номеров сдать материал, посвященный ташкентским метрополитеновцам.

Он и прежде не раз бывал у них, знал, в каких нелегких условиях приходилось прокладывать очередную трассу, сколько выдумки, изобретательности, помимо точных долгих расчетов, требовала эта работа.

Метро в Ташкенте, подверженном постоянным землетрясениям! Сначала это казалось легендой, многие не верили в возможность осуществления дерзких планов. Теперь ташкентское метро стало таким же привычным и необходимым, как прежде трамвай, автобус, троллейбус. Это гордость жителей столицы. Что прежде всего показывают тем, кто впервые здесь? Конечно, метро. Как самую примечательную сторону жизни сегодняшнего Ташкента. У Шерзада было такое впечатление, что и ташкентцы, показывая гостям метро, сами втайне продолжали восхищаться сделанным, великолепными подземными дворцами. Да и сам Шерзад не раз испытывал подобное чувство.

Вот и теперь, предвкушая встречу с теми, о ком не раз приходилось ему писать, он испытывал неподдельное удовольствие — как и во всякой другой работе были и свои приятные моменты, о чем-то писать хотелось, о чем-то не очень.

Когда он подошел к глубокому котловану, где впоследствии должна быть возведена станция «Пахтакор», шел двенадцатый час дня. На дне котлована он разглядел отпечатки многочисленных шин, возвышалась стальная арматура, краны.

Нет, обед, очевидно, еще не должен начаться, так что он застанет всех, кто нужен ему сегодня. Шерзад, предъявив редакционное удостоверение в проходной стройки, спустился вниз под землю по крутой железной лестнице. От котлована уходили в землю две зияющие темнотой «пещеры», у входа в них деревянный домик, в нем, знал Шерзад, сменный инженер. Он открыл шаткую дверцу и увидел в углу возле стола ладно скроенного человека,

ярко-голубые глаза которого необычно сочетались со смоляно-черными волосами. Шерзад и прежде с ним встречался и запомнил даже его короткую фамилию — Кац. Оказалось, что и инженер его запомнил, пожимая руку как старому знакомому:

— А-а-а, пресса, рад приветствовать вас! Снова за материалом? Что-то часто вы пишете о нас!

— Как же, — пошутил Шерзад, — передний край!

— Проводить или сами доберетесь?

— Да нет, спасибо, — поблагодарил Шерзад. — Дайте мне только каску, а доберусь сам. Найду!

— Да тут и искать-то недолго, в метро у нас нет улиц, где можно было бы заблудиться.

Он снял с гвоздя на стенке желтую каску и протянул Шерзаду. «У друга Абдувахиды точно такая же», — надевая ее, подумал Шерзад. В самом деле, каски метростроителей были очень похожи на те, которые надевали мотоциклисты, только у тех они менее глубокие и с козырьком.

Затягивая ремешок у подбородка, Шерзад спросил:

— Какая смена нынче работает?

— Вам повезло! — он кивнул в сторону шахты. — Помню, вы в прошлый раз искали Валиханова, так сегодня он здесь, в утреннюю...

«Это просто здорово!» — выходя от сменного инженера, подумал Шерзад. Он много хорошего слышал о проходчике Валиханове, ему однажды даже рассказали, как того завалило землей, но он чудом выбрался.

Шерзад шел по «пещере» — будущему туннелю, выложенному теперь круглыми железобетонными плитами, и ему чудился гул летящей электрички, веселые люди, едущие в ней. Как раз там, где он сейчас идет, будут мчаться подземные поезда, и те, кто в них тогда поедет, вряд ли вспомнят, кто создавал это удобство и эту красоту. И ему вдруг стало обидно за работающих сейчас здесь под землей.

Надо, чтобы люди знали, кому они всем этим обязаны, знали имена не только тех, кто проектировал подземные дворцы, но и кто строил, кто тысячи часов провел под землей, чтобы эти проекты воплотить в жизнь. Один из них этот самый Валиханов, о котором он собирался писать сегодня.

Очутившись в бесконечной огромной трубе, будущем туннеле, освещаемом бесконечной гирляндой электрических лампочек, Шерзад увидел множество протянутых

вдоль стен туннеля проводов, вентиляционных шлангов, по которым сюда подавался свежий воздух. Под ногами тускло блестели убегающие в глубь пещеры рельсы узкоколейки. Правда, это были еще не рельсы будущего метро: они уложены временно, по ним маленькие вагонетки день и ночь вывозят породу. По мере того как Шерзад удалялся от входа, воздух становился более влажным и тяжелым. И теперь этот вход превратился в крохотное белое пятнышко дневного света, грозя вот-вот исчезнуть совсем. Здесь, в туннеле, пока очень тихо. Лишь издалека доносится слабый шум — работали проходчики.

Шерзад шел по краю туннеля, наверное, минут двадцать, до тех пор, пока в глубине не показался красный огонек. Явственнее донесся перестук колес. Не прошло и минуты, как шум стал быстро нарастать, а огонек приближаться. Прижавшись к бетонной стене, Шерзад ждал приближения вагонеток. Маленький электровоз, тянувший их, вдруг нарушил тишину пронзительным свистом. Вагонетки, доверху нагруженные породой, прогрохотали к котловану, и вновь наступила глубокая тишина. Шерзад сделал несколько шагов вперед и по обеим сторонам пути увидел осыпавшуюся с вагонеток землю. Наклонившись, зачерпнул ладонью горсть ее. Земля была сухой и теплой, даже нежной, как показалось ему, словно мука. Там, наверху, человек, наверное, взяв в ладонь эту же землю, не ощутит того состояния, которое охватывает здесь, на глубине, под городом. Свет лампочек делал ее алой, словно кровь, и Шерзаду, глядящему на свои руки, приходили в голову странные мысли.

Как говорили старые книги, прах человека поконится под семью слоями земли. Кто проверит, может, это и в самом деле так, а может, нет... Каких только сражений не знала древняя ташкентская земля хотя бы за два последние тысячелетия! Нашествие арабов, иго татаро-монголов, которые, не умея даже печь хлеб, разрушали города и селения других народов, кровожадность жестоких ханов, да, кроме всего прочего, постоянные междоусобные битвы собственных правителей. Все это в изобилии поило кровью ташкентскую землю. Чья же это была кровь? Воинна ли, пришедшего завоевать чужую страну, или патриота, отдавшего жизнь за свободу родины? Шаха, обнажившего меч для несправедливой войны, или ученого, посвятившего жизнь свою счастью будущих поколений?

Странная штука — жизнь!.. Как в ней неразлучны добро и зло, честность и подлость, так соседствуют рядом в

недрах земли прах доброго человека и останки мерзавца...

Медленно идя по краю тускло блестящего пути, пересыпая из ладони в ладонь горсть земли, Шерзад не переставал думать об этом. Наконец он дошел до работающих. В свете маленьких лампочек специальная машина, которая вела бурение, казалась каким-то фантастическим существом, пришельцем с другой планеты. Запах грунта смешивался с запахом масла. Шерзад и прежде видел, как работают проходчики, почти таким же отбойным молотком, как у шахтеров. Сделав углубление сверху, они устанавливали подпорки и начинали рыть снизу. Затем грунт вынимали, грузили на вагонетки, машина устанавливала дугообразные железобетонные тьюбинги. Соединятся семь таких плит — получается круг. И опять все сначала — грунт, подпорки, установка... Медленно продвигается машина, а за нею проходчики от одного этапа работы к другому. Спешить нельзя, все должно точно соответствовать расчетам.

Едва Шерзад собрался подняться на ступеньку машины, как из ее кабины высунулся и стал спускаться человек в желтой каске, комбинезоне, с бравыми усами. «Наверное, это и есть Валиханов», — протягивая ему руку, подумал Шерзад. Усатый кивнул на машину, покрутил пальцами около своих ушей, давая понять, что ничего не слышит. Вместе они отошли чуть подальше, где был менее слышен шум, под лампочку, висевшую на бетонной стене. Шерзад не ошибся, это и в самом деле оказался Валиханов. Узнав о причине прихода сюда, к проходчикам, корреспондента республиканской газеты, Валиханов удивленно пожал плечами.

— Да что писать-то о нас нового? — громко спросил он Шерзада. — Работаем как все...

Шерзад улыбнулся:

— Не зря говорят, ваша смена на проходке — лучшая.

Тыльной стороной ладони Валиханов провел по лицу, разгладил густые, лихо закрученные вверх усы.

— Тот, кто хорошо трудится, ничем не отличается от других. Главное: старайся — и будешь работать хорошо. Вот и подобралась такая смена — все стараются.

— Ну, хорошо, значит, ничего выдающегося? — пошутил Шерзад. — А расскажите, как вам удалось выбраться из обвала.

Валиханов бросил быстрый взгляд из-под насупленных бровей.

— Ты что же, парень, хочешь, чтобы об этом вся республика наша узнала?

— Да нет,— Шерзад приложил руку к груди и покачал головой.— Просто так, самому чтобы знать, страшно, наверное, было?

— Давно это случилось и позабылось уже.— Валиханов еще раз оценивающе поглядел на Шерзада и поверил его искреннему тону, этому внезапно вырвавшемуся «нет»:— У нас здесь почва необычная, ты, наверное, обратил внимание — грунт очень сухой. И тут же, глядишь, рядом, через какой-нибудь метр, воды подпочвенные пробиваются. Вот и тогда тоже...

Вдруг он замолчал.

— Послушай, пусть об этом сам мастер расскажет, вон он как раз идет к нам сюда.

В самом деле, к ним приближался высокий статный парень, одетый в такой же, как у Валиханова, комбинезон, на голове — каска, весь в пыли.

— Тешабаев,— лаконично представился подошедший,— мастер проходческой бригады.— И крепко пожал Шерзаду руку.

— Вот корреспондент спрашивает, как произошел обвал,— Валиханов кивнул на Шерзада.— Расскажите ему.

«Сейчас подумает бог знает что,— досадливо сморщился Шерзад.— Подумает, не успел появиться, как толкуют об обвале. Нехорошо!»

И тут же, стараясь развеять опасения мастера, пояснил:

— Я спросил об этом случае вовсе не для газеты.— А про себя подумал: «Так они тебе и поверили!»

— Да что тут такого,— неожиданно засмеялся Тешабаев и посмотрел на Валиханова,— хоть бы и для газеты. Мы с ним вдвоем попали в эту историю. Под обвал,— пояснил он.— Нужно было устанавливать подпорки, соответствующие влажной почве. Вы, наверное, знаете, что для каждого вида почвы они различны. А мы спешили. Правду говорят, поспешишь — людей насмешишь! Вот мы и «насмешили»: на девяносто седьмом пикете должны были встретиться с отрядом, идущим нам навстречу, тоже проходчиками, ну вот и хотели ускорить темпы работы, поставили подпорки те, что под рукой были...

— И что же получилось потом?— не терпелось узнать Шерзаду.

— Что случилось?— Тешабаев рассмеялся.— Не успели и глазом моргнуть, как очутились под обвалом. Вот вместе с ним, с Валихановым. Проходчики нас потом еле

откопали, словно из склепа. В больнице лежали. Да и начальство нас по головке за этот случай, как сами понимаете, не погладило.

— Вот и ходим, как Гор-оглы¹, — рассмеялся и Валиханов. — Помните героя нашего эпоса, который родился после смерти своей матушки и вышел из могилы?

Шерзад рассмеялся вместе с ними.

— Видите, как все удачно сложилось! — пошутил он. — Значит, и вы, как он, будете жить долго-долго!

— Конечно! Мы постараемся! Однако если всерьез, если будете писать, хорошенько похвалите нашего мастера. — Широкой ладонью Валиханов хлопнул по плечу Тешабаева. — Не кичится, что инженер, никакой работы не боится, сложа руки не сидит, а коли нужно, в шахте всякое случается, берет в руки молоток и помогает проходчикам. Делает все, что в данный момент нужно для дела...

Тешабаев смущенно повернулся к Шерзаду и, чтобы прервать хвалебную речь Валиханова, вдруг неожиданно спросил:

— Вы кончали факультет журналистики?

Шерзад удивился вопросу, но не подал виду и молча кивнул.

— А в каком году? — заинтересовался Тешабаев.

Шерзад назвал.

Лицо мастера посветлело:

— Тогда вы должны хорошо знать мою жену, Фариду Тешабаеву, в институте она Кадырова была...

Шерзад еле устоял на ногах от неожиданной новости. И тут, под землей, ему на память пришел тот теплый весенний вечер, полный света двор, звуки музыки и праздничный стол, во главе которого Фариди и — теперь не было никакого сомнения — вот этот парень, ее муж, Джурабай, он и имя его тотчас вспомнил. Как случилось с Шерзадом в минуты потрясений, он будто отключался от мира звуков: Джурабай, улыбаясь, что-то говорил ему, лицо его светилось неподдельной искренней радостью, но Шерзад, взяв себя в руки, уловил лишь конец фразы мастера:

— ...да и самой теперь стало скучно. Говорит, пойдет работать!..

— Конечно, — Шерзад попытался сделать непринуж-

¹ Гор-оглы — сын из земли.

денное лицо и принять участие в разговоре.— Обязательно надо,— пробормотал он.

Вот это ситуация! Хуже не придумаешь! Он просто не знал, как ему поступить, что предпринять. Может быть, поскорее уйти отсюда? Но ведь это мальчишество, он и сам прекрасно понимал. Но знал он и другое: не может он вот так просто стоять рядом с тем, кто был, хотя и косвенно, виновником многих его бед и несчастий. Не может. Да еще стоять и улыбаться, делая вид, что все это ему необыкновенно приятно. Но материал для газеты есть. Это главное, и он решил.

— Извините,— как можно спокойнее сказал он.— Спасибо вам за все, извините, что оторвал вас от работы, но, как говорится, и честь надо знать: мне пора в редакцию.

Джурабай крепко пожал ему руку, глядя честным открытым взглядом.

— Было очень приятно! Расскажу сегодня Фариде, вот она обрадуется! Был рад познакомиться с вами. Нам было бы очень приятно, если бы вы выбрали к нам в гости. Нет, в самом деле! Запишите наш адрес...

Нужно было вынести и эту муку. Шерзад записал. Невольно отвел взгляд.

— Спасибо,— тихо поблагодарил он.— Как-нибудь, может быть...

Слова невпопад слетали с языка, но у него была единственная мысль: скорее отсюда!

Он торопливо, может быть, быстрее, чем следовало, попрощался с поодаль стоявшим Валихановым и пошел вдоль рельсов в обратный путь.

Странно, но теперь чувство отчужденности, возникшее там, в больнице, когда к нему приходила Фарида, сегодня превратилось в конкретное и бесповоротное решение: все, что было между ним и ею, окончательно ушло в прошлое. Навсегда. И он подивился внезапности пришедшей мысли. Словно только и не хватало ему этой вот сегодняшней встречи, чтобы все встало наконец на место.

Отдалившись уже на значительное расстояние, куда почти не достигал шум работающей машины, Шерзад обернулся. Валиханова не было видно совсем. Джурабай же, выпрямившись, стоял под светом и, будто дожидаясь, когда Шерзад обернется, тотчас же приветливо замахал ему рукой. И тут Шерзад почувствовал, что ни при каких обстоятельствах не сможет ненавидеть этого хорошего парня, более того, просто не имеет права. Почувствовал — и на душе у него заметно полегчало.

Сдав ответственному секретарю материал о смене Тешабаева, Шерзад позвонил в Министерство внутренних дел. В отделе ему сказали, что ОБХСС в течение ближайших трех дней не сможет выделить для редакции сотрудника, чтобы проверить факты, связанные с коллективным письмом покупателей. Шерзад не мог сразу решить, как поступить ему и что предпринять. Он досадовал, что именно вчера, когда он занимался Тешабаевым, отсюда приезжал сотрудник. Единственно, что оставалось теперь делать,— ждать. Но целых три дня! Непозволительная роскошь! Он решил все же пока действовать самостоятельно. «Подумаешь, большое дело, жалоба! Неужто сам не справлюсь с этим?»— думал он, подходя к остановке.

Через полчаса автобус довез его до универсама Сайфи Сакиевича. Кабинет директора, как сказали ему при входе, на первом этаже.

Пройдя невзрачный темный коридорчик, Шерзад обнаружил в конце его дверь, обитую дерматином. За ней — неожиданно просторную, не без шика обставленную приемную, какую, впрочем, наверное, и должен иметь директор такого большого универсама, каким был этот. Низкие кресла и стулья, стоящие вдоль стен, журнальный столик, заваленный прессой. Рядом с дверью, ведущей в кабинет директора, молодая крашеная блондинка, секретарша, с громадным, величиной со сливу, кольцом на безымянном пальце, которое не могло не броситься в глаза. Все здесь было ярко, пестро, как напоказ. «Ого, да здесь целая делегация спокойно могла разместиться!»— подумал Шерзад, заранее воинственно настроенный. Не зря тогда, в больнице, хвалился Сайфи Сакиевич, рассказывая, какой у него кабинет, секретарша, обстановка...

Девица, восседающая за секретарским столом, бросила на Шерзада хмурый взгляд, казалось говоривший: «Тебя только тут и не хватало!»

— Директор занят!— тоном, не терпящим возражений, предупредила она.

Шерзад нахмурился от такого приема и, решив, что клин клином вышибают, спросил:

— Что, в кабинете кто-нибудь есть?

— Я же вам ясно сказала: он занят! Непонятно? Могу повторить еще!

Решив ничего больше не спрашивать, Шерзад пошел прямо к двери и, резко ее открыв, так что секретарша да-

же не успела вскочить и подбежать, захлопнул ее перед самым ее носом с другой стороны.

Сайфи Сакиевич в полном одиночестве сидел за столом и рылся в каких-то бумагах, что-то разыскивая. Так как дверь открылась и закрылась совершенно бесшумно, он даже не поднял головы от своего стола. Шерзад между тем внимательно осматривался. Интерьер — что надо! Старик не промах! На полу красивый ковер. Окна — за тяжелыми шерстяными красными занавесями. В углу холодильник последней марки ЗИЛА. На столе хитрое телефонное устройство со множеством кнопок разного цвета. Прямо над столом — бесшумный вентилятор. «стрекоза», как его все называют...

Сайфи Сакиевич увидел Шерзада, когда тот уже стоял перед его столом. Он испуганно оторвался от своего занятия, посмотрел, тотчас узнал Шерзада и вскочил с места.

— О, Шерзаджан! — с искренней радостью воскликнул он. — Какими судьбами? Предначертана была наша встреча, я же говорил! Ну как, совсем выздоровели?

Сайфитдин схватил руку гостя своими пухлыми пальцами.

— Спасибо! — Шерзад смотрел ему прямо в глаза. — А судьбы такие — вот решил вас проведать.

Сайфи Сакиевич, очевидно, совсем оправился от недавней болезни. Он заметно пополнился, и костюм на нем не болтался. Под глазами не было синяков, как прежде. И Шерзад искренне порадовался этому обстоятельству.

Сайфи Сакиевич сел в одно из кресел возле стены и пригласил Шерзада сделать то же.

— Пожалуйста, вот сюда! Большое спасибо, что не забыли старика! Я очень рад вашему приходу! Поверьте!

Шерзад разом утонул в кресле рядом, отчего почувствовал себя непривычно беспомощно.

— Чаю! — громко приказал Сайфи Сакиевич, и секретарша, каким-то чудом услышав за дверью его призыв, тотчас явилась с подносом в руках, уставленным пилалушками, изюмом, орешками. Тут же возвышался расписной чайник. Все это скрывала белоснежная салфетка.

Секретарша во все глаза разглядывала этого наглеца, который, как она думала, пришел сюда с жалобой. Но, увидев, что ее начальник прямо млел в его присутствии, тут же изменила выражение лица, изобразив на нем радующие и приветливость.

Шерзад решил не мешкая приступить к делу.

— Я, Сайфи Сакиевич, пришел к вам не просто так.

Я из газеты. Вот жалоба,— вынимая из кармана пиджака вчетверо сложенные листки бумаги, начал Шерзад.

— Спасибо!— тот спокойно улыбнулся, словно речь шла не о жалобе, а, напротив, о каком-то поощрении.— Мы всегда рады,— протягивая гостю миниатюрную пиалу с зеленым чаем, тихо произнес он.— Да и как не радоваться нам, работникам торговли, коли вы нам укажете на наши недостатки, поможете их устранить...

«Черт знает что!— взорвался про себя Шерзад,— Или он не понимает, или дурака из себя строит!» Поставив пиалу на край стола, он решил говорить более ясно.

— Вы хотите, чтобы я прочитал вам письмо или вам пересказать его содержание?

Сайфитдин спокойно попросил:

— Лучше почитайте, а то мне, старику, это делать труднее! Почитайте, и мы узнаем, кто виноват, а потом и накажем кого следует.

Шерзад еще раз удивился ласковости его тона, будто разговор шел о чем-то очень приятном и увлекательном для него.

Шерзад прекрасно понимал, что он мог и не знакомить директора с содержанием письма, пришедшего в редакцию. Но все же решил прочитать и посмотреть, как он на это будет реагировать.

Закончив чтение, заключил:

— Всего под письмом подписалось тридцать восемь человек.

— Вот спасибо, братишка!— все с той же ласковой улыбкой на лице поблагодарил Сайфи Сакневич, поднимаясь с кресла.— Сейчас все выясним. Подождите!

Он подошел к столу и, сняв трубку, нажал одну из многочисленных цветных кнопок.

— Хаджи!— на сей раз голос его прозвучал резко.— Зайди ко мне в кабинет. Да, сейчас. побыстрее!

Вернувшись из-за стола, он сел рядом с Шерзадом.

— В письме все верно!— в его глазах появился нездоровый блеск. «Ого, старик все же начинает волноваться!»— с удовлетворением подумал Шерзад.— В тот день,— Сайфи Сакневич откашлялся,— в отделе тканей продавали атлас. Ханатлас,— поправился он.— Разница! Заполучить в магазин для наших покупателей такой товар совсем не просто. Приходится добиваться. Я сам лично ездил на базу, чтобы хлопотать. Получил три тысячи метров. Там,— он кивнул на письмо,— правильно написали. В тот день за ним очередь была большая. Однако не все в письме точно. Материал не распродали за полчаса.

Неверно также, что отпускали только по два отреза каждому. Вы что, не знаете нашего покупателя? Так он и уйдет, если ему нужно не два, а три или пять отрезков! Ждите! Он непременно добьется своего! И мы не осуждаем его за это! Вы же знаете, у нас в Узбекистане семьи большие. Предположим, приезжает кто-то из такой семьи в город, так он же для всех женщин, и для жены, и для дочерей, и для снох, должен привезти отрез, один или два его не устроит! Так? И мы, конечно, идем навстречу! А вы бы что делали на нашем месте? Так вот, товар дефицитный, разобрали не за полчаса, как там в вашем письме, а еще до обеда. Улавливаете разницу? И не по одному отрезку брали, а кто сколько просил! Ну, может быть, мы тут несколько нарушили правила торговли, но ведь праздник же, не хочется людям портить настроение! Кроме того, кто из очереди был там с раннего утра, с того момента, когда открыли магазин? Да никого! Все подписавшиеся пришли в последний час, так как же можно подтвердить, сколько и за сколько этот ханатлас продали? Улавливаете ход моих мыслей?

Сайфи Сакиевич передохнул

«Черт знает что! — в растерянности соображал Шерзад. Пожалуй, он прав. Не зря мне, болвану, говорил главный редактор, предостерегал: голыми руками никого из них не возьмешь. А я-то, дурень, надеялся на собственный ум и способности! Вот тебе и Сайфи Сакиевич! Он меня учит, а не я его!..»

В тот же момент дверь открылась, и Шерзад, еще ничего не успевший ответить, увидел молодого парня с выпученными глазами: он вспомнил его по рассказам Шаиры. На нем был синий блестящий халат «Наверное, это форма продавцов магазина», — подумал Шерзад.

— Вызывали, Сайфитдин-ака? — вкрадчиво задал он вопрос.

— Да, вызывал. Принеси-ка мне накладные на полученный ханатлас. Да быстрее. Вот товарищ корреспондент из газеты ждет.

Парень вышел, и Сайфитдин-ака снова обратился к Шерзаду:

— Покупатель какой нынче пошел? Избалованный! Вынь да положи ему все, чего его душа пожелает! Даже того, чего и в помине нет ни на складе, ни в списке предполагаемых товаров! А он знай себе требует! И мы должны выполнять эти требования! Как же иначе? Помните у Маркса: человек должен прежде всего есть, пить и одеваться! Вот как говорят классики! И мы это

понимаем, как никто. Растет благополучие народа. И на свои честно заработанные деньги человек хочет купить красивые, добротные и модные вещи. Нам ли не понять этого? Вот мы и ратуем за...

Он перевел дыхание после длинной своей речи и снова протянул Шерзаду пиалу, наполнив ее горячим чаем.

— Чем больше денег у покупателя, тем больше и наш оборот. Однако всем не угодишь, братишка! Из тысячи один да будет недоволен. Это уж обязательно! А кто виноват? Конечно, продавец, кто же еще?— Сайфи Сакиевич брезгливо махнул рукой.— Иногда так бывает обидно, стараешься, стараешься, а тебя все равно с грязью смешают. Но, видно, такова уж наша неблагодарная работа, что поделаешь?

Открылась дверь, и в кабинет снова быстрым деловым шагом вошел продавец с выпученными глазами и, положив на колени Сайфи Сакиевичу папку с бумагами, стал оправдываться:

— Уж лучше бы и не привозили нам этот ханатлас, одна с ним возня была в секции! Скандалы, крики! Мне так заморочили в тот день голову, до сих пор в себя прийти не могу. Если кончился атлас, где я возьму его? А?

— Не болтай много!— резко оборвал его Сайфи Сакиевич.— Вот!— он протянул Шерзаду объемистую папку.— Знакомьтесь! Здесь все отражено. Сколько получено, сколько стоит, когда и сколько продано.

Шерзад с похолодевшим сердцем взял папку, развязал тугой бантик тесьмы и взял в руки накладные, лежащие с самого верха. С преувеличенным вниманием углубившись в дело, он с первых минут понял, что ему тут ни в чем не разобраться. Столбцы многозначных цифр забежали перед глазами, и нигде ни одного слова, свидетельствующего о том, что разговор идет о ханатласе.

Он вспомнил своего редактора в который раз за этот последний час. «Какой черт понес меня без представителя ОБХСС?— запоздалые раскаяния мучили Шерзада все больше.— Конечно, здесь все сделано так, что комар носа не подточит. Нашел кого на чистую воду выводить. Да они меня тут сто раз вокруг пальца обведут — и не заметишь, как это сделают! Наверное, про себя еще и не смеиваются, понимая, что я в этом деле абсолютный профан!»

Надо было спасти положение, и Шерзад, внимательно просмотрев штук десять накладных, строго спросил:

— Не вспомните ли вы сумму выручки этого отдела именно в тот день, когда продавали атлас?

— Точно не вспомню,— спокойно взглянул на него продавец,— однако в тот день была торговля очень бойкая, что-то порядка более двадцати тысяч...— Потом, подумав секунду, добавил: — При желании это всегда можно уточнить.

— Принесите-ка сюда, любезный, чеки выручки за этот день!

Сайфи Сакиевич, поднявшись, пошел к своему столу. Откинувшись на спинку кресла, он ласково, по-отечески поглядел на Шерзада.

— Совсем, я вижу, вы здоровы, Шерзаджан! Ну и молодец же вы, что хоть с делом, но зашли ко мне. Самито небось никогда б и не заглянули, хоть малое это дело привело!..

«Точно удав и кролик!— теряя остатки терпения, злился Шерзад.— Неужели этот человек так непоколебимо уверен в своей правоте, так неуязвим, что считает, что все и всегда ему будет сходиться с рук?! Неужели думает, что все — абсолютные идиоты и будут ему верить до бесконечности? Ну, просто невозможно, чтобы все покупатели были неправы, а один продавец прав!»

Он снова взглянул на Сайфи Сакиевича, непринужденно развалившегося в кресле с невозмутимым видом, закинувшего ногу за ногу, легко постукивающего носком блестящего ботинка о ковер. И тут Шерзад совершенно отчетливо понял, что тот откровенно смеется над ним. Нет, не просто смеется — издевается, и что он, Шерзад, совершил на сей раз непоправимую ошибку, начав эту проверку один. Этот умудренный богатым опытом торговец просто играет с ним в кошки-мышки, заранее зная, чем все это кончится. Но правила игры все же требовали, чтобы она была доведена до конца. И вот, пожалуйста, все эти чеки, накладные, пустые, заранее обговоренные между собой диалоги... Он понял, что в сущности игра уже проиграна, он безоружен перед лицом этого человека и все его существо возмутилось против несправедливости.

«Какой же я болван! Век живи — век учись! — он снова негодовал на свою опрометчивость.— Ну приди я сюда с человеком разбирающимся — проверили бы кассу, не выбили ли они чеки заранее, чтобы создалась видимость, что ханатлас продан в один день? Проверили бы и склад... Но разве они оставят там хоть кусочек ханатласа, это же улика!.. Не так, не так, все не так!.. Уж гот-то

человек из ОБХСС наверняка бы знал, с чего надо начинать в таких случаях, а я...»

Сайфи Сакиевич между тем благоразумно посоветовал:

— Пригласите для контроля представителей горторга и проведите в отделе ревизию, чтобы уж ни в чем не сомневаться!— его глаза блестели.— Конечно, это нам в убыток перед праздником, немножко пострадает наш товарооборот, но ведь, как говаривали древние, истина превыше всего!

Он развел в стороны свои пухлые ручки, снова ласково улыбнулся.

— Значит, вы считаете, что покупатели возвели на вас напраслину? И все, что написано в письме, неправда?— Шерзад поднялся.— Значит, вас оклеветали?— Теперь он в упор глядел на Сайфи Сакиевича.

— Я же говорил вам, Шерзаджан, всем мил не будешь! Представьте себя на месте покупателя. Вы стоите в очереди, вам для вашей матери или жены хочется сделать к празднику подарок — прекрасный отрез на платье. Что может быть лучше этого подарка? И перед самым вашим носом этот атлас кончается! Вы, естественно, досадуете, злитесь, и под каким только не подпишете письмом...

Не сводя глаз с Сайфитдина, Шерзад встал.

— До свидания!— его голос звучал тихо и зло.— Вы правильно сказали — народ великая сила. Даст по зернышку — будешь сыт, ударит щелчком — и убить может... Во всяком случае, я бы вам советовал поостеречься!

Он пошел было к двери, но Сайфи Сакиевич остановил его:

— Подождите, братишка! Зачем же так горячиться? Всех дел на земле переделать невозможно!— он, несмотря на грузность, будто выпорхнул из-за стола и тут же очутился возле Шерзада, взял его за руку и хитро кивнул на холодильник: — У меня есть чудесный бальзам! Помогает от всех болезней. И от нервов в том числе. Мне кажется, деловая, так сказать, официальная часть вашего посещения завершилась. Так не принять ли нам по маленькой? Как простым смертным? А? Не посидеть ли просто так, по-человечески?

— Спасибо!— Шерзад натянуто улыбнулся.— Не в моих правилах оставлять дела незавершенными. Вы заблуждаетесь, думая, что все подходит к концу. Отложим

наше сидение до лучших времен, если они, конечно, наступят.

Шерзад резко повернулся, кивнул несколько обескураженному Сайфитдину и, пройдя узенький коридорчик, снова очутился в торговом зале.

* * *

Здесь было темным-темно от народа. Как нигде, тут ощущалось приближение праздников. Людской гул не смолкал ни на минуту. От недавно протертого влажного мраморного пола веяло прохладой. Неоновые лампы дневного света излучали под потолком мягкое голубое сияние. Бесперывно крутились широкие лопасти вентиляторов.

Утром прошел дождь. И теперь вдруг стало жарко, покупатели, столпившиеся у прилавков, были одеты, как это случается в межсезонье, кто в чем. Одни в летних платьях, рубашках с короткими рукавами с плащами и пальто в руках. Другие уже совсем по-летнему — в светлых костюмах, сарафанах, на ногах босоножки.

Проходя мимо застекленной вертящейся витрины, Шерзад обратил внимание на обилие ручных часов разнообразных моделей и марок — от крохотных, на которых едва различались цифры циферблата, до массивных, на широких металлических браслетах. Тут же в витрине демонстрировались ремешки. Рядом расположился отдел кафей.

Кафей тоже было очень много, красивых, разных, казалось, на любой вкус. Однако людям нужно было еще что-то более красивое и современное. Вроде ханатласа. Так почему же не выпускать его вместо тех, которые уже не имеют сегодня спроса? Может быть, дело в технологии производства? А может, в чем-то другом?..

Шерзад думал об этом, глядя на шелковое изобилие стенда, тянувшегося по крайней мере на четыре метра, не менее. Его заметил продавец — тот, с выпученными глазами и с нескрываемой насмешкой в лице, что-то шепнув стоящей рядом продавщице с золотыми зубами, отвернулся. Сжав от досады зубы, Шерзад прошел дальше, к прилавку галантереи. В глазах рябило от обилия коробочек, флаконов и всякой другой мелочи. Бесцельное это хождение, теснота и сутолока привели к тому, что разболелась голова, и он заспешил к выходу.

В это время на другом конце зала поднялся немощный шум, остановивший Шерзада. «Наверное, опять

что-нибудь дефицитное выбросили», — подумал он. Ничуть не интересуясь самим товаром, но видя, что все покупатели в зале заспешили туда, Шерзад поддался общему движению и пошел следом.

У входа в отдел верхней мужской одежды бледный, с трясущимся губами какой-то человек иступленно повторял одни и те же слова:

— Как же можно так, с инвалидом войны? Грубиян невоспитанный! Невоспитанный! Невоспитанный!..

С трудом протиснувшись, Шерзад подошел ближе. И только тут увидел, что у мужчины, вокруг которого постепенно сходилась народ, не было одной руки. Здоровой левой он крепко прижимал к груди, очевидно, покупки — мраморного орла на подставке и зеленый бархатный альбом для фотографий. Под мышкой у него был зажат букетик алых маков. Шерзад заметил, как неудобно ему было все это держать. Вместо правой — обрубок до локтя, закрытый рукавом рубашки. На груди — орденская колодка разноцветных ленточек, рядом ордена Славы первой и второй степени. «Фронтвик», — мелькнуло в голове, и тут же, подойдя совсем близко, спросил:

— Товарищи! Что здесь происходит?

Ему ничего не ответили, только мужчина не переставал повторять:

— Невоспитанный! Невоспитанный! Ну что такое лист бумаги? Невоспитанный!.. Ключок бумаги пожалел!

Дрожала его здоровая рука, держащая вещи. Он так разнервничался, что голова с редкими седыми волосами покраснела, покрылась испариной.

— Успокойтесь! Прошу вас! — Шерзад осторожно взял из его руки орла и альбом, букет же, помявшись, весь осыпался на пол. — И объясните мне, пожалуйста, в чем дело.

Наверное, подействовал спокойный тон Шерзада, и человек, немного придя в себя, пояснил:

— Здесь, рядом с универмагом, — он указал единственной рукой на улицу, — школа. Сегодня, перед Днем Победы, ветеранов пригласили на встречу с ребятами. Школьники подарили нам эти памятные подарки! — Голос мужчины смягчился, и он кивнул головой на вещи, которые держал Шерзад. — Положение сами видите какое...

Внезапно у него задрожали губы.

— Думал, зайду сюда, в универмаг, неудобно же так ехать через весь город домой, попрошу упаковать. А вот этот, молодой, — он показал на щупленького, словно во-

робей, за прилавком мужского готового платья, — выгнал меня, словно прокаженного, да еще и нагрубил и обругал последними словами. Ну хотя бы по-человечески сказал, что нет бумаги! — голос мужчины снова задрожал. — Что, я не понял бы? Так нет, начал кричать: «У кого взял свои безделушки, тот пусть тебе и заворачивает!»

Шерзад вдруг глубоко почувствовал состояние этого человека, который просто уже не мог говорить спокойно и воспринимать обычное, может быть, хамство продавца. Он представил себе школьный зал: нарядные, празднично одетые учащиеся приветствуют ветеранов Великой Отечественной войны. Они говорили пионерам о битве с фашизмом. О том, как ценой миллионов жизней в борьбе была завоевана победа. Как их товарищи гибли на глазах, чтобы отстоять безымянную высоту, иногда не обозначенную на карте. И вот в приподнятом настроении, после этого вечера, один из них заходит сюда, в универмаг. А сам весь еще там, в зале, где вручали ему этого орла, символ мужества и бесстрашия, и этот альбом, где фотографии рассказывают о жизни школы. Милые ребята лица будут смотреть на него и дома, напоминать о празднике... И вот словно враг, безжалостный и тупой, разрушает все впечатление от этого светлого дня.

Гневно взглянул на продавца-воробья, преспокойно сидящего за кассой, напоминающей пишущую машинку, будто его это и не касалось, Шерзад встал рядом.

— Между прочим, — с трудом сдерживая себя, чтобы не нагрубить, сказал Шерзад, — ничего бы с тобой не случилось, если бы дал уважаемому человеку клочок бумаги! Но ведь ты лучше умрешь, чем сделаешь что-то даром!

Щупленький медленно повернул свою птичью головку и махнул на Шерзада рукой, словно отгоняя от себя назойливую муху:

— Проходи, проходи, чего лезешь не в свое дело?

Кровь бросилась в лицо Шерзада. Позже он никак не мог припомнить одного: куда дел мраморную птицу — то ли отдал ее кому-то в руки из рядом стоящих, то ли на пол поставил, чтоб не разбить, а может, хозяин, опасаясь, сам взял ее... Только помнил: он схватил продавца за шиворот, словно щенка, приподнял над стулом и, сгребя в охапку, понес через весь торговый зал к узенькому коридорчику, который вел в кабинет директора.

Вокруг стало тихо, словно в минуту универмаг опустел. Было слышно только гудение вентиляторов. Продавцы застыли на своих местах от неожиданности, а

«зрители», минуту до этого активно обсуждавшие инцидент с инвалидом, будто языки проглотили. Все расступились перед ним, пропуская вперед. Образовалось что-то вроде живого коридора.

Когда он со своей ношей ворвался в приемную, секретаршу, мирно сидевшую за столом, чуть не хватил удар. Ее глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит. Как час тому назад, Шерзад молча подошел к двери директора и ногой распахнул ее.

Сайфитдин говорил по телефону. Шерзад дотащил обезумевшего от страха парня до того кресла, в котором недавно сидел сам, и бросил его туда. Директор застыл с трубкой в руках.

— Вот этому, — кивнул Шерзад на продавца, — повесьте на рот замок? Очень рекомендую!

Шерзад еле успел перевести дыхание, как дверь снова отворилась и в нее вошли несколько продавцов в синих халатах и с ними человек десять покупателей.

— Вызывайте немедленно милицию! — один из продавцов вплотную подошел к столу директора. — Кто он такой, этот малый из газеты, чтобы поднимать руку на человека при исполнении служебных обязанностей?

— Правильно он поступил, наказывать таких надо! — зашумели пришедшие покупатели, толпой приближаясь к столу директора универсама.

— Что произошло? — Сайфи Сакиевич подошел к неподвижно застывшему в кресле продавцу. Тот молчал, тяжело дыша широко открытым ртом. Шерзад понял, что, видимо, малость перестарался и напугал парня до полусмерти.

Дверь распахнулась опять, на этот раз тихо и бесшумно, на пороге возник человек с мраморной птицей в руках.

— Да объясните мне толком! — выходя из себя окончательно, закричал Сайфи Сакиевич. — Что произошло и что это за демонстрация?!

Вперед вышел парень из секции тканей, тот, с выпученными глазами, приносивший в кабинет директора документы.

— Я все видел своими глазами, — начал он, захлебываясь от злости и кивком указывая на парня в кресле, потиравшего шею. — Этот вот, который был у вас, — его палец уперся Шерзаду в грудь, — ни с того ни сего ударил бедного Адыла по лицу, свалил на пол и начал душить. Вон тот, безрукий, подсказывал, а этот бил! Да глав-

ное — ни за что ни про что! Вот все наши свидетели — подтвердят!..

— Так все было? — директор грозно взглянул на Адыла, а тот, готовый расплакаться, в ответ молча кивнул.

— Почему вы переходите все дозволенные границы, товарищ Самандаров? — Сайфи Сакиевич начал медленно двигаться к Шерзаду. — Какое право вы имеете бесчинствовать в общественном месте, поднимать руку на работающего человека?

При каждом новом слове он взмахивал своей пухлой ручкой, словно дирижер, все заметнее меняясь в лице. Его недавно кроткий взгляд сменился холодным гневом, а голос теперь отливал металлом. Он в ярости напоминал чем-то медведя, потревоженного в спячке и оттого взбешенного до предела.

— Скажите, пожалуйста, — он перешел на шепот, — чем, интересно, вам не угодил этот парень? Или обсчитал вас? Отвечайте же наконец! Я жду!.. — И, не услышав ответа Шерзада, приказал продавцу из секции тканей: — Садись, пиши акт!

Того не надо было просить дважды. Он сел за стол Сайфи Сакиевича, придвинул к себе стопку бумаги, лежавшую на краю, и, вынув из нагрудного кармана шариковую ручку, начал быстро составлять акт.

Тут Шерзад понял, что в течение всего сегодняшнего дня только и делает, что совершает одну ошибку за другой, поступая в высшей степени неразумно, давая лишний козырь в руки этих проходимцев. «Скверно получилось, — в отчаянии ругал себя он, — совсем скверно! Сайфитдин только искал повода, чтобы поймать меня на крючок. И вот, пожалуйста, я, словно малый ребенок, попался на него!»

Обернувшись, Шерзад поймал торжествующий взгляд Адыла, который сидел в кресле, куда он бросил его, и тяжело дышал. Тот, очевидно, специально утрировал одышку, притворялся, что не может повернуть головы. «Да разве проймешь такого словом? — Шерзад отвел взгляд, не в силах глядеть на все эти кривлянья. — От слов такой человеком не сделается! Здесь требуется что-то посильнее слов!..»

Между тем Сайфи Сакиевич все еще продолжал бушевать:

— Это же надо, до чего дошло? Работник печати позволяет себе такие вольности! Рукоприкладством занимается! Валил с ног и душит ни в чем не повинного человека!

Дрожащей рукой он поднял трубку телефона.

— Милиция?— его голос звенел.— Вас беспокоит...

Не успел он договорить фразы, как события разыгрались с такой стремительной быстротой, что, вспоминая потом, Шерзад не мог восстановить их в логической последовательности. А ведь все происходило у него на глазах.

Молча стоящий до этой минуты посреди комнаты инвалид вдруг с неожиданной проворностью подлетел к столу директора универмага и единственной рукой с треском нажал на рычаг телефона. Упал на пол его альбом. Сайфи Сакиевич вздрогнул от неожиданности, заморгав глазами.

— Уберите руки и не мешайте мне!

— Вы не вызовете милицию!— жестко прозвучал голос человека без руки. Теперь его губы уже не дрожали. — Положите трубку на место! И немедленно! Слышите, что вам говорят?

Он произнес эти слова с такой властной категоричностью, что Сайфитдин, взявшийся было снова за трубку телефона, не мог не выполнить его приказания.

— А вы, товарищ директор, оказывается, мастер повышать голос!— Он оглядел Сайфи Сакиевича внимательным взглядом.— Так знайте, никто вас не боится. Не боялись на фронте фашистов, а вас-то уж подавно не испугаемся! Сначала выслушайте, в милицию вы всегда позвонить успеете!..

Сайфи Сакиевич в изнеможении опустил на стул. А человек обстоятельно и кратко рассказал все, что случилось в торговом зале, с той минуты, как после торжественного праздника в школе он пришел в универмаг. Директор менялся на глазах. Сначала на лице его вместо недавнего гнева и злости появилось беспокойство, сменившееся растерянной ласковой улыбкой. Потом покраснел, постарался придать своему лицу выражение бесстрастности, но из этого ничего не вышло, ибо это заметили все, и особенно Шерзад: он испугался не на шутку. Видно, Сайфи Сакиевич понимал прекрасно, что его не поглядят по головке за такое отношение к ветерану войны. Внимательно слушая его, он незаметно сделал знак продавцу, писавшему акт, и тот бесшумно ретировался. Только теперь Шерзад увидел, что никого из продавцов в кабинете уже не осталось. Лишь в кресле продолжал сидеть Адыл, не зная, как ему поступить, весь сжавшийся в комок и всем своим видом выражавший раскаяние, униженно глядя на своего повелителя.

человек с одной рукой поглядел на Шерзада:

— Вот только он, может быть, слишком горячо вмешался в это дело, но я понимаю, будь я на месте этого молодого человека, поступил бы точно так же. Молодость, горячность, нетерпимость к проявлению несправедливости — какие прекрасные качества! И мне, как бывшему солдату, они очень по душе!..

Сайфи Сакиевич согласно кивал головой, будто совершенно забыл, как полчаса назад бушевал в своем кабинете, беспокояно поглядывая то на инвалида, то на Шерзада, не проронившего с момента прихода сюда ни единого слова. И чтобы как-то выразить свое негодование по поводу всего случившегося, он вдруг заорал не своим голосом на продавца:

— Встань, дурак! Немедленно! Ты что, не понимаешь, как надо обращаться с человеком, который тебе в отцы годится? Не видишь, что он фронтовик, без руки?! А?! У тебя, осел, что, листа бумаги не нашлось? Пожалел! Эх ты! Экономию разводишь! Убирайся с глаз долой, я еще с тобой поговорю, погоди!

Продавец, униженный, окончательно сраженный всем случившимся, проходя мимо Шерзада, с ненавистью взглянул на него, будто хотел что-то ему сказать, но лишь пошевелил губами.

— Что же вы сразу-то не сказали, как было дело? — по-отечески теперь упрекал он инвалида. — Видите, совсем еще зеленый, он даже и не знает, что такое война, не слышал небось о ней ничего! — Помолчав минутку, в нерешительности повернулся к Шерзаду: — И вы, молодой человек, тоже не правы! Да, да! Нельзя так горячиться! Вы же понимаете, что, если каждый встречный будет приходить и просить у него бумаги, это же беспорядок получается!..

— Кроме понятия «служебные обязанности» есть еще и такое, как «человечность». Вам оно знакомо, Сайфи Сакиевич? Или оно у вас не в чести? И не только у вас, но и у ваших подчиненных? Жаль, очень жаль...

Сайфитдин-ака на секунду смутился, но тут же нашелся, что возразить Шерзаду:

— От вас, братишка, ничего не скроешь. Вы понимаете, сегодня люди прекрасно знают свои права, знают, что им полагается и что не полагается делать. Этот парень формально все же прав. Другое дело, что он нагрубил... За это его надо наказать, согласен.

— Формально не формально, какая разница? Важно, что он по натуре своей такой, и его уже трудно, невоз-

можно переделать, вот в чем вся беда. Ну, да пустой разговор! Все равно что в ступе воду толочь...— Шерзад отвернулся.— Если я вам понадобится, — он подошел к человеку без руки, — давайте я запишу вам свои координаты. Мало ли что... Я не знаю вашей фамилии.

— Саидов, Саидов, сынок! — лицо инвалида просветлело.— Спасибо вам за то, что... вы такой. Я обязательно позвоню вам.

И они вместе вышли из кабинета.

36

Сурова природа, коротка в ней жизнь прекрасного. А может быть, нам это только кажется: ведь так естественно человеческое стремление к этому прекрасному. Но, увы, не всегда мы удовлетворяем свою жажду в нем. Быстро пролетает и весна, долгожданное время года. И всегда нам кажется, что она прошла слишком быстро, и мы не успели насладиться буйными красками ее цветения, ароматами цветов, нежной зеленью...

Вчера Шерзад позвонил Зухре в театр, помня ее обещание поехать за тюльпанами. Он знал, что самое большее через неделю кончается пора цветения, и беспокоился, успеют ли они. Кроме того, он вообще не был уверен в том, что Зухра согласится на этот раз, но, к его радости, она не отказалась.

День был уже в разгаре, когда Шерзад на мотоцикле Абдувахиды подъехал к условленному месту около сквера на площади Ахунбабаева. Зухру он увидел еще издалека. Она стояла около скамейки, там, где они договорились встретиться, и листала какой-то журнал. В красной блузке, косынке под цвет ей, темно-синих брюках она была так обаятельна, так к лицу ей было это красно-синее сочетание, что, как заметил Шерзад, все шедшие мимо обращали на нее внимание. Поэтому он подходил со смешанным чувством радости и грусти одновременно: мужчины, пройдя мимо, оглядывались на нее по нескольку раз, правда, Зухра этого не замечала, так как ни разу не оторвалась от страниц журнала. Рядом на скамейке лежал пакет. Из него аппетитно выглядывала редиска, перья лука. «Вот это угощение! — Шерзад, приближаясь, разглядывал содержимое пакета.— А она, оказывается, и хозяйственная!» Когда он был почти рядом, Зухра, словно почувствовав его приближение, обернулась и заулыбалась, завидя Шерзада.

— А вы, оказывается, соня!— шутливо протянула она.

— Нет, Зухра, этого про меня не скажешь, я встал сегодня чуть свет.— Он нежно пожал ее руку.— Пока брал у товарища этого вот скакуна,— он кивнул на мотоцикл,— задержался. Не бойтесь со мной на этой лошадке?

Зухра обними руками осторожно взяла протянутую Шерзадом каску.

— Нисколечко!

И она прямо на косынку, завязанную под подбородком, надела каску.

— А вам идет!— Шерзад не мог скрыть восхищения.— Вы сейчас похожи на астронавта!

...В старом городе какой только не встретишь сегодня вид транспорта — и грузовик, и легковую машину самой новейшей марки, и арбу, которую тянет ишачок. Шерзад вел свой мотоцикл по самому краю улицы, и шум звуковых сигналов, окриков возчиков не смолкал ни на минутку. Совсем рядом с мотоциклом, сзади, засигналила вдруг легковая машина. Шерзад взял правее и теперь вел свой мотоцикл почти по самому краю цементированного арыка, по которому бурным потоком неслась черная мутная вода. Однако сзади по-прежнему продолжали сигналить. Это раздражало, резало ухо, словно напильник, скребущий железо. Шерзад подумал, что если возьмет еще немного в сторону, то неминуемо угодит прямо в арык. Он на мгновение обернулся назад и увидел ехавшую буквально впритык черную «Волгу», за баранкой которой ухмылялся Сираждин. «Наверное, во что бы то ни стало хочет вывести меня из терпения, не иначе», — подумал Шерзад и вспомнил вчерашний день, проведенный в универмаге. Если бы сейчас он ехал один, то, конечно, непременно бы остановил мотоцикл прямо перед носом этого нахала. Однако теперь, рядом с Зухрой, он не имел никакого права рисковать. Девушка, как и он, беспокойно поглядывала на едущую сзади «Волгу», но, очевидно, не узнала своего преследователя и вздыхателя. Наконец, видно, Сираждину надоела эта игра в догонялки, и, протяжно просигналив, обогнав мотоцикл, едва не задев его, он свернул в одну из боковых улиц. «Откуда он взялся, этот нахал?— подумал Шерзад.— Может, специально сторожил, чтобы испугать? Наверняка вчера папаша рассказал ему обо всем, и, он, не придумав ничего умнее, устроил этот идиотский марафон!» Шерзад,

конечно, не подал и виду, но настроение у него было испорчено.

Они уже проехали Келес. Потом пошли бесконечные изумрудные поля. У самого края дороги с двух сторон ровными рядами выстроился тутовник. На полях, распростертых до самого горизонта, появились ранние всходы лука, свеклы, капусты. Поле под солнцем переливалось от пепельно-серого до красно-бурого. Небо, заметил Шерзад, постепенно заволакивалось облаками, но воздух был прозрачен и чист. Шерзад за своей спиной все время ощущал легкое дыхание Зухры. И эта невольная близость волновала, вселяла в душу предчувствие необыкновенного и радостного. Едва девушка коснулась рукой его плеча, тотчас обернулся к ней. Зухра что-то говорила, но за шумом мотора он ничего не мог разобрать. К тому же и ремешок каски у него был наглухо застегнут. Зухра рукой показала на небо, на восток, туда, где солнце теперь совсем скрылось за облаками. Край их блестели словно позолоченные, а в одном месте, причудливо переплетаясь, образовывали гигантский веер. Шерзад повернул голову к Зухре, покивал ей: «Да, в самом деле очень красиво!»

После получаса езды пошли разной высоты холмы. То там, то здесь солнечные лучи-зайчики пробивали толщу облаков. Шерзаду хорошо знакомы эти места. В прошлом году они несколько раз приезжали сюда с Абдувахидом. Среди засеянных пшеницей полей и холмов все время попадались большие участки пастбищ. На одном из них и хотел остановиться Шерзад, чтобы отдохнуть.

Теперь мотоцикл свернул на проселочную дорогу. Уже кончилось шоссе, поэтому мотоцикл то и дело подскакивал на ухабах и кочках проселочной дороги, как ни старался Шерзад вести его с предосторожностями.

Не проехали и двух километров, как среди изумрудной травы показались первые переливающиеся, словно рубин, алые головки тюльпанов.

Завидя цветок, Зухра легонько толкнула Шерзада, и он, оглянувшись, увидел, как радостно и весело блестели ее глаза. Она уже не могла усидеть на месте и, словно ребенок, каждый раз видя все новые и новые полянки, алевшие от обилия тюльпанов, тормозила Шерзада.

Наконец они остановились. Напрасны были опасения Шерзада. Наверное, потому, что весна в том году была затяжной и дождливой, тюльпаны не только не отцвели, напротив, в своем роскошном буйстве достигли апогея

красоты. Там, где они остановились, попадались тюльпаны фантастических размеров — с пиалу величиной, чем вызвали безудержный восторг девушки. Едва соскочив с мотоцикла, Зухра бросилась к ним. Чтобы не мешали, она высоко закатала штанины джинсов, повязала косынкой волосы и пошла по зеленому, усеянному цветами полю. Она жадно срывала один цветок за другим, радостно смеялась и сама была на этом поле похожа на красивую, перелетающую с цветка на цветок бабочку.

— Подождите!— едва успевая за ней, смеялся Шерзад.— Вы отрываете слишком короткий стебелек! Вот как надо, смотрите!

Он нагнулся над огромным тюльпаном и только было хотел сорвать его, как из чашечки выпорхнула пчела, отлетела вбок и тут же ударилась о его щеку. Шерзад невольно отпрянул, Зухра же рассмеялась его испугу, и ее веселый смех словно разбудил окутанные доселе тишиной эти поля и холмы, далеко разнесся эхом. Шерзад смотрел и не мог насмотреться на нее. Когда же почувствовал неловкость своего взгляда, тотчас отвел его и, опустившись на колени, осторожно взялся за стебель тюльпана.

— Берите вот так, очень осторожно!— продолжая незаметно поглядывать на Зухру, тихо говорил он.— И стебель не ломается, и луковка остается в земле. На следующий год здесь снова вырастет такой же красивый тюльпан, и мы снова приедем сюда с вами...

Зухра, казалось, не слышала его слов. Однако теперь она рвала цветы так, как показал ей Шерзад. Он же, расстелив в траве газету, не отрывая взгляда от девушки, прилег, опершись на согнутую руку.

Высоко в небе плыли белые, словно пена, облака. А вокруг стояла такая глубокая тишина, что он просто боялся вспугнуть ее своим дыханием. Ее нарушали лишь майские жуки да пчелы, гудение и жужжание которых сплеталось с далекой жалобой жаворонка. Однако этот хор голосов и звуков не только не нарушал гармонии тишины, а, напротив, без них она не ощущалась бы столь глубоко и чутко. Прислушавшись, Шерзад уловил и еще один звук, который поначалу трудно было сразу услышать: едва различимое шептание пшеничного поля, которое в зависимости от силы ветра то усиливалось, то затихало вовсе. Отсюда, где лежал Шерзад, был виден край этого поля, взбирающегося на пологий холм. Порыв ветра, пригибая колоски к земле, заставлял изменять и цвет этого поля — из зеленого оно становилось сере-

бристо-серым, покрывалось рябью мелких прихотливых волн.

Шерзад оглядывал простирающийся до горизонта мир, празднично-зеленый, яркий, синее небо, по которому величаво и неторопливо проплывали облака, и ему казалось, что и душа его готова вместить в себя весь этот огромный и прекрасный мир с его бескрайними полями, холмами, с этим бесконечно прекрасным небом и солнцем. И это ощущение пробуждало во всем его существе радость и силу. У него возникло вдруг непреодолимое желание запечатлеть это мгновение на полотне, чтобы все было так, как сейчас,— и эта бескрайность, и эта чистота красок и звуков...

Зухра, стоя рядом, держала в руках огромный букет тюльпанов, полевых колокольчиков и еще каких-то неизвестных ему темно-синих полевых цветов.

— А вы?— ее вопрос заставил очнуться Шерзада от грез.— Вы почему не собираете цветы?

Он, все еще во власти охватившего его чувства, удивленно взглянул на Зухру.

— А-а-а, вы еще, оказывается, не только соня, но и лентяй!— она протянула ему несколько колокольчиков.

Щеки девушки порозовели, волосы рассыпались по плечам. Шерзад проворно молча встал и вместе с колокольчиками крепко взял ее за руку, перепачканную землей и желтой пылью цветов. Зухра в недоумении поглядела на Шерзада, потом с мольбой в голосе прошептала:

— Не надо! Прошу вас... Лучше собирайте тюльпаны...

— Зухра!— голос Шерзада прерывался от волнения.— Я должен видеть вас... всегда, иначе я не смогу жить!..

— Хорошо,— согласно кивнула Зухра в ответ, нежно улыбулась, взяв Шерзада за руку.— Вот теперь вы опять пай-мальчик.

Она замолчала на секунду и из-под мохнатых своих ресниц лукаво взглянула на Шерзада:

— Хотите скажу, о чем вы думаете?

— Конечно, хочу!

Зухра положила тюльпаны на газету и села рядом.

— Вот это все,— она легким движением обвела рукой поля и холмы, простирающиеся до горизонта,— все это вы только что мечтали нарисовать. Правильно, угадала?

Глядя в ее глаза, где светилась радость, Шерзад удивился:

— Как же вы догадались?

— По-моему, каждому, кто увидит такую красоту, непременно захочется сделать это, только вот не у каждого хватит умения.

Шерзад улыбнулся:

— Справедливо, однако, как мне кажется, художник творит не для того, чтобы продемонстрировать свое мастерство.

Взгляд Зухры посерьезнел, и она заинтересовалась:

— Для чего же тогда?

Шерзад задумался. Ему вспомнилось, как несколько лет назад, приехав на летние каникулы домой в кишлак, он однажды спал во дворе на топчане под инжиром. И как в одну из теплых летних ночей проснулся вдруг, не поняв сначала отчего, услышав доносящуюся откуда-то издали песню. Пел ее низкий хриловатый мужской голос. Наверное, человек шел по дороге, что за кишлаком, потому что, слышал Шерзад, песня лилась неровно, то удалялась, то приближалась.

Разогнав сон, она таинственно обволакивала проникновенностью исполнения, трепетностью мелодии. Очарованный тайной силой певца, Шерзад не мог больше лежать, вышел на улицу, жадно ловя уходящую вдаль песню. Так и стоял не шелохнувшись, пока голос не смолк совсем. Он не мог повторить этой мелодии потом, хотя обладал неплохим слухом. А позже, месяцы спустя, когда уже вернулся в город, как-то попал на концерт. И вдруг услышал ту самую песню. Он ее сразу узнал. Ее исполнял известный певец. Однако Шерзад не испытал наслаждения мелодией, как в прошлый раз. И не раз задавался вопросом — отчего? Все было — и слова, и мотив, и профессиональное исполнение, однако пропала сила очарования песни...

Зухра, не отрывая взгляда от букета тюльпанов, лежащего рядом на траве, молча слушала рассказ Шерзада.

— Почему так случилось, я понял позже. — Шерзад так же, как и Зухра, глядел на цветы. — Путник вложил в песню душу, это был голос сердца. Артист же, обладая профессионализмом, не считал нужным — да это, наверное, вошло уже в привычку — петь с душой. Ему это заменил громкий, хорошо поставленный голос. Вот это и оставляло равнодушным, не трогало...

— С вами можно согласиться и не согласиться. — Зухра задумалась. — Справедливо то, что вы говорите. В самом деле, есть артисты, ремесленнически относящиеся

к своему труду. У них одна цель, одна задача — во что бы то ни стало показать себя. Исполнение же — его качество — для них это дело десятое. И у нас в театре есть такие, правда мало, но есть. Когда идет читка пьесы, они слушают невнимательно, реплики повторяют автоматически, больше думая о том, какая роль достанется. А во время спектакля? Да то же самое! Кончается, скажем, участие героя в пьесе где-то не в последнем акте, и актер уже спешит домой. Бывает, что всю пьесу ни разу до конца и не видел. А потом настоящие курьезы случаются. У нас как-то один актер — он сам нам рассказывал — заслушался: по радио пьесу транслировали... А все потому, что ни разу в театре ее до конца не видел... Оказалось, интересно! Узнал, какие слова после него идут!.. Смеялись все, конечно, но разве тут до смеха?..

— Ну, хорошо! Это та часть, в которой вы согласны со мной! А теперь возразите! — Шерзад улыбнулся, когда Зухра, в сердцах махнув рукой, кончила говорить.

— Конечно, могу возразить! — теперь заулыбалась она. — Дело в том, что вы, когда слушали понравившуюся вам песню, были не в зрительном зале. Ночь, луна, тишина, неповторимость... Все это создавало определенное настроение. И песня путника как бы завершала таинственное очарование ночи. А что на концерте? Битком набитый зрительный зал, яблоку негде упасть, теснота, духота, может, и певец был не в настроении... Такое тоже может быть? Конечно, согласна. Нужно быть очень хорошим певцом и актером, чтобы увлечь того, кто сидит в зале, заставить забыть о том, что декорация — это не настоящие лес, поле и дом, заставить поверить в истинность происходящего... Ну, я уже окончательно села на своего конька — театр... Немногим дано это. Правильно. Но коли уж ты решил посвятить себя сцене, так к этому надо стремиться всеми силами души своей...

Зухра замолчала, присела на корточки и проворно, словно заплетала косички, стала соединять цветы в гирлянду. Ловко перебирая пальцами, она не отрывая взгляда от работы, сосредоточенно насупившись, и ее длинные пушистые ресницы, видел Шерзад, трепетали, словно бабочки.

«Веский аргумент, вполне логично! — подумал Шерзад, по-прежнему не сводя глаз с нее. — Умница!»

И вдруг Зухра, не поднимая взгляда, попросила:

— Не смотрите на меня так, Шерзад... пожалуйста! Он отвел взгляд.

— Спасибо! — Зухра все еще не поднимала глаз от

венка. Потом, прервав свое занятие, легко вздохнула.— Знаете, чем прекрасны поля?

Шерзад пожал плечами.

— Своей широтой, необозримостью!— Зухра вновь взялась за венок.— В поле все твое — и цветы, и холмы, и небо, и солнце!.. Все! В городе ты даже скамейку, на которую присел в сквере, должен делить с кем-то. Разве не так?

— О, да вы, оказывается, собственница! Правда,— засмеялся он,— и я бываю иногда эгоистом, не люблю делить мое!

— Человек,— назидательно-шутливо поучала Зухра,— должен делиться с близким тем, что у него есть! Тем, что ему нравится... Вот в детстве я, например, половину всегда отдавала брату Хасану. Если солнце было его, облака — мои. Мы в такую игру играли... Небо мое, горы — его.— Зухра посмотрела на Шерзада:— Соскучилась я о нем ужасно! Два года не виделись...

— А когда он вернется?

— Написал, что после майских праздников!..

— А чем ваш брат занимался до армии?

— Работал в разведывательной геологической партии. Он ведь прямо бредит — хочет стать только геологом, и никем больше! Сразу как вернется, будет готовиться в институт, а в августе поступать опять, конечно, на геологический...— Она помолчала, критически оглядывая свою работу,— венок получался и в самом деле очень красивый. Потом горячо добавила:— Хасан должен учиться. Обязательно! Он одержимый у нас! Влюблен в свою будущую профессию геолога, и это давно, пожалуй, класса с седьмого. Однако не удастся ему пока поступить, недобирает баллов...

— Вот это-то и плохо!— тотчас вспыхнул Шерзад.— Порой за стенами института остается тот, кто может, а главное — хочет учиться. А какой-нибудь недоросль, маменькин сыночек, едва дотянувший до аттестата зрелости с одними тройками, глядишь, уже и в институте. Что из такого получится? Кончит вуз и куда бы ни пришел работать, будет обузой для своих коллег. Потому что сам ни на что не способен. Как в школе, так и в институте, а потом и на работе. И все добрые родители пекутся о родном чаде. Как же! Без высшего образования теперь никуда! Заморочат голову своему ребенку, он и в самом деле думает, что без института не проживет. А может быть, из него хороший бы рабочий со временем полу-

чился, человек, полезный обществу... Это очень серьезная проблема, поверьте...

— Теперь, кажется, наконец за нее и взялись серьезно.— Зухра отложила в сторону венки.— Не удивительно, если в скором времени окончательно восторжествует справедливость. И не родственные чувства будут определять, кто достоин быть в институте, а кто — нет.

— Ох, будь моя воля!..— Шерзад решительно постучал кулаком по земле.— Я бы издал строгий закон, который жестоко карал всякого рода родственные сделки, блат! Ненавижу это слово!— Распалаясь все более, он говорил быстро и гневно.— Был у меня один знакомый! Почему был? Он и сейчас есть! Так вот он девизом своей жизни сделал лозунг: «Золото или сила!» То есть с помощью покровителя он много зарабатывает.

Для него неважно, каким путем... Имея капитал он находит себе покровителя... Вчера, знаете, я вновь встретился с этим человеком. И мы с ним крупно поговорили!..

Шерзад не очень хотел вспоминать о том, что произошло вчера в универмаге между ним и Сайфи Сакиевичем. Тем более перекладывать свои заботы на Зухру, у которой и без того их хватало. Он уже ругал себя за то, что начал этот разговор, мучился угрызениями совести: в кои-то веки Зухра приехала подышать свежим воздухом, отрешиться от каждодневных своих дел, от театра, репетиций. И вот, пожалуйста, он со своими проблемами, а они ей, может быть, вовсе и не интересны. Но внимательно слушавшая его Зухра спросила вдруг:

— И что же вы теперь собираетесь делать?

— Право, пока и не знаю!— он старался говорить весело и беззаботно, но за этой беззаботностью Зухра почувствовала, что он не на шутку встревожен, что это не дает ему покоя. И даже здесь, когда они одни, он не может не говорить об этом. Она заразилась его тревогой, но, не желая быть назойливой и в то же время всей душой стремясь ему помочь, посоветовала:

— А что, если вам поговорить с моим отцом?

Шерзад не был избалован вниманием. Часто и посоветоваться-то ни с кем не мог, разве с Абдувахидом. Но это сверстник, сам еще не умудренный жизнью и опытом человек, хотя и отец семейства. А тут такое дело серьезное! Надо, видно, только самому решать, и вряд ли кому-нибудь постороннему можно доверить. Поэтому Шерзад решил отделаться шуткой:

— Только что мы с вами, Зухра, вынесли приговор

подобным сделкам! А теперь сами хотим прибегнуть к помощи своих родственников!

Зухра не приняла шутки, даже, как показалось ему, обиделась.

— Разве это ваше личное, только вас касающееся дело!— губы ее едва заметно дрогнули. Поняв, что ответил не очень-то ловко, Шерзад смутился, хотел что-то сказать, но Зухра опередила его.— Можете быть спокойным на этот счет!— решительно произнесла девушка.— Отец, как и вы, не поощряет знакомств в этом смысле слова. Иначе...— она запнулась на мгновение,— иначе бы наш Хасан давным-давно теперь заканчивал институт.

Шерзад долго молчал, все еще чувствуя какую-то неловкость от своей шутки и глядя на перепачканные пылью тюльпанов руки Зухры, потом спросил ее:

— А где работает ваш отец?

— В комитете народного контроля.

Теперь Зухра говорила спокойно, глядя на Шерзада. «Сулейман Рустамович... Верно, ведь фамилия Зухры Рустамова! Значит, он отец Зухры. Надо же, такое совпадение!»— подумал он, и вдруг будто с плеч гора свалилась. Он вчера и сам после всего случившегося хотел сразу пойти в комитет. И сейчас вспомнил вдруг об этом своем решении. С Сулейманом Рустамовичем он встречался не раз. Прошлой весной, когда проходили выборы в Верховный Совет, Шерзад как молодой коммунист был заместителем председателя избирательного участка, где баллотировался Сулейман Рустамович. Запомнил и его выступление перед избирателями. Седого усталого человека знали все...

— Я знаком с вашим отцом, Зухра!— сказал он.

— Вот и отлично!— она улыбнулась и легко поднялась.— Только одно плохо. Пока мы с вами говорили обо всем на свете, совсем забыли посмотреть на небо: вот-вот хлынет дождь...

Шерзад поднял взгляд и увидел прямо над головами низко плывущие свинцовые облака. Как он не заметил прежде, что погода начала портиться! И тотчас поднялся сильный ветер. Над полями закружились сорванные ветром пушинки одуванчика, лепестки тюльпанов. Пшеничное поле на дальнем холме заволновалось, забеспокоилось под ветром. Низко к земле пригнулась пшеница, и все поле вдруг из серебристого стало пепельно-серым, сумрачным.

— Не застрять бы нам на мотоцикле, если пойдет дождь!— забеспокоилась Зухра. Ветер трепал ее волосы,

она пыталась надеть на голову каску, но никак не могла собрать их в пучок.

— Не страшно, пусть пойдет, останемся здесь!— шутил Шерзад.

Зухра озабоченно покачала головой:

— Никак нельзя! В семь у меня спектакль, я должна успеть!

Ветер усиливался, трепал венки в руках Зухры, не давал собрать с земли тюльпаны. Теперь небо сплошь стало свинцовым. Прямо над ними сверкнула молния и вслед за нею, почти без перерыва, загрохотал гром. Он тяжело отозвался в бескрайней степи, повторяясь со всех сторон оглушительным эхом.

— Не бойтесь! Конечно, ощущение не из приятных — гроза в степи! Но будем потом хвастаться, какие мы бесстрашные!— Шерзад старался приободрить приунывшую Зухру, глаза которой беспокойно поглядывали из-под козырька каски.— Вот выедем на большую дорогу...

Он завел мотоцикл. Зухра с букетом тюльпанов в руках устроилась сзади. Выбравшись на утрамбованную проселочную дорогу, Шерзад дал полный газ.

Встречный порывистый ветер затруднял дыхание, небо теперь, казалось, не знало ни минуты передышки, постоянно оглушаемое мощными раскатами грома. Упали первые крупные капли дождя. И тут же, без всякого перерыва, водяной поток с неба преградил дорогу. В двух шагах ничего не стало видно. От земли поднимался терпкий запах намоченного грунта. Вместе с усилившимся ароматом полевых цветов он окутывал все вокруг.

— Держитесь крепче!— в голосе Шерзада Зухра уловила беспокойство. Она не расслышала, что он ей сказал еще, но, оглянувшись, поняла, что нужно крепко ухватиться за его плечи.

Через несколько минут оба промокли до нитки. Мотор надрывался что было силы, однако вперед они продвигались черепашьям шагом. Мотоцикл заносило то в одну, то в другую сторону — в колеи, образовавшиеся на грунтовой дороге от колес машин. Все старания Шерзада ни к чему не привели, и он в конце концов вынужден был остановиться у подножия высокого холма. Слез с седла и, взглянув на Зухру, увидел, что и блузка ее и брюки, прилипшие к телу, были сплошь забрызганы грязью, промокли насквозь. Однако с букетом она так и не рассталась, прижимая его к себе.

Зухра силилась улыбнуться, чтобы Шерзад не думал,

что она такая неженка и раскисла от дождя. Но ее выдал подбородок, который, как заметил он, мелко дрожал, словно от озноба.

По-прежнему ни единого просвета на небе. Все так же беспрерывно грохотал гром, хотя молнии уже не сверкали над головами.

— Боюсь, вы простудитесь!— Шерзад говорил в самое ухо Зухры, чтобы она услышала.— Я не могу вас согреть, но попробую хоть немного укрыть от дождя!

Обняв за плечи, он прижал ее к себе. Зухра молча повиновалась. Держа ее в объятиях, Шерзад, не смея сделать лишнее движение, взволнованно вдыхал в себя аромат дождя и ее нежных, едва уловимых духов. С каски Зухры стекали струйки дождя. На бровях и густых ресницах блестели крохотные бусинки воды. Одурманенный всколыхнувшим все его существо радостным безудержным чувством, Шерзад крепко и нежно прижимал ее к себе, целовал в теплые, влажные от дождя губы.

— Отпустите!— шептала Зухра с мольбой, но не делала ни единого движения, чтобы освободиться от этих рук и губ.— Нехорошо! Нехорошо!..

Они стояли так, посреди степи, обнявшись, под проливным дождем и жадно вдыхали влажный воздух освеженной, умытой земли, не в силах оторваться друг от друга, счастливо улыбаясь и не стесняясь теперь возникшей между ними целомудренной близости.

...Вечером после спектакля, проводив ее домой, он в счастливом оцепенении лежал у себя в квартире на тахте и мысленно снова и снова возвращался к тому, что случилось сегодня. Перед глазами стояло счастливое лицо Зухры. На своих губах он все еще чувствовал ее дыхание, ощущал ее прикосновения, запах ее волос.

«Какой сегодня счастливый день!»

Так думал Шерзад, когда сон совершенно уже смежил его веки. И не понял, то ли наяву, то ли во сне снова увидел рядом лицо любимой, ее глаза, в которых он прочитал так много.

37

В приемной Сулеймана Рустамовича пусто. Шерзад огляделся. Стулья у стены, на спинке одного из них, в углу, возле секретарского стола, шелковая косынка. «Наверное, ушли на обед»,— в нерешительности останавливаясь посреди комнаты, подумал Шерзад. Он хотел было повернуть назад, как вдруг за дверью кабинета

услышал звуки музыки. Шерзад подошел к двери, на которой висела табличка «Председатель комитета». В чуть приоткрытую щелку вырывалась величественная торжественная мелодия. Прислушавшись, он узнал «Полонез» Огинского. Потянул дверь на себя, и она бесшумно поддалась. На полу кабинета ковровая дорожка. Окна без портьер. На деревянных рейках, ограждающих кондиционер, глиняные кувшинчики с буйно разросшимися побегами и цветочками красноватого оттенка, закрывавшие наполовину окно. В кабинете чисто деловой стиль, ничего лишнего, самое необходимое. Пожалуй, единственная вещь, не в тон общему настрою комнаты, — магнитола. И даже портрет Маркса со строгим не улыбочивым лицом над столом хозяина будто лишний раз подчеркивал назначение этого помещения, где все подчинялось строгому распорядку и дисциплине. Сам хозяин в неожиданной позе сидел за письменным столом: подперев лоб сложенными перед собой руками так, что лица не было видно. «Глаза, наверное, закрыты», — подумал Шерзад. Казалось, человек спит, настолько неподвижна была его фигура, внимавшая звукам музыки...

Шерзад в нерешительности еще держался за ручку двери, не зная, что же предпринять. Так мало времени у этого человека, что даже свое обеденное время он не всегда использует по назначению. Вот и теперь вызвал Шерзада именно в обеденный перерыв: было половина второго.

Мелодия оборвалась. Сулейман Рустамович открыл глаза и поднял голову, выпрямившись.

— Извините, — он, казалось, сконфузился.

Шерзад подошел к столу, поздоровался и неожиданно для самого себя стал отыскивать в этом человеке черты схожести с Зухрой. Тогда, на избирательном участке, он не обратил внимания на глаза Сулеймана Рустамовича. Спокойные, излучающие какой-то притягательный свет. Такие же были и у Зухры, только более оживленные и теплые... Когда Сулейман Рустамович улыбнулся, Шерзад понял, что они ужасно похожи — отец и дочь.

— Пожалуйста, садитесь! — пригласил он. — Я вас слушаю, товарищ Самандаров.

Шерзад сразу перешел к делу, стараясь быть как можно лаконичнее и строже в изложении фактов.

— Мне нечего делить с этим человеком, — сказал он после того, как рассказ был окончен. — Требовать, чтобы завтра же в универмаг была направлена проверочная комиссия я не могу, ибо, к сожалению, не располагаю

прямыми уликами. Меня, Сулейман Рустамович, — он прямо заглянул в глаза собеседника, беспокоит другое. Знаю, честных и добросовестных работников торговли у нас очень много. Однако есть и другие. Получает себе такой рублей девяносто — сто в месяц, а живет по-царски, не стесняясь в средствах, на широкую ногу. Возводит хоромы, платит за это баснословные деньги. Днем он в халате стоит над жаровней или за прилавком в универмаге. Вечером же после работы садится в собственную машину и едет на дачу. Не спорю, у нас каждый имеет право купить машину и дачу. Но откройте мне, пожалуйста, секрет, как можно, получая девяносто рублей в месяц, построить дачу, купить машину? Конечно, я задаю наивный вопрос... Арифметика простая: честным путем тысяч не заработаешь... И это понимают все. Знают и почему-то молчат. А бесчетные комбинаторы и спекулянты пользуются этим молчанием и наглеют все больше...

Шерзад показалось, что Сулейман Рустамович что-то пристально разглядывает у себя на столе. Только позже он понял, что это манера сосредоточиться, выслушать собеседника, не перебивая его ни единым словом, не смущая взглядом. Теперь лицо Сулеймана Рустамовича утратило прежнее приветливое выражение. В нем он прочитал напряжение, озабоченность. Выжидая, не захочет ли Сулейман Рустамович сказать что-то, Шерзад тоже молчал. Наконец, собравшись с мыслями, он взволнованно продолжал:

— Для таких людей нет в жизни ничего святого. Им все равно, у кого красть: у людей ли, прибегая ко всевозможным уловкам, у государства, изощряясь во всевозможных махинациях. Беда в том, что всех остальных, живущих по законам совести, они считают круглыми дураками. «Пришел в этот мир — надо жить на всю катушку» — такова их логика. Для таких важен лишь результат, а не способ достижения цели. Для них нет ничего святого, они просто убеждены, что знания, положение, любовь, совесть — все можно купить и продать... Самое ужасное, как мне кажется, что дурной пример заразителен. Вы думаете, Сулейман Рустамович, людей, размышляющих примерно так: «Такой-то занимается воровством и живет прекрасно, катается словно сыр в масле. Чем я хуже? Может, и мне попробовать?» — у нас нет? Своей грязной философией эти дельцы затягивают нередко в орбиту спекулянтской деятельности и других, честных людей, польстившихся на легкий заработок...

Сулейман Рустамович молча слушал сбивчивые взволнованные слова Шерзада, но пока не высказывал своего отношения. Что говорить, Шерзад чувствовал себя не очень уверенно. Но поскольку, как ему казалось, надо было высказаться до конца, то продолжал, все более волнуясь:

— Человечество всегда жило с верой в лучшее будущее, с верой в счастье поколений. Может, я очень торжественно здесь выражаюсь, но убежден, скажи такому проходимцу, что наша цель коммунизм,— так, он, не стесняясь, ответит, что это похоже на рай... на том свете! Потому что у таких нет святых убеждений. Скажет: «Делай что хочешь, строй что хочешь, а я буду жить по-своему! И посмотрим еще, добавит, кто из нас прав». А если не скажет об этом открыто, то уж подумает обязательно...

Сулейман Рустамович поднялся, припадая на одну ногу, подошел к окну. Глянул мимоходом во двор, закурил. «Ранение», — Шерзад перед выборами знакомился с его биографией. Под Курском был ранен.

И тут же вспомнил своего отца. Сидит у окна и чинит часы. Закатаны штанины его брюк, рядом палка с резиновым наконечником...

И вот тот инвалид, в универмаге. Нет руки... Сердце Шерзада наполнилось болью.

— Где же справедливость, Сулейман Рустамович? Одни отдавали жизнь за революцию,— голос Шерзада дрожал от волнения,— другие сложили свои головы в борьбе с басмачами. Третьи погибли от рук кулаков, четвертые — сражались с фашистами... И все они, наши деды и отцы, умирали за светлый день, в который они верили, за светлое будущее своих детей и внуков. И вот пришла эта жизнь. Но если она наступила, если это светлые дни, за которые отданы миллионы жизней, то откуда же появляются эти черные призраки, эти тени, Сулейман Рустамович? Может быть, я рассуждаю наивно? Но неужели наши отцы воевали ради сытой жизни мерзавцев? Ради того, чтобы они брали от жизни все и наслаждались ею за счет других? За это вы воевали, скажите?!

Лицо Шерзада покраснело, горло от волнения перехватило, и он вдруг замолчал. Сулейман Рустамович не спеша внимательно посмотрел на него. Подошел ближе, выпуская колечки дыма. Глаза его снова были спокойными. Он ласково, по-отечески положил руку на плечо Шерзада.

— Сколько на ваших часах, скажите, Шерзад?— называя его по имени, спросил он.

Шерзад удивился.

— Без пяти два,— быстро взглянув на часы, ответил он.— Простите!— Он подумал, что его время истекло, и поэтому почувствовал себя неловко.— Я отнял много вашего времени, тут я слишком много говорил... Извините!

Сулейман Рустамович покачал головой.

— Нет, нет, пожалуйста!..— он улыбнулся, видимо, каким-то своим мыслям.— Скажите, Шерзад, не вспомните ли вы, сколько стоят ваши часы?

«Какое отношение все это имеет к моим часам?»— подумал Шерзад, взглянув на руку. Еще на четвертом курсе института он заработал на хлопке деньги и потому отлично помнил, сколько заплатил за эти часы.

— Сорок три рубля!— прямо глядя в глаза Сулеймана Рустамовича, ответил он.

— А ремешок, ремешок, не припомните ли, сколько за него отдали?

— Вот этого точно не помню, Сулейман Рустамович, но, кажется, рубль...

— Не рубль, а рубль и три копейки стоит он.— Сулейман Рустамович улыбнулся.— Скажите,— он глубоко затянулся сигаретой,— а сколько, по-вашему, таких вот ремешков поместится в одном обыкновенном мешке?

Шерзад, не понимая этих загадок, которые задавал ему собеседник, в недоумении пожал плечами.

— Ну, наверное... тысяча?

— И я тоже так думал сначала!— обрадовался тот, положив руку на плечо Шерзада.— Но, оказывается, если с толком, умело уложить, то помещается сорок тысяч штук! Вот сколько! Вынести с фабрики не учтенные, а попросту ворованные сорок тысяч ремешков, помещающихся в один мешок, а потом продать их в универмаге — вот вам и целенькие сорок тысяч рублей! Вроде пустяк такой, ремешки... А какие деньги!

Сулейман Рустамович сел в кресло рядом с Шерзадом.

— Ваш директор Сайфи Сакиевич Сакиев,— сказал Сулейман Рустамович, как бы подводя итог разговору,— акула, что и говорить! Простым крючком не возьмешь! На такого матерого зверя надо охотиться с гарпуном... Ну ничего!— глаза его недобро сверкнули.— Пусть еще немного порезвится, он давно уже в сетях, но еще не по-

нимает этого. Из них ему уже не выбраться, это ясно как день.

И Сулейман Рустамович широко развел руки в стороны, словно показывая, какими должны быть сети, в которые попался бы директор универмага. В глазах его мелькнул веселый огонек.

— Потерпите еще пару недель!— он улыбнулся.— И тогда мы предоставим вам все материалы по этому делу. А потом, Шерзад, напишите обо всем, чтоб мерзавцам тошно стало! И чтоб они почувствовали, что у них из-под ног земля уходит! Чтоб поняли, что их не спасут теперь ни покровители, ни деньги, ни сам господь бог!..

Шерзад с восторгом смотрел в глаза этого человека, и его непоколебимая, твердая уверенность передалась Шерзаду, пробудив в нем энергию, какой прежде он не ощущал в себе. Значит, человек этот знает намного больше его, Шерзада. Осведомлен о том, что ему, Шерзаду, пока неизвестно. Только он в силу своего опыта и знания дела не суетится, как школьник, совершающий на каждом шагу опрометчивые поступки, а потом раскаивающийся в них. И не произносит громких слов, а ведет борьбу со всем, что мешает жить и работать честным людям.

— Понял,— тихо ответил Шерзад,— я все понял.

Он встал с кресла, за ним поднялся и Сулейман Рустамович.

— Вы разрешите вам позвонить?— крепко пожав ему руку, спросил Шерзад.

— Конечно, сынок! Через несколько дней, так и договоримся! Понимаете, свет не без тени,— после недолгого раздумья сказал он вдруг, все еще держа руку Шерзада в своей.

Сулейман Рустамович ласково и открыто смотрел на молодого человека.

— Вы спрашивали, откуда берутся эти тени? Они появились не сегодня. Просто мы за нашими делами и заботами — а их у нас хватает с лихвой — не всегда серьезно и сразу обращаем на них внимание. Жизнь наша становится день ото дня светлее, это всем ясно. Вот и тени мы начинаем замечать зорче, обращаем внимание на то, что мешает нам сделать нашу жизнь еще лучше. Но получается иногда так, что силы эти пользуются нашей нерасторопностью и затмевают свет. Сами по себе они не исчезнут, нет! С ними нужна борьба жестокая, много надо сделать, чтобы победить их!

Шерзад внимательно взглянул на Сулеймана Руста-

мовича, слегка наклонил голову в знак согласия, словно послушный ученик, услышавший истину от мудрого учителя.

— Я буду делать все, что зависит от меня, поверьте...

И когда он вышел во двор на яркое солнце, прошел мимо клумбы, словно вобравшей в себя все возможные тона и яркие краски щедрой южной природы, то почувствовал в себе такую вдруг легкость и уверенность, что вздохнул полной грудью, радостно улыбнулся от этого ни с чем не сравнимого ощущения собственной молодости, силы.

38

В старину говаривали: человек — игрушка в руках судьбы. Она может порой прихотливо распорядиться, бросая его в неведомые пучины, вознося до облаков...

В жизни бывают дни хорошие, светлые, а случается, пойдет полоса неудач. И на этот случай тоже припасена у народа мудрость: пришла беда — открывай ворота...

Именно такая пора пришла теперь в жизнь удачливого Сайфи Сакиевича. Он проклинал тот день, когда появился на свет. Он посетил на днях своего шефа, заведующего горторгом, и хотел сказать ему, что вот уже целую неделю в универмаге работает комиссия республиканской торговой инспекции и народного контроля. Что нынешняя проверка не идет ни в какое сравнение с прежними. И что он очень хотел бы посоветоваться, что предпринять, — ведь они друзья.

Сидя в приемной заведующего горторгом, Сайфи Сакиевич понял, что от этого свидания ничего хорошего ждать не приходится. Он беспокойно ерзал на стуле не менее двух часов, чего никогда прежде не случалось. Плохое предзнаменование! В конце рабочего дня шеф все-таки принял его. Развалясь в кресле, он пил зеленый чай. Прежде он всегда встречал Сайфитдина с распростертыми объятьями. Теперь же едва протянул кончики пальцев для приветствия.

Сайфитдин осторожно присел на стул, и первые слова шефа окончательно испортили ему настроение.

— Что-то оборот у вас неважный, как я погляжу! — недовольно протянул тот.

Сайфитдин попытался изобразить на лице улыбку.

— Да разве в этом дело, шеф?! — ласково возразил он. — Вы приказывайте, а мы исполним.

— Чему вы улыбаетесь! — одернул его шеф пискля-

вым фальцетом.— Лучше бы о плане серьезно думали, чем... скоморошествовать тут!..

Он глядел на отчужденные глаза начальника горторга, его выпирающий кадык, беспрестаннодвигающийся под подбородком, и думал, что если ему придется падать в пропасть, то этот человек никогда не протянет ему руку помощи. Наоборот, равнодушно воспримет его падение. Более того, еще и пинка даст под зад, чтобы больше и не пикнул никогда... И все ради того, чтобы самому выйти сухим из воды. «Будь ты проклят, дылда, дрянь!— мысленно выругался Сайфи Сакиевич, выходя из кабинета. — Думаешь, я молчать буду? Нет, шалишь! Не на того напал! Если со мной случится что-нибудь, то и тебе, голубчик, несдобровать! Уж я тебе все припомню! Будь спокоен!»

Выйдя на улицу, он почувствовал вдруг слабость в ногах. Пожалуй, рухнула главная опора, на которую он возлагал столько надежд. С этой нерадостной мыслью добрался он до остановки и еле влез в тесный душный автобус.

«Почему так много людей, куда они все спешат?..— недовольно брюзжал Сайфи Сакиевич про себя.— Неужели у них нет других забот, как только ездить и ездить?..»

Сам он привык возвращаться домой на машине. Своей, когда за ним заезжал Сираджин. Или любого сослуживца, который почитал за честь подвезти своего начальника. Он уже и не помнил, когда последний раз ездил в общественном транспорте. И только теперь понял, что дорога до дома была неблизкой. Прижатый со всех сторон людьми, сумками, страдающий от жары и духоты, Сайфи Сакиевич задышался и от запаха бензина, который проник в салон. Кто-то из стоящих рядом увидел, что он в изнеможении закрыл глаза, и попросил уступить место пожилому человеку. С облегчением усаживаясь в потертое кожаное кресло, Сайфитдин-ака рассеянно пробормотал слова благодарности

Переполненный до отказа автобус еле двигался, часто останавливался. Но людей меньше не становилось, так как на остановках опустевшие места тотчас же занимали другие желающие ехать. Надоедливый говор не смолкал ни на минуту и действовал Сайфи Сакиевичу на нервы. Нестерпимо разболелась голова. Хотелось поскорее выйти. Глядя в окно автобуса и припоминая свой недавний визит к шефу, Сайфитдин-ака мысленно повторял: «Господи сохрани под сенью своей!»

Не поймешь людей!.. Когда их дела идут благополучно, они ни в грош не ставят бога. Но стоит попасть в трудное положение, как начинают взывать о помощи. И откуда берутся слова молитвы?! Сайфи Сакиевич в этом отношении не составлял исключения. Особенно горячими были его молитвы в последние дни.

Он не очень переживал, когда несколько недель назад вдруг услышал, что посадили Фабриканта. Но, узнав об этом, проявил сострадание. Ездил к нему домой, успокаивал жсну. Говорил, что все из-за вражды, что это навет на честного человека и что он, Сайфи Сакиевич, постарается сделать все возможное для его освобождения. Посулил, что надежные люди не оставят в беде, что не пройдет и нескольких дней, как супруг будет на свободе. Однако шли недели, а дело не двигалось с места, и Фабрикант все еще находился под стражей. Вскоре дела пошли плохо и у самого Сайфи Сакиевича: нагрязнула злополучная комиссия, которая не на шутку взялась проверять все отделы. Стало понятно, что тут уж никого ничем не умаслишь, и теперь жди, что проверка потрясет до основания с таким трудом созданную им систему. И в первую очередь во всех своих бедах Сайфитдин винил этого сопляка журналиста. Побывал тот один раз у него в универмаге — и пошло-поехало, одни неприятности, да какие! Сайфитдин всегда умело сводил концы с концами. Научил он этой премудрости и «своих ребят» в универмаге. Однако члены комиссии на этот раз подобрались сплошные зубры. Ни одного простачка, уж он-то видел наметанным глазом. Они проверяли все дотошно и скрупулезно. Откуда и каким путем пришел товар, сколько продано, когда, по какой цене, сверяли копии накладных и так далее и тому подобное, будто известны им были все ухищрения, к которым прибегали работники универмага. В довершение ко всему Фабрикант, искусно удерживающий другую чашу весов во всех их общих делах, теперь был изолирован. А уж коли заколебались весы — плохой признак: равновесия не сохранить никакими силами. А потом...

Сайфи Сакиевич не хотел думать, что будет потом. Вот отчего теперь по ночам он горячо взывал к всевышнему:

— Господи, твоя воля, сохрани меня под сенью своей!..

Праздники в этом году были скорее похожи на похороны. Сидя на жестком сиденье автобуса, Сайфи Сакиевич вспомнил прошлогодние: они собрались мужской

компанией, ездили в Бостанлык, где их всегда ждал гостеприимный домик. Зарезали барашка, жарили шашлыки, пили кумыс, веселились сколько могли. Компанию украшали хорошенькие молодые женщины поведения не слишком строгого, откровенно любящие жизнь со всеми ее радостями, умеющие распорядиться туго набитыми кошельками своих знакомых.

Нынче он никуда не поехал, а теперь уже и не поедет. К нему никто не придет. Тянет к удачливым и счастливым, это аксиома.

И тут Сайфитдину пришло на ум воспоминание раннего детства. Мальчиком он очень любил купаться. Купался часто в речке, что протекала рядом с домом. А потом, обсыхая, лежал на берегу, грелся на солнышке и строил дворцы из влажного песка, омываемого рекой. В мыслях своих он поселял туда принцев и принцесс. Однако день разгорался, солнце поднималось все выше, высушивая песок и дворцы, построенные из него. Дворцы рассыпались легко и бесследно...

Оказалось, окружавшие его друзья были связаны ненадежными, испрочными узами. Связи эти напоминали тот песок, из которого он строил в детстве свои замки: тронь — и рассыплется. И сегодня, с горечью подумал Сайфитдин, он лишился еще одной опоры — долговязый шеф умыл руки.

А дома, господи, что делалось дома! Вот уже неделя, как Сайфи Сакиевич занят ликвидацией лишних, на его взгляд, вещей. В первую очередь он, конечно, избавился от белого скакуна, подаренного в лучшие дни Фабрикантом. Потом спешно отдал «на хранение» близким и дальним родственникам тридцать четыре ковра. Проводя дальнейшую ревизию имущества, он несказанно удивился, почему у них не один, а два холодильника «ЗИЛ», цветных же телевизоров даже три. Ну, один в доме сына. Но им с женой зачем два? Ни к чему было и пианино, на котором никто не играл, внуков не учили, считали, нет слуха... Как только Сайфи Сакиевич сообщил жене о неприятностях на работе, она со свойственной ей энергией немедленно стала прятать свои золотые украшения, дорогую одежду, рассовывая как попало по углам и в укромные тайшники, о которых в доме знала лишь она...

Наконец автобус доехал до его остановки. Солнце клонилось к закату. На верхушках ив возле чайханы играли его заходящие лучи. В чайхане в этот час многолюдно. Кто-то поздоровался с Сайфитдином, он рассеянно кивнул в ответ и, ускорив шаг, пошел по улице к

своему дому: хотел скорее миновать людное место, где встречались знакомые и соседи, скорее очутиться в тишине, где никто бы и ни о чем не мог его спросить.

Прежде вид богатых резных ворот дома доставлял Сайфитдину несказанное удовольствие. Их сооружали искусные мастера, владевшие этим ремеслом еще по наследству от дедов и прадедов своих, а потому понимали в этом деле толк. Деньги за работу взяли немалые. «Надо как можно скорее их поменять!— задерживаясь перед воротами, с неприязнью думал хозяин.— Люди с завистливой душой найдут лишний повод для зубоскальства!!»

Отойдя на несколько шагов назад и окинув взглядом дом, возвышающийся за воротами, словно дворец, он постарался взглянуть на постройку сторонним взглядом. «Да, надо признаться, и это чересчур внушительно!»— остался недоволен Сайфи Сакневич. За первым просматривается второй. Зачем он, Сайфитдин, поставил еще один дом? Неужели в одном не поместились бы? Высокий карниз с блестящим рисунком цветов, широкие окна с резными ставнями,— конечно, все это невольно привлекало внимание прохожих. Тут Сайфи Сакневич содрогнулся от неожиданно пришедшей ему в голову мысли: ну хорошо, думал он, в комнатах он наведет порядок, однако как снять мраморную «шубу», в которую одета стена, соединяющая два этих дворца? И дурак ведь поймет, что шуба эта в хорошую копеечку встала хозяину, на эту «копеечку», пожалуй, автомобиль целый можно было приобрести!..

— Да хранит нас бог!— крадучись, словно не к себе, входя во двор, испуганно прошептал он. Окинул взглядом милую сердцу картину. Двор был его кровным детищем, великолепие которого также стоило ему недешево и являлось предметом гордости. И эти кипарисы и редкие сорта тюльпанов, среди которых особенно выделялся благородный черный. Двери конюшни теперь стояли раскрытые настежь. Цементная площадка возле гаража была свободна. «Значит, Сираждин не вернулся»,— подумал Сайфитдин. Обычно сын мыл машину здесь, когда возвращался. И тут же мысль его снова усиленно заработала. «Машина-то на имя Сираждина,— проходя мимо цветника, в запальчивости вспомнил он,— пусть кто-нибудь попробует тронуть: научный сотрудник, преподаватель крупнейшего вуза столицы!.. Он что — машину не может купить?!»

А вот и летний навес с павлином на потолке, блестящим паркетным полом, свидетель многих счастливых ми-

нут жизни Сайфитдина. Сколько здесь говорилось сладких речей, кружащих голову хозяина дома!.. Сколько выпито вина и съедено разных разностей!.. Но теперь, когда для хозяина этих мест свет белый померк, это роскошество казалось теперь в высшей степени аляповатым, безвкусным, даже уродливым. «Где же они, эти подлецы и подхалимы,— сердце заныло нестерпимой болью, которые здесь были горазды до елейных речей и высокопарных тостов?! Где же они, куда подевались? Конечно, теперь их днем с огнем не сыщешь, все они были, Сайфитдин, с тобой в радости и веселье, а теперь кому ты нужен со своими неприятностями?!»

Тупые глаза рыб в бассейне, выложенном мраморными плитами, раздражали его больше, чем навес. «К черту, к черту, надо закопать эту яму, и как можно скорее!»

Еле передвигая отяжелевшие ноги, Сайфитдин подошел к веранде. С трудом поднимаясь, будто на каждой из них стопудовая гиря, вспомнил о деньгах, спрятанных под деревянным полом, в подвале под верандой. Ладно, эти-то он куда-нибудь припрячет! Но вот что делать со сбергательными книжками?.. Разве те, кто в этой комиссии, там, в универмаге, не докопаются, если захотят? А они, конечно, захотят — и доберутся до этих злополучных книжек...

Вконец обессиленный этими мыслями Сайфи Сакиевич вошел в спальню. На полу лежал откуда-то взявшийся старенький паласик, который Сайфитдин-ака помнил еще по студенческим годам. В углу стояла тоже старая допотопная железная кровать. «Ну, кажется, моя супруга перестаралась! Он взглянул под потолок, зажег свет. Да, так и есть, перестаралась!» Наверху едва мерцала тусклая сорокасвечовая лампочка... Еще утром на ее месте переливалась всеми цветами радуги роскошная чешская люстра стоимостью — если не изменяла ему память — в восемьсот рублей... Господи! А теперь он вынужден довольствоваться этим убогим освещением, словно в тюрьме... Но даже этот скудный сорокасвечовый свет не скрывал красоты росписи потолка: по-прежнему она слепила глаза и поражала сочным сочетанием цветов. «От этого никуда не денешься! — горько вздохнул Сайфитдин-ака. — Не будешь же затевать ремонт...»

Дом был пуст, будто все в нем вымерло. «Куда все они запропастились?» — разыскивая жену, Сайфи Сакиевич снова вышел на веранду. И тут услышал из дома ее тихий голос, а в гостиной увидел ее самое. Расстелив на полу атласное покрывало, она бросила на него вытасчен-

ные из ниши курпачи. Рядом невестка молча наблюдала за происходящим. Увидев тестя, Эльмира не пошевелинулась, лишь едва заметно кивнула ему головой. «У... змея!— шевельнулось с неприязнью. В случае чего и эта продаст с головой!» Он еще более утвердился в своем мнении, незаметно поймав ее ненавидящий взгляд, устремленный на кучу барахла.

Последнее время Сайфитдин стал остерегаться своей невестки. И если бы его кто-нибудь спросил об этом, не смог бы объяснить, отчего так случилось. Особенно после пропажи золотых ложек. Конечно, они нашлись на другой же день: завалились за ступеньки, что вели под навес. Но в тот же день Эльмира, оскорбленная поведением своей свекрови, собралась сразу к отцу. И Сайфитдину стоило немалого труда уговорить ее остаться, чтобы не вызывать лишних пересудов соседей и знакомых. В своих теперешних неприятностях он винил и Эльмиру: никак не мог забыть, как она в припадке негодования кричала в тот вечер, называя всех их ворами и проходимцами.

Вот и теперь он вспомнил об этом и, отвернувшись от невестки, взглянул на запыхавшуюся жену. Сегодня она была без драгоценностей и выглядела в своем старом несуразном штапельном платьишке бедной домработницей. «Разве женщина человек?— с неприязнью поглядел на нее Сайфитдин.— Ну, спрятала свои драгоценности, а разве зубы, хоть и молчит и не раскрывает рта, разве их спрячешь?!»

— Чем ты тут занимаешься?— голос его прозвучал повелительно. Что собираешься делать?

— Да вот... хочу припрятать на черный день десяток одеял... Все, глядишь, от чужого взгляда подальше!..

Эльмира, молчавшая до сих пор, зло выговаривая каждое слово, сказала громко, так, что Сайфи Сакиевич в испуге замахал на нее, оглядываясь:

— Берите, мама, берите! Я не пользовалась ни одним из них! Они мне не были, а теперь и подавно не будут нужны!

С той памятной для семьи ссоры из-за ложек свекровь и невестка не сказали друг другу и десятка слов. Теперь такая «разговорчивость» Эльмиры просто озадачила свекровь. А та с невозмутимым видом продолжала бесстрастно наблюдать за лихорадочными действиями свекрови. И снова они, Сайфитдин и его жена, чувствовали, что на несчастье, постигшее семью, она смотрит в высшей степени равнодушно. «До чего же бездушна и холодна! Ведь это ее дом, здесь живут ее дети!— раздражение не

проходило, как ни старался Сайфи Сакиевич его погасить.— До чего ядовита! Слово притаившаяся до поры до времени змея!»

Слова невестки, кажется, задела свекровь, и она не замедлила огрызнуться:

— Скажите, пожалуйста, значит, мы жалели это добро в хорошие дни, приберегая для худых! Так, выходит?!

— Нет, я вообще не хотела к нему прикасаться, никогда!— так же равнодушно ответила Эльмира.

Слова ее «вообще не хотела прикасаться» еще более усилили подозрения, закравшиеся в душу Сайфи Сакиевича. «Не дай бог, чтобы вдобавок ко всему и в собственном доме замутилась вода!»— Он вышел из комнаты, не в силах слушать пререкания жены и невестки.

Сейчас он подозревал всех. Однако главным виновником своих бед по-прежнему считал Шерзада, этого беспокойного парня, показавшегося ему поначалу в больнице простым и наивным. Нет, были моменты, когда и там, в палате, душу его грызли сомнения: не так уж и прост, как кажется, этот молодой писателишка, надо бы с ним поосторожнее, не открывать бы своих карт так уж прямо... Но сомнения эти были мимолетными и настолько прочно тогда чувствовал себя в жизни Сайфи Сакиевич, что такие мелкие сошки, как молодой этот журналист, просто не принимались им в расчет. Но вот как, оказывается, может повернуться жизнь: такие-то и могут становиться мерзавцами. Что только ему надо, не живется спокойно — ни сам не живет, ни другим не дает. А его обещание, когда он уходил: «Мы еще поговорим», теперь казалось Сайфи Сакиевичу настоящей угрозой. И ведь надо было случиться такому — сам шел в сети, ведь за рукоприкладство ему наверняка было обеспечено... Так нет, проворонил момент, распустился, и вот теперь расплата.

Едва Сайфитдин дошел до асфальтированной дорожки, поглощенный невеселыми думами, раздался сигнал машины. В ворота медленно въезжала «Волга». Сайфитдин пошел навстречу. Выйдя и хлопнув дверцей, сын поздоровался, и отец, наблюдавший, как он ловко завел машину в гараж, как лихо разворачивался, подумал, что вот у него, у его поколения, нет той легкости и сноровки, которая отличает нынче молодых во всех делах.

«И все равно молод еще, молод!— взглянул он на

ладную фигуру сына.— Не знает еще, почем фунт лиха Ни о чем не думает!»

— Погоди, сынок!— идя к машине, позвал он Сираждина.— Разговор есть!

Сираждин недовольно молча пошел за отцом, и Сайфитдин, оглянувшись, почувствовал, как от него несет коньяком.

— Пусть не покажется тебе, что я учу тебя, как жить и что делать. Ты взрослый, так что не сочти это за посягательство на твою самостоятельность...— Сайфи Сакневич помолчал немного, собираясь с мыслями.— Я о жене твоей, Эльмире. Женщина... никогда не станет другом, на собственном опыте убедился. Пока она лежит с тобой в постели, она твоя, ближе ее нет. Но как обманчива эта близость! В любой момент твоя подруга может превратиться в дракона! И проглотить тебя со всеми потрохами! О это женское коварство, изменчивость! Остерегайся своей жены!— он перешел на шепот.— Это говорю тебе я!..

Беспокойно взглянув на отца, Сираждин вдруг побледнел, до хруста сжал пальцы в кулаки.

— Тихо! Тихо! Не горячись!— проговорил Сайфитдин еле слышно.— Особенно теперь надо быть очень осторожным! Потом,— он пугливо оглянулся, не подслушивает ли их кто-нибудь из домочадцев,— помнишь того парня из больницы, писателя, ну... который со мной в одной палате лежал? Так вот! Это он затеял все против меня! Не приведи господи, если еще и фельетон напишет после проверки! Считай, моя песенка спета! Понял?

Глаза Сираждина сощурились, в приступе гнева он заскрипел зубами.

— Ах, вот оно что! Он еще хочет и в газете написать?..

— Возьми себя в руки, не горячись! Здесь надо все делать с холодным умом, иначе таких дров наломаем!.. Я тут обдумал все, еще не поздно попытаться предотвратить беду. Пусть он возьмет сколько хочет, но только оставит меня в покое...

Сираждин, лихорадочно соображая, уставился на отца и долго молчал в оцепенении. Сайфи Сакневич, не зная, какой оборот примут его мысли, был теперь уверен, что это последняя его надежда, единственный человек, который не оставит в беде.

Сираждин же не знал, что предпринять в этой ситуации. Ведь благополучие отца это было и его благополу-

чие. Он не представлял иной жизни, нежели та, которой жил он с тех пор, как помнил себя. Совершенной неожиданностью было для него узнать, что долговязый сопляк, который и мотоцикл-то берет на прокат у приятеля, чтобы крутить шашни с этой ломакой актриской, — и что только она нашла в нем! — чтобы этот выродец встал на пути к его благополучию и свалил с ног такого доку, каким был его отец. Никогда не думал он, что пути их пересекутся так неожиданно!

Правда, Самандаров, так, кажется, его фамилия, теперь довольно известный писатель, особенно среди молодых. Сираждин ради любопытства купил как-то его книжку, полистал на досуге. Ничего, кое-что есть... Но уж не так, чтобы до такой степени задирать нос. Подумаешь, Айбек нашелся... Но кто бы там ни был, пусть держится подальше от Сираждина. У него хватит сил смести с дороги всех, кто будет мешать ему и отцу. Бывало, ему и прежде ставили препятствия на пути к цели. Однако он никогда не пасовал перед трудностями. Убирал с дороги одному ему ведомыми способами — кого деньгами, кого дорогими подарками, кого — уговорами, что случалось несравненно реже, кого всякими другими ухищрениями... И на сей раз он, конечно, в стороне не останется. Хотя ныне речь идет о родном отце, ему он обязан многим, если не всем, что у него есть. Это-то он понимал отлично! А писатель роет могилу отцу! Это ясно! И не только отцу, но и ему, Сираждину. Все пойдет тогда прахом, это уж точно!..

Он никогда не сомневался в могуществе Сайфи Сакиевича. Знал, чего бы ни добивался отец, всегда добьется желаемого. У отца много друзей, которые, как полагал Сираждин, многим обязаны ему. Потому он не слишком беспокоился об исходе этого кляузного дела. Отец, конечно, напуган, его можно понять, но ведь у страха глаза велики, это тоже известно. Однако нельзя сбрасывать со счетов и этого самого писателишку. Он, по всей видимости, упорный. Это Сираждин понял давно. И если он, не дай бог, все же напишет фельетон, то в первую очередь это коснется не отца, а Сираждина. Конечно, сообщат в институт. И первым, кто сделает вид, что его это не касается, будет домла. Правда, авторитет домлы в последнее время стал сомнителен. К тому же он как черт ладана будет бояться Кылыча Валиевича, его упреков в том, что помогает защищать диссертацию сыну давнего товарища, изображенного в фельетоне... Даже если эти мысли и не придут никому в голову, то

сам-то домла, трясясь за собственную шкуру, сделает именно такой вывод. Помимо всего, на кафедре не очень-то жалуют Сираждина вообще. Многим непонятна его связь с домлой. Да и Килыч Валиевич, был уверен Сираждин, готов из него и домлы сделать при первом удобном случае шашлык. Конечно, может быть, это только так предполагает Сираждин. Может быть, у заведующего кафедрой не возникает подобных варварских желаний, но так по крайней мере кажется ему, когда он встречает его умный взгляд. Умный и проницательный. Это больше всего беспокоит Сираждина. Вроде просверливает он тебя насквозь, и нет такой тайны, которая бы не стала ему известна. Ему даже кажется порой, что Килыч Валиевич хочет сказать ему наконец, что в научном отношении он ноль, сущий ноль! И Сираждин думает об этом неотступно, приближаясь каждый раз к институту. Но всегда, какие бы кошки ни скребли на душе, он вынужден улыбаться заведующему кафедрой. Как же! Ученый с мировым именем!.. А что будет, если в конце концов он захочет вывести Сираждина на чистую воду?.. От одной мысли ему стало не по себе. Все старания пойдут прахом? Он столько бегал за этим ничтожеством домлой, выполняя его желания, прихоти. Теперь же должен смириться со всем и забыть об этих унижениях?.. Нет, нужно что-то предпринять, и как можно скорее! В первую очередь он обязан подумать о собственном будущем. И что бы там ни было, лишь бы его собственные планы не рухнули, словно карточный домик!..

Сираждин принял решение. Взгляд его стал твердым, вид — собранным и подтянутым. И следа не осталось от той разболтанной, небрежной походки, какой он шел к гаражу, возвратившись домой. Сайфи Сакиевич, терпеливо наблюдавший за сыном и не нарушавший его молчания, с надеждой взглянул ему в глаза.

— Не волнуйтесь теперь, отец! Я сам поговорю с этим писателишкой! Вы же знаете, деньги делают все!

Отец, не в силах сдержать радости от этого решения, которое подтвердило его мысли о сынке как о единственной поддержке, с облегченным вздохнул.

— Молодец, сынок! Другого я и не ожидал от тебя услышать! Пусть возьмет сколько захочет, лишь бы язык держал за зубами!

Только сейчас заметил Сираждин, как постарел и сдал за эти последние недели отец. В душе его шевельнулось что-то похожее на жалость или на сочувствие.

Услышав о том, что в выставочном зале экспозиция картин Урала Тяныкбаева, Шерзад решил пойти туда вместе с Зухрой. Ему всегда была интересна творческая манера этого оригинального художника, теплый колорит его полотен. Каждое посещение его выставок, а они случались не так уж часто, как хотелось бы, становилось для Шерзада истинным праздником.

Еще не спала полуденная жара, когда он подъехал к театру, где они условились встретиться с Зухрой. Асфальт нестерпимо нагрелся, даже сквозь подошвы ощущался его жар, каблуки уходили в расплавившееся мезиво. Воздух пропитался горьким запахом смолы.

Шерзад долго прождал у проходной театра в тени развесистого клена, рядом с остановкой троллейбуса. Наверное, репетиция сегодня затянулась, так как Зухра все еще не появлялась. От нечего делать Шерзад принялся за свое любимое занятие, незаметно рассматривал людей, стоящих на остановке. Все, как всегда, куда-то спешили, с нетерпением поглядывая на дорогу, откуда должен был появиться троллейбус. И когда он подходил и с грохотом открывались двери, из него высыпали разморенные духотой пассажиры. Их место занимали другие, словно жаждали там, в этом убежище на колесах, найти спасение от палящих лучей солнца. «Ох, как тяжело в жару,— вздохнул Шерзад,— радуемся, что живем на солнечной земле, однако это самое солнце приносит порой и страдание. Вот как сегодня...»

Неожиданно чья-то рука легла на его плечо. Шерзад обернулся и увидел Сираждина. Небрежно поигрывая темными в золоченой оправе очками, он как всегда улыбался. Обменялись приветствием, и Сираджин загадочно кивнул на ворота театра:

— Что, вы окончательно переменили место работы и перешли сюда — трудиться сторожем?..

— Именно! А как вы догадались?— Шерзад не обратил внимания на иронический тон Сираждина, отшутился:— Кстати, тут свободно еще одно место, не перейти ли и вам?

— Сначала надо узнать, что за место. Кроме того, мне кажется, и стеречь-то особенно нечего, если это второе место тоже стража на воротах...

— Не просто стража, а круглосуточная,— у вас, по моим наблюдениям, времени девать некуда, так почему

бы вам и не согласиться на эту должность?— Шерзад весело глядел на собеседника.

Сираждин рассмеялся, непринужденно взял под руку Шерзада и увлек в сторону, к забору, спрашивая по дороге:

— Ну как? Все еще катаетесь на абонированном мотоцикле?

Язвительно пикируясь, они отошли на довольно приличное расстояние от остановки и встали около бетонной стены, ограждавшей какую-то строительную площадку. Оба чувствовали удушающий запах: там, за оградой, очевидно, варили смолу, из-за стены к небу валил густой черный дым.

— Так насчет мотоцикла...— Сираждин улыбнулся.— Поглядел я в прошлый раз на вас. Никак мотоцикл не подходит для вашего роста, нужно что-нибудь посолиднее...

Он сказал это теперь так душевно и сердечно, что Шерзад сразу заподозрил какой-то подвох. В самом деле, он давно мечтал купить машину. Но несколько раз, получая приличный гонорар, не мог даже часть его положить на книжку — почти все отсылал матери с сестренкой. На оставшееся жил. И вот теперь, по странному стечению обстоятельств, этот человек, к которому Шерзад не испытывал никакой симпатии, заговорил вдруг о его давнишней мечте, и у него, конечно, не было желания пускаться с ним в откровения. Поэтому Шерзад неопределенно махнул рукой:

— Поживем — увидим! Успеется еще, будет и машина! Всею свое время!

Сираждин, видно, сегодня решил окончательно допечь его своими расспросами.

— Что, денег, что ли, не хватает? Вы еще и статьи, оказывается, пописываете?

Шерзад, метнув нетерпеливый взгляд, понял, к чему он клонит. «Ах, вот ты о чем, пройдоха! Вот в чем собака зарыта! Отец, стало быть, направил тебя ко мне послом, не иначе!»— внутренне раздражаясь, злился он.

Сулейман Рустамович все еще не звонил ему, поэтому Шерзад не знал, как обстоят дела с проверкой у комиссии. «Ах, вот, значит, в чем дело! Выходит, петушок клюнул в темечко!»— распалаялся Шерзад все более, не сводя глаз с Сираждина.

— Да, и статьи пописываю, как вы изволили выразиться!

— И гонорары за них получаете?

Шерзад усмехнулся:

— Конечно, а как же? В нашем государстве каждому по способностям, разве вы этого не знаете?

— А сколько платят примерно за одну статью?— не унимался Сираждин.

— Трудно сказать,— Шерзад в удивлении пожал плечами.— Все зависит от того, какая статья. Например, за обыкновенную статью — меньше, за фельетон — много, очень много!.. Вас же интересует именно этот жанр? Так я понял?..

Сираждин по-прежнему крутил вокруг пальца свои очки. А Шерзад мысленно подталкивал: «Ну, выкладывай, выкладывай, с чем пришел!

Внезапно Сираждин остановил свое занятие и нерешительно спросил:

— Послушайте,— он замялся,— с вами можно поговорить как мужчина с женщиной?

— Валяйте!— Шерзад заложил руки за спину и уставил свой взор к небу. Сираждин все медлил, внимательно оглядывал Шерзада, зачем-то рылся в карманах брюк. Потом, будто отыскав что-то, не спеша достал сигарету и так же, не торопясь, прикурил. Шерзаду начала действовать на нервы его медлительность.

— Говорите же наконец!— он потерял всякое терпение.— Мне скоро нужно будет уходить...

— В общем, так...— Сираждин выпустил изо рта кольцо дыма.— В общем, так!— повторил он.— Вы хотите писать про отца? Так?— голос его стал жестким и решительным.

Его невозмутимый тон, уверенность в себе покорибли Шерзада. И он взорвался:

— Да, хочу! Но не я сам хочу! Дело требует, чтобы этот материал был написан! Вы это понимаете?— Он поглядел в глаза Сираждина.— Хотя нет, в данном случае и дело и мое желание совпадают! Вас еще что-нибудь интересует?

Сираждин не отводил взгляда от лица Шерзада. Тон его стал ласково-угрожающим:

— Нет, вы не будете писать! Вы немедленно забудете все, что вы видели и слышали в универмаге!..

Он говорил, словно читал наставления своему сыну-неемышленышу. Его взгляд сейчас не выражал никаких эмоций, разве что в глазах было наглое выражение уверенности в собственных силах и возможностях. Теперь глаза эти откровенно издевались. Шерзаду стоило

немалого труда сдерживать себя, чтоб окончательно не взорваться.

— А если я все же напишу?

Сираждин глубоко затянулся сигаретой.

— Вот этого-то как раз и не стоит делать! Я предлагаю вам поэтому поговорить по-мужски!— он снова оценивающе поглядел.— Даже если вы и напишите фельетон, с отцом вряд ли что-нибудь случится. Корни и связи у него крепкие. Я вам советую — лучше не вмешивайтесь в это дело, так будет лучше и для вас и для него.

«Хорошо, хорошо. Давай дальше. Интересно, до чего ты дойдешь и что еще мне предложишь?»— Шерзад закурил нижнюю губу, сердце его начало бешено колотиться.

— Нет, этому не бывать!— очень тихо, но внятно, решительно сказал он, так что Сираждин едва услышал.— Я просто не понимаю, чего вы от меня хотите.

— А это, молодой человек, уже ближе к делу. Люблю людей понятливых!..— Сираждин бросил окурок на землю и долго растирал его пяткой лакированной туфли.— Значит, так! Вы ничего не пишете. Писать или не писать фельетон — это, насколько я понимаю, дело добровольное. Заставить вас никто не может. Так? Но ваше молчание дорого стоит: вы между делом становитесь владельцем собственных «Жигулей»...

— И это все, что вы хотели мне предложить?— сухо спросил Шерзад.

— Да,— Сираждин утвердительно кивнул головой.— Разве этого мало? Сказал вам, предварительно все обдумав. Подумайте теперь и вы. Советую, не спешите. Поспешность нужна и хороша не во всех случаях жизни, поверьте!

И Сираждин протянул руку для прощального рукопожатия, но Шерзад словно не заметил этого жеста.

— Вы хотели поговорить со мной как мужчина с женщиной! Ведь так? Так вот, негодяй, мой ответ!

В тот же миг звонкая пощечина обрушилась на Сираждина. Но то ли Шерзад не рассчитал удара и вложил в него слишком много силы и гнева, то ли Сираждин не ожидал подобного поворота событий, только он отлетел, получив пощечину, к стене и упал около нее навзничь, не сохранив равновесия. Несколькими мгновениями он лежал неподвижно, потом, опираясь руками о бетонную стену, медленно поднялся. Его светлый костюм

был перепачкан, очки отлетели далеко в сторону и лежали на самом краю мостовой.

— Хорошо же!— угрожающе прохрипел он от волнения. Только теперь Шерзад увидел, что по губам у него струится кровь, наверное, зуб поврежден!— Хорошо же! Мы еще посчитаемся с тобой, писатель!— слегка пошатываясь, он отряхивал штанину.— Хочу только дать тебе последний совет: приготовь себе саван! Это я тебе говорю точно! Купи его себе на деньги, которые получишь за фельетон!..

Он подошел к краю тротуара и что было мочи пнул свои очки, лежавшие в дорожной пыли; те, перевернувшись в воздухе, хлопнулись об асфальт.

Шерзад почувствовал вдруг неимоверную усталость. На лбу выступил холодный пот. «Только бы удержаться, только бы не начало сильно барахлить сердце!»— успокаивал он себя, следя за удаляющейся фигурой Си-раждина, который, не оглядываясь, подошел к машине на противоположной стороне улицы и еще раз, перед тем как сесть в нее, тщательно отряхнулся.

— Дрянь! Сволочь!— не выдержал Шерзад, обретя наконец дар речи.

В тот же миг его привел в чувство взволнованный голос Зухры за спиной, заставил обернуться. Уж не услышала ли она, не дай бог, его последних слов?..

— Шерзад-ака!— закричала она. В глазах ее он прочитал неподдельный страх, лицо покраснелось.

— Что случилось? Что от вас хотел этот человек? «Значит, увидела! Нехорошо все получилось!»— постарался улыбнуться Шерзад в ответ на ее вопрос.

— Да ничего особенного! Пришлось тут подлеца одного немножко проучить! Ерунда!..

— Ой, а я так перепугалась за вас!— голос ее задрожал.— Бросьте, Шерзад! Не к лицу вам роль Отелло! Честное слово!..

Шерзад, в том состоянии, в каком его застала Зухра, совершенно не способен был понимать ни шуток, ни намеков. И, чтобы переменить тему разговора, поглядел на часы, взяв Зухру под руку.

— Уже четыре часа! Идемте скорее, мы опаздываем на выставку.

40

На следующий день он был на работе позже обычного и очень удивился, увидев, что дверь его кабинета заперта. Подумал: «Не пришел еще дервиш, что-то на него это непохоже!»

Стул Абдувахида стоял в непривычном положении — плотно придвинутый к столу, пепельница пуста. Лишь сейчас Шерзад вспомнил, что накануне Абдувахид дежурил по номеру и, наверное, как всегда бывает в таких случаях, поздно освободился.

Он сел к своему столу и вдруг почувствовал себя так одиноко, что на минуту закрыл глаза. И опять какая-то тревога, беспричинная и непонятная, сразу овладела им. Он вспомнил, что поздно вечером ему позвонили из комитета народного контроля и сказали, что Сулейман Рустамович ждет сегодня в два. Шерзад взглянул на часы: до встречи времени еще предостаточно. «Значит, вопрос уже решен и Сулейман Рустамович располагает материалом проверки. Значит, не зря Сиражди заметался, как зверь в клетке! — радостно подумал Шерзад. — Есть же правда на земле! Есть!..»

Его мысли неожиданно прервал телефонный звонок.

— Попросите, пожалуйста, Самандарова! — звонко раздалось в трубке.

Шерзад с первых слов узнал обладательницу этого голоса.

— Шаирахон! Здравствуйте! Хочу сказать вам, что, жалоба, которую вы принесли нам, еще проверяется. Думаю, что на днях мы сможем ответить вам...

— Шерзад, здравствуйте! — перебила она его. — Я хотела сказать о другом...

Она помолчала, очевидно, собираясь с мыслями.

— Я о жалобе давно позабыла! Знаю! Конечно, я уверена, разберетесь!

Шерзад рассмеялся:

— Почему же это вы забыли? Заставляете работать других, а сами уже и не помните, о чем жалоба? Нехорошо с вашей стороны!

Шаира, помолчав, вдруг спросила:

— У вас Абдувахид Рахманов работает?

Крепко прижимая трубку к уху, Шерзад вспомнил, что знакомил девушку с другом. «Может, дервиш выкинул какой-нибудь номер? Как-нибудь пошутил, он ведь обожает всякого рода розыгрыши!» — промелькнуло в голове Шерзада, он настороженно спросил:

— А почему он вас интересуется? Он работает! Только сейчас его нет. Да, вы кажется, знакомы с ним?..

— Да, знакома! — Шаира опять замолчала. — Дело в том, что вчера поздно вечером... его доставили в хирургическое отделение нашей больницы.

— Что вы сказали?— Шерзад так и подскочил на стуле.— Как доставили? Не понимаю!

— Я вчера дежурила в приемном покое. Его привезли на «скорой».

Теперь звонкий голос Шаиры почему-то неприятно резал слух.

— Что вы говорите?— прокричал он в трубку.— Почему его привезли на «скорой»? Что случилось? Он жив?..

— Жив, жив, успокойтесь, пожалуйста! В аварию он попал!— Шаира, по голосу догадавшись о состоянии Шерзада, постаралась говорить как можно спокойнее.— Мотоцикл попал в аварию вчера вечером. У Абдувахида поврежден череп и сломано несколько ребер.

— Я сейчас приеду!— снова закричал Шерзад в трубку, так громко, словно Шаира была глухая.

— Алло, алло, Шерзад, погодите! Что я вам скажу еще...

— Да, я вас слушаю,— голос его внезапно затих, и можно было подумать, что он обиделся на Шаиру, будто она была причиной несчастья.— Что вы еще хотите сказать?

— Бессмысленно, Шерзад, вам приезжать сейчас.— Шаира, он почувствовал, обиделась.— Больного ночью оперировали, и сейчас к нему никого не пускают. Лучше вы поехали бы к его родителям и немного успокоили их. Шерзад, вы меня слышите?

— Как успокоить, о чем говорить?— растерянно спрашивал он.— Скажите толком, что я должен им говорить?

— Поезжайте к его родным! Адрес вы знаете? Да? Скажите, что теперь опасность миновала, что операция прошла удачно.

Шерзад в изнеможении опустил на стул. «Что теперь будет с бедным Абдувахидом?— грустно думал он.— Что будет с его матерью? Как она это переживет? А жена, дети?..»

Только сейчас он обратил внимание на то, что держит в руках телефонную трубку и оттуда слышатся короткие гудки отбоя. Положив ее на рычаг, он запер дверь и пошел к лифту.

Почему, каким образом аккуратный, осторожный Абдувахид попал в аварию? Мысль эта не давала ему покоя и тогда, когда он сел в автобус, чтобы ехать домой к другу, и потом, когда выйдя от его жены и матери, шел по узким улочкам Самарканд-дарбаза.

В мире словно ничего не произошло. По-прежнему

ворковали горлинки, рассевшись на глиняных дувалах. От недозревших белых абрикосов исходил тонкий аромат. Вечером сильный ветер похозяйничал тут вволю. Всюду валялись сломанные ветки урючин. Иные зацепились за дувалы. Однако сама улица была чисто подметена. По неписаному закону здесь каждый хозяин мел, побрызгав водой, около своих ворот. Поэтому нигде ни соринки. Только у ворот Абдувахиды не прибрано — хозяевам не до того...

Со скрипом открылась дверь, и на пороге показалась одна из дочерей Абдувахиды, в легком ситцевом платье. Шерзад и на этот раз не сразу узнал, которая из трех, но на сей раз не ошибся.

— Зулай! — Шерзад присел на корточки и обнял девочку.

Зулейха повисла у него на шее. Подняв на руки и поцеловав ее в пухленькое неумытое лицо, он задохнулся от соленого комка, подступившего к горлу:

— Кто-нибудь дома есть, Зулай?

— Папы нету! — ответила девочка, обнимая Шерзада за шею. — Теперь наш папа умрет? Да? Так мама говорит...

Малышка произнесла эти слова с недетской тоской в глазах. Шерзад знал, как девочки любили своего отца.

— Не говори так никогда, Зулай. Папа скоро вернется и принесет тебе в подарок большую куклу. Слышишь?

— Н-е-е-ет, — уверенно покачала головой Зулейха, — я знаю, папа умрет.

Когда во двор вышла жена Абдувахиды, он не сразу узнал в убитой горем женщине с ввалившимися глазами и осунувшимся лицом прежнюю веселую и жизнерадостную жену друга. На руках у нее сидела грудная девочка, самая младшая дочка Абдувахиды. Сердце Шерзада болело, не шли на ум слова утешения, когда почувствовал, насколько тяжел для всей семьи этот неожиданный удар.

— Только что звонили из больницы, — стараясь говорить как можно спокойнее, говорил Шерзад. — Его самочувствие неплохое. И волноваться не надо. Операция прошла удачно, так сказал врач...

Жена Абдувахиды еле слышно прошептала:

— Спасибо...

Шерзад не мог поднять глаз, не мог без боли видеть ее покрасневшее от слез лицо.

— А где мама? — оглядываясь, спросил он.

— Осталась в больнице,— голос ее задрожал, она закрыла лицо ладонями.— Говорит, никуда не уйдет оттуда, пока он не придет в сознание после операции...

— Возьмите себя в руки, прошу вас! Не плачьте, не надо!— Шерзад погладил ее по плечу.

— Простите меня за слабость, Шерзад, не могу! Входите, пожалуйста, в дом.

— Спасибо. Но объясните мне, пожалуйста, толком, как это все получилось?

— Никто ничего не знает.— Жена Абдувахида горестно посмотрела на Шерзада.— Вот разве парикмахер. Он, говорит, видел, как его сбита в начале нашей улицы черная «Волга».

— Какая «Волга», говорите? Черная? А водителя он не заметил? Или номерной знак?

Женщина отрицательно покачала головой:

— Сбил и уехал. Вот все, что мы знаем. Бессовестным оказался. Если бы вовремя до больницы довез, не было бы так плохо теперь.— Она снова всхлинула.— Говорят, он крови много потерял.

— Что же это за изверг?— возмутился Шерзад.— Сбил и тут же сбежал? Во всяком случае, у машины ведь должны быть какие-то приметы? Неужели так никто ничего и не видел?

Жена Абдувахида снова покачала головой:

— Не знаю, ничего не знаю!— вздохнула она горестно.

— Мужайтесь и не плачьте! Надо искать!

Попрощавшись, Шерзад вышел на улицу. Да, подумал он, единственный выход — искать. Эта мысль словно вдохнула в него силы. И он тут же решил отправиться в парикмахерскую, которая была по соседству.

Очувтившись около чайханы, он почувствовал, что сильно нервничает; сердце давало о себе знать короткими резкими толчками. И только тогда он осознал, что не шел, а бежал сюда что есть мочи. Отдышавшись, огляделся. В чайхане многолюдно. Любители чая, поджав под себя ноги, удобно расселись на сури. В нескольких клетках с тыквенным диом, подвешенных на ветвях деревьев, под которыми расположилась чайхана, выводили свои звонкие трели перепела.

Парикмахерская рядом с чайханой. Все чисто и бело в ней — занавески на окнах и дверях, простыня на шее старичка клиента с козлиной бородкой, сидящего в единственном кресле; халат на толстом парикмахере, моющем голову этому старичку.

Войдя и поздоровавшись, Шерзад устроился на старом стуле и стал терпеливо ждать момента, когда тот освободится. Лицо мастера он видел в зеркале, и ему казалось, что он сердит и недоволен, что оживленной беседой его со старичком помешали.

«Похоже, брадобрей упрямый человек, у него трудновато будет что-нибудь выведать»,— подумал Шерзад, стараясь не привлекать к себе внимания парикмахера. Тот между тем, не в силах сдержаться даже при постороннем, продолжил беседу своим визгливым голосом.

— Удивляет меня этот человек, этот сукин сын! И куда это можно лететь сломя голову в одиннадцать ночи? Сбил беднягу парня и был таков. Теперь ищи ветра в поле!

— Несчастный случай, беда,— промямлил старик в кресле, с интересом ловя каждое слово парикмахера, который, видно, не первый раз за сегодняшний день рассказывал о происшедшем.— Шейхи в старину говорили, что беда таятся между веком, глазом и бровью.

Шерзад превратился в слух: наверняка разговор шел о вчерашнем случае!..

— Э-э, мало все это походит на несчастный случай, говорю я вам,— парикмахер тщательно протер полотенцем большие красные руки.— Я же видел, именно в это время вышел подышать свежим воздухом перед сном. Парень на мотоцикле взял правее, уступая дорогу. А машина сзади зажгла фары и, словно чудовище, надвинулась на него. Не иначе, водитель был под мухой! Видел ведь, что задавил человека, но умчался, мерзавец!

Парикмахер, вдруг словно спохватившись, замолчал. Взял в руки бритву и стал точить ее о кожаный ремешок, прикрепленный к краю стола. Шерзад, который за все это время не проронил ни слова, как бы случайно заинтересовался:

— Вы рассказываете о вчерашней аварии? Нехорошо, конечно, получилось...

— Чего же там хорошего!— со злостью подхватил мастер и стал с остервенением водить бритвой по ремешку.— Задавил единственного сына бедной старушки, отца троих детей, и даже ухом не повел!

— Скажите, а вы номер машины случайно не заметили?— волнуясь, решил спросить Шерзад.

— Да где там!— парикмахер шелчком отбросил ремешок в сторону.— Налетел как ураган, сбил, да и был таков! Подлец! Однако машина эта, точно, какого-нибудь толстошеюго захребетника, клянусь богом! Черная, точно

пиявка. «Волга». Две первые цифры запомнил, ноль-ноль!, но что это даст? Клянусь всеми святыми: ноль-ноль!— повторил он. У кого бывает такой номер? Мы что не знаем?

Все тем же недовольным голосом он что-то объяснял старику, приступив к бритью его головы. Однако Шерзад уже не слышал его слов. «Значит, черная «Волга», ноль-ноль... Стой-стой, в его голове мелькнула неожиданная мысль. Сираждин! Не машина ли это Сираждина?»

Послушайте, внезапно закричал Шерзад.— А не было ли у этой машины случайно сзади вентилятора?

— Ну, что ты так кричишь на меня, братишка? Откуда я знаю, был ли там вентилятор! парикмахер покачал головой. Понимаешь, тот парень остался лежать, весь в крови, не до вентилятора было. Его рука с бритвой внезапно застыла над головой старика.— Постой, постой, я, кажется, припоминаю, что на заднем стекле вроде бы занавеска. Да, да! Атласная!..

И перед глазами Шерзада, точно на экране, возник Сираждин, его перекошенное от злобы лицо, его губы, шептавшие: «Приготовь себе саван!» Конечно, это он... И еще одна страшная догадка осенила его мысль: «Он часто видел меня на мотоцикле и на сей раз, наверное, принял Абдувахида за меня...»

Выходит, пуля, посланная в меня, предназначенная мне, попала в друга? Какая несправедливость! Почему так случилось? Детей у меня нет, семьи тоже. Стоп, стоп, какой же номер был у его «Волги?»

Но как ни старался Шерзад, вспомнить никак не мог. Память подсказала только слова Сираждина там, на вокзале, когда он брал билеты в командировку: «Если брать номер, так с двумя нулями!» Да, так именно он сказал!

Шерзад опрометью вскочил со стула и, не попрощавшись, пулей вылетел из парикмахерской. Парикмахер печально и удивленно поглядел ему вслед и пожаловался старику клиенту на современную молодежь: уж очень пошла нетерпеливая!

Однако Шерзад ничего этого не слышал. Что есть духу мчался к автобусной остановке, подгоняя себя: «Быстрее, быстрее!»

Он хорошо помнил адрес, данный ему в больнице Сайфи Сакиевичем: «Самый большой участок на Мевазаре! Дом, похожий на театр Навои...»

Может быть, потому, что Сайфитдин-ака много раз

повторял эти слова, все это удивительно крепко засело в памяти Шерзада. «Надо спешить! торопил он сам себя, высоко поднимая руку перед машиной темно-серого цвета с квадратиками на капоте. Автобус можно прождать уж очень долго. Ведь должен же на машине остаться хоть какой-нибудь след! Скорее, скорее!»

41

Никогда в своей жизни Сиражди не мучился так, как в эту ночь. За окном будто в унисон настроению завывал ветер, нестерпимо шумели деревья, где-то вдалеке ни на миг не прекращался собачий вой. Сон никак не шел к Сираждину. В комнате было душно, хотелось остановить стенные часы, которые, как ему казалось, никогда не тикали так громко и надоедливо. Дыхание Эльмиры и то действовало ему на нервы. Глаза щипало, как будто они были полны песка. Едва он погружался в тяжелое забытие, как его будто кто-то толкал. И снова начиналась мука: он закрывал глаза в надежде, что, может быть, наконец-то придет долгожданный покой. Но — толчок, и все сначала... Едва он прикрывал глаза, как в памяти отчетливо вставал минувший день, маячащая впереди фигура мотоциклиста... «Господи, помоги, чтобы никто не видел меня тогда, ночью! Но ведь так и было: ни единой души на улочке я не заметил! Так и было!.. И все бы уже обнаружилось, если бы был хоть один свидетель...»

Нет, он совсем не хотел делать то, что сделал. Все произошло само по себе, помимо его воли и желания. Решило одно-единственное мгновение...

После полудня ехал в аэропорт встречать домлу. Тот вместе с женой прилетел, довольный проведенным на Буковине отдыхом по путевкам, которые им с большим трудом достал Сиражди. И тут же домла, как бы в благодарность, завел разговор о диссертации, расспрашивал о Сайфи Сакневиче. Сиражди, конечно, ни словом не обмолвился о неприятностях дома. По дороге, проводив домлу, решил заехать в ресторан «Бахор» — выпить немного коньячку для бодрости. Чтобы не чувствовался запах спиртного, пожевал потом черного перца. Из ресторана вышел поздно. В голове шумело от изрядного количества выпитого коньяка и шампанского; такая смесь, как он знал, никогда хорошо не действует. Однако что делать, вовремя не остановился. Ведя машину по Самарканд-дарбаза, он думал: не так уж плохо обстоят дела, пока его никто не беспокоил, комиссия

только накануне кончила свою проверку в универмаге, но, как рассказывал отец, по непроницаемым лицам проверяющих сказать ничего было невозможно. И отец все время жил в предчувствии беды. Вслух он сожалел иногда о многом, чего, как он считал, не надо было делать, но он делал, уступая просьбам жены и сына. Да, отец прав, в несчастьях его семьи в большой степени виноват этот писателишка. С гонором. Сираждин лишь однажды был бит и то собственным профессором с кафедры. Пощечина Валиева до сих пор жгла душу: из-за какой-то сопливой девчонки так оскорбить человека!.. Но он стерпел, как терпит от Килыча Валиевича постоянное отчуждение, иронию, несерьезное отношение к нему как к преподавателю,— терпит, потому что знает: еще не раз придется обращаться к этому человеку за помощью. Но то, что этот мерзавец, Шерзад Самандаров, ударил его, не давало покоя все время, было обидно до слез. И лишь только он вспоминал об их разговоре около театра, волна ненависти и глухой злобы поднималась в нем с новой силой. Ох, если бы теперь он попался ему где-нибудь под руку!..

Машина въехала в узенькую улочку, и почти в то же мгновение он увидел метра в двадцати перед собой мотоциклиста. Он ехал, низко пригнувшись к рулю. С некоторых пор Сираждин ненавидел людей, сидящих на этой машине: они чем-то напоминали ему Шерзада. Вот и этот тоже был похож на долговязого журналиста. Он пошел на обгон. Подъехав ближе, он рассмотрел в свете фар номер мотоцикла. Что-то знакомое! Еще не веря собственным глазам, он включил фары дальнего света. Нет, он не ошибался: впереди буквально в нескольких шагах от него, на мотоцикле с номерным знаком тринадцать-тринадцать ехал, крепко ухватившись за руль, Шерзад. В глазах Сираждина потемнело. И, не сдерживая себя более, он дал полный газ. И вот уже почти не осталось расстояния между ним и мотоциклом, как тот ни старался прижаться к обочине дороги. «Убирайся, коли жизнь тебе дорога!» Как казалось Сираждину позже, эти слова он прокричал в открытое окно машины. «Ага, все-таки боишься!— бормотал он, видя, как мотоцикл, теряя уверенность управления, мотался перед ним. Он почувствовал одновременно прилив какой-то бешеной сверхъестественной силы, бог весть откуда взявшейся в нем.— Дрожишь, писака несчастный?! Ну, дрожи!!!»

И в следующий миг он ощутил, как правое крыло его «Волги» во что-то сильно ударилось. Увидел, что это

мотоцикл, который словно мячик отлетел от этого удара в сторону. Не сбавляя скорости, Сираждин уже мчался дальше. Ему все время хотелось обернуться. Но в душу закрался звериный страх. «Вдруг гонятся?— молнией мелькало в разгоряченном мозгу.— Ты убил его, убил, убил, убил!»— вторил другой голос. В следующее мгновение, бешено увеличивая скорость, погнал через весь город и едва дождался момента, когда наконец остановил машину на площадке около дома. Не терпелось сейчас же, теперь взглянуть на правое крыло и убедиться, в самом ли деле случился тот ужасный удар или это бред, бред больного воображения... Как бы ему хотелось, чтобы это было так!..

Едва приглушив мотор, он выскочил из машины, лихорадочно стал осматривать каждый сантиметр. Слава богу, правая фара целехонька! Была бы разбита — главная улика, уже ничего не докажешь... И вмятины, как ни странно, никакой. Сираждин, торопясь, завел машину в гараж, тщательно запер дверь. Но облегчения не наступало. Теперь не давал покоя вопрос: не видел ли кто-нибудь номера его машины. Он стал уговаривать себя, что наверняка никто ничего не заметил, да и кто на той темной ночной улице не спал? Вряд ли это могло быть.

Во дворе темно. По асфальтированной дорожке подошел к веранде своего дома, открыл дверь. И прошел в спальню. Лишь сейчас ощутил, что все его тело с головы до ног покрылось липкой испариной. И с ужасающей отчетливостью понял вдруг, что вся его суета напрасна, что случившееся неизбежно выбьет его из колеи привычной жизни, обернется трагедией страшнее, чем неприятности отца. Понял и, ошупью добравшись до постели, в изнеможении опустился на нее. Едва он коснулся головой подушки, проснулась Эльмира.

— Ты что стонешь? Заболел?— с тревогой в голосе спросила жена.

Он вздрогнул, до него только сейчас дошел смысл того, о чем спрашивала жена.

— Нет, ничего не случилось!— ему трудно было справиться с дрожью в голосе и во всем своем теле.

Эльмира подошла к изголовью кровати.

— И глаза у тебя какие-то странные...

— Гаси свет! Ничего странного, глаза как глаза! Спросонья, верно,— деланно-равнодушно зевнул он. Он тревожно прислушивался к протяжному завыванию ветра, вою собак. И все время казалось, кто-то загля-

дывает в комнату с улицы, повиснув на дереве напротив окна, звенит звонок... Стоило прикрыть глаза, как возникла все та же картина: удар правым крылом, мотоцикл, летящий, как мячик, маячащая впереди зеленая каска...

Нет, бог свидетель, он вовсе не желал смерти этому писателишке: совсем не так хотел он отомстить ему. Орудием его мести должен был послужить автомобиль, который он предлагал ему в подарок. Тонкая месть, ничего не скажешь!.. Он все рассчитал правильно. Для таких людей, как Шерзад, мучения совести — самое жестокое наказание. На это Сираджин и рассчитывал. Но чтобы отказаться от такого подарка!.. Этого Сираджин не мог никогда предвидеть. Простой смертный, думал он, не сможет поступить подобным образом. И вот, пожалуйста, случилось же такое! Отказался! И после этого еще попался ему на пути. Так пусть пеняет на себя, если останется жив. Но вряд ли...

Его мысли снова вернулись на улочку Самаркандарбаза. Не может быть, — теперь Сираджин уверен в этом, — чтобы в конце концов не докопались до причины смерти мотоциклиста. Всегда ведь докапываются. Рано или поздно. Да к тому же он не простой человек, а писатель... Ах, если бы в самом деле никто ничего тогда не видел!..

Лишь под утро забылся Сираджин тяжелым сном. Но и во сне Шерзад не оставлял его ни на минуту.

Вздрогнув, он очнулся от тяжкого забытья и открыл глаза. В комнате уже было светло. Часы показывали двенадцать. Ветер на улице утих, солнце светило вовсю. Когда, вода по лицу бритвой, он мимоходом взглянул на себя в зеркало, то ужаснулся: оттуда на него смотрел незнакомый человек с бледным осунувшимся лицом, воспаленными глазами, под которыми залегли глубокие тени.

Пришла по-прежнему настороженная Эльмира, подозрительно на него поглядела, как тогда ночью, и снова задала тот же вопрос: не случилось ли у него чего-нибудь серьезного.

— Да что ты в конце-то концов привязалась ко мне? — грубо оборвал ее расспросы Сираджин. — Что привязалась? — терялся он под ее взглядом.

— Всю ночь я сегодня не сомкнула глаз, — тихо на его грубость ответила она. — Когда же наконец, я тебя спрашиваю, когда ты перестанешь пить?!

В ее голосе было столько отчаяния, что Сираджин поежился.

— Сын растет, постеснялся бы хоть его немного, если я для тебя пустое место!

На глаза Эльмиры навернулись слезы, но она, отвернувшись, решительно смахнула их с лица. «Ишь ты, учить меня вздумала! Да кто ты такая, недоучка несчастная, чтоб учить!»— пронеслось в его больной голове, вслух же он не решился сказать ничего. И чтобы избежать дальнейших расспросов жены, стремглав выбежал во двор. Из родительского дома не доносилось ни звука. Не видно было ни отца, ни матери. Сираждин пошел к гаражу. Осторожно подталкивая, вывел машину на площадку.

Сираждин снова, как накануне, принялся при дневном свете тщательно осматривать свою машину. Подошел к правому крылу, нагнулся и... замер в оцепенении: правое крыло, прямо под буфером, было сильно помято. Наверное, мотоцикл ударился о край буфера и удар был настолько сильным, что крыло сплющилось. Как он, идиот, вчера не увидел этого? Видно, темнота всему виной! Он дрожащей рукой провел ладонью по вмятине, и тут же отлетела краска, оголив «заплату». Скорее, скорее что-то предпринять!

Он все еще стоял, не в силах оторвать руки от вмятины, как вдруг увидел, что на нее упала тень. Сердце Сираждина на мгновение перестало биться. Оглянувшись, он увидел, что рядом стоял сын.

— Что случилось, папа?— как взрослый, спросил он отца.

— Немедленно убирайся!— голос отца перешел на визг.— Ну, что вы все ко мне привязались с расспросами?..

Он нагнулся и снова принялся внимательно разглядывать вмятину. «Надо срочно везти в Кибрай!— сверлило между тем в голове.— Только в Кибрае сделают так, что не останется и следа! Ах, вчера это надо было делать, вчера!...» Там, в Кибрае, был у него знакомый человек, виртуоз своего дела, который всегда ремонтировал машину Сираждина. «Как можно скорее в Кибрай!»— эта мысль завладела теперь им всецело.

Он все еще сидел на корточках перед машиной, как снова его накрыла чья-то тень — мальчик, не послушав отца, опять вертелся рядом: слишком заманчивой была для него машина, за нее он готов сносить что угодно, лишь бы получить разрешение покрутить руль.

— Да убирайся ты наконец вон, негодный мальчиш-

ка?!—разгневанный Сираждин выпрямился и занес было руку над сыном. Но неожиданно замер, попятившись в страхе к машине: перед ним вырос Шерзад. Тот самый Шерзад, которого он вчера навсегда пригвоздил к земле. Шерзад, не имевший права расхаживать здесь. Но он живой и здоровый стоял перед Сираждином и глядел на него ненавидящими глазами. Словно от страшного призрака, стал медленно вдоль машины пятиться назад Сираждин. Однако ему что-то мешало двигаться, он не смог сделать и одного шага, а когда посмотрел под ноги, увидел сына, крепко схватившегося за его брюки...

Странно, но и Шерзад теперь тоже смотрел на мальчика. Сделав шаг, а этого было достаточно, чтобы оказаться лицом к лицу с Сираждином, он прошептал:

— Подлец, у него ведь трое детей!...

Не сразу дошел до него смысл сказанного, когда он понял, какую роковую ошибку совершил, что теперь, видимо, все кончено для него в жизни. И все тело его содрогнулось от беззвучных рыданий.

Сын в испуге все еще не отпускал ноги отца, словно предчувствуя, что лишается его. Веселые искорки, всего несколько минут назад горевшие в его глазах, потухли.

Шерзад в двух шагах от Сираждина глядел на него с ненавистью, и во взгляде этом не было ни жалости, ни сострадания.

42

Минувшую ночь он провел в больнице у постели Абдувахида, еле уговорив перед этим мать друга поехать домой и хоть немного отдохнуть.

Абдувахид лежал на кровати возле окна. И оттого, что лицо было закрыто бинтами, казалось маленьким, почти детским. Глаза закрывали бледные веки, губы распухли.

К полуночи больница погрузилась в тишину, Шерзад сидел возле кровати и ни на минуту не отрывал взгляда от лица лежащего. Иногда Абдувахид начинал стонать, дрожали распухшие губы, и тогда Шерзад мысленно представлял себе, какие страдания перенес недавно его друг. Глаза Шерзада устали от напряжения, и в конце концов его всё-таки сморил сон.

Он не знал, сколько проспал. Только вдруг ему показалось, что кто-то будто толкнул его, и он очнулся от состояния дремоты. Абдувахид лежал с откры-

тыми глазами и глядел на Шерзада, шепча что-то невнятное. Распухшие губы едва шевелились. «Пить просит?»— гадал Шерзад, склонившись над подушкой. Но в то же мгновение лицо его осветилось улыбкой — он услышал, как Абдувахид прошептал:

— Эх ты, дервиш!..

В маленьких острых зрачках Абдувахида вспыхнул озорной огонек. И тут же сердце Шерзада, переполненное радостным волнением, учащенно забилося. Он от души рассмеялся:

— Сам ты дервиш! Слышишь меня? Сам! Сам!

Абдувахид кивнул в ответ. Видно, говорить ему было еще очень трудно. Но глаза его блестели, и Шерзад, не в силах сдержать радости, подошел к окну и приоткрыл форточку. В палату ворвался утренний воздух. Небо занималось багрянцем, пропадали на небе звезды. И только вдали, словно капля алмаза, сияла утренняя звезда.

Шерзад обернулся и увидел, что и Абдувахид тоже смотрит в окно. На лице его, еще очень бледном, теперь не лежала печаль страдания. Когда в следующее мгновение Шерзад поглядел на друга, тот уже прикрыл глаза и дышал не очень глубоко, но ровно. «Спит!»— с нежностью подумал он, стараясь не сделать ни одного лишнего движения, чтобы не потревожить сон друга. Выйдя в коридор, тихо по ступенькам лестницы спустился в сад. Будто не было усталости этих последних трудных дней, такую легкость ощущал он в душе своей. Полной грудью вдохнув прозрачный утренний воздух, Шерзад пошел мимо тополей.

На востоке, дрогнув золотыми ресницами, приоткрыло свои глаза солнце, и в небе раскинулся лучистый веер. Раскинулся и озарил мир. Тени же, напуганные приходом светлого солнечного дня, попрятались, стали растворяться и в конце концов исчезли вовсе...

Шерзад, наблюдавший эту картину, ощутил в душе своей радостный порыв. Он знал, что не сможет не написать об этом. Знал, что новые страницы родятся в сомнениях и муках. И все равно рука его уже ощущала перо, прохладность чистого листа бумаги. И события последних месяцев нахлынули на него с новой силой.

Уткур Хашимов

СВЕТ НЕ БЕЗ ТЕНИ

Роман

Перевод с узбекского

Переиздание

Редактор А. Липкина

Художник серии В. Немировский

Художник Л. Винярская

Художественный редактор А. Пономарев

Технический редактор Е. Потапова

Корректор Л. Лебедева

ИБ № 2244

Сдано в набор 14.09.82. Подписано в печать 7.04.83. Формат 84×108 1/32 Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура Высокая печать. Усл. печ. л. 19,5+1,0 вкл. Усл. кр.-отт 23,35. Уч.-изд. л. 18,55+1,51 вкл. Тираж 90000. Заказ № 1514
Цена. 1р 50к
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
700129, Ташкент, ул. Навои, 30

Набрано фотонабором и отпечатано на Головном предприятии, тираж изготовлен способом бесшвейного скрепления в типографии № 3 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ташкент ул. Навои, 30